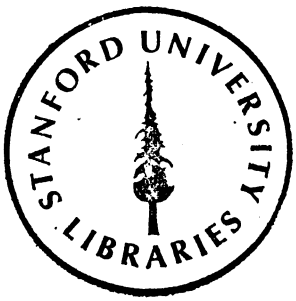
УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ
ДЛЯ
ВУЗОВ

И. РУБИН

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Digitized by Google



Digitized by Google

3 -517-

Digitized by Google

Digitized by Google

БНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ВУЗОВ

Rubin, Isaak Il'ich

И. И. РУБИН

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

МЕРКАНТИЛИСТЫ. ФИЗИОКРАТЫ. СМИТ. РИКАРДО. РАЗЛОЖЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Научно - политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебника для ВУЗ'ов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Digitized by Google

HB75
R7

Главлит № 62227. Гиз № 16173. Тираж 4.0

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга предназначается для читателей, уже знако-
ых с общим курсом политической экономии и желающих полу-
ить представление об эволюции основных экономических идей,
ачиная со времени зарождения их у меркантилистов и кончая
ерединою XIX столетия, т.-е. эпохою, когда Марксом заклады-
ались основы нового экономического учения, сменившего собою
лассическую теорию. Наша книга может служить и системати-
еским курсом по истории экономической мысли и историческим
ведением в более углубленное изучение Марксовой экономической
истемы, давшей грандиозный синтез теоретических идей и зна-
ий, накопленных предшественниками Маркса.

Мы не ставили себе целью включить в книгу всех выдающихся
кономистов XVII—XIX столетий. Имена многих из них нами
аже не упомянуты. Погоня за полнотою материала неизбежно
ревратила бы книгу в сухой и сжатый учебник, перегруженный
актическим материалом и утомительный для читателя. Чтобы
о возможности избежать этого, мы предпочитаем ограничиться
ыбором наиболее крупных и ярких представителей различных
ечений экономической мысли и каждому из них уделяем более
одробное внимание, чем это принято обычно в курсах, пред-
азначенных для широкого круга читателей. Мы надеемся, что
акое ограничение числа тем и более детальный раз-
ор каждой отдельной темы скорее способны пробудить в чита-
еле живой интерес к нашей науке. Излишне добавлять, что,
есмотря на ограничение числа тем, мы старались сохранить за
нигою характер систематического курса, охватывающего все важ-
ейшие течения экономической мысли XVII—XIX столетий.

Особая трудность изложения истории экономической мысли
ключается в необходимости дать читателю представление одно-
ременно и об исторических условиях возникновения и раз-

Digitized by Google

вития различных экономических учений и об их теоретическом смысле, т.-е. внутренней логической связи идей. Мы старались уделить, по возможности, достаточно места и историческому и теоретическому изложению. Каждому отделу книги, за исключением последнего, нами предпосланы общие исторические очерки, рисующие те экономические условия и социально-классовые взаимоотношения, которые находили свое отражение в учениях экономистов. Не говоря уже о первом отделе, где исторический материал преобладает, даже в других отделах, где мы отвели ему более скромное место, мы старались повсюду, где возможно, осветить социально-классовые корни экономических доктрин. С другой стороны, вполне понятно, что в отделах, посвященных Смиту и Рикардо, мы выдвинули на первое место теоретический анализ и главнейшею своею задачею считали дать читателю руководящую нить для ориентирования в сложном и запутанном лабиринте теоретических идей этих экономистов.

Плодотворное изучение истории экономической мысли невозможно без знакомства с сочинениями разбираемых экономистов, в особенности таких корифеев мысли, как Смит и Рикардо. Читателей, которые не могут познакомиться с сочинениями самих экономистов в более или менее полном виде, мы отсылаем к изданной нами хрестоматии «Классики политической экономии» (Госиздат, 1926 г.), где отрывки из сочинений экономистов расположены в порядке, приблизительно параллельном изложению настоящего курса.

Автор.

Digitized by Google

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

МЕРКАНТИЛИЗМ И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЭПОХА ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

Эпоха торгового капитала, или раннего капитализма, охватывает XVI и XVII столетия. В это время произошли крупные перемены в хозяйственной жизни Западной Европы, широко развилась заокеанская торговля, и торговый капитал получил преобладающее значение.

Хозяйство позднего средневековья (XII—XV веков) может быть названо городским или районным. Каждый город вместе с прилегающею к нему сельскою местностью составлял один хозяйственный район, в пределах которого совершался обмен между городом и деревнею. Крестьяне бóльшую часть продуктов производили для собственного потребления, другую часть отдавали в виде оброка своим помещикам-феодалам, и только небольшие излишки отвозили в базарные дни для продажи в ближайший город. На вырученные деньги они покупали у городских ремесленников промышленные изделия (ткани, металлические изделия и т. п.). Помещик получал от своих крепостных крестьян, живших на принадлежащей ему земле, установленный обычаями оброк и, сверх того, получал продукты с своей собственной барской запашки, обрабатывавшейся принудительным трудом тех же крестьян (барщина). Бóльшую часть полученных продуктов помещик потреблял сам, вместе со своими многочисленными дворовыми слугами и дружинниками. Излишки он продавал в ближайшем городе, чтобы на вырученные деньги купить там же изделия местных ремесленников и предметы роскоши, привозившиеся купцами из отдаленных стран, главным образом с Востока. Сельское поместное хозяйство отличалось, таким образом, преобладающим натуральным характером и слабым развитием денежного обмена.

Если сельское хозяйство было организовано в виде феодального поместья, то городская промышленность была органи-

Digitized by Google

зована в виде цехового ремесла. Производство велось мелкими ремесленниками-мастерами. Каждый мастер имел необходимые для ремесла несложные орудия и инструменты и сам работал в своей мастерской при помощи нескольких подмастерьев и учеников. Он изготовлял продукты либо по специальному заказу отдельных потребителей, либо в запас для продажи местным жителям и съезжавшимся на базар окрестным крестьянам. При ограниченности местного рынка ремесленнику заранее были известны возможные размеры спроса на его продукт, а отсталый и застойный характер ремесленной техники давал ему возможность ограничить размеры производства в точном соответствии с потребностями рынка. Ремесленники каждой профессии были объединены в отдельный союз или цех, который при помощи строгих правил регулировал производство и принимал меры к устранению конкуренции как между отдельными мастерами данного цеха, так и со стороны лиц, не принадлежащих к цеху. Монопольное право производства и продажи продукта в данном районе принадлежало только членам цеха, которые подчинялись строгим цеховым правилам: ни один мастер не имел права произвольно расширять свое производство и держать больше положенного числа подмастерьев и учеников; он обязан был изготовлять продукты определенного качества и продавать их по заранее таксированным ценам. Устранение конкуренции давало ремесленникам возможность сбывать свои изделия по высоким ценам и обеспечивало им, несмотря на ограниченные размеры сбыта, безбедное существование.

Уже в позднее средневековье появились признаки разложения описанного районного (городского) хозяйства. Но более широкие размеры процесс ломки прежнего районного хозяйства и перехода к более широкому национальному хозяйству принял только в эпоху торгового капитала (XVI и XVII века). Районное хозяйство было основано на сочетании феодального поместья в деревне с цеховым ремеслом в городе. Поэтому процесс его разложения заключался в разложении, с одной стороны, сельского поместного хозяйства и, с другой стороны, городского цехового ремесла. Разложение того и другого происходило под влиянием одних и тех же основных причин: быстрого развития денежного хозяйства, расширения рынков сбыта и усиления торгового капитала.

Уже в позднее средневековье, после крестовых походов, расширилась торговля западно-европейских стран с Восто-

Digitized by Google

ком (левантийская торговля). Оттуда европейские страны получали, во-первых, сырые произведения тропических стран (пряности, красильные вещества, благовония) и, во-вторых, промышленные изделия высоко-развитого восточного ремесла (шелковые и бумажные ткани, бархат, ковры и т. п.). Все эти предметы роскоши, привозившиеся в Европу из отдаленных стран, были очень дороги и покупались преимущественно феодальною аристократией. Торговля с Востоком велась главным образом через Средиземное море итальянскими торговыми городами (Венеция, Генуя), которые отправляли многочисленные суда в Константинополь, Малую Азию и Египет и там закупали восточные товары, бóльшею частью доставлявшиеся туда из Индии. Из Италии эти товары развозились в другие европейские страны отчасти самими же итальянцами на их торговых флотилиях, отчасти сухопутным путем на север, через южно-германские города (Нюрнберг, Аугсбург и др.) и северо-германские города, объединенные в ганзейский союз и захватившие торговлю на Балтийском и Северном морях.

Завоевания турок в XV веке отрезали итальянцев от непосредственных сношений с восточными странами. Но интересы зарождавшегося торгового капитала требовали продолжения столь выгодной торговли с Востоком. Европейцы начали усиленно искать прямой путь в Индию через океан, и поиски их увенчались блестящими успехами. В 1498 году португалец Васко де Гама обогнул южный берег Африки и нашел прямой путь в Индию. В 1492 году Колумб во главе испанской экспедиции, в поисках прямого пути в Индию, случайно открыл Америку. Отныне прежняя левантийская торговля с Востоком через Средиземное море сменилась океанскою торговлею, которая пошла по двум направлениям: на восток в Индию и на запад в Америку. Гегемония в международной торговле перешла от итальянских и ганзейских городов к странам, расположенным у Атлантического океана (сперва к Испании и Португалии, после этого к Голландии и, наконец, к Англии).

Колониальная торговля приносила европейским купцам огромные прибыли и содействовала накоплению в их руках больших денежных капиталов. Купцы закупали колониальные товары за бесценок, а в Европе продавали их с огромною надбавкою к цене. Колониальная торговля носила монопольный характер. Каждое государство старалось монополизировать торговлю с колониями в своих руках, запрещая приезжать туда иностранным судам и иностранным купцам. Так, например, все

Digitized by Google

богатства американских колоний должны были вывозиться только в Испанию, и только испанские купцы имели право снабжать эти колонии европейскими товарами. Так же поступали в Индии португальцы, а впоследствии голландцы, вытеснившие их оттуда. Для торговли с Индией голландцы основали в 1602 году Ост-Индскую компанию, т.-е. особое акционерное общество, которое получило монопольное право торговли с Индией. Такие же «компании», т.-е. акционерные общества, пользующиеся монопольным правом торговли с теми или иными колониями, были основаны во Франции и в Англии. Из них особенно широкую деятельность развила впоследствии английская Ост-Индская Компания, основанная в 1600 году.

Колониальная торговля доставляла в Европу огромное количество благородных металлов (сперва, главным образом, серебра) и увеличила таким образом количество денег, находящихся в обращении. В Америке (в Мексике и Перу) европейцы нашли обильные серебряные рудники, где серебро могло добываться с гораздо меньшим трудом, чем в небогатых и истощенных европейских рудниках. Кроме того, в середине XVI века было введено значительное улучшение в технику добывания серебра (амальгамирование серебра с ртутью). Дешевое американское серебро и золото полилось обильным потоком в Европу. Сперва оно доставлялось в Испанию, владевшую американскими колониями. Но там оно не оставалось. Отсталая феодальная Испания вынуждена была покупать промышленные изделия как для собственного потребления, так и для вывоза в колонии у более развитых торгово-промышленных наций: голландцев, англичан и французов. В результате такого пассивного торгового баланса благородные металлы отливали из Испании и распределялись по всем европейским странам, скопляясь наибольшими массами в странах более развитого торгового и промышленного капитала, — в Голландии и в Англии.

Если колониальная торговля вызвала прилив благородных металлов в Европу, то, обратно, этот прилив металлов, в свою очередь, содействовал росту торгового обмена и денежного хозяйства. За один только XVI век запас благородных металлов в Европе возрос в 3 — 3½ раза. Такое огромное увеличение количества благородных металлов, стоимость которых упала вследствие бо́льшей легкости их добывания, неизбежно должно было вызвать рост цен на все продукты. И действительно, Европа в XVI веке пережила «революцию цен», сильное вздорожание

Digitized by Google

всех продуктов, в среднем в два-три раза, иногда даже больше. Так, например, в Англии цена пшеницы, которая несколько столетий держалась на уровне 5 — 6 шиллингов за квартер, поднялась в 1574 г. до 22 шилл., а к концу того же века до 40 шилл. Заработная плата рабочих также поднялась, но сильно отставала от роста цен на продукты: там, где продукты вздорожали в два раза, т.-е. на 100%, заработная плата повышалась только на 30 — 40%. К концу XVII века реальная заработная плата по сравнению с началом XVI века упала приблизительно в два раза. Быстрое обогащение торговой буржуазии в XVI и XVII веках сопровождалось сильным понижением уровня жизни низших классов населения, крестьян, ремесленников и рабочих. Обеднение крестьян и ремесленников являлось неизбежным следствием разложения поместного строя в деревне и цехового ремесла в городе.

Рост денежного хозяйства усилил потребность помещиков в деньгах и, с другой стороны, открыл им возможность широкого сбыта на рынок сельскохозяйственных продуктов. В наиболее развитых торговых странах (Англии, Италии) помещики начали переводить натуральные повинности своих крестьян на денежный оброк [1]). Крепостные крестьяне, повинности которых были раньше точно определены старинными обычаями, постепенно превращались в свободных арендаторов, снимавших землю в аренду по соглашению с помещиком. Они получали личную свободу, но платежи в пользу помещика становились более тяжелыми. Нередко помещик предпочитал сдавать землю не мелким крестьянам, а более крупным состоятельным фермерам, которые имели средства для улучшения хозяйства. В Англии землевладельцы в конце XV и начале XVI века нередко сгоняли с своей земли мелких арендаторов-крестьян или «огораживали» общинные земли, на которых крестьяне раньше могли пасти свой скот, чтобы на освободившейся земле заняться более выгодным для них овцеводством. Цены на шерсть шли в гору под влиянием усиленного спроса со стороны суконной промышленности (фламандской и английской), и разведение овец было более выгодным занятием, чем обработка земли. «Овцы пожрали людей», сказал известный Томас Мор в начале XVI века. Другой современник писал: «Джентльмены не считают за престу-

[1]) В отсталых странах Европы (Германии, России) рост денежного обмена приводил к противоположному явлению: помещики переводили крестьян на барщину и расширяли свою барскую запашку, чтобы получить возможно большее количество хлеба для продажи.

Digitized by Google

пление изгонять бедных людей из их владений. Напротив, утверждая, что земля принадлежит им, выбрасывают бедных из-под крова, как каких-нибудь гадин. В Англии в настоящее время тысячи людей, которые раньше были честными домохозяевами, просят милостыню, шатаясь от одной двери к другой».

Одновременно с разложением поместного строя в деревне, рост торгового капитала приводил к упадку цехового ремесла в городе. Мелкий ремесленник мог сохранять свою самостоятельность лишь до тех пор, пока он изготовлял продукты на местный рынок, пока обмен происходил между городом и его ближайшими окрестностями. Но одновременно с ростом международной торговли происходило также развитие международной торговли, т.-е. торговли между разными районами и городами данной страны. Некоторые города специализировались на выделке отдельных продуктов (напр., тканей, оружия и т. п.) и, производя их в большом количестве, не могли уже ограничиваться сбытом их в ближайшие окрестности, а должны были искать более далекие рынки сбыта. Особенно относится это к суконной промышленности, которая еще к концу средневековья достигла расцвета в итальянских и фламандских городах, а позже в Англии. Мастер-ткач уже не мог сбывать свое сукно на местном рынке непосредственно потребителю. Он продавал его купцу-посреднику, который отвозил большие партии сукна в те местности, где был на него спрос. Между ремесленником и потребителем занял место скупщик, который постепенно подчинил себе первого. Вначале скупщик от случая к случаю закупал у ремесленника отдельные партии товара, потом он скупал у него всю его продукцию; с течением времени он начинал давать ремесленнику денежные авансы и, в конце концов, закупал за свой собственный счет сырье (напр., шерсть, пряжу и т. п.) и раздавал его для обработки отдельным ремесленникам (прядильщикам, ткачам и т. п.), уплачивая им вознаграждение за их труд. С этого момента самостоятельный ремесленник превращался в зависимого кустаря, а купец — в скупщика-раздатчика. Торговый капиталист из сферы торговли проникал, таким образом, в сферу производственного процесса, организуя его и распоряжаясь трудом многочисленных работающих на дому кустарей. Господство самостоятельного цехового ремесла, характерное для городского хозяйства позднего средневековья, сменилось в XVI и XVII веках быстрым ростом кустарной промышленности (так называемой домашней системы капи-

Digitized by Google

талистической промышленности). Особенно быстро развивалась последняя в отраслях производства, работавших на отдаленные рынки и для экспорта в др. страны, напр., в суконной промышленности.

Обезземеленные крестьяне и разорившиеся ремесленники пополняли собою ряды многочисленных в то время бродяг и нищих. Государственная власть принимала против бродяжничества жестокие меры: работоспособные бродяги наказывались плетьми, на груди их раскаленным железом выжигались клейма, упорные бродяги подлежали смертной казни. Одновременно издавались законы об ограничении заработной платы рабочих определенными максимальными ставками. Жестокими мерами против бродяжничества и законами о максимуме заработной платы правительства стремились превратить деклассированные социальные элементы в дисциплинированный, послушный наемный пролетариат, за нищенское вознаграждение отдающий свой труд подрастающему молодому капитализму.

Таким образом, в эпоху торгового капитала (XVI — XVII века), с одной стороны, происходило накопление больших капиталов в руках торговой буржуазии, а, с другой стороны, начался процесс отделения непосредственных производителей (ремесленников и отчасти крестьян) от средств производства, т.-е. процесс образования класса наемных рабочих. Торговая буржуазия, господствуя в области внешней торговли, проникала отсюда и в отрасли промышленности, работающие на вывоз. В этих отраслях промышленности труд кустарей был подчинен купцу-экспортеру и скупщику-раздатчику. В области внешней торговли и подчиненной ей кустарной промышленности капитализм праздновал свои первые победы.

Описанный процесс перехода от феодального хозяйства к капиталистическому совершался при деятельном содействии государственной власти. Параллельно с усилением торгового капитала усиливалась и центральная государственная власть. Интересы торговой буржуазии страдали от устарелых феодальных порядков: во-первых, от раздробления страны на отдельные феодальные владения, торговые сношения между которыми были затруднены (нападениями феодалов и их дружинников, взиманием пошлин и т. п.), и, во-вторых, от привилегий отдельных городов, не допускавших к себе иногородних купцов. Только сильная королевская власть могла сломить привилегии феодальных владельцев и отдельных городов. Сильная государственная власть была нужна буржуазии также для охраны ее международной

Digitized by Google

торговли, для завоевания колоний и для борьбы за торговую гегемонию на мировом рынке. Молодая буржуазия выступала поэтому защитницею сильной королевской власти в ее борьбе с феодалами. Переход от замкнутого городского (районного) хозяйства к национальному требовал также перехода от слабой феодальной монархии к централизованной государственной власти, опирающейся на собственную бюрократию, армию и флот. Эпоха торгового капитала была поэтому и эпохою абсолютной монархии.

Но если молодая буржуазия поддерживала королевскую власть, то, обратно, последняя принимала меры к насаждению и развитию молодого капиталистического хозяйства. Королевской власти союз с буржуазией был нужен из соображений финансово-экономических и политических. Во-первых, содержание бюрократии и армии требовало огромных расходов; только богатая буржуазия могла доставлять государству нужные для этого средства в виде налогов, торговых (таможенных) пошлин, государственных займов (принудительных и добровольных), сдачи государственных доходов на откуп. Во-вторых, поддержка «третьего сословия» (буржуазии) была нужна королевской власти в ее борьбе с феодалами. Так сложился в эпоху торгового капитала тесный союз государственной власти с торговою буржуазией, нашедший свое выражение в меркантилистической политике.

Основною чертою меркантилистической политики является активное содействие силами государственной власти насаждению и развитию в данной стране молодой капиталистической торговли и промышленности и усиленная охрана ее от иностранной конкуренции мерами протекционизма. Меркантилистическая политика служила интересам обеих соединившихся социальных сил, государственной власти и торговой буржуазии, и, в зависимости от преобладания первой или последней, на первый план выступала то фискальная, то экономическая сторона меркантилизма. В первое время меркантилизм должен был служить прежде всего фискальным целям обогащения государственной казны и увеличения государственных доходов посредством повышения налогоспособности населения и привлечения в страну благородных металлов (ранний меркантелизм, или система денежного баланса). По мере усиления буржуазии, меркантилизм все более превращался в средство усиленного развития капиталистической торговли и промышленности и охраны ее мерами протекционизма (развитой меркантелизм, или система торгового баланса).

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И МЕРКАНТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АНГЛИИ XVI — XVII В. В.

В эпоху раннего капитализма меркантилистическая политика проводилась почти во всех европейских государствах. Наиболее ясно развитие ее можно проследить на примере Англии.

Англия выступила на путь колониальной политики и промышленного развития позже некоторых других европейских стран, напр., Италии и Голландии. Еще к началу XVI столетия Англия была преимущественно земледельческою страною, с мало развитою торговлею. Предметом вывоза из Англии служило сырье, напр., кожи, металлы, рыба и особенно шерсть, которая закупалась высоко развитою фламандскою суконною промышленностью. Промышленные изделия Англия получала из-за границы, напр., окрашенные фламандские материи, медные изделия. Ввозная и вывозная торговля находилась, главным образом, в руках иностранных купцов, ганзейцев и итальянцев. Ганзейские купцы имели большую факторию в Лондоне и на своих судах привозили и отвозили товары. При таких условиях английское судоходство не могло, конечно, развиться. Английские купцы редко выезжали на континент, главным образом, для продажи шерсти во фламандские города, сперва в Брюгге, а с XVI века в Антверпен, где они имели свою факторию.

При описанных условиях (зависимость внешней торговли от иностранного купечества и преобладание в вывозе сырья, отсутствие богатого туземного купеческого класса и бедность страны денежными капиталами) английское правительство до конца XVI века смотрело на внешнюю торговлю с более богатыми нациями прежде всего с фискальной точки зрения. Не только ввоз, но и вывоз, особенно шерсти, облагался пошлиною. Правительство строго контролировало каждую отдельную сделку между английским купцом и иностранным, во-первых, для взимания

Digitized by Google

в казну соответствующей пошлины и, во-вторых, в целях недопущения вывоза денег из страны. Постоянно нуждавшееся в деньгах и вынужденное для пополнения государственной казны прибегать к порче монеты и к заграничным займам (в Голландии), правительство сильно опасалось отлива благородных металлов из страны, и без того бедной денежными капиталами. Вывоз золота и серебра из страны был строго воспрещен. Иностранный купец, продавший в Англии привезенные им товары, обязан был, на основании «законов об истрачении», истратить все вырученные им деньги тут же в Англии на покупку других товаров. Как только иностранный купец приезжал в Англию, он отдавался под контроль особого «хозяина» из местных почтенных жителей. «Хозяин» строго следил за всеми торговыми сделками приезжего «гостя» и записывал их в особую книгу. «Гость» обязывался в течение восьми месяцев продать все свои запасы и вырученные деньги затратить на покупку английских товаров. За попытку укрыться от контроля «хозяина» иностранного купца сажали в тюрьму. Со второй половины XV столетия контроль «хозяев» был заменен контролем со стороны особых государственных сыщиков и надсмотрщиков.

Но мало было запретить вывоз благородных металлов из Англии. Следовало еще позаботиться о привлечении их в страну из-за границы. С этою целью закон обязывал английских купцов, вывозивших свои товары за границу, привозить определенную часть своей выручки обратно в Англию в наличных деньгах. А для того, чтобы иметь контроль за сделками английских купцов за границей, правительство разрешало им вывоз товаров только в некоторые города на континенте (так называемые «складочные места»). Так, напр., в начале XIV века вывоз шерсти из Англии разрешался только в города Брюгге, Антверпен, Сент-Омер и Лилль. В эти «складочные места» английским правительством назначались особые должностные лица, которые контролировали каждую сделку английских купцов с иностранными и следили, во-первых, за правильным взносом пошлин в казну и, во-вторых, за тем, чтобы часть выручки от продажи английских товаров состояла из металла или иностранной монеты, предназначенных для ввоза в Англию.

Ранняя меркантилистическая политика носила, таким образом, преимущественно фискальный характер. Она стремилась, в первую очередь, к обогащению казны, непосредственно путем взимания пошлин с ввоза и вывоза, косвенно — путем уве-

Digitized by Google

личения количества благородных металлов в стране, опять-таки в целях возможного повышения в будущем государственных доходов. Законы «об истрачении» запрещали иностранцам вывоз наличных денег из Англии, устройство «складочных мест» должно было содействовать ввозу денег в страну из-за границы. Для выполнения этих законов требовалась строгая, стеснительная регламентация деятельности иностранных и английских купцов и мелочный контроль государства за каждою отдельною сделкою между ними как в самой Англии, так и за ее пределами. Эта ранняя меркантилистическая политика, направленная на улучшение денежного баланса страны путем запрещения вывоза из страны золота и серебра и привлечения их в страну из-за границы, может быть названа «системою денежного баланса».

С дальнейшим развитием торговли и промышленности, эта политика становилась стеснительною для торгового оборота. Описанная система контроля могла сохраняться лишь до тех пор, пока сделки по внешней торговле — сравнительно немногочисленные и за наличный расчет — совершались большею частью в самой Англии приезжими иностранными купцами. Запрещение вывоза товаров в иные пункты, кроме «складочных мест», не наносило английским купцам большого ущерба лишь до тех пор, пока главную статью вывоза составляла английская шерсть, славившаяся своими превосходными качествами и занимавшая на рынке монопольное положение. Система денежного баланса соответствовала неразвитому состоянию внешней торговли, сосредоточенной в руках иностранных купцов и ограниченной преимущественно вывозом сырья. Дальнейшее развитие английской торговли и промышленности в XVI—XVII веках неизбежно должно было привести, как увидим дальше, к отказу от устарелой политики денежного баланса и к замене ее более развитою меркантилистическою политикою (так называемою системою торгового баланса).

В течение XVI—XVII веков Англия из страны вывоза сырья (шерсти) постепенно превратилась в страну вывоза фабрикатов (сукон). Быстрое развитие английской суконной промышленности началось еще с XIV столетия. Фламандские сельские ткачи, которым на их родине городские цехи запрещали заниматься промыслом, переселялись в Англию. Здесь, в сельских местностях, не подчиненных цеховым правилам, ткачество приняло форму кустарной промышленности. Английская шерсть, вывозившаяся раньше для обработки во Фландрию, начала теперь перерабатываться частью в самой Англии. В XVI веке

Digitized by Google

сократился вывоз из Англии шерсти и сильно возрос вывоз сукна (неотделанного) [1]). Лишенная английской шерсти, фламандская суконная промышленность начала приходить в упадок и с начала XVII века уступила первое место английской. Если раньше главную статью английского вывоза составляла шерсть, то теперь эта роль перешла к сукну.

Вывозом английского сукна за границу занималась особая торговая компания (Merchant Adventurers), развившая большую деятельность в XVI веке. Чтобы открыть английскому сукну новые рынки сбыта, компания эта получила право заключать самостоятельные торговые договоры и вывозить сукно на новые заграничные рынки. Тем самым была сломлена прежняя монополия «складочных мест». С конца XVI века английские купцы уже не сидели со своими товарами у себя дома или в «складочных» городах на континенте, в ожидании приезда иностранных покупателей. Им приходилось продавать уже не только монопольное сырье (шерсть), но и фабрикат (сукно), который на мировом рынке должен был выдержать сильную конкуренцию с иностранными сукнами, особенно фламандскими. Теперь начиналась борьба за преобладание на мировом рынке, за вытеснение иностранных конкурентов. Чтобы добиться успеха в этой борьбе, английские купцы перешли от пассивной торговли к активной, т.-е. начали сами развозить свои товары на иностранные рынки и привозить оттуда продукты, в частности колониальные. Они посылали теперь собственные суда в Средиземное море за восточными продуктами, основывали свои фактории в Венеции и Гамбурге. Монопольное положение итальянских и ганзейских купцов в Англии было сломлено. В 1598 году английское правительство закрыло факторию ганзейских купцов в Лондоне и выселило их из Англии.

Выход английского купечества на иностранные рынки заставил Англию перейти к активной колониальной политике. Богатейшие колонии были к тому времени уже захвачены другими государствами — Испанией и Португалией; позже большие колониальные владения были приобретены Голландией и отчасти Францией. Борьбою с этими государствами за торговое и колониальное преобладание заполнена вся история Англии от XVI по XVIII век. Средствами в этой борьбе служили: осно-

[1]) До середины XVII века английское сукно вывозилось неотделанным; аппретура и крашенье его производились в Голландии и Франции.

Digitized by Google

вание собственных колоний, торговые договоры и войны. Англичане снаряжали собственные экспедиции в Индию и учреждали там фактории, положившие начало их господству в Индии; с конца XVI века они основали ряд колоний в Северной Америке, из которых впоследствии выросли Северо-Американские Соединенные Штаты. К колониям, уже захваченным другими государствами, Англия пробивала себе доступ отчасти путем незаконной контрабандной торговли, отчасти при помощи торговых договоров. На основании торговых договоров, англичане получили право посылать свои суда в португальские колонии в Индии и ввозить свое сукно в Португалию. С наиболее опасными своими соперниками Англия вела многочисленные и кровопролитные войны. В конце XVI века она вышла победительницею из войны с Испанией: испанский флот (Непобедимая Армада) был разгромлен в 1588 году. В XVII веке главнейшим соперником Англии являлась Голландия со своим сильнейшим торговым флотом в мире и цветущею торговлею и промышленностью. XVII век заполнен борьбою Англии с Голландией, а XVIII век — с Францией. В период с 1653 по 1797 год Англия провела 66 лет в морских войнах. Из этой борьбы Англия вышла сильнейшею торговою, морскою и колониальною державою.

Таким образом, начиная с половины XVI века в народном хозяйстве Англии произошли глубокие перемены. От преобладающего вывоза сырья (шерсти) Англия начала переходить к вывозу фабрикатов (сукна). Внешняя торговля приобрела огромное значение в народном хозяйстве. Народилась в самой Англии богатая торговая буржуазия, отчасти проникавшая и в сферу промышленности (скупщики). Расцвет внешней торговли сопровождался ростом судоходства и промышленности, переходившей от цехового ремесла к кустарной форме производства. Промышленный капитал играл, однако, еще подчиненную роль по сравнению с торговым: он не перерос еще примитивной формы скупщического капитала и проникал преимущественно только в отрасли производства, работавшие на вывоз и тесно связанные с экспортною торговлею. Усиление буржуазии (monied interest) за счет землевладельцев (landed interest) неизбежно должно было отразиться и на политике государственной власти. Буржуазия все в большей мере стремилась воздействовать на государственную власть и использовать ее для ускорения перехода от феодального хозяйства к капиталистическому. Эти стремления буржуазии нашли себе яркое выражение в двух английских революциях

Digitized by Google

XVII века. С другой стороны, и сама государственная власть была заинтересована в быстром развитии торговли и промышленности в целях усиления мощи государства и обогащения казны. От прежней устарелой системы ограничительных мероприятий, преимущественно фискального характера (система денежного баланса), государственная власть постепенно перешла к широкой системе мероприятий, активно содействующих росту капиталистической торговли, судоходства и вывозной промышленности Англии, в целях упрочения ее позиции на мировом рынке и вытеснения иностранных конкурентов.

Политика развитого меркантилизма заключалась прежде всего в протекционизме, т.-е. в усиленном поощрении туземной промышленности при помощи мер таможенной политики. Система протекционизма должна была ускорить превращение Англии из страны земледельческой в торгово-промышленную. Таможенному обложению начали ставиться не только фискальные, но и экономические задачи. Если раньше правительство в фискальных целях облагало безразлично все вывозимые продукты, то теперь оно начало проводить резкое различие между сырьем и фабрикатами. Чтобы удешевить сырье, необходимое английской промышленности, правительство повышало вывозные пошлины на него или даже запрещало его вывоз. В годы возрастания хлебных цен не допускался вывоз из страны хлеба и других продуктов земледелия. Но зато, с другой стороны, правительство всячески поощряло вывоз английских фабрикатов, освобождая их от пошлин или даже выдавая премии за вывоз. Такое же различие, только в противоположном направлении, делалось в области ввоза. Ввоз сырья, напр., шерсти, хлопка, льна, красильных веществ, кож, — поощрялся или освобождением от пошлин, или даже премиями. Наоборот, ввоз иностранных фабрикатов запрещался или облагался высокими пошлинами. Такая таможенная политика означала усиленное покровительство туземной промышленности, к ущербу для земледелия, добывающего сырье. В Англии, где капитализм рано начал проникать и в сельское хозяйство, и где часть землевладельцев шла в союзе с буржуазией, правительство старалось принимать меры и к поднятию земледелия. Во Франции же с ее феодальным землевладением меркантилистическая политика часто (особенно при Кольбере) служила в руках королевской власти средством привлечения торгово-промышленной буржуазии на свою сторону в борьбе против феодальных землевладельцев.

Digitized by Google

Огражденный от иностранной конкуренции, английский торговый и промышленный капитал получил в свое монопольное обладание не только внутренний рынок, но и колонии. Знаменитый «Навигационный акт», изданный Кромвелем в 1651 году, запрещал вывоз колониальных продуктов из британских колоний куда бы то ни было, кроме Англии; вместе с тем товары в эти колонии могли доставляться только английскими купцами и на английских или колониальных судах. Тем же актом было постановлено, что никакие товары не могут быть ввозимы в Англию иначе, как на английских судах или на судах той страны, где эти товары произведены. Последнее постановление было направлено против голландцев, которые своими судами обслуживали бо́льшую часть мирового транспорта того времени и добились положения «фрахтовщиков Европы». Навигационный акт нанес сильнейший удар голландскому судоходству и ускорил рост английского торгового флота.

Меркантилистическая политика позднейшей эпохи, направленная на рост внешней торговли связанного с нею судоходства и отраслей промышленности, работающих на вывоз, соответствовала более высокому развитию торгового капитала, чем политика раннего меркантилизма. Если ранний меркантилизм ограничивал вывоз немногими «складочными местами», то меркантилизм позднейший стремился к экспансии, к возможному расширению внешней торговли, к захвату колоний и господству на мировом рынке. Если первый вводил стеснительный контроль за каждою отдельною торговою сделкою, то последний ограничивался регламентацией сильно выросшей торговли и промышленности в более широком, национальном масштабе. Если первый заботился о непосредственном регулировании движения благородных металлов из страны за границу и обратно, то последний надеялся достигнуть той же цели посредством регулирования товарного обмена между данною страною и другими. Позднейшие меркантилисты также не отказывались от желания привлечь в страну возможно больше благородных металлов. К этому стремилось, прежде всего, правительство в целях улучшения государственных финансов. Торговый класс видел в увеличении количества благородных металлов необходимое условие оживления торгового оборота. Наконец, и землевладельцы надеялись, что следствием обилия денег в стране будет рост цен на земледельческие продукты и понижение ссудного процента. Так питалась и поддерживалась раз-

Digitized by Google

личными классовыми интересами вера меркантилистов в необходимость привлечения денег в страну. Но позднейшие меркантилисты понимали, что движение денег из данной страны в другие и обратно является результатом товарного обмена между этими странами, что наличные деньги притекают в данную страну при условии превышения ее товарного вывоза над ввозом. Поэтому лучшим средством для достижения благоприятного денежного баланса они признавали активный торговый баланс, обеспечиваемый форсированным вывозом товаров и сокращением их ввоза. Улучшению торгового баланса и должна была служить вся система протекционизма, ограничивавшая ввоз иностранных продуктов в страну и облегчавшая туземной промышленности конкуренцию на мировом рынке (посредством колониальной политики, доставки дешевого сырья и дешевых рабочих рук и т. п.). В отличие от «системы денежного баланса» раннего меркантилизма, позднейшая меркантилистическая политика может быть названа «системою торгового баланса».

Хотя переход от раннего меркантилизма к системе торгового баланса свидетельствовал о росте торгового и промышленного капитала, последний, однако, еще не окреп настолько, чтобы отказаться от опеки государственной власти и обходиться без ее помощи. Меркантилистическая политика сопровождалась всесторонней регламентацией правительством хозяйственной жизни страны. Правительство целым рядом мероприятий вмешивалось в торговлю и промышленность, чтобы придать им то или иное желательное направление (ввозные и вывозные пошлины, запрещения ввоза и вывоза, премии, торговые договоры, навигационные акты и т. п.). Оно вводило таксы на рабочие руки и предметы продовольствия, запрещало потребление предметов роскоши. Оно предоставляло отдельным лицам и торговым компаниям монопольное право торговли или промышленного производства. Оно давало промышленникам субсидии и льготы и выписывало для них опытных мастеров из-за границы. Эта политика всесторонней регламентации хозяйственной жизни, которая впоследствии, в конце XVIII века, вызвала против себя сильнейшую реакцию со стороны выросшей и окрепшей промышленной буржуазии, в эпоху раннего капитализма соответствовала интересам торговой буржуазии и находила полнейшую поддержку со стороны ее идеологов, меркантилистов.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕРКАНТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Эпоха раннего капитализма была и эпохою зарождения современной экономической науки.

Размышления о различных экономических вопросах встречаются, правда, уже у древних и средневековых мыслителей. Но экономические размышления древних философов (Платона, Аристотеля) являлись отражением античного рабского хозяйства, а средневековых схоластиков—отражением феодального хозяйства. И те и другие считали хозяйственным идеалом самодовлеющее потребительское хозяйство, с натуральным обменом излишков между отдельными хозяйствами. Профессиональная торговля с целью извлечения прибыли казалась им занятием «противоестественным» (Аристотель) или «греховным» (средневековые схоластики). Знаменитый церковный писатель XIII века Фома Аквинский цитировал слова Златоуста о греховности торговли: «Кто покупает вещь с целью перепродать ее ради барыша, без всякой переработки, есть торговец, подобный тем, которые некогда были изгнаны Спасителем из храма». Тем с большею ненавистью относились древние и средневековые мыслители к ростовщическому капиталу, под влиянием которого разложение натурального хозяйства принимает еще более быстрый темп. Во вторую половину средневековья был издан целый ряд церковных постановлений о полном запрещении взимания процентов по ссудам, с угрозою отлучения ростовщиков от церкви.

С развитием раннего капитализма, средневековые воззрения на хозяйственную деятельность оказались устаревшими. Раньше идеалом считалось самодовлеющее натуральное хозяйство; теперь страстная жажда денег охватила и молодую буржуазию и королевскую власть. Раньше профессиональная торговля считалась греховною; теперь во внешней торговле видели

Digitized by Google

главный источник национального богатства и всеми мерами старались ее расширить. Раньше запрещалось взимание процентов; теперь в интересах развития торговли и денежного хозяйства эти запрещения обходились и отменялись.

Провозвестниками новых экономических воззрений, соответствующих интересам зарождающегося капитализма и торговой буржуазии, явились меркантилисты. Под этим названием объединяют целый ряд писателей XVI—XVIII столетий, которые жили в разных странах Европы и писали на экономические темы. Число изданных ими сочинений очень велико; многие из них имели только злободневный интерес и в настоящее время забыты. Нельзя сказать, чтобы все меркантилисты исповедывали «меркантилистическую теорию», во-первых, потому, что не во всех вопросах они были между собою согласны, и, во-вторых, потому, что никакой единой «теории», охватывающей все экономические явления, мы в их сочинениях не находим. Меркантилистическая литература носила более практический, чем теоретический характер. Она преимущественно посвящена была обсуждению отдельных злободневных вопросов, которые всплывали в ходе развития раннего капитализма и настойчиво требовали своего практического разрешения. Огораживания общинных земель и вывоз шерсти, привилегии иностранных купцов и монополии торговых компаний, запрещения вывоза благородных металлов и ограничения уровня процента, соотношение английской валюты с иностранными и колебания вексельных курсов,—все эти вопросы, представлявшие насущный практический интерес для английской торговой буржуазии того времени, служили преобладающею темою английской меркантилистической литературы, наиболее развитой в Европе.

Не только темы меркантилистических сочинений, но и выводы их носили преимущественно практический характер. Меркантилисты не были кабинетными учеными, далекими от жизни и обсуждавшими отвлеченные теоретические вопросы. Многие из них сами принимали деятельное участие в практической жизни в качестве купцов, членов правлений торговых компаний (напр., Ост-Индской) или чиновников по торговой и таможенной части. К интересующим их вопросам они подходили не как теоретики, имеющие целью открыть законы экономических явлений, а как практики, стремящиеся воздействовать на хозяйственную жизнь при помощи мероприятий государственной власти. Сочинения меркантилистов часто имели

Digitized by Google

характер злободневных, боевых памфлетов, защищавших или отвергавших те или иные мероприятия государственной власти с точки зрения интересов торговой буржуазии. Но для того, чтобы обосновать то или иное практическое мероприятие, необходимо было доказать пользу его для народного хозяйства и, следовательно, проследить причинную связь между различными хозяйственными явлениями. Таким образом возникали, постепенно и робко, в качестве вспомогательного орудия для решения вопросов экономической политики, первые незрелые зачатки теоретического исследования явлений капиталистического хозяйства, зачатки современной науки политической экономии.

Выше мы отметили, что меркантилистическая политика являлась выражением союза между королевскою властью и развивавшеюся торговою буржуазией. В зависимости от того, которой из этих двух социальных сил принадлежало преобладание в образованном ими временном союзе, меркантилизм приобретал более бюрократический или более буржуазно-капиталистический характер. В отсталых странах со слабою буржуазией (Германия) в меркантилизме сильнее выступала бюрократическая сторона; в передовых странах, особенно в Англии,—капиталистическая сторона. В соответствии с этим меркантилистическая литература в Германии носила преимущественно бюрократическо-чиновничий характер, а в Англии—коммерческо-купеческий. По меткому выражению одного экономиста, в Германии меркантилистические сочинения больше писались чиновниками для чиновников, в Англии—купцами для купцов. В отсталой Германии с ее живучими цеховыми порядками пышно расцвела «камералистика», литература, посвященная больше всего вопросам финансового управления и административного регулирования хозяйственной жизни. В Англии же из обсуждения вопросов экономической политики выросли зародыши теоретического мышления, впоследствии воспринятые и развитые дальше классическою школою. Ниже мы всюду имеем в виду более передовой и характерный тип меркантилистической литературы, коммерческо-купеческий, с наибольшею яркостью представленный в Англии [1]) и оказавший наиболее сильное влияние на дальнейшую эволюцию экономической мысли.

«Купеческий» характер меркантилистической литературы

[1]) Кроме сочинений английских меркантилистов, значительный интерес представляет итальянская меркантилистическая литература XVI—XVIII веков, особенно в вопросах денежного обращения.

Digitized by Google

проявлялся в последовательной защите интересов растущего торгового капитала, которые она отождествляла с интересами государства в целом. Меркантилисты усиленно подчеркивали, что рост торговли приносит пользу всем слоям населения. «Когда торговля процветает, королевский доход увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается, и бедный люд находит работу. С упадком же торговли все это падает». В этой формуле Миссельден (первая треть XVII века) хотел сказать, что интересы торговой буржуазии совпадают с интересами других социальных сил того времени: королевской власти, землевладельцев и рабочего класса. Отношение меркантилистической литературы к этим различным социальным группам ярко обнаруживает тесную связь ее с классовыми интересами торговой буржуазии.

Меркантилисты выступали сторонниками тесного союза между торговою буржуазией и королевскою властью. Предметом их забот являлось увеличение «богатства короля и государства», рост «торговли, судоходства, запаса благородных металлов и королевских налогов»; они утверждали, что благоприятный для страны торговый баланс дает и королевской казне возможность усиленного накопления денежных фондов. Но вместе с тем они настойчиво повторяли, что королевская власть сможет добиться увеличения своих доходов только при условии роста внешней торговли, т.-е. роста доходов буржуазии. «Король, который хочет накопить большой фонд, должен прежде всего поддерживать всеми силами внешнюю торговлю, так как единственно таким путем он не только достигнет своей цели, но и обогатит, к собственной же выгоде, своих подданных» (Томас Мэн, в первой трети XVII века). Государственная казна не должна накоплять денежные фонды в большем размере, чем это соответствует размеру внешней торговли и доходов страны. В противном случае «все наличные деньги в государстве потекут в королевскую казну, тогда как земледелие и промыслы погибнут ко вреду для общества в целом и отдельных его членов». Хозяйственный крах лишит короля возможности продолжать свое выгодное занятие «стрижки шерсти подданных». Королевская власть поэтому сама заинтересована в активном содействии росту торговли всеми мерами, хотя бы и за счет временного ущерба для интересов фиска, например, путем понижения пошлин. «Не следует облагать слишком высокими пошлинами товары туземного производства, дабы удорожание их не сократило их сбыта за границею» (Мэн).

Digitized by Google

Если королевскую власть торговая буржуазия в лице меркантилистов хотела сделать своим активным союзником, то по отношению к землевладельческому классу она не могла питать таких надежд. Меркантилисты знали, что мероприятия их часто вызывают недовольство землевладельцев, но они старались смягчить это недовольство указанием на то, что рост торговли вызывает вздорожание земледельческих продуктов, а тем самым повышение ренты и цен на землю. «Если купец находит для своего сукна и прочих товаров хороший сбыт в заокеанских странах, он немедленно возвращается домой, чтобы закупить еще большие запасы товаров; благодаря этому повышается цена нашей шерсти и других товаров, и в результате увеличиваются арендные доходы землевладельцев. И так как большие суммы денег ввозятся в страну, то многие лица в состоянии купить себе землю, благодаря чему растет цена на землю» (Мэн). Такими аргументами пытались представители молодой буржуазии заинтересовать в успехах торговли и класс землевладельцев, не закрывая, однако, глаз на противоречие интересов обоих этих классов. Меркантилисты заранее предупреждали землевладельцев, что интересы торговли и вывозной промышленности должны быть поставлены выше интересов земледелия. «Так как от промыслов живет большее число людей, чем от земледелия, то мы должны поддерживать преимущественно интересы широкой массы населения, составляющей основу могущества и богатства короля и государства: ибо где большая часть населения живет от цветущих промыслов, там и торговля обширна и народ богат» (Мэн). В позднейшей меркантилистической литературе мы найдем резкую полемику между представителями денежной буржуазии и землевладельческого класса по вопросу об уровне ссудного процента [1]).

Зато в другом вопросе интересы обоих эти классов в то время еще совпадали и не обнаруживали расхождения, а именно в вопросе об эксплоатации рабочего класса. Толпы обезземеленных крестьян и разорившихся ремесленников, деклассированных бродяг и бездомных нищих—эти продукты разложения поместного хозяйства и цехового ремесла—представляли желательный объект для эксплоатации как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Законодательное ограничение размера заработной платы встречало в общем и целом решительное

[1]) См. ниже, главу 6-ю.

Digitized by Google

одобрение и землевладельцев и буржуазии. Меркантилисты не переставали жаловаться на «лень» рабочих, на их недисциплинированность и непривычку к регулярному промышленному труду. Если хлеб дешев, рабочий работает только два дня в неделю, чтобы обеспечить себе необходимое пропитание, а остальное время проводит в праздности и пьянстве. Чтобы побудить его к постоянному, непрерывному труду, необходим, кроме мер государственного принуждения, жестокий бич нужды и голода в виде высоких цен на хлеб. Если с начала XIX века английская буржуазия вела борьбу с землевладельцами в целях удешевления хлеба (а тем самым и рабочей силы), то в XVII веке многие английские меркантилисты, в полном согласии с представителями землевладельцев, выступали сторонниками высоких хлебных цен как средства принуждения рабочих к труду. Они даже выставили парадоксальное положение, что при дорогом хлебе труд дешев (благодаря усиленному предложению его со стороны рабочих), и наоборот.

Петти во второй половине XVII века писал: «Замечено у суконщиков и других предпринимателей, нанимающих большое количество бедняков, что при большом изобилии хлеба труд пропорционально дорожает, и что вообще его еле-еле можно достать—так своевольны они, работающие лишь для того, чтобы есть или, вернее, чтобы пьянствовать». Отсюда следует, что «закон, устанавливающий заработную плату, должен предоставить рабочему ровно столько, сколько необходимо для жизни; ибо, если вы предоставите ему вдвое, то он будет вырабатывать половину того, что он мог бы выработать и выработал бы в противном случае, а это означало бы для общества потерю соответствующего количества труда». «Мы считаем справедливым ограничить заработную плату бедняков так, чтобы они не могли запасти что-нибудь на время их нетрудоспособности и нужды в работе». Нетрудоспособные должны, по мнению Петти, получать поддержку из общественных средств, а безработных следует употреблять для работ на рудниках, при постройке дорог и зданий и т. д. При этом рекомендуется «приучать тех, которым дают работу, к дисциплине, а их физические силы—к терпеливому исполнению возможно более выгодных видов труда на тот случай, когда они понадобятся для таких работ». Отстаивая интересы молодого капитализма и заботясь о завоевании иностранных рынков для английских купцов-экспортеров, меркантилисты, естественно, заботились о подготовке достаточных кадров дисциплинированных

Digitized by Google

и дешевых рабочих рук. У меркантилистов встречается в зародышевом виде «железный закон заработной платы», который, однако,—в согласии с общим характером их учений,—выступает у них еще не в форме теоретического закона, а в форме практического предписания. Заработок рабочего не должен превышать необходимого минимума средств существования,—таково мнение меркантилистов.

Коммерческо-купеческий характер английской меркантилистической литературы, столь ярко обнаруживающийся в отношении ее к различным социальным классам, наложил свою печать и на круг тех проблем и решений, которые мы в ней находим. Часто высказывался взгляд, что учение меркантилистов сводилось к признанию благородных металлов единственным видом богатства. Адам Смит резко критиковал «абсурдное представление меркантилистов, что богатство состоит в деньгах». Однако, такая характеристика воззрений меркантилистов глубоко несправедлива. В увеличении количества благородных металлов меркантилисты усматривали не источник, а лишь один из признаков роста национального богатства. Только у ранних меркантилистов мы встречаем еще наивное ограничение кругозора сферою денежного обращения. Позднейшие же меркантилисты в учении о «торговом балансе» вскрыли связь между движением благородных металлов и общим ростом торговли и промышленности. Их анализ связи между различными хозяйственными явлениями был еще в достаточной мере поверхностным, но он был, во всяком случае, свободен от наивных представлений раннего меркантилизма и открывал путь для дальнейшего движения науки. К характеристике содержания и эволюции воззрений меркантилистов мы должны теперь перейти.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ МЕРКАНТИЛИСТЫ.

Внимание ранних английских меркантилистов XVI и начала XVII столетия привлекали явления денежного обращения. В сфере последнего в то время происходили крупные перемены, больно задевавшие интересы широких слоев населения и особенно торгового класса. Во-первых, в связи с приливом в Европу американского серебра и золота происходила «революция цен», неуклонное вздорожание товаров, вызывавшее всеобщее недовольство и жалобы на недостаток денег. Во-вторых, в торговле между сравнительно отсталою Англией и более развитою Голландией вексельный курс часто складывался неблагоприятно для Англии, т.-е. голландская денежная единица приравнивалась к бо́льшему количеству английских денежных единиц (шиллингов). Становилось поэтому выгодным вывозить полновесные английские золотые и серебряные монеты в Голландию для перечеканки. Наблюдался вывоз наличных денег из Англии, и широко распространялось убеждение, что именно в этом вывозе денег из страны заключается главный источник всеобщих жалоб на недостаток денег.

Ранним меркантилистам еще не была известна связь между сферою денежного обращения и сферою товарного обращения: они еще не понимали, что ухудшение вексельного курса для Англии и порождаемый этим вывоз наличной монеты из страны могут являться неизбежным результатом неблагоприятного для Англии торгового баланса. Подходя к обсуждению злободневного явления, как практики, не склонные к исследованию его отдаленных причин, они чаще всего искали причину отлива денег в сфере самого денежного обращения, а именно в порче монеты. В начале XVI века порча монеты королями, распространенная в то время в разных европейских государствах, приняла широкие размеры и в Англии. Королями выпускались новые монеты одинако-

Digitized by Google

вого номинального достоинства с прежними, но содержавшие меньшее количество металла. Так как новые, более легковесные монеты по закону приравнивались к прежним полноценным, то выгодно было вывозить последние за границу для перечеканки или обмена на иностранную монету. Этот факт вытеснения из внутреннего обращения лучших монет худшими и оттока первых за границу был отмечен еще в середине XVI века одним из ранних меркантилистов, Томасом Грэшамом (так называемый теперь «закон Грэшама»). В порче английской монеты склонны были ранние меркантилисты видеть причину обесценения английской валюты по сравнению с голландскою (т.-е. причину ухудшения вексельного курса) и вывоза благородных металлов из страны.

Порча монеты, ухудшение вексельного курса и утечка денег за границу, — эти печальные явления денежного обращения больше всего привлекали к себе внимание ранних меркантилистов. Чтобы избавиться от этих зол, меркантилисты рекомендовали ряд мер принудительно-государственного характера, относящихся непосредственно к сфере денежного обращения. Они требовали от правительства выпуска полновесной монеты, рекомендовали принудительное регулирование вексельного курса (т.-е. запрещение частным лицам платить за иностранную монету больше положенного числа английских шиллингов). Но еще громче и настойчивее они требовали запрещения вывоза денег из Англии и принятия строжайших мер против утечки благородных металлов за границу. Эти советы меркантилистов не достигали цели. Выпускать полновесную монету правительство не имело ни возможности, ни охоты. Остальные же рекомендовавшиеся меркантилистами меры являлись лишь попыткою закрепить и оживить традиционную и уже устаревшую правительственную практику. Правительство и раньше строжайшим образом запрещало вывоз денег из Англии. Оно и раньше пыталось принудительно регулировать вексельный курс через посредство «королевских менял», которые производили размен иностранной валюты на английскую по официально фиксированному курсу. Но эти попытки были бессильны остановить действие стихийных законов товарного и денежного обращения, законов, остававшихся еще вне поля зрения ранних меркантилистов.

Ярким памятником меркантилистических воззрений ранней эпохи является сочинение, вышедшее в 1581 году под инициалами W. S., под названием «Краткое изложение некоторых жалоб наших

Digitized by Google

соотечественников». Одно время автором этого сочинения считали знаменитого писателя Вильяма Шекспира, но более распространенное мнение приписывало авторство Вильяму Стаффорду. Новейшие ученые доказали, что упомянутое сочинение, напечатанное в 1581 г., было написано еще в 1549 г. Джоном Гельсом. В дальнейшем мы будем называть его сочинением Гельса (Стаффорда).

Сочинение написано в виде диалога между представителями разных классов населения: рыцарем (землевладельцем), фермером (земледельцем), купцом, ремесленником и богословом. Последний, видимо, выражает взгляды самого автора и старается примирить интересы всех классов населения. Все спорящие жалуются на дороговизну, при чем каждый из них взваливает вину за нее на представителей другого класса. По словам рыцаря, купцы настолько подняли цены всех товаров, что землевладельцам не остается ничего другого, как совершенно бросить свое хозяйство или перейти от земледелия к более выгодному овцеводству. Фермер-земледелец жалуется на огораживания земель под пастбища и повышение арендной платы землевладельцами. Купец и ремесленник жалуются на повышение заработной платы рабочих и на упадок торговли.

Богослов, желая примирить интересы всех спорящих, выдвигает на первый план общие причины обеднения всего государства. Эти причины заключаются в вывозе наличных денег из страны, который в свою очередь является следствием порчи и ухудшения английской монеты. Старая, полноценная английская монета быстро уходит за границу: «всякая вещь уходит туда, где она наиболее ценится; понятно поэтому, что и наши сокровища ушли от нас прочь». Кроме того, это же ухудшение монеты вызвало огромное вздорожание импортных (ввозимых из-за границы) товаров, цена которых поднялась на целую треть. Иностранные купцы утверждают, что они продают свои товары не с бо́льшим барышом, чем раньше, но вынуждены поднять их цены по причине ухудшения английской монеты. Ведь «монета ценится не по имени, а по содержанию и количеству». С другой стороны, цены товаров, покупаемых иностранцами в Англии, поднялись в меньшей степени. Мы дешево продаем свои собственные продукты, преимущественно сырье, а иностранцы, переработав его в промышленные изделия, продают нам последние по дорогой цене. Так, из английской шерсти иностранцы делают материи, шляпы, платки и т. д., из английских кож — перчатки и пояса,

Digitized by Google

из английского олова — ложки и блюда, и все эти изделия ввозят опять в Англию. «Долго ли мы будем оставаться такими глупцами, чтобы видеть и терпеть этот постоянный грабеж нашего добра и наших сокровищ?» «Иностранцы заставляют нас платить, в конце концов, за наш собственный материал; на нас же падают все иностранные таможенные пошлины, издержки обрабатывания товара и, наконец, пошлина при его обратном ввозе в Англию. Между тем, если бы те же предметы были сработаны в королевстве, наши соотечественники получили бы лишний заработок вместо иностранцев, пошлины были бы платимы иностранцами, и чистая прибыль осталась бы в королевстве».

Итак, внешняя торговля, заключающаяся в вывозе сырья и привозе дорогих иностранных изделий, становится *насосом для выкачивания денег* из страны. Это относится, главным образом, к импортной (ввозной) торговле. Следует различать три класса промышленников и торговцев: некоторые из них удаляют деньги из страны (а именно: торговцы ввозными товарами, напр., колониальными, виноторговцы, модистки и т. д.); ко второму классу принадлежат промышленники, которые полученные в стране деньги в ней же и тратят (портные, мясники, булочники); наконец, к третьему классу принадлежат лица, перерабатывающие шерсть в материи и обрабатывающие кожи. Этот третий разряд промышленников, работающих на вывоз и привлекающих деньги в страну, заслуживает всяческого покровительства и поощрения государственной власти. Необходимо поощрять переработку английского сырья в самой же Англии. Для этого рекомендуется запретить или затруднить вывоз необработанного сырья из Англии и запретить ввоз иностранных промышленных изделий. Нам выгоднее покупать собственные изделия, хотя бы и по более дорогой цене, чем иностранные.

Необходимость таможенного покровительства для насаждения туземной промышленности иллюстрируется Гельсом (Стаффордом) на следующем примере: «Однажды я спросил книготорговца, почему белая и серая писчая бумага не делается у нас так же, как за морем? На это я получил следующий ответ: несколько времени назад один человек начал выделывать бумагу, но скоро закрыл фабрику, ибо увидел, что не может ее делать теперь так же дешево, как за границею. Но я уверен,—прибавил книгопродавец,—что, если бы ввоз иностранной бумаги был запрещен или даже обложен более высокою пошлиною, то скоро у нас начали бы делать бумагу дешевле иностранной».

Digitized by Google

Гельс (Стаффорд) является типичным представителем раннего меркантилизма, соответствовавшего отсталым хозяйственным условиям Англии XVI века. Со страниц его книги на нас глядит сравнительно отсталая страна с преобладающим вывозом сырья и ввозом промышленных изделий, страдающая от засилия иностранного купечества. Внимание автора направлено прежде всего на явления денежного обращения. В порче монеты и вывозе денег он видит причину всех зол. Англия, по его мнению, беднеет прежде всего потому, что иностранцы увозят из нее деньги, другие страны от прилива денег богатеют. Чтобы прекратить вывоз денег, являющийся результатом невыгодного для Англии вексельного курса, необходимо, во-первых, сделать монету полноценною в целях придания устойчивости вексельному курсу и, во-вторых, сократить ввоз иностранных промышленных изделий. Гельс (Стаффорд), таким образом, рекомендует, на-ряду с улучшением монеты, добиваться также улучшения торгового баланса: «Мы должны всегда стараться покупать у иностранцев не больше, чем сколько мы им продаем; в противном случае, мы сделаем себя бедными, а их богатыми». Но, в отличие от позднейших меркантилистов, которые вскрыли закономерную зависимость изменений вексельного курса данной страны от активного или пассивного характера ее торгового баланса, Гельс (Стаффорд), в согласии с идеями «системы денежного баланса», склонен скорее понимать связь между обоими этими явлениями в обратном виде: по его мнению, порча монеты вызывает ухудшение вексельного курса для Англии, а последнее влечет за собою огромное вздорожание привозных иностранных товаров, усугубляющее пассивный характер торгового баланса для Англии. Улучшения торгового баланса Гельс (Стаффорд), в отличие от позднейших меркантилистов, ожидает не столько от увеличения английского вывоза (он даже требует сокращения вывоза, поскольку в нем преобладало сырье), сколько от сокращения ввоза иностранных изделий. Такое представление соответствовало неразвитой форме английского капитализма, переходному периоду, когда английская буржуазия уже требовала сокращения вывоза сырья, но еще не могла надеяться на широкий вывоз своих промышленных изделий за границу. В этот период протекционизм носил еще оборонительный, а не наступательный характер: Гельс (Стаффорд) еще не мечтал о завоевании иностранных рынков для английских изделий, его главным идеалом является насаждение ту-

Digitized by Google

земной промышленности для переработки английского сырья и вытеснения иностранных изделий с внутреннего рынка.

Идеи раннего меркантилизма встречаются и у некоторых писателей начала XVII века: Миссельдена, Малейнса и Миллльса. Не понимая зависимости вексельного курса от торгового баланса, они надеются улучшить первый непосредственно мерами государственного принуждения. Миссельден советует государственной власти фиксировать вексельный курс при помощи договоров с другими государствами. Малейнс, в целях улучшения вексельного курса и прекращения вывоза денег, советует восстановить все строгие ограничительные правила эпохи раннего меркантилизма, например, восстановить должность «королевских менял», принудительно устанавливавших курс иностранных монет (т.-е. вексельный курс), запретить купцам вносить иностранцам платежи золотом и т. д. Миллльс идет еще дальше и даже возражает против отмены старинной монополии «складочных мест». Миссельден признает устарелость подобных ограничений, но и он безусловно возражает против всякого вывоза денег за границу. В этом пункте все ранние меркантилисты сходились между собою, и в этом же пункте проявилось с наибольшею силою различие между ними и позднейшими меркантилистами.

Digitized by Google

Digitized by Google

й стороны, вывоз Компанией денег вызывал ожесточенные на-дки на нее со стороны ревнителей старых ограничительных авил. «Ост-индская торговля погубит большую часть промыш-нности, если этому не помешать», — такое мнение высказывалось е в конце XVII века, а в начале этого века составляло почти еобщее убеждение. Сторонники ост-индской торговли, в поисках гументов против абсолютного запрещения вывоза денег, должны или подвергнуть критике устарелые воззрения ранних меркан-листов. В противовес прежней системе «денежного ба-анса», они развили новую теорию «торгового баланса». аиболее яркое выражение эти новые взгляды получили в сочине-ии члена правления Ост-Индской Компании Томаса Мэна (ро-ился в 1571 г., умер в 1641 г.). Это сочинение Мэна «Богатство нглии через внешнюю торговлю» (написано в 1630-х годах, но апечатано только после смерти автора, в 1664 г.), ставшее, по ражению Энгельса, «евангелием меркантилистов», является аиболее типичным произведением меркантилистической литера-уры.

Мэн не решается оспаривать старые взгляды о пользе для траны привлечения благородных металлов или, как он выра-ается, умножения ее «сокровищ». Но он доказывает, что умно-жение «сокровищ» в стране не может быть достигнуто никакими ринудительными государственными мерами, на-травленными на непосредственное регулирование денежного бращения (запрещение вывоза денег, фиксация вексельного курса, изменение металлического содержания монет и т. п.). При-лив или отлив благородных металлов зависит исключительно от активного или пассивного характера торгового баланса. «Сред-ством для увеличения нашего богатства и нашего запаса благо-родных металлов является внешняя торговля, в которой мы должны всегда держаться такого правила, чтобы ежегодно про-давать иностранцам своих товаров на бóльшую сумму, чем мы потребляем их товаров. Предположим, что наша страна обильно снабжена сукном, оловом, свинцом, рыбою и другими туземными товарами, и что мы ежегодно вывозим излишек этих товаров в чужие страны на сумму 2.200.000 фунтов стерлингов. Бла-годаря этому мы получаем возможность покупать за морем и ввозить для нашего потребления иностранных товаров на сумму, скажем, в 2.000.000 фунт. стерл. Если мы будем придерживаться такого правила в нашей торговле, мы можем быть уверены, что наше королевство будет обогащаться ежегодно на 200.000 фунт.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

МЕРКАНТИЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В ПОРУ ЕГО РАСЦВЕТА.

(Томас Мэн.)

С дальнейшим развитием английской торговли и промышленности, стеснительные ограничения ранней меркантилистической эпохи, как мы уже видели выше [1]), неизбежно оказались устаревшими и частью были отменены, частью, продолжая формально существовать, на практике теряли свое прежнее значение. С тех пор как английские купцы начали деятельно искать новые иностранные рынки для сбыта своих товаров, была отменена система «складочных мест». С другой стороны, после вытеснения ганзейцев и итальянцев английские купцы завязали непосредственные сношения с Востоком, где закупали колониальные продукты. Для закупки этих товаров необходим был вывоз из Англии наличных денег. Прежние законы об абсолютном запрещении вывоза денег, хотя формально оставались в силе до 1663 года, на практике уже допускали изъятия. Особенно относится это к английской Ост-Индской Компании, которая развила обширнейшую торговлю с Индией. Оттуда она привозила пряности, индиго, мануфактурные и шелковые товары, которые частью оставались в самой Англии, частью же перепродавались с большой прибылью в другие европейские страны. Эта в высшей степени выгодная транзитная торговля, в которой Англия играла роль перепродавца иностранных продуктов, требовала вывоза из Англии значительных сумм наличных денег. Общая сумма ввоза из Индии в Англию превышала сумму вывоза из последней в первую, и, следовательно, разницу приходилось покрывать вывозом из Англии в Индию наличных денег. Ост-Индская Компания не могла бы продолжать свою торговлю без вывоза из Англии денег. С дру-

---

[1]) См. выше, главу 2-ю.

Digitized by Google

гой стороны, вывоз Компанией денег вызывал ожесточенные нападки на нее со стороны ревнителей старых ограничительных правил. «Ост-индская торговля погубит большую часть промышленности, если этому не помешать», — такое мнение высказывалось еще в конце XVII века, а в начале этого века составляло почти всеобщее убеждение. Сторонники ост-индской торговли, в поисках аргументов против абсолютного запрещения вывоза денег, должны были подвергнуть критике устарелые воззрения ранних меркантилистов. В противовес прежней системе «денежного баланса», они развили новую теорию «торгового баланса». Наиболее яркое выражение эти новые взгляды получили в сочинении члена правления Ост-Индской Компании Томаса Мэна (родился в 1571 г., умер в 1641 г.). Это сочинение Мэна «Богатство Англии через внешнюю торговлю» (написано в 1630-х годах, но напечатано только после смерти автора, в 1664 г.), ставшее, по выражению Энгельса, «евангелием меркантилистов», является наиболее типичным произведением меркантилистической литературы.

Мэн не решается оспаривать старые взгляды о пользе для страны привлечения благородных металлов или, как он выражается, умножения ее «сокровищ». Но он доказывает, что умножение «сокровищ» в стране не может быть достигнуто никакими принудительными государственными мерами, направленными на непосредственное регулирование денежного обращения (запрещение вывоза денег, фиксация вексельного курса, изменение металлического содержания монет и т. п.). Прилив или отлив благородных металлов зависит исключительно от активного или пассивного характера торгового баланса. «Средством для увеличения нашего богатства и нашего запаса благородных металлов является внешняя торговля, в которой мы должны всегда держаться такого правила, чтобы ежегодно продавать иностранцам своих товаров на бóльшую сумму, чем мы потребляем их товаров. Предположим, что наша страна обильно снабжена сукном, оловом, свинцом, рыбою и другими туземными товарами, и что мы ежегодно вывозим излишек этих товаров в чужие страны на сумму 2.200.000 фунтов стерлингов. Благодаря этому мы получаем возможность покупать за морем и ввозить для нашего потребления иностранных товаров на сумму, скажем, в 2.000.000 фунт. стерл. Если мы будем придерживаться такого правила в нашей торговле, мы можем быть уверены, что наше королевство будет обогащаться ежегодно на 200.000 фунт.

Digitized by Google

стерл., которые непременно вернутся в нашу страну в виде благородных металлов».

Итак, прилив денег в страну является результатом активного торгового баланса. Отсюда следует, что привлечение денег в страну может быть достигнуто не стеснительными правилами раннего меркантилизма, а широкою системою экономической политики, направленной на улучшение торгового баланса путем роста вывозной торговли, судоходства и промышленности, работающей на вывоз. Очевидно, что улучшение торгового баланса может быть достигнуто либо сокращением товарного ввоза, либо расширением вывоза. И здесь мы опять замечаем характерное различие между Мэном и его предшественниками. Если ранние меркантилисты требовали запрещения вывоза денег и сокращения ввоза иностранных товаров, то Мэн главные свои надежды возлагает на расширение вывоза товаров из Англии. Это различие точек зрения явилось отражением постепенного перехода Англии от ввоза иностранных изделий к вывозу собственных. Мэн выступает представителем возмужавшего торгового капитала, ищущего новых рынков и стремящегося к расширению вывоза. Если Гельс (Стаффорд) хочет оградить внутренний английский рынок от наплыва иностранных изделий, то Мэн думает уже о завоевании иностранных рынков для Англии. Правда, Мэн не прочь также сократить и ввоз иностранных товаров, но он возражает против прежних запретительных мер, направленных к этой цели, а именно против прямого запрещения ввоза иностранных товаров. Такая мера вызовет подобные же запрещения со стороны других стран, что нанесет ущерб английскому вывозу. А между тем именно расширение вывоза является главной целью Мэна.

Мэн настойчиво требует поощрения и расширения вывозной торговли, судоходства и промышленности, работающей на вывоз. Англия должна извлекать пользу не только из своих «естественных» продуктов, т.-е. излишков своего сырья, но и из «искусственных» продуктов, т.-е. промышленных изделий собственного производства и товаров, ввезенных из других стран (напр., из Индии). Для этого необходимо поощрять: 1) промышленную переработку сырья внутри страны, с целью вывоза готовых изделий, и 2) транзитную торговлю, т.-е. ввоз иностранных продуктов из одних стран (напр., из Индии) для перепродажи их по более дорогой цене в другие страны. «Переработка» сырья и «перепродажа» иностранных товаров, — таковы основные источники обогащения страны, восхваляемые Мэном.

Digitized by Google

«Известно, что мы сами извлекаем меньшую выгоду из нашего собственного сырья, чем из его переработки», так как ценность изготовляемых нами пушек и ружей, гвоздей и плугов во много раз превосходит ценность железа, из которого они сделаны, как и цена сукна выше цены шерсти. Следовательно, «промыслы приносят бо́льшую выгоду, чем обладание сырьем», и потому требуют усиленного поощрения. Необходимо завоевать рынки для вывоза наших промышленных изделий, а это возможно только при удешевлении цены последних. «Мы можем продолжать продавать возможно более дорого до тех пор, пока высокая цена не приводит к сокращению сбыта. Но если дело идет о товарах, которые могут быть доставлены также и другими нациями или сбыт которых может быть сокращен вследствие потребления сходных товаров из других стран, то мы должны в этом случае продавать возможно дешевле, дабы не лишиться сбыта этих товаров». Опыт показывает, что, при удешевлении цены нашего сукна, мы расширили сбыт его в Турцию и вытеснили оттуда венецианцев. С другой стороны, когда несколько лет тому назад, вследствие чрезвычайно высоких цен на шерсть, наше сукно вздорожало, мы временно потеряли половину нашего сбыта за границу. Удешевление цены нашего сукна на 25% может вызвать расширение сбыта более чем на 50%, и, следовательно, ущерб отдельного купца от дешевых цен белее чем уравновешивается пользою для всей страны. Эти рассуждения Мэна о п о л ь з е д е ш е в ы х ц е н показывают, какие значительные перемены произошли в экономических условиях Англии за время с середины XVI до середины XVII века. Ранние меркантилисты жаловались на продажу английского сырья по слишком дешевой цене, и некоторые из них рекомендовали принять меры к повышению цен на вывозимые товары. Ко времени Мэна положение изменилось: теперь, когда вывоз сырья уступил место вывозу промышленных изделий, перед Англией стояла задача возможного расширения вывоза и вытеснения многочисленных конкурентов. Там, где монопольный захват рынка был невозможен, приходилось выбивать иностранных конкурентов при помощи дешевых цен [1]).

[1]) Необходимость удешевления цен для успешной конкуренции на иностранных рынках отстаивалась и меркантилистами конца XVII века. Ч а й л ь д писал: „Если бы мы одни вели торговлю, то мы могли бы, как говорит пословица, приказывать рынку, что нам угодно. Но в тех условиях, в каких мы находимся теперь, когда каждая нация старается захватить возможно большую часть торговли, справедлива другая пословица: кто хочет выиграть слишком много, тот теряет все". Д'Э в е н е н т также

Digitized by Google

Страна должна извлекать выгоду не только от переработки сырья и вывоза собственных промышленных изделий, но и от перепродажи иностранных продуктов. Защите транзитной торговли, в частности ост-индской, от нападок противников Мэн посвящает главное свое внимание. Ввоз иностранных товаров, с последующим вывозом их для перепродажи в другие страны, обогащает все государство и королевскую казну. Особенно выгодна транзитная торговля с более отдаленными странами, напр., с Ост-Индией. Там мы можем закупать колониальные товары по очень низкой цене, напр., перец по 3 пенса за фунт, в то время как цена его на европейских рынках равна 24 пенсам. Правда, купец не зарабатывает всей разницы в 21 пенс, так как далекое плавание требует огромных расходов на перевозку, наем и содержание матросов, страхование, таможенные пошлины, налоги и проч. Но все эти суммы, при перевозке на английских судах, остаются в пределах самой Англии и обогащают ее за счет других стран. «На индийских товарах мы зарабатываем больше, чем те страны, откуда эти товары происходят и естественное богатство которых они составляют». И в данном случае развитая торговля приносит стране бо́льшую выгоду, чем ее «естественные» богатства, не оплодотворенные торговлею и промышленностью.

Ост-индская торговля вызывала, как мы уже знаем, нарекания ввиду необходимости вывоза денег в Индию для оплаты ввозимых оттуда товаров. Мэн поэтому подробно разбирает вопрос о пользе или вреде вывоза денег в Индию. Выше мы предполагали, что общая сумма английского вывоза превышает общую сумму ввоза на 200.000 фунт. стерл., которые притекают в Англию в виде наличных денег. Что делать с этими деньгами? Сторонники запрещения вывоза денег советуют оставить их в самой Англии. Но Мэн решительно возражает против этого: «Если, приобретя некоторое количество денег через торговлю, мы решимся во что бы то ни стало сохранять их в государстве, то заставит ли это другие нации потреблять больше наших товаров, и расширится ли наша торговля? Конечно, такие благоприятные результаты не будут иметь места, и скорее можно ожидать даже противного». Деньги в этом случае будут лежать в стране в ка-

говорил, что только при низкой цене труда и мануфактурных товаров можно выдержать конкуренцию на иностранных рынках. Во всех этих рассуждениях находит свое ярко е выражение точка зрения купца-экспортера.

Digitized by Google

честве мертвого сокровища. Для извлечения из этих денег пользы необходимо пустить их в дальнейший торговый оборот. Если, например, из указанной суммы мы вывезем 100.000 фунт. стерл. в Ост-Индию для закупки товаров и перепродажи в другие страны по более высокой цене (напр., за 300.000 фунт. стерл.), то страна из этой операции извлечет большую прибыль. Правда, мы таким образом увеличиваем наш товарный ввоз, но лишь с тем, чтобы в еще большей степени увеличить в последующем наш вывоз. Противники ост-индской торговли говорят, что в обмен за вывозимые нами деньги мы получаем только товары, а не деньги. Но, если мы сами этих товаров не потребляем, а покупаем для дальнейшей перепродажи, то вся разница между их покупною и продажною ценами непременно должна вернуться к нам «в виде денег или опять в виде пригодных для вывоза товаров», а «кто имеет товары, тот может достать и деньги» путем их продажи с прибылью. Каждая сумма денег, вывозимая нами в Индию, возвращается к нам, увеличенная прибылью. «Волны торговли, уносящие из страны ее денежные запасы, превращаются в широкий поток, приносящий ей все новые денежные суммы». Вывоз денег для нужд транзитной торговли приносит стране огромную прибыль. «Если бы мы стали судить о земледельце только в минуту посева, когда он разбрасывает по земле множество хлебных зерен, то мы могли бы принять его за безумца. Но если мы вспомним в то же время о жатве, составляющей цель его забот, то мы можем по достоинству оценить его труды и вытекающее из них изобилие».

Сочинение Мэна дает нам яркое представление о меркантилистической литературе в пору ее расцвета. Мэн пишет, как практик, стоящий перед практическими вопросами и предлагающий практические решения. В поисках аргументов против старых ограничений, регулирующих непосредственно денежное обращение, Мэн приходит к учению о зависимости движения денег и вексельного курса от характера торгового баланса. Не возражая против важности привлечения денег в страну, он единственным пригодным для этого средством считает улучшение торгового баланса путем роста внешней торговли, судоходства и промышленности, работающей на вывоз. Таким образом идея ранних меркантилистов, что деньги составляют важнейшую составную часть национального богатства, связывается с идеею позднейших меркантилистов, что внешняя торговля составляет важнейший источник национального обога-

Digitized by Google

щения. Меркантилистическая литература вращается, главным образом, вокруг обсуждения этих двух основных тем: 1) о важности денег и средствах привлечения их в страну и 2) о внешней торговле и торговом балансе.

Позднейшие фритредеры, начиная с физиократов и Адама Смита, упрекали меркантилистов в непонимании того, что: 1) не деньги, а продукты составляют истинное национальное богатство, и что: 2) не внешняя торговля, а производство составляет источник действительного обогащения нации. Но эти критики не понимали, что своими, с теоретической точки зрения наивными, формулами меркантилисты пытались разрешить основные проблемы той эпохи и того социального класса, к которому они принадлежали: проблемы превращения натурального хозяйства в денежное и первоначального накопления капиталов в руках торговой буржуазии. Как представители последней, меркантилисты были прежде всего заинтересованы в том, чтобы бо́льшая часть национального хозяйства была вовлечена в сферу денежного обмена. Рост национального богатства интересовал их не как прирост продуктов или потребительных стоимостей, а как прирост продуктов, могущих быть проданными или превращенными в деньги, т.-е. как прирост меновых стоимостей. Меркантилисты, конечно, отлично понимали, что народ питается хлебом и мясом, а не золотом. Но, при слабом развитии денежного хозяйства, когда хлеб и мясо производились еще в значительной мере для собственного потребления и не могли быть в любой момент реализованы на рынке, меркантилисты усматривали меновую стоимость не в самих продуктах, а в деньгах. Так как не все продукты труда являлись меновыми стоимостями, т.-е. товарами, способными к превращению в деньги, то естественно было смешение меновой стоимости с натуральною формою того продукта, который выполняет роль денег, т.-е. золота и серебра. При всей теоретической наивности такого смешения, характерная для раннего меркантилизма усиленная погоня за благородными металлами являлась отражением болезненного процесса перехода от натурального хозяйства к товарно-денежному. Прилив благородных металлов в страну должен был служить орудием для ускорения этого процесса в интересах торговой буржуазии. Так как ареною наиболее широкого развития денежного обмена являлась в то время внешняя торговля (которая вместе с тем для стран, не имевших собственных золотых и серебряных рудников, служила единственным средством привле-

Digitized by Google

чения благородных металлов), то усиленная погоня за благородными металлами связывалась со стремлением к усиленному развитию внешней торговли и к форсированию вывоза (учение о торговом балансе).

Преувеличенная оценка меркантилистами роли внешней торговли объяснялась не только тем, что последняя открывала широкую возможность превращения продуктов в деньги и привлечения последних в страну: внешняя торговля давала также огромные прибыли и содействовала первоначальному накоплению капиталов в руках торгового класса. Торговая буржуазия стремилась не к росту денежного хозяйства вообще, а именно к росту денежно-капиталистического хозяйства. Одновременно с превращением продуктов в деньги должно было происходить накопление последних и превращение их в капитал, т.-е. в деньги, приносящие прибыль. А прибыль в широких размерах доставлялась в то время прежде всего внешнею, в частности колониальною торговлею. Дешевая покупка товаров на одних рынках, часто находившихся в монопольном обладании купечества или торговых компаний данного государства (напр., колонии), и продажа их по высоким ценам на других рынках являлись источником быстрого обогащения и накопления капиталов. Не говоря уже о прямом грабеже колоний и насильственном отнятии продуктов у их жителей, даже «мирная» внешняя торговля той эпохи давала возможность купечеству, занимавшему почти монопольное положение между производителями (напр., жителями колоний или кустарями) и потребителями (напр., землевладельцами или крестьянами), эксплоатировать в свою пользу и тех и других. Купцы обогащались от покупки товара у производителя по цене ниже его стоимости и от продажи его потребителю по цене выше его стоимости. Основной источник торговой прибыли того времени составлял такой обмен не-эквивалентов. Естественно поэтому, что меркантилистам прибыль была известна только в виде чисто торговой прибыли, «прибыли от отчуждения» (profit upon alienation), имеющей своим источником торговую надбавку к цене товара.

Раз прибыль получается благодаря обмену не-эквивалентов, то понятно, что выгодности акта обмена для одного из участников соответствует убыточность его для другого участника. Что́ один выигрывает, то другой проигрывает. Поэтому внутренняя торговля приводит только к перераспределению богатств между отдельными жителями данной страны, не обогащая страны

Digitized by Google

в целом. Средством увеличения национального богатства в целом является только внешняя торговля, в которой одна нация обогащается за счет другой. «Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и нация вообще совсем не обогащается; но все, что потребляется за границею, представляет явную и верную прибыль», в этих словах Д'Эвенент в конце XVII века резюмировал общее убеждение меркантилистов о наибольшей выгодности внешней торговли и отраслей промышленности, работающих на вывоз. «Мануфактура выгоднее сельского хозяйства, а торговля выгоднее мануфактуры». «Один моряк стоит трех крестьян» (Петти). Не следует думать, что Петти обнаруживал в этих словах полное непонимание значения сельского хозяйства как источника предметов продовольствия для страны. Петти хотел сказать, что при отсутствии капитализма в сельском хозяйстве и слабом проникновении его в промышленность ареною широкого развития капиталистического хозяйства и усиленного накопления капиталов является торговля, особенно внешняя.

Как видим, преувеличенная оценка меркантилистами роли денег коренилась в условиях переходной эпохи от натурального хозяйства к товарно-денежному, а преувеличенная оценка ими внешней торговли вытекала из роли последней в качестве источника огромных прибылей и арены быстрого накопления капиталов. Обе идеи меркантилистов, подвергавшиеся впоследствии жестокому осмеянию как абсурдные, являлись отражением исторических условий эпохи торгового капитала и реальных интересов тех общественных классов, представителями которых меркантилисты выступали. Преобладающий интерес меркантилистов к вопросам экономической политики и младенческое состояние экономической теории побуждали их удовлетворяться теоретически слабыми и наивными формулами, если только последние в общем отвечали практическим запросам эпохи. Меркантилисты не оставили нам цельной экономической теории, охватывающей явления капиталистического хозяйства в целом. В их сочинениях мы находим только зародыши теоретических идей, впоследствии развитых и обоснованных другими экономистами. При этом теоретическая судьба обеих частей меркантилистического учения, а именно учения о меновой стоимости и деньгах, с одной стороны, и учения о внешней торговле и прибыли, с другой,—оказалась различною. С изменением условий торговли и развитием промышленного капитализма,

Digitized by Google

ошибочность учения о внешней торговле, как единственном источнике прибыли, стала очевидною. Дальнейшее развитие экономической мысли, в лице физиократической и классической школ, заключалось в отрицании меркантилистического понимания внешней торговли и прибыли. Напротив, встечающиеся в меркантилистической литературе зародыши учения о меновой стоимости и деньгах обнаружили способность к дальнейшему теоретическому развитию: они были восприняты последующими школами, освобождены от наивного смешения меновой стоимости с деньгами и денег с золотом и серебром и развиты далее. Глубокий интерес меркантилистов к проблеме торговли, к процессу обмена товара на деньги, дал им возможность высказать целый ряд верных мыслей о меновой стоимости и ее денежной форме. В частности в меркантилистической литературе мы находим в зародышевом виде теорию трудовой стоимости, сыгравшую огромную роль в дальнейшем развитии науки.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РЕАКЦИЯ ПРОТИВ МЕРКАНТИЛИЗМА.

(Норс.)

Томас Мэн, хотя и возражал против устарелых запрещений вывоза денег, признавал, однако, необходимость государственного регулирования внешней торговли в целях улучшения торгового баланса и привлечения в страну денег. Первую принципиальную критику меркантилистической политики мы находим в «Рассуждении о торговле» Дэдлея Норса, появившемся в 1691 г. Норс, крупный купец, а впоследствии генеральный таможенный комиссар, выступает защитником торгового и денежного капитала, который в процессе своего развития уже начал чувствовать стеснительность чрезмерной опеки государственной власти. Норс является первым и ранним провозвестником идей свободной торговли. Свое сочинение он посвящает обсуждению двух основных тем: во-первых, вопросу об ограничениях, которым правительство подвергало внешнюю торговлю в целях привлечения в страну денег, и, во-вторых, вопросу о законодательном ограничении уровня процента. В обоих этих вопросах Норс последовательно требует невмешательства государства в экономическую жизнь.

Меркантилисты, признавая целью внешней торговли привлечение в страну денег, видели в торговле прежде всего обмен продукта (потребительной стоимости) на деньги (меновую стоимость). У Норса намечается другое понимание торговли: последняя заключается в обмене одних продуктов на другие, внешняя же торговля заключается в обмене продуктов одной нации на продукты другой нации, ко взаимной выгоде обеих. Деньги являются только посредником в этом обмене. «Золото и серебро и сделанные из них деньги представляют собою только единицы меры и веса, благодаря которым обращение совершается лучше, чем без них». Не в приливе или отливе денег следует

Digitized by Google

искать причину расцвета или упадка торговли, а, наоборот, с ростом торговли увеличивается и количество денег.

Широкая публика держится другого мнения и склонна приписывать застой в торговле недостатку денег. Купец, товар которого не находит себе сбыта, видит причину этого в недостатке денег в стране; но он глубоко заблуждается. «Исследуем этот вопрос ближе. Кто жалуется теперь на недостаток денег? Начнем с нищего: он жалуется, что теперь стало мало денег. Но зачем они ему нужны?—Чтобы купить хлеба. Итак, дело не в деньгах, а в хлебе и других предметах необходимости, в которых нищий нуждается. Далее, на недостаток денег жалуется фермер: он думает, что, если бы в стране было более денег, он получил бы лучшую цену за свои продукты. Но в таком случае, нужда опять-таки не в деньгах, а в хорошей цене за хлеб и скот, которые фермер желал бы продать, но не может». Такое отсутствие сбыта является следствием чрезмерного предложения хлеба и скота или недостаточного спроса на них (вследствие бедности потребителей или закрытия вывоза за границу).

Торговля, следовательно, страдает от приостановки непрерывного обмена товаров, а не от недостатка денег. Вообще нельзя ссылаться на недостаток денег, так как в стране всегда имеется ровно столько денег, сколько требуется для нужд торговли, т.-е. товарного обмена. «Богатая торговая нация не может испытывать недостатка в монете для потребности своей торговли»: если даже она не чеканит собственной монеты, она будет снабжена в достаточном количестве иностранною монетою. С другой стороны, «если количество денег будет превышать количество, необходимое для торговли, монеты будут иметь не бо́льшую стоимость, чем серебро в слитках, и при случае будут переплавляться». Норс приходит, следовательно, к идее саморегулирования денежного обращения в соответствии с потребностями товарного обращения. Нечего бояться недостатка денег в стране, как и бесполезно принимать принудительные государственные меры к увеличению их количества.

Меры, направленные к задержке денег в стране, только тормозят торговлю. «Положим, будет постановлен закон, что никакой человек не может вывозить денег из известного города или провинции, хотя и вправе везти туда всякие товары, так что все деньги, которые каждый принесет туда с собою, он должен там и оставить, не вывозя назад. Последствием такой меры

Digitized by Google

было бы, что этот город или провинция оказались бы отрезанными от всей нации, и никто не посмел бы явиться на тамошний рынок с деньгами, по той причине, что он должен непременно покупать, желает ли этого или нет. С другой стороны, жители этого города, не имея позволения вывозить деньги, могут отправляться на другие рынки только в качестве продавцов, а не покупателей. Итак, не приведет ли это постановление данный город в жалкое состояние по сравнению с его соседями, которые имеют свободную торговлю?». Такая же печальная участь постигнет и целую нацию, которая введет подобные ограничения в торговле, ибо «что касается торговли, нация во всех отношениях занимает в мире точно такое же положение, какое город занимает в государстве или семья в городе». Возможно более свободная и нестесняемая международная торговля,—таков идеал Норса.

Меры к задержанию в стране денег, превращая последние в праздно лежащее сокровище, приносят стране прямой убыток. «Никто не становится богаче оттого, что держит все свое состояние при себе в виде денег, серебряной посуды и т. п., наоборот, он становится от этого беднее. Тот человек богаче всех, имущество которого возрастает,—заключается ли оно в земле, сдаваемой в аренду, или в капитале, отданном на проценты, или в товарах, вложенных в торговлю и промышленность. Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль превратить все свое имущество в деньги и оставить без употребления, он скоро почувствовал бы приближение бедности». Не накоплять наличные деньги, а непрерывно пускать их в обращение в виде денежного капитала, приносящего прибыль,—таков единственный путь обогащения как для отдельного лица, так и для целой нации. Не в накоплении денежных сокровищ, а в росте торговли, прибыли и капиталов видит Норс залог преуспеяния для страны. В полемике против меркантилистической политики он преодолевает и теоретическое заблуждение меркантилизма, заключавшееся в смешении денег (благородных металлов) с меновою стоимостью вообще, с одной стороны, и с капиталом, с другой стороны. Признавая деньги посредником обмена и мерилом стоимости самих товаров, Норс приближается к пониманию различия между деньгами и меновою стоимостью. Еще яснее проводит он, развивая дальше мысли, намеченные уже у Мэна, различие между деньгами и капиталом. Уже Мэн видел в активном торговом балансе не столько средство привлечения

Digitized by Google

и накопления благородных металлов, сколько признак роста вложенных в торговлю капиталов и притекающих в страну прибылей. Но он все же рекомендовал государственной власти следить за торговым балансом и принимать меры к его улучшению. Норс же сознательно стремится именно к увеличению торговых капиталов и прибылей и лучшее средство для этого видит в свободе торговли, не стесняемой государственным вмешательством.

Тот же принцип невмешательства государственной власти отстаивал Норс и в вопросе об уровне процента,—вызывавшем в XVII и XVIII веках самые горячие споры и породившем обширную литературу. В этом вопросе резко сталкивались интересы землевладельческого класса и денежных капиталистов. Средневековые правила о запрещении взимания процентов были в Англии отменены в 1545 году Генрихом VIII, разрешившим взимать процент по ссудам в размере не свыше 10% в год. В начале XVII века этот законный максимум был понижен до 8%, а в 1652 году—до 6%. Особенно настойчиво добивались дальнейшего понижения процентной нормы дворяне-землевладельцы, которые вели разгульный образ жизни и попадали в лапы ростовщиков, ссужавших им деньги. Понижение процентной нормы было выгодно землевладельцам в двух отношениях: во-первых, с понижением процента они платили ростовщикам меньше процентных денег по своим ссудам, и, во-вторых, повышалась цена земли, что открывало возможность более выгодной ее продажи. В 1621 году Кольпепер, рьяный защитник землевладельцев, писал: «Всюду, где деньги дороги, земля дешева, а где деньги дешевы—земля дорога». «Высокий ссудный процент заставляет продавать землю по дешевой цене».

Требования землевладельцев о понижении процента поддерживались и некоторыми кругами промышленной и торговой буржуазии, в частности заинтересованными в делах Ост-Индской Компании: чем ниже был процент по ссудам, тем охотнее рантье помещали свои свободные денежные средства в акции этой Компании, и тем выше поднимался курс акций. Чайльд в 1668 году писал, что, при высокой норме ссудного процента (6%), никто не захочет вкладывать свои деньги в опасную заокеанскую торговлю, чтобы получать только 8—9%. Ссылаясь на пример Голландии с ее низким процентом, Чайльд и другие писатели видели в низком проценте залог оживления и успехов торговли и требовали законодательного понижения нормы процента.

Digitized by Google

С другой стороны, защитники денежного капитала требовали полной отмены государственного регулирования уровня ссудного процента, доказывая, что оно идет на пользу, главным образом, праздным землевладельцам, а не торговому классу. Действительно, широким кругам купечества эти законы не приносили пользы: несмотря на законную норму в 6%, купцы вынуждены были, в обход закона, кредитоваться, уплачивая гораздо более высокий процент (иногда доходивший до 33%). Поэтому целый ряд писателей, защищавших интересы денежного и торгового капитала, требовал отмены законодательного ограничения процента, как противоречащего «естественным» законам капиталистического хозяйства. К числу этих писателей принадлежал, наряду с Петти и Локком, также Норс.

По мнению Норса, понижение процента полезно скорее для дворян, чем для торговцев: «отданные в ссуду за процент деньги едва в десятой доле помещены у торговцев; наибольшая часть их отдана взаймы для поддержки роскоши и покрытия расходов людей, которые хотя и располагают крупным земельным имуществом, но тратят больше, чем оно приносит». Законодательное ограничение процента создает только трудности и опасности для купцов, добивающихся кредита, и тормозит торговлю. «Не низкий уровень процента имеет своим следствием увеличение торговли, а рост торговли приводит к понижению процента», увеличивая количество накопленных и ищущих помещения капиталов. Только беспрепятственный рост торговли, а не принудительные меры могут понизить уровень процента. Поэтому «государство сделает лучше всего, если предоставит заимодавцам и заемщикам заключать собственные соглашения, соответствующие данным условиям».

Характерно, что для оправдания процента на капитал Норс старается приравнять эту форму дохода к земельной ренте. «Подобно тому как землевладелец сдает в аренду свою землю, точно так же владельцы капитала сдают в аренду свой капитал. То, что они за это получают, называется процентом, но это только денежная рента, как доход с земли—земельная рента». Поэтому государственная власть так же мало может принудительно понижать процент с 5 до 4, как она не может понижать арендную плату за акр земли с 10 шилл. до 8 шилл. Такое же приравнивание процента на капитал к земельной ренте встречается у Петти и Локка. Практическое оправдание и теоретическое объяснение новой формы дохода, процента на капитал, было в ту

Digitized by Google

эпоху возможно лишь путем приравнения его к традиционной форме дохода, земельной ренте.

Сочинение Норса представляло замечательное для своего времени явление. Мы находим в нем первую формулировку фритредерских идей, получивших полное развитие впоследствии у Юма и Смита. Норс опередил свою эпоху и явился одним из самых ранних провозвестников разложения меркантилизма. Если меркантилисты видели в международной торговле шахматную игру, в которой выигрышу одной стороны всегда соответствует проигрыш другой, то Норс считал ее выгодною для всех участвующих в ней наций. Если меркантилисты различали «выгодные» и «невыгодные» отрасли торговли в зависимости от их влияния на торговый баланс, то Норс учил, что «не может существовать торговли, невыгодной для народа, ибо, если бы таковая оказалась, люди ее оставили бы». Если меркантилисты защищали усиленную опеку государственной власти над экономическою жизнью, то Норс требовал свободы торговли и невмешательства государства, так как «нельзя людей принуждать к деятельности по предписанному образцу». Норсу принадлежит также и более глубокий анализ теоретических вопросов: он различает капитал от денег и отмечает саморегулирование денежного обращения в соответствии с потребностями товарного обращения.

Теоретический анализ у Норса играет, однако, еще подчиненную роль средства для более острой критики меркантилистической политики. Вопросы экономической политики все еще преобладали в литературе, и теоретические рассуждения носили отрывочный и незаконченный характер. Чтобы познакомиться с теоретическим наследием меркантилизма, нам придется сейчас вернуться хронологически немного назад, к Вилльяму Петти, чтобы затем перейти к середине XVIII века, переходной эпохе от меркантилистической литературы к классической.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ.

(Вилльям Петти.)

В большинстве своем меркантилистические писатели, как уже было нами отмечено, интересовались преимущественно вопросами экономической политики и не проявляли склонности к теоретическому исследованию явлений. Но необходимость обоснования тех или иных практических мероприятий все же заставляла их прибегать и к рассуждениям теоретического характера. Так, например, борьба против ограничений денежного обращения (запрещений вывоза монеты и т. п.) дала толчок к выработке теории торгового баланса. Со второй половины XVII века в английской меркантилистической литературе наблюдалось усиление теоретического интереса как под влиянием широкого, обобщающего характера математики и эмпирической философии XVII века (Бэкон, Гоббс), так и в виду необходимости более широкого и коренного пересмотра меркантилистических учений в соответствии с новыми, усложнившимися потребностями экономического развития.

Наряду с основным, «купеческим» направлением меркантилистической литературы, в ней появилось и «философское» течение, более склонное к теоретическим обобщениям. Наряду с узкими практиками, обсуждавшими злободневные практические вопросы, в числе меркантилистических писателей появились люди с широким научным кругозором (Петти) и виднейшие философы эпохи (Локк, Беркли, Юм). Даже сочинения авторов-практиков обнаруживали более глубокий интерес к теоретическим вопросам (Норс, Барбон, Кантильон). Наиболее ценное наследие это движение теоретической мысли, хотя еще зачаточное и незрелое, оставило в учении о стоимости и в учении о деньгах.

Digitized by Google

Проблема стоимости в современном виде могла быть поставлена только тогда, когда цеховое ремесло начало уступать место капиталистическому хозяйству. В эпоху средневекового ремесла цены на продукты регулировались цеховыми и городскими властями. Цеховые таксы на ремесленные изделия имели целью обеспечить ремесленникам «приличное пропитание» или вознаграждение за их труд. Неудивительно поэтому, что виднейшие церковные писатели XIII века, Альберт Великий и Фома Аквинский, учили, что стоимость продуктов зависит от «количества труда и издержек», затраченных на их производство. Эта формула, при своем внешнем сходстве с позднейшею теорией трудовой стоимости, глубоко отлична от нее. Она выросла на почве ремесленного, а не капиталистического хозяйства. Авторы ее имели в виду издержки ремесленника (на сырье и орудия) и «приличное» вознаграждение за его труд. Их интересовала не цена, которая действительно устанавливается в процессе рыночной конкуренции, а та «справедливая цена» (justum pretium), которая должна быть установлена властями в соответствии с традиционными условиями средневекового ремесла. Постановка проблемы стоимости носила «нормативный» характер.

Положение дел изменилось с появлением капиталистического хозяйства. Цеховые таксы все более уступали место процессу конкуренции между продавцами и покупателями. Регулированное ценообразование сменялось стихийным, рыночным ценообразованием. Из принудительно устанавливаемой и заранее фиксируемой величины цена превращалась в заранее неизвестный результат сложного процесса конкуренции. Если писатели XIII века обсуждали вопрос о том, какую цену следует установить, исходя из соображений справедливости, то мысль экономистов XVII века направилась в другую сторону: они хотели вскрыть закономерность, господствующую в процессе действительного образования цен на рынке. Нормативная постановка проблемы стоимости уступила место научно-теоретической.

Однако в эпоху раннего капитализма открыть в явлениях ценообразования известную закономерность было делом нелегким. Свободная конкуренция еще не охватывала всей сферы народного хозяйства и не обнаруживала в полной мере присущей ей закономерности. Действие ее было еще в значительной степени ограничено пережитками цехового таксирования, меркантили-

Digitized by Google

листическою регламентацией торговли и промышленности и монопольными правами торговых компаний. Сами меркантилисты разделяли еще веру в возможность регулирования хозяйственной жизни при помощи государственных мероприятий. Им была чужда идея стихийной закономерности рынка, получившая законченное развитие лишь впоследствии, у физиократов и особенно у Адама Смита [1]).

Экономисты, наблюдавшие пестрый хаос явлений ценообразования в эпоху раннего капитализма, очень часто отказывались от всякой попытки вскрыть закономерность, лежащую в их основе. Постоянные и резкие колебания рыночных цен внушали им мысль, что цены на товары устанавливаются исключительно в зависимости от случайного соотношения между спросом и предложением в данный момент. Так возникла в зачаточном виде теория спроса и предложения, получившая широкое распространение среди меркантилистов и формулированная знаменитым философом Джоном Локком [2]) в следующих словах: «Все покупаемые и продаваемые вещи поднимаются и падают в цене в зависимости от того, имеется ли больше покупателей или продавцов. Если большая масса продавцов противостоит немногим покупателям, то продаваемый предмет безусловно подешевеет. Напротив, если большее число покупателей противостоит немногим продавцам, то тот же самый предмет делается тотчас дороже». О меновой стоимости товара можно говорить лишь «в данном месте и в данный момент времени». Ни о каком постоянном и закономерно обусловленном уровне меновой стоимости не может быть речи.

К такому же отрицанию закономерности явлений ценообразования приходили первые сторонники теории субъективной полезности. Современник Локка, англичанин Николай Барбон [3]) принимал деятельное участие в спекулятивной и грюндерской горячке, охватившей Англию в конце XVII века. Зрелище спекулятивной пляски цен могло навести его на мысль, что «ни один товар не имеет точно определенной цены или стои-

---

[1]) См. ниже, главы 11-ю и 20-ю.

[2]) Родился в 1632 г., умер в 1704 г. Помимо своих знаменитых философских и социологических исследований написал чисто экономическое сочинение: „Некоторые соображения о следствиях понижения процента и повышения стоимости денег“ (1691 г.). См. о нем также в конце настоящей главы.

[3]) Родился в 1640 г., умер в 1698 г. Его главное сочинение: „Рассуждение о торговле“ (1690 г.). См. о нем также в начале следующей главы.

Digitized by Google

мости». «Стоимость всех товаров проистекает из их полезности» (т.-е. способности «удовлетворять желания и потребности людей») и изменяется вместе с изменением «настроения и капризов лиц, их употребляющих».

Намеченная Барбоном теория субъективной полезности не имела успеха среди меркантилистов. Дальнейшее развитие она получила только в середине XVIII века, в трудах запоздалого меркантилиста Галиани [1]), знаменитого физиократа Тюрго [2]) и особенно у Кондильяка [3]), противника физиократов, находившегося, однако, под их сильным влиянием. Кондильяк справедливо считается предшественником новейших психологических теорий ценности. Он уже проводит различие между абстрактною полезностью данного вида благ, напр., хлеба, и конкретною полезностью данной единицы хлеба. Именно эта конкретная полезность блага, зависящая прежде всего от его редкости (т.-е. от величины наличного запаса благ), определяет его стоимость.

Сторонники теорий спроса и предложения и субъективной полезности в сущности отказывались от задачи вскрыть закономерность в явлениях ценообразования. Но дальнейшее развитие экономической жизни властно ставило перед мыслью экономистов эту задачу. По мере распространения и успехов начал свободной конкуренции, представление о случайном характере явлений ценообразования не могло удовлетворять мысль экономистов. Если раньше монопольные торговые компании диктовали потребителям произвольные цены и нередко, для удержания цен на высоком уровне, уничтожали часть своих товарных запасов (иллюстрируя таким образом силу закона спроса и предложения), то положение дел изменилось с появлением промышленного капитализма. Промышленник заранее твердо рассчитывал, что продажная цена товара должна, по меньшей мере, возместить ему издержки производства. В беспорядочной и, казалось бы, случайной пляске цен экономисты нашли твердый опорный пункт, с которым цены необходимо должны сообразоваться. Таким твердым опорным пунктом служили издержки производства, затрачен-

---

[1]) Галиани (1728—1787 г.г.), итальянец, долго жил в Париже, написал книги: „О деньгах“ (1750 г.) и „Беседа о торговле зерном“ (1770 г.). См. о нем ниже, главу 10-ю.

[2]) См. о нем ниже, главу 10-ю.

[3]) Кондильяк (1715—1780 г.г.), француз, известный философ, представитель сенсуализма. Написал в 1776 г. экономическое сочинение „Торговля и правительство“.

Digitized by Google

ные капиталистом на выделку товара. Так возникла теория издержек производства.

Один из последних меркантилистов, Джемс Стюарт[1] (1712—1780 г.г.), различал в цене товаров две различные части: «реальную стоимость товаров и полученную благодаря их отчуждению прибыль». «Реальная стоимость» товара представляет точно определенную величину, равную издержкам производства. Чтобы вычислить издержки производства товара, надо узнать: 1) число единиц товара, производимых работником в течение дня, недели или месяца; 2) стоимость средств существования работника (т.-е. сумму заработной платы) и употребленных орудий труда, и 3) стоимость сырого материала. «Зная эти слагаемые, мы знаем и цену продукта. Она не может быть меньше суммы всех трех слагаемых, т.-е. реальной стоимости. Что выше этой суммы, то образует прибыль промышленника». Чем же определяется величина этой прибыли? На последний вопрос Стюарт ответить не может. Здесь обнаруживается коренной порок теории издержек производства, от которого она не сумела освободиться до настоящего времени: неспособность объяснить происхождение и величину прибавочной стоимости или прибыли в широком смысле слова как избытка цены продукта над издержками его производства. Как истый меркантилист, Стюарт полагает, что продажная цена товара выше его «реальной стоимости», что капиталист обогащается за счет «прибыли от отчуждения», которая «всегда находится в зависимости от спроса и поэтому изменяется с обстоятельствами». Стюарт, следовательно, отказывается найти закономерность, определяющую величину прибавочной стоимости или прибыли. Эта закономерность могла быть вскрыта только на основе теории трудовой стоимости, которая, как и изложенные выше теории, также возникла в эпоху меркантилизма. Чтобы проследить зачатки этой теории, нам придется вернуться хронологически назад, к Вилльяму Петти.

Вилльям Петти (1623—1687 г.г.), на редкость одаренная и разносторонняя натура, был по профессии врач, но одновременно занимался математикою, землемерным делом, музыкою, судостроением. Сын мелкого ремесленника, он умер пэром Англии и владельцем миллионного состояния, нажитого беззастенчивыми приемами авантюриста (участием в разделе земель ирландских

---

1) Сочинение его „Исследование о принципах политической экономии" вышло в 1767 г. См. о нем также в конце настоящей главы и в конце следующей главы.

Digitized by Google

повстанцев). Как истый сын XVII века с его блестящим расцветом математики и стремлением уложить в математические формулы всю картину мира, Петти интересовался прежде всего количественною стороною хозяйственных явлений. В соответствии с духом эмпирической философии XVII века, он стремился к наблюдению и точному количественному описанию реальных явлений. Назвав одно из своих сочинений «Политическою Арифметикою» [1]), он в предисловии к нему следующими словами характеризовал свой метод: «Метод, применяемый мною здесь, отнюдь не обычный. Вместо слов в сравнительной и превосходной степенях и аргументов спекулятивного характера, я хочу выражаться при помощи чисел, мер и весов, буду пользоваться только аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, которые имеют видимое основание в природе».

Интерес к статистическому описанию хозяйственных явлений Петти разделял вместе с некоторыми другими экономистами той же эпохи: Граунтом, составившим таблицы смертности населения; Д'Эвенентом, занимавшимся торговою статистикою; Кингом, автором известного «закона Кинга», согласно которому колебания в количестве имеющихся запасов хлеба вызывают гораздо более сильные колебания в цене хлеба (напр., уменьшение количества хлеба вдвое при неурожае вызывает вздорожание цены хлеба в 4—5 раз). Но, в отличие от перечисленных писателей, Петти интересовался статистическими наблюдениями не ради их самих, а как материалом для теоретического анализа. Он не только констатировал факты роста населения, движения товарных цен, заработной платы, ренты и земельных цен и т. п., но и пытался проникнуть в связь всех наблюдаемых им явлений. Правда, Петти не сознавал всей трудности перехода от отдельных статистических данных к широким теоретическим обобщениям. Он смело пускался в путь поспешных обобщений и вспомогательных конструкций, часто оказывавшихся ошибочными. Но все же его догадки и гипотезы неизменно обнаруживали широкий размах гениальной мысли и обеспечили за их автором славу одного из основателей современной политической экономии и родоначальника теории трудовой стоимости.

В качестве меркантилиста, для которого важнейшее значение

[1]) Издана после смерти Петти, в 1690 г. Из других сочинений Петти—„Трактат о налогах" издан в 1662 г., „Политический обзор или анатомия Ирландии"—в 1672 г.

Digitized by Google

имеет обмен продуктов на деньги, Петти особенно интересовался проблемою цены, понимая под последнею не случайную рыночную цену, определяемую «внешними» причинами, а «естественную цену» продукта, зависящую от «внутренних» причин. Проблема «естественной цены» или стоимости, в соответствии с меркантилистическим отождествлением денег и благородных металлов, имеет у Петти форму вопроса: почему за данный продукт дают такое-то количество серебра? В своем ответе Петти в гениально простых словах набрасывает основные идеи теории трудовой стоимости. «Если кто-нибудь может доставить одну унцию серебра из Перу в Лондон в то же самое время, какое ему необходимо, чтобы произвести один бушель ржи, то первая составляет естественную цену последнего. Если же благодаря новым, более богатым рудникам человек окажется в состоянии добывать две унции серебра с тою же легкостью, как раньше одну унцию, то, при прочих равных условиях, рожь будет так же дешева при цене в 10 талеров за бушель, как ранее при цене в 5 талеров». «Если один человек производит зерно для десяти человек, то зерно дешевле, чем если бы он мог производить его только для шести человек. Зерно будет вдвое дороже, если 200 работников исполняют ту самую работу, которую могли бы выполнить 100 человек». Зерно и серебро имеют одинаковую стоимость в том случае, если на производство их затрачены равные количества труда. Величина стоимости продукта зависит от количества труда, затраченного на его производство.

От величины стоимости всего продукта Петти переходит к анализу ее составных частей. Он различает в стоимости продукта (обычно он берет в качестве примера хлеб) две части: заработную плату и земельную ренту. Выше, при общей характеристике меркантилистической литературы [1]), мы уже отметили, что Петти считал необходимым законодательное ограничение заработной платы в размере, необходимом для прокормления рабочего. Предполагая и в своих теоретических рассуждениях такой же размер заработной платы, Петти получает возможность определить величину земельной ренты в натуре (т.-е. в хлебе): «Допустим, что человек мог бы обработать под хлеб своими собственными руками некоторое пространство земли, т.-е. вскопать, вспахать, взборонить, сжать, скосить, свезти хлеб, обмолотить и провеять, как это требуется в сельском хозяйстве, и в то же

[1]) См. выше, главу 3-ю.

Digitized by Google

время имел бы семена для посева. Теперь я говорю, что если этот человек вычитывает из урожая свои семена, а также то, что он сам потребляет или отдает другим в обмен за платье и удовлетворение других естественных потребностей, то остаток хлеба представляет собою естественную и истинную земельную ренту». Размер ренты в натуре определяется путем вычета из всего продукта предметов потребления работника (заработной платы) и затраченных средств производства (семян). Следовательно, под видом земельной ренты Петти имеет в виду всю прибавочную стоимость, включая и прибыль.

Определив размер ренты в натуре, Петти ставит вопрос о ее денежной цене, т.-е. о количестве серебра, которое можно получить за нее в обмен. «Дальнейший вопрос заключается в том, сколько английских денег стоит эта хлебная рента. Я отвечаю: столько денег, сколько может сберечь в то же самое время другой человек сверх своих непосредственных расходов, если он один исполняет всю работу по производству серебра. Допустим, напр., что другой человек едет в страну, где имеется серебро, добывает его там, промывает, доставляет в то самое место, где другой возделывал свой хлеб, перечеканивает его в монету и т. д. Допустим, что этот человек приобретает также необходимые ему средства пропитания, одежду и проч. Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого. Если серебро составляет 20 унций, а хлеб 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собою цену одного бушеля хлеба». А раз известна цена бушеля хлеба, то тем самым определяется и цена всей хлебной ренты, т.-е. сумма денежной ренты.

После этого Петти делает очень смелую попытку вывести из суммы денежной ренты цену земли. Ко времени Петти земля в Англии уже сделалась предметом купли-продажи и имела определенную цену, которая равнялась приблизительно сумме годичной ренты, умноженной на 20 (точнее на 21). Петти было известно из делового опыта, что участок земли, приносящий годичную ренту в 5.000 руб., продается приблизительно за 100.000 руб. Почему цена земли равняется именно 20-кратной сумме годичной ренты?—спрашивает Петти. Беря за исходный пункт своего исследования ренту и не зная законов образования прибыли и процента, Петти не мог знать, что указанное соотношение между суммою годичной ренты и ценою земли зависит от уровня господствующего в стране среднего процента (в данном случае приблизительно 5%) и изменяется с изменением последнего (так, напр.,

Digitized by Google

при падении уровня процента в стране с 5% до 4%, цена того же участка земли поднялась бы до 125.000 руб., т.-е. до 25-кратной суммы годичной ренты). Петти прибегает поэтому к следующему искусственному рассуждению: покупатель рассчитывает при помощи покупки земли обеспечить определенный годичный доход для себя, своего сына и внука; о более отдаленном потомстве люди обычно не заботятся. Предположим, что возраст покупателя земли около 50 лет, его сына—28 лет, а внука—7 лет. По таблицам смертности статистика Граунта, эти три лица могут рассчитывать прожить в среднем еще 21 год. Рассчитывая, следовательно, на получение с земли годичных доходов в течение 21 года, покупатель согласен уплатить за землю сумму, превосходящую в 21 раз сумму годичной ренты.

При всей ошибочности изложенного рассуждения Петти, в нем заключена глубоко верная и плодотворная мысль: «стоимость земли» оказывается не чем иным, как суммою определенного *числа годичных рент*. А так как величина денежной ренты зависит от стоимости бушеля хлеба, стоимость же эта в свою очередь определяется количеством труда, затраченного на производство бушеля хлеба, то, следовательно, труд является источником не только стоимости хлеба, но—в конечном счете—и «стоимости земли». Рассуждения Петти представляют собою раннюю и смелую попытку подчинения закону трудовой стоимости явлений сельского хозяйства. Но, с другой стороны, тот факт, что Петти сосредоточил свое внимание на земельной ренте, показывает преобладающее еще господство сельского хозяйства. Экономическая теория для обобщения явлений нового капиталистического хозяйства прибегает к новым понятиям и идеям, но облекает их часто в костюм понятий и идей, унаследованных от эпохи господства сельского хозяйства и феодального землевладения. Основная категория капиталистического хозяйства — прибыль — в экономической теории еще не обособилась от земельной ренты и растворяется в ней: *вся прибавочная стоимость, включая и прибыль, фигурирует под именем ренты*. Это теоретическое пренебрежение к категории прибыли объясняется — помимо трудности выработки новых категорий, соответствующих новым реальным явлениям, — также тем, что промышленная прибыль играла в то время еще второстепенную роль, торговая же прибыль рассматривалась меркантилистами как надбавка к цене товара. Только один вид прибыли Петти выделил особо, а именно *процент на ссудный капитал*. Такое выделение было необходимо как в виду огром-

Digitized by Google

ного значения в то время ссудного капитала, так и в виду резкого классового антагонизма между денежным капиталом и землевладением [1]). Но, выделив особо денежный процент, Петти все же смотрел на него как на производную форму дохода, являющуюся как бы заменою ренты. Не понимая, что колебания цен на землю послушно следуют за колебаниями высоты процента, Петти рисовал себе связь обоих этих явлений в обратном виде: он объяснял высоту процента из высоты цен на землю. Если за 100.000 руб. можно купить участок земли с годичною рентою в 5.000 руб., то, естественно, владелец капитала в 100.000 руб. не согласится отдать его в ссуду иначе как при условии получения процентных денег в сумме не ниже указанной суммы годичной ренты, т.-е. 5.000 руб. ежегодно: при данной цене земли уровень процента установится в 5%.

Как видим, Петти дал первый набросок теории трудовой стоимости и сделал попытку на основе ее дать объяснение количественной зависимости между разными явлениями (количеством продукта и количеством получаемого в обмен за него серебра, натуральною заработною платою и натуральною рентою, натуральною рентою и денежною рентою, денежною рентою и ценою земли, ценою земли и уровнем процента). Однако, наряду с зачатками правильного понимания зависимости стоимости от труда, у Петти часто встречается другое понимание стоимости: источником последней признается труд и природа. Петти дал яркое выражение этой мысли в своей известной фразе: «Труд — отец и активный принцип богатства, а земля—его мать». Ясно, что речь идет здесь о материальном богатстве или потребительных стоимостях, для производства которых, действительно, необходимо соединенное действие сил природы и человеческой деятельности. Но раз стоимость продукта (не отличаемая здесь от самого продукта) создается трудом и землею, то для определения величины стоимости необходимо предварительно найти общее мерило для сравнения действия сил природы и трудовой деятельности человека. Возникает проблема «мерила стоимости», упирающаяся в проблему «уравнения между землею и трудом». «Оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям, к земле и труду; т.-е. нам следовало бы сказать: корабль или платье стоит такого-то количества земли и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль

[1]) См. предыдущую главу.

Digitized by Google

и платье — произведены землей и приложенным к ней человеческим трудом. А раз это так, то нам очень желательно было бы найти естественное уравнение между землею и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из этих двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенсы к фунту стерлингов».

Но как решить этот «важнейший вопрос политической экономии», как найти «равенство и уравнение между землей и трудом»? И земля и труд участвуют в процессе создания потребительных стоимостей; рассмотрим же долю участия каждого из них. Предположим, что теленок, выпущенный на невозделанный участок земли в 2 акра, увеличивается в весе в течение года на такое количество мяса, которое достаточно для прокормления одного человека в течение 50 дней. Очевидно, что земля без содействия человеческого труда произвела 50 дневных «пищевых пайков»; эта сумма пайков и составляет годичную «ренту» с данного участка земли. Если теперь один человек путем возделывания того же участка в течение года произведет большее количество пищевых пайков, то излишек сверх 50-ти пайков будет составлять его «заработную плату», при чем как доля земли (рента), так и доля труда (заработная плата) выражены в одной и той же единице, в «пищевых пайках». Следовательно, «обычным масштабом стоимости является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд... Поэтому я определил стоимость ирландской хижины числом дневных пайков, потребленных строителями при ее возведении», иначе говоря, суммою заработной платы, выплаченной строителям.

Мы видим, таким образом, глубокое расхождение и противоречие между обоими построениями Петти. Раньше он говорил о меновой стоимости, теперь о потребительной. Раньше он считал источником стоимости труд, теперь — землю и труд. Раньше он стоимость самой земли (точнее, цену земли) выводил из труда, теперь он ищет «уравнения между землею и трудом». Раньше за мерило стоимости принималось количество труда, теперь—«стоимость труда», т.-е. заработная плата. Раньше Петти определял величину земельной ренты, вычитывая из всего продукта средства потребления работника (т.-е. заработную плату); теперь он находит заработную плату путем вычета из всего продукта земельной ренты. Если Петти по справедливости признается родоначальником теории

Digitized by Google

трудовой стоимости, то он же может быть признан родоначальником основных ошибок и противоречий в ее формулировке, преодоление которых потребовало двухсотлетней работы экономической мысли. Эти основные ошибки (смешение меновой стоимости с потребительной, поиски уравнения между землею и трудом, смешение количества труда со «стоимостью труда») повторялись в разных вариантах в позднейшей литературе, в том числе у английских экономистов, заполнивших своими трудами почти столетний период, отделяющий деятельность Петти от появления труда Адама Смита. Остановимся вкратце на Локке, Кантильоне и Джемсе Стюарте.

Локк считает труд источником стоимости, но под последнею понимает материальное богатство или потребительную стоимость. «Природа и земля сами по себе (т.-е. без содействия человеческого труда) доставляют только самые малоценные материалы». Как велик контраст между этими естественными произведениями природы и теми же продуктами, видоизмененными человеческим трудом! Последний является источником мощного прироста богатства современных народов. «Будет очень умеренною оценкой сказать, что $^{9}/_{10}$ полезных для человеческой жизни произведений земли являются результатом труда». «Если хлеб стоит больше, чем жолуди, вино—больше, чем вода, сукно или шелковая материя — больше, чем листья, кора или мох, то причиною этого являются труд и индустрия». Труд является главным источником потребительной стоимости товара, меновая же его стоимость, как мы видели выше, определяется, по мнению Локка, законом спроса и предложения.

У Кантильона [1]) (умер в 1734 году) мы также находим смешение меновой стоимости с потребительною и попытку вывести стоимость из земли и труда. «Земля есть источник или вещество, из которого получается богатство; человеческий труд есть форма, которая создает его; а самое богатство состоит не в чем ином, как в предметах существования, комфорта и жизненных удовольствий». Раз вещь создана землею и трудом, то «цена или внутренняя стоимость вещи является показателем количества земли и труда, вложенных в ее производство». Не останавливаясь на таком определении стоимости землею и трудом, Кантильон, под явным влиянием Петти, ищет уравнение между обоими этими

[1]) Его сочинение: „Опыт о природе торговли" вышло в 1755 г., после смерти автора.

Digitized by Google

элементами. Он не удовлетворен решением Петти, который, как мы видели, в одном месте сводит «стоимость земли» к труду, а в другом месте признает дневное пропитание человека (пищевой паек) общим знаменателем между «стоимостью земли» (рентою) и «стоимостью труда» (заработною платою). Кантильон, как предшественник физиократов, отдает пальму первенства земле и пытается свести стоимость труда работника к стоимости участка земли, достаточного для прокормления его и его семьи. Таким образом, «внутренняя стоимость каждой вещи может измеряться количеством земли, использованной для ее производства, и количеством приложенного к ней труда, т.-е. опять-таки количеством земли, продукт которой предоставляется лицам, затратившим свой труд». Исходя из ошибочных идей Петти, Кантильон еще дальше уходит от правильной постановки теории трудовой стоимости. Вместо того, чтобы свести «стоимость земли» к труду, он, наоборот, приравнивает человеческий труд к определенному участку земли.

Наконец, у Джемса Стюарта [1]) мы находим также смешение меновой стоимости с потребительною. В конкретном продукте труда (потребительной стоимости) он различает материальный субстрат, данный от природы, и видоизменение, произведенное человеческим трудом. Как это ни странно, но «внутреннею стоимостью» продукта он называет именно природный материал, из которого продукт сделан. «Внутреннюю стоимость» серебряной вазы составляет сырой материал (серебро), из которого она сделана. Видоизменение же, произведенное трудом работника, сделавшего вазу, составляет ее «потребительную стоимость». «В этих вещах (т.-е. товарах) необходимо обращать внимание на два обстоятельства: 1) на их простую субстанцию или продукт природы (естественный материал); 2) на их модификацию (преобразование), т.-е. на примененный к ним труд человека. Первую я называю внутреннею стоимостью, последнюю — потребительною стоимостью... Стоимость модификации определяется в зависимости от потребного для нее труда». Стюарт, следовательно, имеет в виду тот конкретный полезный труд, который создает потребительную стоимость, «придает некоторой субстанции форму, делающую ее полезною, красивою,—словом, пригодною для людей, посредственно или непосредственно».

Таким образом, в эпоху меркантилизма появились в зародыше-

[1]) См. о нем в начале настоящей главы. О его теории денег см. конец следующей главы.

Digitized by Google

вой форме главнейшие теории стоимости, игравшие огромную роль в дальнейшей истории экономической мысли: теория спроса и предложения, теория субъективной полезности, теория издержек производства и теория трудовой стоимости. Из них теория субъективной полезности не пользовалась в науке успехом до самого конца XIX века, т.-е. до появления австрийской школы. Из остальных теорий наибольшее влияние на дальнейшую эволюцию экономической мысли оказала теория трудовой стоимости. У самого Петти и его последователей теория трудовой стоимости страдала еще множеством вопиющих противоречий и оттеснялась на задний план то теорией спроса и предложения (у Локка), то теорией издержек производства (у Стюарта). Дальнейшим своим прогрессом теория трудовой стоимости была обязана классической школе и научному социализму. Преемниками Петти явились Смит, Рикардо, Родбертус и Маркс.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ДЕНЕГ.

(Давид Юм.)

В теоретическом наследии меркантилистической эпохи, на-ряду с зачатками учения о трудовой стоимости, находим и попытки разработки теории денег. На-ряду с вопросами торгового баланса, проблема денег наиболее привлекала к себе внимание меркантилистов и породила обширнейшую литературу, особенно в итальянских городах с их развитою денежною буржуазией и постоянными неурядицами в сфере денежного обращения. Если в Англии издавалось множество меркантилистических сочинений под заглавием «Рассуждение о торговле», то в Италии традиционным заглавием было «Рассуждение о деньгах». Но все эти сочинения вращались вокруг вопросов экономической политики: запрещения вывоза денег, порчи монеты и т. п. Горячие споры вызывала непрекращающаяся порча монеты государями в фискальных целях. Защитники королевской и княжеской власти отстаивали право государей уменьшать металлическое содержание монеты на том основании, что стоимость монеты определяется не количеством содержащегося в ней металла, а велением государственной власти. «Монета представляет собою стоимость, созданную законом», писал Николай Барбон [1]), сторонник «легальной» или «государственной» теории денег. Сторонники торговой буржуазии, страдавшей от колебаний стоимости монеты, требовали чеканки полновесной монеты. Эти родоначальники «металлической» теории денег доказывали, что всякое уменьшение металлического содержания монеты неизбежно вызывает падение ее стоимости. Наконец, некоторыми писателями предлагалось компромиссное решение, получившее наиболее яркое выражение у известного Джона Ло (начало XVIII в.).

1) См. о нем в предыдущей главе.

Digitized by Google

По его учению, стоимость монеты складывается из двух частей: ее «внутренняя стоимость» определяется стоимостью содержащегося в ней металла; но к ней прибавляется еще «добавочная стоимость», источником которой является употребление данного металла в качестве монеты и возникающий отсюда добавочный спрос на металл для выделки монеты.

Преследуя практические цели, меркантилистическая литература о деньгах содержала только отдельные, не связанные воедино аргументы и рассуждения. Только в середине XVIII века, в последние дни заката меркантилистической литературы, мы находим более или менее законченные формулировки двух теорий, сыгравших огромную роль в позднейшей литературе о деньгах вплоть до настоящего дня. Давид Юм дал свою известную формулировку «количественной» теории денег, Джемс Стюарт выступил с теорией противоположного характера.

Давид Юм (1711—1776 годы), знаменитый философ, был также выдающимся экономистом. В своих «Опытах», вышедших в 1753 году, он своею остроумною и блестящею критикой нанес последний удар меркантилистическим представлениям. Являясь в общем ярким защитником фритредерских идей, Юм, конечно, не может быть отнесен к числу меркантилистических писателей в точном смысле слова. Обычно в истории экономической мысли Юму отводится место между физиократами и Адамом Смитом, непосредственным предшественником и близким другом которого он был. Мы, однако, для большей ясности изложения считаем возможным рассмотреть сочинения Юма в настоящем отделе, который охватывает не только эпоху расцвета меркантилистических идей, но и время их разложения.

Мысль Юма вращалась вокруг тех же самых вопросов, которые составляли предмет постоянного обсуждения в меркантилистической литературе, вокруг вопросов о торговом балансе, уровне процента и деньгах. В обсуждении первых двух вопросов сила Юма не столько в оригинальности, сколько в блестящем развитии и окончательной формулировке идей, высказанных до него, в частности Норсом. Если в конце XVII века голос Норса был еще почти одинок, то в середине XVIII века Юм в своей критике меркантилизма являлся уже выразителем общего мнения своей эпохи.

Резко отрицательное отношение к идее торгового баланса вытекало у Юма из его общего представления о торговле. Если меркантилисты видели задачу внешней торговли в извлече-

Digitized by Google

нии торговою нацией прибыли за счет других наций, то для Юма внешняя торговля заключается во взаимном обмене разных натуральных продуктов, производимых отдельными нациями в силу различия их «земель, климатов и характеров». Отсюда следует, что одна нация может сбыть излишек своих продуктов другой нации лишь при том условии, если и последняя обладает избыточным продуктом, который она могла бы отдать в обмен. «Если наши соседи не имеют ни искусств, ни культуры, то они ничего не могут покупать у нас, потому что ничего не могут дать нам взамен». Следовательно, «увеличение богатств и торговли какой-нибудь одной нации не только не вредит, но обыкновенно способствует развитию богатств и торговли всех ее соседей». Все нации заинтересованы в более широком развитии международной торговли и устранении тех «бесчисленных преград, затруднений и налогов, которые тормозят правильное развитие торговли, будучи вызваны или чрезмерною страстью к накоплению денег или неосновательным страхом потерять свое денежное богатство». В ходе торговли благородные металлы распределяются между отдельными нациями пропорционально их «населению, трудолюбию и производительности». Если количество наличных денег в стране превышает этот нормальный уровень, деньги из страны отливают, в противном случае приливают. Принудительными мерами увеличить количество денег в стране нельзя.

Меркантилисты утверждали, что увеличение количества денег в стране приводит к понижению процента и, следовательно, к оживлению торговли. Опровержению этих мнений Юм посвящает свой «Опыт о проценте». Высота процента зависит не от обилия наличных денег в стране, а от следующих трех обстоятельств: размеров спроса на ссуды, количества свободных и ищущих приложения капиталов и высоты торговой прибыли. «Занимая деньги под проценты, мы в сущности занимаем только труд и товары», т.-е. капитал. Процент понижается не от «избытка в драгоценных металлах», а от увеличения числа заимодавцев, имеющих «капитал или право распоряжаться им». Рост торговли, с одной стороны, приводит к накоплению свободных капиталов и увеличению числа заимодавцев, а, с другой стороны, к понижению торговой прибыли. Обе эти причины вызывают понижение процента. Так как тот же рост торговли, который «понижает таксу процентов, обыкновенно создает и большое обилие драгоценных металлов», то люди склонны ошибочно принимать обилие наличных денег за причину понижения процента. На

Digitized by Google

самом же деле оба эти явления—обилие денег и низкая такса процентов—обусловливаются одною и тою же причиною: ростом торговли и промышленности. Заслуга Юма, развивающего в вопросе о процентах идеи, намеченные Норсом, заключается в настойчивом различении капитала от денег и в правильной мысли о зависимости уровня процента от уровня прибыли. Юм имеет перед глазами уже более развитую форму кредитных отношений, чем меркантилисты: если последние часто говорили о потребительном кредите, к которому в особенности прибегали землевладельцы, то Юм имеет в виду производительный кредит, оказываемый купцам и промышленникам.

Наиболее оригинальная часть экономического учения Юма, его «количественная теория денег», также находится в тесной связи с его полемикою против меркантилистов. Последние видели в увеличении количества наличных денег мощный стимул к росту торговли и промышленности. Юм же поставил себе целью доказать, что увеличение общего количества денег в стране,—если бы даже таковое было возможно на долгое время,—никоим образом не означало бы увеличения богатства страны, а имело бы единственным своим результатом соответствующее номинальное повышение цен всех товаров. Так в полемике против меркантилистов Юм пришел к «количественной» теории денег, согласно которой стоимость (или покупательная сила) денег определяется общим количеством последних.

Предположим, рассуждает Юм, что количество денег в стране увеличилось вдвое. Означает ли это увеличение богатства страны? Никоим образом, так как богатство страны составляют только продукты и труд. «Деньги суть только представители труда и товаров и служат только средством для подсчета и оценки последних». Являясь условною счетною единицею, «средством, установленным по соглашению людей для облегчения обмена товаров друг на друга», деньги не имеют собственной стоимости. Утверждая, вслед за Локком, что «стоимость денег есть величина совершенно фиктивная», Юм становится на почву «номиналистической» теории денег, противопоставляемой меркантилистическому учению о том, что одни только деньги (золото и серебро) обладают истинною стоимостью.

Раз денежная единица является только представителем определенного количества товаров, то очевидно, что, с увеличением общего количества денег (или с уменьшением общего количества товаров) в стране, на каждую денежную единицу

Digitized by Google

приходится меньше товаров. «Кажется почти само собою понятным, что цены всех вещей зависят от соотношения между товарами и деньгами, и что каждое значительное изменение количества товаров или денег имеет своим следствием повышение или понижение цен. Если увеличивается количество товаров, последние дешевеют; если увеличивается количество денег, товарные цены возрастают», и наоборот. Увеличение количества денег в стране, имея своим результатом номинальное повышение всех товарных цен, никакой пользы стране принести не может. С точки зрения международной торговли оно окажется даже вредным, так как вздорожание товарных цен сделает данную нацию менее конкурентноспособною на мировом рынке. Если же отвлечься от внешней торговли, то увеличение количества денег не принесет стране ни пользы, ни вреда, как для купца безразлично—вести ли бухгалтерские записи в арабских цифрах или в римских, требующих большего количества знаков для того же числа. «Так как стоимость денег есть величина совершенно фиктивная, то для нации самой по себе большее или меньшее количество денег не имеет значения, и изобилие звонкой монеты, раз оно сделалось постоянным, нисколько не увеличивает удобств жизни; единственным результатом его будет то, что каждый должен будет платить за одежду, утварь и экипаж большее количество этих блестящих металлических кружков».

Предшественником Юма в разработке количественной теории денег был знаменитый французский писатель Монтескье (1689—1755 годы), автор «Духа законов» [1]). Монтескье предполагал чисто механическую зависимость между количеством денег в стране и уровнем товарных цен: увеличение денег, напр., вдвое имеет своим следствием удвоение товарных цен. Юм же поставил себе целью проследить тот хозяйственный процесс, через посредство которого изменение количества денег оказывает воздействие на товарные цены. Он рисует себе этот процесс в следующем виде: «Предположим, что некоторые промышленники или торговцы получили золото или серебро за товары, которые они отправили в Кадикс [2]). Они получают, таким образом, возмож-

[1]) В зародышевом виде количественная теория денег встречается уже в XVI веке, у француза Бодена и итальянца Даванцати. Боден первый указал, что падение стоимости денег объясняется не только порчею монеты, но и приливом больших масс золота и серебра из Америки.

[2]) Т.-е. в Испанию, обладавшую богатейшими серебряными и золотыми рудниками в Америке.

Digitized by Google

ность занять больше рабочих, чем раньше; последним при этом даже в голову не придет требовать более высокой заработной платы, они будут рады получить работу от столь платежеспособных работодателей. Но если рабочих станет мало, промышленник даст более высокую плату, первоначально потребовав и усиленного труда; работник охотно пойдет на это, так как он сможет теперь больше есть и пить, компенсируя свою усталость и бо́льшую затрату материалов. Он несет свои вещи на рынок, где находит всякую вещь по той же цене, что и раньше, но возвращается домой с бо́льшим количеством вещей и лучших сортов для потребления своей семьи. Земледелец и огородник, видя, что все их товары раскупаются, усиливают рвение и доставляют большее количество продуктов; в то же время они могут позволить себе закупать больше материи на платье (и лучшего качества) у своего лавочника, который продает еще по прежним ценам и деятельность которого стимулируется новыми барышами. Так можно легко проследить движение денег через все государство, и мы найдем, что они должны сначала оживить деятельность каждого индивидуума, прежде чем они повысят цены на труд».

Итак, увеличение количества денег у одной группы продавцов приводит к возрастанию спроса их на определенную группу товаров и к постепенному повышению цены последних. Продавцы этой группы товаров в свою очередь предъявляют усиленный спрос на другие товары, цена которых также постепенно повышается. Так *увеличение спроса*, вызванное *возрастанием количества денег* и толчками распространяющееся *от одной группы товаров на другую*, постепенно приводит к *повышению общего уровня товарных цен* или падению стоимости денежной единицы. «Вначале не заметно никакой перемены; затем постепенно начинают расти цены, сперва на один товар, потом на другой, пока, наконец, общий уровень цен не достигнет правильной пропорции с новым количеством монеты, имеющейся в государстве».

Своею попыткою описать влияние, которое возрастание количества денег и усиление спроса оказывают на мотивацию и поведение производителей (побуждая их, с одной стороны, расширять свое производство, а с другой,—предъявлять усиленный спрос на другие товары), Юм освободил количественную теорию денег от *наивно-механической* формулировки Монтескье и подготовил путь для новейших, *психологических* формулировок этой теории. Но тем самым Юм внес в эту теорию значи-

Digitized by Google

тельное ограничение: повышение товарных цен наступает не немедленно вслед за увеличением количества денег, а по прошествии иногда очень значительного промежутка времени, в различное время для разных товаров. Юм внес в свою теорию и другое важное ограничение: «Цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и абсолютного количества денег, имеющихся в стране, сколько от количества товаров, поступающего или могущего поступить на рынок, и от количества денег, находящегося в обращении. Если монета запрятана в сундук, она имеет так же мало значения для цен, как если бы она была уничтожена. Если товары лежат в житницах и складах, это имеет такой же эффект. Так как деньги и товары в таких случаях никогда не встречаются, то они и не действуют друг на друга».

Теория денег Юма представляла собою, с одной стороны, реакцию против меркантилистического понимания денег, а с другой стороны, обобщение явлений вздорожания цен, которые Европа пережила в эпоху «революции цен», в XVI—XVII веках, в связи с приливом огромных масс серебра и золота из Америки. Но Юм упустил из виду одно важное обстоятельство: на-ряду с огромным увеличением количества благородных металлов в Европе, происходило резкое падение стоимости последних, вызванное открытием более обильных американских рудников и введением крупных технических усовершенствований в дело добывания и обработки благородных металлов (в середине XVI века был открыт процесс амальгамирования серебра с ртутью, значительно удешевивший производство). При падении стоимости благородных металлов и одновременном быстром росте денежного хозяйства и поступающей на рынок массы товаров, для товарного обращения требовалась гораздо бо́льшая масса денег, чем раньше, и эта потребность удовлетворялась приливом серебра и золота из Америки. Следовательно, «революция цен» XVI—XVII веков не могла быть объяснена просто как следствие увеличения количества денег: в повысившейся цене товаров отражалось падение стоимости самих благородных металлов. Номиналистическое понимание денег, как простого знака, не имеющего собственной стоимости и приобретающего изменчивую «фиктивную» стоимость в зависимости от колебаний количества денег, в применении к металлическим деньгам оказывалось глубоко ошибочным.

Не останавливаясь на других недостатках количественной теории (игнорирование скорости оборота денег, роли кредитных денег

Digitized by Google

и проч.), следует отметить, что сам Юм своими поправками к этой теории открывает путь к ее преодолению. Ведь сам Юм признает, что, при удвоении количества денег в стране с одного до двух миллионов рублей, добавочный миллион рублей может быть накоплен в виде сокровищ в «сундуках»; в таком случае «количество денег в обращении» останется равным попрежнему миллиону рублей, и никакого повышения товарных цен не последует. Удвоение денег в стране не вызовет подъема товарных цен, так как часть денежной массы останется вне обращения. Но в таком случае встает вопрос: чем же определяется количество денег, вступающих в обращение? Очевидно, потребностями товарного обращения, которые в свою очередь зависят от массы товаров и от их цены (последняя же зависит от стоимости товаров и стоимости благородных металлов, выполняющих роль денег). Следовательно, нельзя утверждать, что цены товаров определяются количеством находящихся в обращении денег; наоборот, количество денег, находящихся в обращении, определяется потребностями товарного обращения, в том числе и ценами товаров.

Такое именно положение и было выдвинуто в середине XVIII века Джемсом Стюартом, с которым мы уже встречались выше [1]). Стюарт, сочинение которого вышло в 1767 году, в вопросах экономической политики являлся запоздалым представителем меркантилистических воззрений и в этом отношении далеко уступал Юму в понимании запросов своей эпохи. Но приверженность к меркантилистическим воззрениям предохранила его от ошибочного номиналистического понимания денег как простого знака. Стюарт возражает против количественной теории денег и доказывает, что высота товарных цен зависит не от количества денег в стране, а от других причин. «Рыночная цена товаров определяется сложной операцией спроса и конкуренции, которая совершенно не зависит от количества находящегося в стране золота и серебра». «В какой бы степени ни увеличивалось и ни уменьшалось количество монеты в стране, товары будут подниматься и падать в цене на основании принципа спроса и конкуренции, а последние всегда зависят от склонностей тех лиц, которые имеют собственность или другие эквиваленты для обмена, но никогда не от количества имеющихся у них денег». Размеры товарного обращения и цены товаров определяют

[1]) См. выше, главу 7-ю.

Digitized by Google

потребность обращения в деньгах. «Состояние торговли и мануфактур, образ жизни и обычные расходы жителей, вместе взятые, регулируют и определяют размеры спроса на наличные деньги». «Денежное обращение в каждой стране должно быть пропорционально промышленности жителей, производящих продукты, которые поступают на рынок. Поэтому, если количество монеты в стране упадет ниже уровня, соответствующего цене предлагаемых к продаже промышленных изделий, то будут введены изобретения, напр., символические деньги, которые и заполнят этот пробел. Если же количество монеты будет слишком велико по сравнению с промышленностью, эта монета не вызовет повышения цен и даже не войдет в обращение: она будет накопляться в виде сокровищ. Каково бы ни было количество денег у данной нации по сравнению с другими, в обращении останется всегда лишь такое количество, которое приблизительно соответствует потреблению богатых жителей и труду и прилежанию бедных жителей» данной страны.

Стюарт, следовательно, отрицает зависимость товарных цен от количества находящихся в обращении денег; наоборот, количество обращающихся денег определяется потребностями товарного обращения, в том числе и уровнем товарных цен. Из всей массы находящихся в стране денег одна часть вступает в обращение, остаток же, превышающий потребность товарного обращения в деньгах, остается вне обращения и накопляется в виде сокровища (резерва) или предметов роскоши. При расширении потребности товарного обращения в деньгах, часть сокровища вступает в обращение, в противоположном случае монета отливает из обращения. Изложенные идеи Стюарта, противопоставленные им количественной теории, были в XIX веке развиты Туком [1]) и впоследствии Марксом. Количественная теория Юма, с одной стороны, и учение Стюарта, с другой, дают нам яркое представление о двух основных течениях в теории денежного обращения, которые еще в настоящее время борются за преобладание в экономической науке.

---

[1]) Главное сочинение Тука: „История цен“ (1838—1857 годы).

Digitized by Google

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ФИЗИОКРАТЫ

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА.

Прежде чем приступить к истории физиократической школы, необходимо обрисовать в общих чертах экономическое состояние Франции в середине XVIII века. Физиократическая школа привлекала к себе внимание широких кругов общества прежде всего своею программою возрождения сельского хозяйства и своим протестом против меркантилистической политики. Чтобы понять появление физиократической школы, мы должны, поэтому, познакомиться с состоянием сельского хозяйства и судьбами меркантилистической политики во Франции XVIII века.

Меркантилистическая политика проводилась во Франции с наибольшею последовательностью начиная со времени правления Кольбера (1661—1682 годы), знаменитого министра Людовика XIV. Кольбер считается классическим представителем меркантилизма; иногда его ошибочно принимали даже за родоначальника меркантилистической политики, которой поэтому и давали название «кольбертизма». В действительности, однако, Кольбер лишь с большею последовательностью проводил характерную вообще для эпохи раннего капитализма политику насаждения мерами государственной власти торговли, судоходства и промышленности. Кольбер надеялся таким путем, во-первых, поднять благосостояние страны и открыть новые источники для пополнения государственной казны, страдавшей от постоянных дефицитов, и, во-вторых, политически ослабить феодальную аристократию. Чтобы развить внутреннюю торговлю, Кольбер хотел уничтожить таможни между отдельными провинциями и заставы на дорогах и мостах, принадлежавшие отдельным феодалам. Но эту попытку таможенного объединения страны Кольберу, вследствие противодействия отдельных провинций и феодалов, удалось

Digitized by Google

осуществить лишь для одной части Франции; только Великая Французская Революция докончила эту работу таможенного объединения всей Франции. В целях развития внешней торговли, Кольбер заботился о росте судоходства, построил значительный флот, поощрял торговлю с Индией, завел колонии в Америке. Во внешней торговле он проводил систему так называемого «торгового баланса», запрещая или затрудняя ввоз иностранных промышленных изделий и поощряя премиями вывоз французских изделий. Кольбер не останавливался ни перед какими затратами, чтобы насадить во Франции новые отрасли промышленности, особенно работающие на вывоз. Он содействовал устройству суконных, полотняных, шелковых, кружевных, ковровых, чулочных, зеркальных и т. п. мануфактур, выдавал их устроителям субсидии, премии, беспроцентные ссуды, освобождал их от налогов и предоставлял им монопольное право фабрикации. Чтобы обеспечить промышленности дешевые рабочие руки и сырье, Кольбер запрещал вывоз из страны хлеба и сырья, к величайшему ущербу для сельского хозяйства.

Насаждая промышленность за счет государственной казны, Кольбер вместе с тем подчинял ее строжайшему государственному контролю. Чтобы обеспечить французским товарам победу над иностранными конкурентами, правительство заботилось об их высоком качестве. Многочисленные регламенты и инструкции точно определяли длину и ширину материй, число нитей основы, способ окраски и т. п., вплоть до мельчайших деталей выделки. В первые годы правления Кольбера было издано около 150 регламентов с правилами выделки и окрашивания тканей, а одна только инструкция 1671 года содержала в себе 317 статей относительно «окраски шерстяных материй всех цветов и изучения употребляемых при этом составов и снадобий». Для надзора за выполнением этих правил назначались особые инспектора мануфактур, которые производили осмотр товаров в мастерских и на рынках, вмешивались во все детали производства, делали обыски и т. п. Товар, изготовленный с нарушением правил, конфисковывался и выставлялся к позорному столбу, с указанием имени промышленника или купца. Штрафы и конфискации сыпались на нарушителей правил. Эта строгая регламентация промышленности, введенная Кольбером, приобрела при его преемниках еще более мелочный и стеснительный характер.

На первых порах казалось, что меркантилистическая политика Кольбера и его преемников увенчалась блестящим успе-

Digitized by Google

хом: Франция заняла одно из первых мест в ряду торговых и промышленных наций Европы. Но уже вскоре после смерти Кольбера, в начале и еще более в середине XVIII века, стала очевидна непрочность этих успехов. Правда, французская промышленность, производившая предметы роскоши для нужд двора и аристократии, не имела соперников, и многие из этих предметов роскоши получили даже название «французских товаров». Версальский двор затмил своим блеском все другие европейские дворы, и Париж стал признанным законодателем мод и вкусов для всей Европы. Но эти внешние успехи покоились на непрочном основании. В стране с преобладающим крестьянским населением, разоренным поборами помещиков и налогами, капиталистическая промышленность в широких размерах не могла развиться. Вместо того, чтобы стать источником доходов для государства, новые «мануфактуры» требовали попрежнему льгот и субсидий и поглощали часть государственных средств. Число централизованных мануфактур оставалось незначительным, и в большинстве своем это были просто раздаточные конторы, раздававшие работу кустарям. Мечты о завоевании для французской промышленности обширных внешних рынков и колоний не оправдались. В середине XVIII века борьба между Францией и Англией за господство на мировом рынке кончилась победою Англии, которая отняла французские колонии в Америке и утвердилась в Индии. В важнейшей отрасли промышленности, суконной, Англия заняла первое место. Мелочная регламентация промышленности, на которую Кольбер возлагал большие надежды в смысле улучшения качества выделки товаров, на самом деле стала помехою для введения технических улучшений, вносила однообразие в производство и мешала промышленникам быстро приспособляться к требованиям рынка. Как отметил интендант мануфактур Бакелан, регламенты стесняли предприимчивость мануфактуристов, останавливали конкуренцию и препятствовали изобретательности. «Свобода предпочтительнее регламентации,—писал он в 1761 году,—она по крайней мере не может причинить вреда, регламенты же всегда опасны, а многие из них нелепы». В середине XVIII века из среды предпринимателей и даже правительственных чиновников все чаще раздавались голоса, настойчиво требовавшие отмены той стеснительной регламентации промышленности, кот. составляла характерную черту меркантилистической политики.

Но, конечно, наибольшим тормозом для роста капиталистиче-

Digitized by Google

ской промышленности во Франции являлась не стеснительность меркантилистической политики самой по себе, а тот факт, что политика эта проводилась в стране с обнищавшим крестьянством, при одновременном сохранении сеньориального строя и абсолютной монархии. При развитом сельском хозяйстве французская промышленность могла бы рассчитывать на обширный внутренний рынок, особенно принимая во внимание многочисленность населения в тогдашней Франции (в начале XVIII века около 18 миллионов, в то время как в Англии количество населения не превышало 5 — 6 миллионов). Но отсталое и разоренное сельское хозяйство Франции представляло собою слишком узкую базу для роста капиталистической промышленности. Покупательные силы полуголодающего крестьянства, вынужденного отдавать большую часть своего скудного урожая помещикам и государству, были ничтожны. Крестьяне не имели средств для покупки промышленных изделий и сокращали свои потребности до минимума. По словам Юнга, посетившего Францию перед революцией, крестьяне не носили ни чулок, ни башмаков, иногда ходили и без лаптей. Бретонские крестьяне с ног до головы одевались в дерюгу, из которой обыкновенно выделываются грубые мешки. Меркантилистическая попытка Кольбера построить блестящую мануфактурную промышленность на спине раздетого и разутого крестьянина неизбежно должна была кончиться крахом, и в середине XVIII века во Франции все более распространялось убеждение, что первым условием прочного роста капиталистического хозяйства являются подъем сельского хозяйства и отмена феодальных пережитков в деревне.

Действительно, сельское хозяйство во Франции находилось в XVIII веке в состоянии величайшего упадка и разорения. Правда, к этому времени крепостное право, за ничтожными исключениями, уже исчезло, и личность крестьянина была свободною. Но земля крестьянина была еще обременена целым рядом феодальных платежей и повинностей. Лишь небольшая часть крестьянства владела землею на праве полной частной собственности (аллодиальная собственность). Большинство же крестьян владело так называемою чиншевою землею. Крестьянин-чиншевик тоже являлся как бы собственником своей земли, которую он мог продавать и передавать по наследству. Но собственность эта была ограничена феодальными правами сеньора-дворянина. Каждый приход имел своего верховного господина, сеньора. Последний иногда владел в данном приходе не-

Digitized by Google

большим куском земли или замком, иногда же не имел здесь даже замка и никогда в свой приход не заглядывал. Тем не менее все крестьяне данного прихода обязаны были уплачивать ему ежегодно денежный чинш, размер которого определялся обычаем и не менялся. На некоторых землях денежный чинш заменялся уплатою натурой: крестьянин отдавал сеньору $^1/_{10}$, $^1/_8$, иногда даже $^1/_4$ урожая (так называемый шампар). Кроме того, при продаже крестьянской земли или переходе ее после смерти крестьянина к его наследникам, новый владелец уплачивал сеньору известную сумму денег.

Еще хуже было положение малоземельных и безземельных крестьян. Частью они занимались кустарными и отхожими промыслами или нанимались в батраки, частью же брали в аренду кусок земли у сеньора или другого собственника земли, уплачивая им за это натурою половину урожая. Не имея средств на обзаведение, эти арендаторы — п о л о в н и к и (называвшиеся так потому, что они отдавали собственнику земли половину урожая) нередко получали от землевладельца семена, скот или несложные сельскохозяйственные орудия. Если и крестьяне-чиншевики за неимением средств обрабатывали землю примитивным способом, то еще хуже велось хозяйство на землях, арендованных половниками. Лишь небольшая часть земель, принадлежавших дворянству, духовенству, королю и богатым буржуа, бралась крупными участками в аренду более богатыми крестьянами или арендаторами-фермерами, которые вкладывали в хозяйство значительный капитал и вели его на более рациональных началах. В отличие от Англии, где фермерская аренда получила в XVIII веке широкое распространение одновременно с улучшением и рационализацией сельского хозяйства, во Франции она встречалась гораздо реже. Во французской деревне XVIII века б у р ж у а з н ы е ф о р м ы земельной собственности и аренды играли еще незначительную роль по сравнению с ч и н ш е в о ю с о б с т в е н н о с т ь ю и п о л о в н и ч е с к о ю а р е н д о ю, опутанными целым рядом пережитков феодального строя.

Не меньшим бременем, чем сеньориальные поборы, ложились на крестьянское хозяйство г о с у д а р с т в е н н ы е н а л о г и. Абсолютная королевская власть требовала огромных сумм на содержание централизованной бюрократии и армии. Меркантилистическая политика погони за колониями и внешними рынками приводила к бесконечным разорительным войнам. Немало средств поглощала также поддержка новых мануфактур. С другой стороны, отняв

Digitized by Google

после длительной борьбы политические права у аристократического дворянства, королевская власть постаралась вознаградить последнее устройством блестящего двора, учреждением множества придворных и иных должностей для дворян, укреплением их сеньориальных прав на землю, изъятием от платежа налогов и т. п. От основного прямого налога (так называемой «тальи») дворянство совершенно освобождалось, духовенство откупалось от него ежегодным взносом определенной суммы денег. Горожане также частью уклонялись от платежа тальи и других прямых налогов, которые таким образом всей своею тяжестью ложились на низшее сельское население, т.-е. на крестьянство. Последнее же страдало и от косвенных налогов, особенно от налога на соль. Размеры и способы взимания налогов часто менялись, и крестьянин заранее не знал, какую сумму с него будут требовать. Чаще всего правительство сдавало взимание налогов на откуп богатым финансистам-откупщикам, которые сильно на этом наживались; иногда казне доставалась только меньшая половина общей суммы взысканных налогов.

Государственные налоги, к которым прибавлялась также церковная десятина, истощали крестьянское хозяйство. Незадолго до революции герцог Лианкур указывал, что фискальная политика, основанная на «привычке постоянно требовать денег у земледельца и не давать ему взамен ничего», сильнейшим образом тормозила прогресс сельского хозяйства. Другим тормозом являлась политика хлебных цен. Со времени Кольбера французское правительство начало более решительно проводить меркантилистическую политику понижения хлебных цен, во-первых, с целью удешевления сырья и рабочих рук для промышленности и, во-вторых, чтобы обеспечить прокормление городского и в первую очередь парижского населения. Вывоз хлеба за границу был запрещен, ввоз же его из-за границы допускался. Внутри страны хлебная торговля подвергалась строжайшей регламентации: запрещалась продажа хлеба вне рынков и обратный вывоз его из города; из опасения спекуляции и поднятия цен деятельность хлебных торговцев была сильно стеснена, отсутствовало свободное передвижение хлеба между отдельными провинциями. В итоге дороговизна хлеба в одних местностях сопровождалась обесценением его в других, хлебные цены резко колебались по отдельным годам. Сельское хозяйство страдало одновременно и от низкого уровня цен на хлеб и от неуверенности, порождаемой постоянными их колебаниями.

Digitized by Google

Разоряемое сеньориальными и государственными платежами и страдая от политики хлебных цен, крестьянское хозяйство не могло накоплять средств для улучшения сельскохозяйственной техники. Преобладало трехпольное хозяйство, а во многих местах сохранялось еще двухполье. Травосеяние вводилось лишь в некоторых северных провинциях. Чересполосица и принудительный севооборот задерживали распространение технических культур, животноводство было в жалком состоянии, поля почти не удобрялись. Тощий скот, деревянная соха и борона, — таков был инвентарь французского крестьянина в то самое время, когда в английском фермерском хозяйстве уже господствовал плодосмен, процветало животноводство и употреблялись железные сельскохозяйственные орудия. Неудивительно, что урожаи во Франции далеко уступали английским, не превышая обычно сам-пять, и что за время с начала XVIII века до революции Франция пережила 30 голодных годов.

Низкая производительность сельского хозяйства, вместе с господствовавшими до середины XVIII века низкими ценами на хлеб, сокращала приходный бюджет крестьянина, в то время как сеньориальные и государственные платежи (вместе с церковною десятиною) напрягали до последней степени его расходный бюджет. Как метко выразился Тэн, французский крестьянин дореволюционной эпохи напоминал собою человека, погруженного по горло в воду и при малейшем волнении рискующего захлебнуться. За исключением небольших групп зажиточных крестьян и фермеров, подавляющая масса крестьянства жила в вечной жестокой нужде, не доедая и не сводя концов с концами. В 1740 году епископ Массильон писал: «Наш деревенский люд живет в ужасной нищете, без кроватей, без мебели, большая часть даже питается половину года ячменным и овсяным хлебом, который составляет их единственную пищу, и который им приходится вырывать изо рта у себя и своих детей, чтобы уплатить налоги». Известный статистик Моро-де-Жонес следующим образом характеризовал положение бретонского крестьянина перед революцией: «Из четырех снопов, получаемых им с поля, один принадлежал сеньору, другой—приходскому священнику или приору соседнего монастыря, третий всецело уходил на платеж налогов, четвертый—на покрытие издержек производства». Если этот расчет и является преувеличенным, то, во всяком случае, нередко половина валового урожая уходила на государственные и сеньориальные платежи, а за вычетом семян (дости-

Digitized by Google

гавших вследствие низких урожаев почти 1/5 части сбора) едва оставался хлеб для прокормления земледельца. Подчас сеньориальные и государственные платежи взимались с валового, а не с чистого сбора, не принимая даже в расчет вычета на семена: в таких случаях на прожиток крестьян, особенно половников, иногда ничего не оставалось.

Описанные условия не только делали невозможным расширение и улучшение земледелия, но глубочайшим образом нарушали даже процесс простого воспроизводства сельского хозяйства в прежних размерах. Во многих местностях сельское население вымирало, в других—земледельцы уходили в отхожие промыслы или пополняли многочисленные ряды нищих. Маркиз Тюрбильи заметил в 1760 году, что половина удобных к обработке земель пустует и на каждом шагу можно встретить поля, заброшенные возделывателями. Путевые заметки Артура Юнга дают яркую картину упадка сельского хозяйства в большинстве местностей Франции, за исключением немногих счастливых провинций. В одной провинции, по его словам, треть земли вовсе не возделывается, а остальные две трети носят явные признаки разорения; в другой он не встречает «ничего, кроме нищеты и плохих всходов»; в третьей «полунищие половники продолжают держаться самых нерациональных порядков земледелия, не допускающих никаких улучшений и делающих бедность наследственною».

Деградация сельского хозяйства во Франции XVIII века являлась ярким признаком вопиющего противоречия между потребностями развития производительных сил и устарелыми социально-политическими порядками. Развитие капиталистического хозяйства во Франции было невозможно без подъема сельского хозяйства, а необходимым условием такого подъема сельского хозяйства являлась замена сеньориального строя буржуазными формами землевладения. В середине XVIII века было уже очевидно, что устарелые, феодальные формы земельной собственности, при которых права собственника на землю были ограничены правами других лиц (напр., право собственности крестьянина-чиншевика было ограничено правом сеньора на платежи и повинности), должны быть заменены буржуазною формою частной собственности на землю. Но такая замена могла произойти в двух противоположных формах, в зависимости от того, перейдет ли земля, которая при феодальном строе находилась в совладении помещика с крестьянами, в частную собственность

Digitized by Google

первого или последних. Первый путь означал, что крупный землевладелец постепенно сгонит с земли крестьян-чиншевиков и половников и начнет сдавать землю в аренду крупными участками богатым фермерам. Такой процесс насаждения крупной капиталистической аренды и обезземеления большинства крестьян произошел в Англии, которая стала страною крупного землевладения. Второй путь предполагал, что крестьянская земля будет освобождена от всех сеньориальных платежей и повинностей и перейдет в полную частную собственность крестьян. По этому пути пошла Великая Французская Революция, из которой Франция вышла страною мелкого крестьянского землевладения.

Но в середине XVIII века путь революционного разрешения аграрного вопроса казался еще исключенным. В это время могло еще казаться, что подъем и рационализация обнищавшего сельского хозяйства возможны только, по примеру Англии, в виде распространения крупной фермерской аренды, уже немало содействовавшей успехам английского сельского хозяйства. Такого рода капиталистическая аграрная реформа была бы прежде всего в интересах фермеров и богатых слоев крестьянства, т.-е. сельской буржуазии или так называемого «сельского третьего сословия». В известной мере такая реформа пошла бы на пользу и землевладельцам, которые сохранили бы право собственности на землю и получали бы арендную плату. Проповедниками такого рода аграрной реформы и явились в середине XVIII века физиократы, которые предлагали разрешить историческую задачу подъема сельского хозяйства посредством замены сеньориального строя капиталистическою фермерскою арендою.

В своей программе физиократы заботились о создании благоприятных условий для развития капиталистического сельского хозяйства. Мы видели, что во Франции первой половины XVIII века сельское хозяйство страдало, во-первых, от малой производительности земледелия и низких урожаев, во-вторых, от низких цен на хлеб и, в-третьих, от тяжелых сеньориальных повинностей и государственных налогов. Первые две причины уменьшали доход земледельца, третья напрягала до крайности его расходный бюджет. Физиократы в своей программе требовали устранения всех перечисленных неблагоприятных условий. Во-первых, они отстаивали необходимость рационализации земледелия по примеру английского фермерского хозяйства. Во-вторых, они горячо нападали на меркантилистическую политику

Digitized by Google

снижения хлебных цен и требовали свободной торговли и свободного вывоза хлеба за границу. В-третьих, они выдвинули программу полного освобождения фермерского класса от налогов и переложения всех налогов на ренту землевладельцев.

Но физиократы не ограничились проповедью реформ в интересах поднятия сельского хозяйства и обогащения сельской буржуазии. Под свою практическую программу они старались подвести теоретический фундамент. Они доказывали, что только при осуществлении указанных реформ будет обеспечен нормальный ход процесса общественного воспроизводства и будет получаться значительный чистый доход (или «чистый продукт», по их терминологии). В своей теории общественного воспроизводства и в теории чистого продукта (или прибавочной стоимости) глава физиократов Кенэ дал первую попытку анализа капиталистического хозяйства в целом. Практическая программа физиократов потерпела крушение, но их теоретические идеи, освобожденные от односторонностей и ошибок, были восприняты и развиты дальше последующими экономическими направлениями (классическою школою и Марксом) и обеспечили за Кенэ бессмертную славу одного из основателей современной политической экономии.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ИСТОРИЯ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Физиократическая теория была выработана во Франции в середине XVIII века. Но вся первая половина этого века может рассматриваться как эпоха предшественников физиократии.

Разорение крестьянства и упадок сельского хозяйства обратили на себя внимание еще в конце XVII века. Уже тогда Лабрюйер рисовал мрачную картину нужды крестьян, а Фенелон писал, что народ голодает, обработка земли заброшена и «Франция превратилась в разоренный и лишенный провианта госпиталь». Экономист Буагильбер (1646 — 1714 г.г.), называвший себя адвокатом сельского хозяйства, выступил против кольбертовской политики снижения хлебных цен и требовал свободного вывоза хлеба за границу. Он утверждал, что «никогда не бывает народ столь несчастным, как при дешевой цене хлеба». Он выступал также против меркантилистической преувеличенной оценки роли денег, которым, по его мнению, следует отвести лишь скромную, служебную роль средства для облегчения обмена. Одновременно с Буагильбером известный маршал Вобан требовал облегчения налогового бремени, разоряющего крестьянство. Буагильбер за свои сочинения впал в немилость, а Вобан умер в тот самый день, когда книга его была торжественно сожжена рукою палача.

Дальнейшее развитие тех же идей дал позднее маркиз д'Аржансон (1694—1757 г.г.). Борьба против меркантилистического протекционизма привела его к принципиальной защите полной свободы торговли. «Не вмешивайтесь (laissez faire), — таков должен быть девиз каждой публичной власти». У Аржансона впервые часто встречается эта знаменитая формула фритредерства: «Laissez faire» (впоследствии дополненная — вероятно, Гурнэ, — словами: «et laissez passer»).

К середине XVIII века у некоторых мыслителей, таким образом,

Digitized by Google

уже встречались отдельные идеи и практические требования, впоследствии вошедшие в систему физиократов. Но с середины XVIII века эти идеи и требования стали предметом оживленного обсуждения и для широких общественных кругов. Деградация земледелия и застой промышленности, обнищание крестьянства и постоянные дефициты казны делали и для широкой публики очевидною несостоятельность старого режима. Во Франции началась предреволюционная эпоха недовольства и брожения, проектов реформ и поисков новых социальных и философских формул. Экономические вопросы также стали с начала 1750-х годов предметом обсуждения в книгах и журналах, в великосветских салонах и в правительственных комиссиях. Неудачи правительственной хлебной политики содействовали распространению в широких кругах общества убеждения в необходимости отмены прежних запрещений и ограничений хлебной торговли. Отчасти под влиянием общественного мнения, правительство в 1754 г. разрешило свободную перевозку хлеба между отдельными провинциями, хотя и оставило в силе запрещение вывоза хлеба за границу.

В эти годы повышенного общественного интереса к экономическим вопросам на сцену выступили две группы экономистов: одни из них группировались вокруг Гурнэ, другие вокруг Кенэ. Обе группы родились из оппозиции меркантилистической политике запрещений, монополий и регламентации. Но в то время как Кенэ отвергал эту политику во имя интересов сельского хозяйства и сельской буржуазии, Гурнэ требовал прежде всего отмены тех ограничений, которые тормозили свободное развитие городской промышленности и торговли (цехи, промышленная регламентация, внутренние таможни). Гурнэ и его последователи интересовались преимущественно практическими вопросами и не оставили теоретически ценных трудов, в отличие от школы Кенэ.

Франсуа Кенэ (1694—1774 г.г.), родившийся в семье мелкого землевладельца полукрестьянского типа, собственным упорным трудом пробился в люди. Медик по образованию, он заслужил репутацию выдающегося врача и издал ряд научных трудов по медицине и биологии. В 1749 году он был приглашен ко двору в качестве постоянного врача известной мадам Помпадур, фаворитки Людовика XV, а через три года был назначен также врачом при самом короле.

В это время Кенэ, достигший уже 55-летнего возраста, забросил свои научные занятия медициною и отдал свои силы раз-

Digitized by Google

работке экономических вопросов, волновавших общественное мнение того времени. Уже в первых своих статьях, напечатанных в 1756—1757 г.г. в знаменитой «Энциклопедии», Кенэ объяснял упадок сельского хозяйства тяжестью налогов и искусственным понижением хлебных цен вследствие запрещения вывоза хлеба за границу. Уже в этих статьях Кенэ рисовал преимущества крупного фермерского хозяйства и рекомендовал привлекать в деревню зажиточных фермеров, которые могли бы вложить крупные капиталы в сельское хозяйство.

Теоретическое обоснование своих взглядов Кенэ дал в позднейших трудах. В 1758 г. он создал свою знаменитую «Экономическую Таблицу» и в дополнение к ней написал «Общие принципы экономической политики земледельческого государства». В этих двух работах изложены основные положения экономической теории и экономической политики Кенэ. Философскую основу своей теории Кенэ изложил в 1765 году в работе о «Естественном праве» [1]).

Если разработка физиократической теории принадлежала всецело одному Кенэ, то ее популяризаторами и пропагандистами выступали его талантливые последователи, группировавшиеся вокруг него и образовавшие тесно сплоченную физиократическую школу или «секту», как называли ее противники [2]). Наиболее деятельными из них были маркиз Мирабо Старший и Дюпон-де-Немур (меньшую роль играли Мерсье де ла Ривьер, Летрон, Бодо). Оригинальным и самостоятельным мыслителем из последователей физиократии можно считать только Тюрго, никогда, впрочем, не принадлежавшего к числу членов «секты» в узком смысле слова.

Пропаганду своих идей физиократы вели в книгах и журналах, в салонах и в правительственных комиссиях. Одно время физиократы даже забрали в свои руки издававшийся правительством официозный журнал, но, будучи вскоре вытеснены оттуда, обзавелись собственным журналом «Эфемериды». С 1767 года начались регулярные еженедельные собрания физиократов в салоне Мирабо в Париже, служившие в течение десяти лет сплочению едино-

[1]) Из остальных сочинений Кенэ наиболее замечательны: „Анализ Экономической Таблицы", „Китайский деспотизм" и диалоги о торговле и ремесленном труде.

[2]) Последователи Кенэ называли себя „экономистами", но стали известны в обществе под кличкою физиократов, после того как Дюпон издал работы Кенэ под громким заглавием: „Физиократия или естественное устройство правительства, наиболее выгодное для человеческого рода". Физиократия означает „господство природы".

Digitized by Google

мышленников и вербовке новых членов. Собрания эти немало содействовали распространению «агрономической моды» в широких кругах общества. Физиократические идеи привлекали к себе всеобщее внимание, ими интересовались, с одной стороны, Вольтер и Руссо, а с другой — коронованные особы вплоть до Екатерины II.

Но по мере распространения идей Кенэ, все более обнаруживалось, что физиократия, как общественное течение, добивающееся определенной общественной реформы, в условиях предреволюционной Франции обречена на неудачу. Франция неотвратимо шла навстречу революции, в которой широкие народные, в том числе и крестьянские массы, под руководством городской буржуазии, смели королевскую власть и дворянские привилегии. Попытка физиократов избежать аграрной революции посредством аграрной реформы, проводимой в интересах немногочисленной сельской буржуазии при помощи королевской власти и некоторых кругов дворянства, не имела никаких шансов на осуществление. Своею приверженностью к абсолютной монархии физиократы отмежевали себя от господствующего общественного течения той эпохи, от «энциклопедистов» — идеологов прогрессивной городской буржуазии. Одновременно физиократы вызвали нападки против себя со стороны защитников непосредственных экономических интересов торгово-промышленной буржуазии (в том числе и последователей Гурнэ). С их стороны физиократы подвергались ожесточенным нападкам за свое учение о «непроизводительности» торгово-промышленного класса и за свое требование свободного вывоза хлеба за границу. Физиократическому идеалу земледельческого государства, вывозящего хлеб за границу и ввозящего оттуда дешевые промышленные изделия, известный экономист Галиани[1]) в 1770 году противопоставил идеал развитого промышленного государства, которое потребляет весь производимый в стране хлеб и даже ввозит добавочное количество хлеба из-за границы. В вопросе о вывозе хлеба резко столкнулись интересы сельского хозяйства и промышленности, и либеральный закон 1764 г. о свободном вывозе хлеба за границу был в 1770 г. отменен.

Надежды на осуществление физиократической программы оживились опять во время министерства Тюрго (1774—1776 г.г.) [2]).

---

[1]) См. о нем выше, главу 7-ю.

[2]) Тюрго родился в 1727 г., умер в 1781 г. Главное его сочинение: „Размышления о создании и распределении богатств" написано в 1766 г., напечатано в 1769—1770 г.г.

Digitized by Google

Назначенный министром финансов, Тюрго сделал попытку провести ряд важных реформ. Он восстановил свободу внутренней хлебной торговли, издал закон об упразднении цехов и свободе промыслов, заменил натуральную дорожную повинность, обременительную для крестьянства, денежными платежами, падавшими на всех землевладельцев, в том числе и на дворян. Реформы Тюрго вызвали сильнейшее недовольство реакционных общественных кругов (придворной аристократии, дворянства, финансовых откупщиков), приведшее к отставке министра-реформатора. Абсолютная монархия и землевладельческий класс, вопреки надеждам физиократов, оказались неспособными к проведению общественных реформ, и Франция быстро шла навстречу грозным событиям Великой Революции.

Падение Тюрго было последним ударом, довершившим крах физиократии как определенного общественного течения. Крах практической программы физиократов оказался вначале роковым и для судьбы их теоретических идей: последние на долгие годы и десятилетия были преданы забвению или служили предметом грубейших насмешек. В середине XIX века Маркс один из первых указал на огромные научные заслуги физиократов, скрытые под причудливою формою и ошибками их теории. Конец XIX и начало XX столетий были временем реабилитации физиократов. Тщательное изучение их теоретических идей подтвердило полностью высокую оценку, данную им Марксом, и в настоящее время славу основателя политической экономии у Адама Смита оспаривает Франсуа Кенэ.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ФИЗИОКРАТОВ.

Мы знаем, что физиократы считали необходимым заменить мелкое крестьянское хозяйство крупным фермерским и хотели гарантировать фермерам свободный вывоз хлеба за границу и свободу от налогов. Какими же средствами надеялись они осуществить свою программу? В ответе на этот вопрос физиократы резко расходились с просветителями — передовыми идеологами городской буржуазии. Резко критикуя режим абсолютной монархии, просветители противопоставляли ей в качестве политического идеала конституционную монархию с разделением властей (Монтескье) или же демократическое государство, основанное на идее народного суверенитета (Руссо). Тем самым просветители, хотя и не договаривая своей мысли до конца, ставили перед буржуазией задачу революционного завоевания политической власти. Иначе решали политический вопрос физиократы, которые являлись сторонниками просвещенного абсолютизма, абсолютной монархии, «единой власти, стоящей выше всех различных исключительных интересов, которые она должна подавлять» (Кенэ). От просвещенного монарха ожидали физиократы проведения рекомендуемых ими экономических реформ.

Многие авторы указывали на логическое противоречие между монархическими взглядами физиократов и их экономическими требованиями возможно большей свободы для индивидуума. Но эта приверженность физиократов к монархии может быть объяснена их общею социально-классовою позицией. Физиократы не столько опирались на уже существующую сельскую буржуазию, еще не многочисленную и не влиятельную, сколько стремились создать благоприятные условия для экономического роста этого класса. Мечтать в таких условиях о завоевании политической власти для сельской буржуазии было явно безнадежно. Свержение монархии обещало передать власть либо в руки еще цеплив-

Digitized by Google

шегося за свои политические привилегии дворянства, либо в руки молодой и богатой городской буржуазии. А обе эти перспективы грозили крахом физиократической программе. Находящееся у власти дворянство не допустило бы налоговой реформы в физиократическом духе и взвалило бы налоговое бремя на фермерский класс. Городская же буржуазия, завоевавшая власть, могла бы еще усилить, — как опасались физиократы, — ненавистную меркантилистическую политику поощрения торговли и промышленности за счет сельского хозяйства. Раз свержение или ослабление монархии с усилением политической роли дворянства или городской буржуазии грозило полным крахом программе физиократов, последним не оставалось ничего другого, как возложить все свои надежды на абсолютную монархию и объявить себя ее сторонниками.

Но, конечно, физиократы высказывались за сохранение абсолютной монархии никоим образом не для того, чтобы последняя продолжала свою разорительную политику поддержки феодальных и меркантилистических привилегий. По мнению физиократов, эти привилегии противоречат разуму, «естественному праву», вечным и неизменным законам, которые предначертаны навеки творцом мира и обязательны как для отдельных людей, так и для государственной власти. Король не должен издавать законы по своему произволу, так как в этом случае издаваемые им законы могут оказаться противоречащими естественному праву и принести только неисчислимый вред. Незнанием вечных законов естественного права и объясняется обилие вредных «положительных» законов, издававшихся государством. Чтобы избежать расстройств и беспорядка в общественной жизни, король должен строго сообразовать все свои законы с предписаниями естественного права. Политическим идеалом физиократов являлся «легальный деспотизм», т.-е. монархия, выполняющая веления естественного права, или, как увидим ниже, поощряющая развитие буржуазного хозяйства.

Итак, физиократы ставили произвольному законодательству короля преграду в виде вечных и нерушимых естественных законов, стоящих выше «положительных» законов государства. В этом отношении физиократы придерживались учения о «естественном праве», развитого передовыми буржуазными мыслителями XVII века (Гроций, Гоббс, Локк). В борьбе против устарелых феодальных порядков буржуазия выдвигала требования нового общественного строя, в котором она усматривала разумный и спра-

Digitized by Google

ведливый «естественный порядок». В противовес привилегиям, освященным авторитетом короля и законов, она освящала свои требования авторитетом высших и вечных естественных законов, перед которыми должны почтительно преклониться короли и положительные законы государства. В чем же заключался этот идеальный «естественный порядок», осуществления которого требовали мыслители XVII — XVIII веков? В сущности они понимали под ним буржуазный общественный строй, освобожденный от феодальных пережитков и предоставляющий отдельным индивидуумам возможность беспрепятственного преследования своих выгод на основе свободного соревнования (конкуренции) с другими членами общества. Право личности на удовлетворение своих естественных потребностей и на приобретение необходимых для этого вещей, право личной свободы (т.-е. освобождение личности от крепостного права), свобода частной собственности (т.-е. освобождение собственности от феодальных повинностей и ограничений), свободное соревнование индивидуумов (т.-е. отмена феодальных и цеховых ограничений хозяйственной деятельности), — таковы были важнейшие «естественные права» личности, осуществления которых требовали идеологи буржуазии.

Учение о естественном праве сыграло огромную революционную роль тарана, разбивавшего твердыни феодального режима и абсолютной монархии. Наиболее радикальные мыслители XVIII века требовали обеспечения «естественных прав» личности не только в экономической, но и в политической области, т.-е. демократизации государственного строя (учение Руссо об общественном договоре и народном суверенитете). Физиократы, в согласии со своими консервативными политическими тенденциями, старались смягчить революционное острие теории естественного права и отказывались делать из нее политические выводы. Но зато им принадлежит заслуга наиболее последовательного приложения идей естественного права к сфере экономической жизни. Они признали «естественным порядком» совокупность экономических условий, необходимых для беспрепятственного развития буржуазно-капиталистического хозяйства (прежде всего в сфере земледелия). Законы буржуазного хозяйства были объявлены ими естественными законами, нарушать которые законодатель не вправе. Этим физиократы, с одной стороны, содействовали освобождению хозяйственной жизни от вмешательства государственной власти; с другой стороны, они положили начало

Digitized by Google

понятию внутренней, «естественной» закономерности хозяйственной жизни, независимой от произвола и вмешательства законодателя.

Естественное право с самого начала приобретает у физиократов экономический оттенок и определяется у Кенэ, как «право человека на вещи, пригодные для его пользования». Однако, в эту формулу, которая более радикальным мыслителям давала повод критиковать неравное распределение вещей между богатыми и неимущими классами общества, Кенэ спешит внести ограничение: естественное право человека сводится к праву «лишь на те вещи, пользования которыми он может достигнуть». Но для того, чтобы обеспечить себе фактическое приобретение вещей, «требуются известные физические и интеллектуальные способности, а также инструменты и орудия». Неравенство в способностях и «ресурсах» (т.-е. богатстве) людей создает огромное неравенство в пользовании ими своим естественным правом. В то время как для мыслителей коммунистов (Мабли) и даже для более радикальных идеологов мелкой буржуазии (Руссо) такое неравенство означало нарушение естественного права и давало повод к критике частной собственности, Кенэ легко мирится с этим неравенством, как неизбежно «вытекающим из известной комбинации законов природы». Имущественное неравенство есть неизбежное маленькое зло, с которым приходится мириться ввиду огромной пользы частной собственности, поощряющей трудолюбие людей. Естественное право сводится, таким образом, к праву человека на свободное приложение своего труда и к праву частной собственности. «Личная свобода и собственность гарантированы людям извне естественными законами, на которых покоится основной строй благоустроенных обществ».

Эту формулу можно еще упростить, так как и личная свобода представляет собою не что иное, как особый вид собственности: это—«личная собственность», или право индивидуума на свободное приложение своего труда. Из личной собственности вытекает «движимая собственность», или право человека на вещи, созданные его трудом. Наконец, человек, который при помощи своего труда и движимых вещей привел девственную землю в пригодное для земледелия состояние, навсегда приобретает «земельную собственность». Естественное право человека сводится в сущности к перечисленным трем видам собственности, тесно между собой связанным. Повторяя в учении о собственности мысли Локка, физиократы, однако, делают характерное отступление. В то время как Локк сомневается в праве

Digitized by Google

человека на завладение площадью земли, которой он не в состоянии обработать собственными своими силами, физиократы оправдывают существование крупной земельной собственности по следующим двум мотивам: во-первых, землевладельцы или их предки произвели в свое время затраты (труда и движимых вещей) на приведение земли в пригодное для обработки состояние; во-вторых, только при прочно гарантированной собственности на землю в последнюю будут вложены большие капиталы, — условие, необходимое для процветания земледелия. Физиократы согласны оставить за крупными землевладельцами их землю, лишь бы они сдавали ее в аренду фермерам-капиталистам.

Как видим, учение физиократов о естественном праве носит на себе явные черты двойственности их социально-экономической программы, как умеренно-буржуазной. Поскольку, с одной стороны, физиократы склонялись к политическому компромиссу с монархией и экономическому компромиссу с крупным землевладением, они объявляли себя сторонниками первой и оправдывали последнее. Поскольку, с другой стороны, они ценою такого социально-политического компромисса надеялись добиться свободного развития капитализма в чисто экономической области, они объявляли «естественным порядком» буржуазный экономический строй, основанный на частной собственности и освобожденный от пережитков феодализма. Обеспечение «личной собственности» означало освобождение производителя от крепостного права, от феодальных и цеховых пут. Гарантия «движимой собственности» означала утверждение власти капитала и торжество свободной конкуренции в товарном обмене. Наконец, под «земельною собственностью» физиократы понимали буржуазную форму землевладения, освобожденного от сеньориальных порядков и предполагающего капиталистическую аренду.

Для того, чтобы в народном хозяйстве установился описанный «естественный порядок», необходимо устранить стеснительную опеку государства. Пусть последнее откроет широкое поле действию естественных законов или свободной игре индивидуальных интересов, а на себя возьмет только работу об устранении искусственных преград, тормозящих действие этих естественных законов. «Что́ требуется для благоденствия нации? Обрабатывать землю с возможно бо́льшим успехом и предохранять общество от воров и нищих. Осуществление первого требования предписывается собственным интересом каждого, осуществление же второго поручается правительству». Горе стране, если

Digitized by Google

правительство, не ограничиваясь скромною задачею охраны общественной безопасности от злокозненных лиц, начнет вмешиваться в хозяйственную деятельность отдельных индивидуумов. В противовес меркантилистической политике строгой регламентации хозяйственной деятельности отдельных индивидуумов, физиократы видели в этой регламентации лишь источник постоянных беспорядков и нарушений мудрых и неизменных естественных законов. В свободной и нестесняемой деятельности индивидуумов физиократы усматривали лучшую гарантию осуществления «естественного порядка» в народном хозяйстве. Физиократы были горячими сторонниками экономического индивидуализма, характерного вообще для идеологии молодой буржуазии.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ [1]).

Экономическая теория физиократов, к разбору которой мы переходим, имела своею задачею исследование и открытие естественных законов хозяйства. Физиократы были уверены, что им удалось найти вечные и неизменные законы хозяйства, согласные с законами природы и наиболее выгодные для человеческого рода. Но при этом физиократы, сами того не сознавая, за естественные законы хозяйства принимали законы буржуазного хозяйства. Предметом своего теоретического исследования и идеалом своей экономической политики физиократы избрали крупное фермерское хозяйство капиталистического типа. В этом предпочтении сказались как социально-классовые симпатии физиократов, так и преобладающий интерес их к проблеме максимального роста производительных сил сельского хозяйства. Мы видели выше, до какой степени деградации и разорения дошло сельское хозяйство Франции к середине XVIII века. Оздоровление хозяйственной жизни и государственных финансов Франции было невозможно без подъема производительности сельского хозяйства, а такой подъем мыслился физиократами только в форме капиталистического фермерского хозяйства.

В современной им Англии физиократы видели пример быстрого распространения крупных ферм и одновременной рационализации сельского хозяйства. Контраст между отсталым трехпольным хозяйством французского мелкого крестьянина и усовершенствованным плодопеременным хозяйством английского фермера бросался в глаза. Физиократы стали рьяными защитниками новых приемов агрикультуры. Для поднятия производительности сельского хозяйства необходимо, по их мнению,

---

1) Под земледелием здесь, как и всюду ниже, понимается вообще сельское хозяйство.

Digitized by Google

ввести плодопеременную систему, поднять животноводство, перейти к стойловому кормлению скота, широко пользоваться удобрением, расширять посевы технических культур. Но такое рациональное хозяйство требует вложения крупных капиталов и может вестись только на крупных фермах. Физиократы поэтому становятся защитниками «крупной, богатой и научной культуры», которую они противопоставляют отсталой крестьянской «мелкой культуре».

Физиократы не уставали подчеркивать малую производительность хозяйства крестьян-чиншевиков и половников. Мелкие крестьяне работают при помощи самых примитивных орудий, не имеют достаточного количества скота и почти не удобряют полей. В результате этого количество получаемого ими с земли продукта ничтожно, его едва хватает на удовлетворение самых насущных их потребностей. «Половники, сами влачащие жалкое существование вследствие нерациональной культуры, доставляют средства существования, не достаточные даже для населения бедной страны». Никакого «чистого продукта» или чистого дохода, сверх необходимых для работника средств существования, мелкое земледелие почти не дает. Отсюда следует, что для поднятия производительности сельского хозяйства необходимо заменить мелкие крестьянские хозяйства крупными фермами. «Земли, предназначенные для культуры зерновых хлебов, следует соединять, по возможности, в большие участки, эксплоатируемые богатыми фермерами; так как в крупных земледельческих предприятиях, сравнительно с мелкими, издержки на содержание и ремонт менее значительны, расходы гораздо ниже, а чистый продукт несравненно значительней. Многочисленность мелких фермеров невыгодна для населения». В согласии с этими словами Кенэ, Тюрго также отдает решительное предпочтение фермерской аренде перед хозяйством крестьян-чиншевиков или половников: «Этот способ отдавать землю в аренду выгоднее всех других как для собственников, так и для земледельцев [1]); он устанавливается повсеместно, где имеются богатые земледельцы, могущие делать предварительные затраты на обработку; а так как богатые земледельцы могут приложить к земле больше труда и лучше удобрять ее, то здесь получается громадное возрастание в продукте и увеличение дохода от земли».

---

[1]) Под собственниками понимаются землевладельцы, а под земледельцами—арендаторы.

Digitized by Google

Физиократы, следовательно, предлагали аграрную реформу, направленную к разрыву тех феодально-сеньориальных связей, которые соединяли дворянина-землевладельца с крестьянином-чиншевиком или арендатором-половником. Земля постепенно должна очищаться от мелких чиншевиков и половников и отдаваться землевладельцем, как неограниченным частным собственником, в аренду крупными участками фермерам, каковыми могут быть только более богатые крестьяне или состоятельные арендаторы, переселившиеся из города. Беднейшим же слоям крестьянства не остается, повидимому, ничего другого, как работа по найму в качестве сельских рабочих (батраков) у новых фермеров. Сеньориальные повинности заменяются добровольным договором между землевладельцем и арендатором, мелкое крестьянское хозяйство полуфеодального типа—крупною капиталистическою арендою. Такого рода аграрная реформа явилась бы своего рода компромиссом между сельскою буржуазией, которая извлекла бы из нее большие выгоды, и крупными землевладельцами, которые сохранили бы право собственности на землю и получали бы арендную плату. Сеньориальный строй в деревне, тормозивший развитие производительных сил, был бы заменен более прогрессивным капиталистическим сельским хозяйством. Но реформа эта была бы проведена целиком за счет широких крестьянских масс, которые были бы, по примеру Англии, обезземелены и пролетаризованы.

Физиократов, однако, такая перспектива нисколько не страшила, а, наоборот, казалась им единственным выходом из кризиса сельского хозяйства и рисовалась в радужных красках: «Количество фермеров все увеличивалось бы... мелкое землевладение постепенно исчезало бы, а доходы собственников и налоги возрастали бы пропорционально умножению продуктов с земельных владений, обрабатываемых богатыми земледельцами». Физиократы требовали от государственной власти даже активных мер поощрения фермерского хозяйства за счет крестьянского (напр., освобождения фермеров от службы в милиции, которой подлежали мелкие крестьяне, освобождения от дорожной повинности).

Но для насаждения в широких размерах фермерского хозяйства необходимо привлечение в деревню возможно большего числа арендаторов-капиталистов. Привлечение капиталов в сельское хозяйство,—такова основная задача, преследуемая физиократами. «Правительству следует привлекать в деревни скорее богатства, чем людей; в людях недостатка не будет, раз

Digitized by Google

имеются богатства; но без последних все погибнет, земли утратят свою ценность, и королевство очутится без ресурсов и без сил». Вся система экономической политики, рекомендуемая физиократами, должна содействовать привлечению капиталов из города в деревню, из торговли и промышленности в сельское хозяйство. Для этой цели должны служить высокие хлебные цены, делающие сельское хозяйство особенно выгодным занятием. Для этой же цели необходимо гарантировать фермеру неприкосновенность вложенных им в землю капиталов, освободить его от личных повинностей и от земельного налога, который целиком должен падать на землевладельца. «Необходимо, чтобы существовала полнейшая безопасность для свободного помещения богатств в земледелие и совершенная свобода в торговле продуктами». В противном случае «зажиточные обитатели, столь необходимые для своего дела, перевезли бы свои богатства, затрачивавшиеся на земледелие, в города, с целью воспользоваться там привилегиями, которые невежественное правительство из особенной склонности к горожанам, этим людям наживы, предоставляет городам». Величайший вред меркантилистических мероприятий и заключается в том, что они при помощи искусственного поощрения торговли и промышленности, при помощи системы государственных займов и налоговых откупов «отвлекают финансы от земледелия и лишают деревни богатств, необходимых для улучшения земельных имуществ, эксплоатации и культуры земель».

Легко убедиться, в какой мере неправильно было бы изображать физиократов протестантами против капиталистического хозяйства, проповедниками возвращения к патриархальным земледельческим занятиям на лоне природы. Не патриархальное земледелие натурального типа, а товарное земледелие, производящее на рынок и организуемое фермерами-капиталистами,—является идеалом физиократов. Неудивительно поэтому, что физиократы дали первый и лучший анализ капиталистического хозяйства вообще и роли капитала в производстве в частности. Они проникнуты сознанием, что только приложение капитала к земледелию повышает производительность последнего и дает возможность извлекать из него «чистый продукт» (чистый доход). Мелкое крестьянское хозяйство никакого чистого продукта не доставляет. Чем больше капитал, затрачиваемый на земледелие, тем больше количество доставляемых последним продуктов, тем меньше издержки на единицу продукта, тем выше чистый доход

Digitized by Google

от земледелия. Капитальные затраты земледельцев, говорит Кенэ, должны быть достаточно велики, так как «при недостаточности затрат издержки на культуру соответственно повышаются и приносят менее чистого продукта». «Чем меньше затраты, тем менее пользы приносят государству люди и земли». Иначе говоря, чем меньше общая сумма вложенного капитала, тем бо́льшая сумма издержек приходится на единицу продукта и, следовательно, тем ниже производительность земледелия. Приложение обширных капиталов составляет необходимое условие повышения производительности земледелия.

Отсюда следует, что когда физиократы говорят о земледелии как единственном источнике богатств, они имеют в виду не земледелие вообще, а капиталистическое земледелие. Когда чистый продукт они выводят из земли, они имеют в виду только землю, оплодотворенную капиталом. Поэтому правильную формулировку физиократической теории следует видеть в словах Кенэ, когда он говорит, что «единственным источником доходов земледельческих стран являются земли и капиталы [1]) предпринимателей», вложенные в земледелие, иначе говоря, земледелие, организованное на капиталистических началах. Земля сама по себе, без помощи приложенного капитала, не обладает чудесною способностью доставлять чистый продукт. Ввиду этого «наиболее плодородные земли ничего не стоили бы при отсутствии богатств (капиталов), необходимых для производства издержек на культуру земель». Итак, функция капитала в производстве заключается в огромном повышении производительности земледелия, источником чистого дохода является только земля плюс приложенные к ней капиталы, т.-е. капиталистическое земледелие.

Что же представляет собою этот капитал, выполняющий столь важные функции в производстве? Так как физиократы интересуются прежде всего влиянием капитала на поднятие производительности земледелия, то естественно, что капитал они рассматривают с вещественно-технической стороны, как совокупность средств производства в широком смысле слова. В противовес меркантилистическому смешению капитала с деньгами, физиократы настойчиво подчеркивают, что не деньги сами по себе, а покупаемые на них средства производства, содей-

1) Кенэ употребляет термин „авансы“ в смысле капитала, авансированного на производство.

Digitized by Google

ствующие повышению производительности труда, составляют капитал. «Осмотрите фермы и мастерские»,—говорит Кенэ,—и вы увидите, в чем состоит фонд этих столь драгоценных затрат. Вы найдете там строения, скот, семена, сырой материал, движимость и инструменты всякого рода. Все это, без сомнения, стоит денег, но ничто из этого не является деньгами». В таких же выражениях описывает капитал и Тюрго: «Чем более обработка усовершенствуется и расширяется, тем крупнее затраты. Необходим скот, пахотные орудия, строения для скота и хранения продуктов. Надо, кроме того, оплачивать и содержать до жатвы такое количество людей, которое соответствует размерам обработки». Физиократы, следовательно, были родоначальниками так называемого «народно-хозяйственного» понятия капитала (как совокупности произведенных средств производства), до сих пор фигурирующего в буржуазной экономической науке. Такое понимание капитала, хотя и страдающее полным игнорированием его социальной стороны, представляло, однако, по сравнению с меркантилистическим учением тот прогресс, что переносило центр исследования из сферы обмена в сферу производства.

Физиократы, как видно из приведенных цитат, дали анализ различных вещественных элементов, из которых состоит капитал. В состав последнего они включают скот и сельскохозяйственные орудия, семена, средства существования для рабочих, корм для скота и т. п. Помимо анализа вещественных частей капитала, физиократы дали также впервые деление капитала с точки зрения быстроты его обращения: они, как увидим в следующей главе, отличали основной капитал от оборотного.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ.

Физиократы, как мы видели, и в своей практической программе и в своих теоретических рассуждениях имели в виду крупное земледелие капиталистического типа, предполагающее обособление класса земельных собственников от класса фермеров-капиталистов, организаторов производства. Очевидно, что, кроме этих двух классов, существует также класс непосредственных производителей, а именно наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков). Существование этого класса физиократам было известно, но обычно все их внимание сосредоточено на противопоставлении первых двух классов: землевладельцы фигурируют у Кенэ под названием «собственников», фермеры—под названием земледельцев или «производительного класса». Подобно тому как «третье сословие» (буржуазия) во Франции XVIII века включало в свой состав также наемных рабочих, еще не успевших выкристаллизоваться в отдельный общественный класс, точно так же в схемах Кенэ сельскохозяйственные рабочие составляют лишь задний фон земледельческого или производительного класса, не выделяясь в отдельный класс. Это и неудивительно, принимая во внимание слабое развитие в ту эпоху классовых противоречий между капиталом и трудом. Рабочий класс не играл еще самостоятельной роли в общественной жизни, и отношения между фермерами и их рабочими мало занимали мысль Кенэ. Его внимание привлекали к себе: противоречие интересов между городом (промышленностью и торговлею) и деревнею (земледелием), во-первых, и внутри сферы земледелия—противоречие интересов между землевладельцами и фермерами. Отсюда понятно трехчленное классовое деление общества у Кенэ: в сфере сельского хозяйства он отличает класс землевладельцев от «производительного» класса (фермеров); им обоим он

Digitized by Google

противопоставляет городское торгово-промышленное население под названием «непроизводительного» класса (куда входят и лица либеральных профессий, прислуга и т. п.).

Каждый из последних двух классов (т.-е. производительный и непроизводительный классы) в действительности распадается на два различных класса: предпринимателей и наемных рабочих. Большая заслуга Тюрго и заключается в том, что он ясно подчеркнул это обособление классов: «Весь класс, занятый изготовлением бесконечного разнообразия произведений промышленности, распадается, так сказать, на две группы: с одной стороны, на предпринимателей-мануфактуристов и фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для приобретения прибыли, давая работу за счет своих затрат; второй класс состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего, кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и вся прибыль которых сводится только к получению заработной платы». Такое же обособление классов происходит и в среде «производительного», земледельческого класса: «Класс земледельцев так же, как и фабрикантов, распадается на два рода людей: на предпринимателей или капиталистов, делающих затраты, и на простых рабочих, получающих заработную плату». Трехчленное классовое деление Кенэ превращается, таким образом, у Тюрго в пятичленное. Для ясности классовое деление у Кенэ и Тюрго может быть изображено в виде следующей схемы:

Классовое деление у Кенэ.	*Классовое деление у Тюрго.*
1. Класс землевладельцев.	Класс землевладельцев.
2. Производительный (земледельческий) класс.	2. Фермеры-капиталисты. 3. Сельские рабочие.
3. Непроизводительный (торгово-промышленный) класс.	4. Промышленные капиталисты. 5. Промышленные рабочие.

Хотя Кенэ дает только трехчленное деление, но, как уже было замечено, в своих рассуждениях он также предполагает существование наемных рабочих. Мы поэтому считаем возможным видеть в схеме Тюрго более ясную и последовательную формулировку взглядов самого Кенэ.

Остановим теперь наше внимание на сельском хозяйстве, в котором друг другу прежде всего противостоят класс землевла-

Digitized by Google

дельцев и класс фермеров. Рассмотрим особенности каждого из этих классов.

Землевладельцы, по учению Кенэ, получили свою землю по наследству или путем покупки от тех лиц, которые первоначально ею завладели. Эти лица при помощи своего труда и движимых вещей впервые привели девственную почву в состояние, пригодное для земледельческой культуры: они произвели работы по корчеванию леса, обсушению или обводнению земли, огораживанию, провели дороги и т. п. Благодаря этим основным, так называемым «земельным затратам» землевладельцы навсегда закрепили за собою право собственности на землю. Как собственники земли, они получают от арендаторов-фермеров арендную плату (или ренту), равную всему чистому доходу или «чистому продукту», который остается за вычетом из валового дохода фермера сделанных им издержек производства.

Фермеры арендуют у названных землевладельцев землю на более или менее длительный срок и ведут на ней хозяйство при помощи собственного капитала. Фермер должен вложить в дело двоякого рода капиталы: во-первых, он должен сразу затратить большую сумму денег на покупку мертвого и живого сельскохозяйственного инвентаря (сельскохозяйственные орудия, скот), который медленно изнашивается и может служить в течение многих лет, например, в течение 10 лет; во-вторых, фермер ежегодно тратит на текущие расходы определенную сумму, которую он целиком получает обратно по истечении года из продажной цены своего урожая; сюда относятся расходы на семена, на корм скоту, на заработную плату рабочим (или, что то же самое, на средства существования для рабочих). Итак, фермер вкладывает в дело, во-первых, основной капитал или, как выражается Кенэ, «первоначальные авансы»; и, во-вторых, оборотный капитал или «годичные авансы». Особенное значение Кенэ придает увеличению основного капитала: чем он больше, тем хозяйство производительнее. Кенэ предполагает, что размер основного капитала должен быть в 5 раз больше размера оборотного капитала; например, весь класс фермеров вкладывает в земледелие в виде основного капитала 10 миллиардов рублей, а в виде оборотного 2 миллиарда руб., итого 12 миллиардов руб. [1]).

---

1) Цифровые примеры здесь, как и ниже, нами взяты из „Анализа Экономической Таблицы“ Кенэ, с переименованием ливров в рубли.

Digitized by Google

Что же выручают фермеры из своего хозяйства? Собравши жатву и продавши ее, они из вырученных сумм должны прежде всего покрыть все издержки производства, т.-е. весь оборотный капитал и изношенную (в течение года) часть основного капитала. Весь класс фермеров в целом должен прежде всего выручить оборотный капитал в 2 миллиарда руб., израсходованный: 1) на сырой материал (семена и пр.) и 2) на средства существования для всех участников производства, т.-е. для наемных рабочих и, кроме того, для самих фермеров и их семей. Как видим, Кенэ соединяет вместе средства существования *для рабочих* (т.-е. заработную плату рабочих) с средствами существования, которые потребляются *самими фермерами* (и покупаются ими из их прибыли). Расходы фермеров на собственное потребление относятся им не к прибыли, а к необходимым издержкам производства: фермеры как бы выплачивают сами себе заработную плату (хотя бы и в повышенном размере), которая, как и заработная плата рабочих, представляет собою одну из частей авансированного оборотного капитала.

Кроме возмещения всего оборотного капитала (2 милл.), фермеры в конце года получают, по предположению Кенэ, также 10% на всю сумму вложенного в дело основного капитала, т.-е. еще 1 милл. руб. Однако эта сумма в сущности не является прибылью на капитал. Кенэ предполагает, что она представляет собою только возмещение изношенной в течение года части основного капитала плюс возмещение потерь от возможных несчастных случаев (неурожаи, наводнения, град и т. п.), иначе говоря, амортизационный и страховой фонд. Если, например, основной капитал (орудия, скот и т. п.) стоимостью в 10 милл. руб. служит в течение 10 лет, то очевидно, что каждый год изнашивается $^1/_{10}$ часть его, и для сохранения основного капитала в постоянно исправном виде необходимо ежегодно расходовать на его ремонт и восстановление 1 милл. руб. (страховые суммы мы здесь оставляем в стороне).

Итак, фермеры, вложившие в хозяйство капитал в 12 милл. руб., получают по истечении каждого года 3 милл. руб., из которых 2 милл. руб. возмещают оборотный капитал, а 1 милл. руб. (или 10% на основной капитал) возмещает изношенную часть основного капитала. Если весь урожай продан фермерами за 5 миллиардов руб., то излишек в 2 милл. руб. сверх издержек производства составляет чистый доход или «чистый продукт», уплачиваемый землевладельцам в виде арендной платы. Сами

Digitized by Google

фермеры не получают никакого чистого дохода, а получают лишь возмещение израсходованного капитала. Единственная польза, извлекаемая ими из процесса производства лично для себя, заключается в получении для себя и своей семьи необходимых средств существования (хотя бы в большем количестве и лучшего качества, чем получаемые рабочими). Фермеры, следовательно, хотя и являются капиталистами, не получают никакой прибыли на свой капитал, а получают лишь необходимые средства существования или нечто вроде заработной платы (хотя бы в повышенном размере [1]).

Такое непонимание социальной природы фермерского дохода и игнорирование категории прибыли является одною из главнейших ошибок физиократов. Фермер выступает в их изображении одновременно как капиталист, вкладывающий в дело значительный капитал, и как работник, получающий лишь заработную плату. На его основной капитал начисляется, правда, доход в размере 10%, но и этот доход представляет собою не прибыль, а лишь возмещение капитала. Кенэ чувствует, что фермер извлекает какой-то доход, пропорциональный величине вложенного им капитала, но он не хочет представить этот доход как чистый доход (прибыль), остающийся за покрытием издержек производства. Как защитник фермерского класса, Кенэ хочет, выражаясь современным языком, «забронировать» за ним мини-

[1]) Только у Тюрго мы встречаем ясное указание, что фермеры (как и промышленные капиталисты) получают, кроме возмещения затраченного капитала и заработной платы за свой личный труд в предприятии, также „прибыль, равную доходу, который они могли бы получить от капитала без всякого труда". Тюрго же один из первых пытается дать теорию прибыли и определить ее величину. По его мнению, прибыль на капитал равна сумме ренты, которую владелец данного капитала получал бы, если бы затратил свой капитал на покупку участка земли; если за 100.000 руб. можно купить участок земли, приносящий чистый доход (ренту) в 5.000 руб., то капитал в 100.000 руб. должен приносить прибыль в 5.000 руб., т.-е. уровень прибыли установится в 5%. Ошибка Тюрго заключается в том, что он выводит величину прибыли из цены земли, тогда как на самом деле, наоборот, цена земли изменяется в зависимости от изменений уровня прибыли (и процента). При уровне процента в 5% участок земли, доставляющий чистый доход в 5.000 руб., будет продаваться за 100.000 руб. при уровне процента в 10% цена того же участка земли не будет превышать 50.000 руб; Пример Тюрго показывает, что даже наиболее передовые умы среди физиократов продолжали еще искать объяснения законов капиталистического хозяйства (в данном случае уровня прибыли) в специальной сфере сельского хозяйства (в данном случае в цене земли). В этом сказалась отсталость хозяйственных условий Франции и продолжающееся преобладание сельского хозяйства. Объяснение высоты прибыли у Тюрго имеет много черт сходства с объяснением высоты процента у Петти (см. выше, 7-ю главу).

Digitized by Google

мальный доход (прибыль), огражденный от притязаний жадных землевладельцев и расточительного правительства. А для этого не остается другого средства, как объявить, что весь доход фермеров состоит только из возмещения капитала и необходимых для них средств существования, что он не содержит в себе никакого чистого дохода (прибыли), который у них можно было бы отнять для нужд землевладельцев или государства. Чтобы сделать доход фермера неприкосновенным, Кенэ перенес его из рубрики чистого дохода в рубрику возмещаемого капитала или издержек производства, оставив в рубрике чистого дохода одну только ренту землевладельцев. Чтобы сохранить прибыль за фермером, Кенэ одел последнего в костюм рабочего или крестьянина, получающего только необходимые средства существования.

Другая причина игнорирования фермерской прибыли заключается в отсталости хозяйственных условий Франции XVIII века, где фермеры были немногочисленны и тонули в море крестьян и половников. Арендатора-фермера во Франции того времени не всегда ясно отличали от арендатора-половника, а последний, действительно, извлекал из своего хозяйства только необходимые средства существования (как и крестьяне). Кроме того, фермер часто сам работал в хозяйстве на-ряду с своими рабочими и как бы сливаясь с ними. Социальная природа фермера как капиталиста еще не успела выкристаллизоваться с достаточною ясностью; фермер, крестьянин, половник и сельский рабочий были еще связаны друг с другом рядом мало заметных переходов.

Мимоходом нам пришлось уже упомянуть о третьем классе людей, занятых в земледелии, о наемных сельских рабочих, которых Кенэ не выделяет в особую группу.

Эти сельские рабочие продают фермерам свой «труд» или рабочую силу, получая от них заработную плату. Каков же размер последней? По учению физиократов, размер заработной платы не превышает минимума, необходимого для поддержания существования рабочих. Как говорит Кенэ, «высота заработной платы и, стало быть, удовлетворения, которое наемные рабочие могут получить, фиксирована и сведена к минимуму сильнейшею конкуренцией, которая не прекращается среди них». Заработная плата зависит от цены средств питания рабочих, прежде всего хлеба. «Поденная плата ремесленника устанавливается довольно естественным путем в соответствии с ценою хлеба». Еще более ясную формулировку этого, так называемого «железного закона заработной платы», имевшего много сторонников среди мер-

Digitized by Google

кантилистов XVII—XVIII веков, дает Тюрго, который поэтому часто и считается его автором: «Имея выбор между значительным количеством работников, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за самую низкую цену. Работники должны поэтому друг перед другом понижать цену за свой труд. При таком положении вещей во всех родах труда должен установиться, и в действительности устанавливается, такой порядок, что заработная плата работника ограничивается лишь минимумом».

До сих пор мы говорили о сельскохозяйственном населении, которое состоит из землевладельцев, фермеров и сельских рабочих. Что касается торгово-промышленного населения, то Кенэ объединяет его под названием «непроизводительного класса», а Тюрго различает в нем две различные социальные группы: предпринимателей и наемных рабочих. Если, как мы видели, физиократы смешивают фермера-капиталиста с крестьянином и сельским рабочим, то в еще более грубой форме они повторяют ту же ошибку в применении к промышленности. В изображении Кенэ фермер, хотя и не получает прибыли, является, однако, капиталистом в том смысле, что авансирует значительные средства, во-первых, на основной капитал и, во-вторых, на наем рабочих. Промышленники же в изображении Кенэ выступают в виде ремесленников, не делающих никаких затрат на основной капитал и на наем рабочих. Эти ремесленники (члены «непроизводительного класса») затрачивают только сырой материал и свой личный труд, а выручают из продажной цены изготовленных ими изделий только возмещение сырого материала и стоимость необходимых средств существования для себя и своей семьи. Прибыль промышленников, как и фермеров, физиократами игнорируется, принимая у них вид «пропитания» ремесленника или «заработной платы» рабочего. Промышленники, как и фермеры, получают только возмещение капитала или издержек производства, а именно издержек на сырой материал и издержек на пропитание себя и своей семьи во время работы. Такому теоретическому смешению промышленного капиталиста с ремесленником могла содействовать немногочисленность крупных капиталистических предприятий во Франции XVIII века и продолжавшееся еще преобладание ремесла.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ.

Анализ классового деления общества приводит нас к центральному пункту физиократической доктрины, к учению об исключительной производительности земледелия. По учению физиократов, земледелие является «производительным» занятием, так как земледельческий продукт не только возмещает все сделанные фермером издержки производства, но и доставляет сверх того некоторый излишек, «чистый продукт» или «чистый доход», уплачиваемый в виде ренты землевладельцу. Промышленность [1]) же является «непроизводительным» занятием, так как стоимость промышленных изделий не превышает величины издержек производства. Только в земледелии происходит возрастание богатств, и создаются в виде чистого продукта новые богатства сверх возмещения богатств, затраченных на земледельческий процесс.

Ниже мы увидим, что это учение об исключительной производительности земледелия отличается двойственным характером. Иногда физиократы говорят, что земледелие доставляет «чистый доход», т.-е. излишек меновой стоимости сверх стоимости издержек производства; иногда же они говорят, что земледелие доставляет «чистый продукт», т.-е. излишек предметов потребления сверх количества их, необходимого для прокормления самих земледельцев. Иначе говоря, под исключительною производительностью земледелия физиократы понимают то способность земледелия доставлять избыточную сумму стоимости, то способность его производить избыточное количество материальных продуктов. Ценностная производительность земледелия смешивается с физическою производительностью земли, — двойственность, сообщающая учению физиократов путаный и противоречивый характер.

---

[1]) О торговле, которая также является „непроизводительным" занятием, см. ниже.

Digitized by Google

Что побудило мысль физиократов искать объяснения «чистого дохода»? Их побудил к этому тот факт, что стоимость промышленных изделий содержит в себе только издержки производства (плюс прибыль), тогда как стоимость земледельческих продуктов включает в себя, кроме этих элементов, также ренту, уплачиваемую землевладельцам. Перед физиократами стояла в сущности проблема ренты: как объяснить повышенную стоимость земледельческих продуктов, проявляющуюся в том, что она не только возмещает издержки производства и дает прибыль фермеру, но доставляет также избыточную сумму стоимости, земельную ренту?

У физиократов, однако, проблема ренты приобретает другой вид благодаря тому, что они, как мы видели выше, игнорировали прибыль и включали доход фермера (и промышленника) в необходимые издержки производства. Если прибыль включается в издержки производства, то вся проблема получает следующий вид: почему стоимость промышленных изделий возмещает только издержки производства или капитал, стоимость же земледельческих продуктов доставляет, сверх возмещения издержек производства, еще избыточную стоимость, чистый доход? Из избытка над издержками производства плюс прибыль рента превращается в избыток над издержками производства, т.-е. в прибавочную стоимость. Рента, которая на самом деле является, наравне с прибылью, частью прибавочной стоимости, принимается за единственный вид прибавочной стоимости, за единственный чистый доход. Проблема ренты превращается в проблему чистого дохода или прибавочной стоимости.

Но если физиократы поставили проблему прибавочной стоимости, то разрешить ее они не сумели. Правильное разрешение этой проблемы возможно только на основе правильной теории стоимости. У физиократов же теория стоимости была мало разработана и, поскольку она имеется у них, она не может объяснить происхождение прибавочной стоимости. По учению физиократов, стоимость продукта равна издержкам его производства, и, следовательно, при продаже продукта по его стоимости никакого чистого дохода (или прибавочной стоимости) получиться не может. Физиократы отличали: 1) «основную цену» продукта, т.-е. его себестоимость или издержки его производства, и 2) «цену продавца из первых рук», т.-е. цену, по которой продукт продается непосредственным производителем. Поскольку речь идет о промышленных изделиях, физиократы утвер-

Digitized by Google

ждали, что, при полной свободе конкуренции между промышленниками (ремесленниками), продажная цена их изделий имеет тенденцию упасть до уровня издержек производства (включающих и необходимые средства существования для самого промышленника). «Цена продавца из первых рук» не превышает «основной цены» (себестоимости) продукта, и никакого «чистого дохода», сверх возмещения издержек производства, промышленность не дает.

В учении о стоимости физиократы, следовательно, придерживались теории «издержек производства» и, исходя из нее, вполне последовательно отрицали возможность получения в промышленности чистого дохода или прибавочной стоимости. Но как только физиократы переходили в сферу сельского хозяйства, их теория стоимости наталкивалась на факт существования чистого дохода (ренты). Откуда же получается эта рента как избыток стоимости продукта над издержками производства? Очевидно, по отношению к земледельческим продуктам «цена продавца из первых рук» превышает «основную цену» на всю сумму ренты. А это значит, что закон издержек производства неприменим к земледельческим продуктам, которые подчиняются совершенно другому закону стоимости, чем промышленные изделия.

Какому же закону стоимости подчиняются земледельческие продукты? Кенэ пытался в одном месте доказать, что, вследствие быстрого роста населения, спрос на земледельческие продукты всегда превышает их предложение, и потому эти продукты продаются по повышенной цене, превышающей издержки их производства: избыток первой над последними и составляет чистый доход (ренту). Но в сущности такое утверждение, что цена земледельческих продуктов всегда превышает их стоимость, равносильно полному отказу от теории стоимости.

Попытка Кенэ объяснить происхождение чистого дохода из повышенной стоимости земледельческих продуктов потерпела крах. Путь объяснения прибавочной стоимости на основе теории стоимости,— методологически единственный правильный путь,— оказался закрытым для физиократов, которым не осталось иного выхода, как ступить на другой, принципиально ложный путь. Раз невозможно вывести чистый доход из повышенной стоимости земледельческих продуктов, нельзя ли объяснить его происхождение совершенно независимо от меновой стоимости продуктов? Если невозможно доказать повышенную ценностную производительность земледелия, не попробовать ли вывести чистый доход непосред-

Digitized by Google

ственно из повышенной физической производительности земли? Так пришел Кенэ к центральной идее физиократического учения, что источник чистого дохода следует искать в физической производительности земли.

Выше мы видели, что проблема ренты превратилась в проблему чистого дохода. Теперь проблема чистого дохода превращается в проблему «чистого продукта»: появление в земледелии избытка стоимости продукта над стоимостью издержек производства объясняется физическою производительностью земли, которая доставляет избыток продуктов в натуре сверх количества продуктов, затраченных в качестве издержек производства. Вопрос о сравнительной стоимости продукта и издержек его производства устранен и заменен вопросом о сравнительных количествах продуктов в натуре, с одной стороны, затраченных на производство, с другой стороны, полученных в результате урожая. Для того чтобы можно было сравнивать урожай в натуре с издержками производства в натуре, физиократы прибегают к двум упрощениям: во-первых, они игнорируют издержки производства, составляющие основной капитал (плуги, орудия и т. п.), и принимают, что издержки производства в земледелии состоят только из земледельческих же продуктов или зерна (семена, корм скоту, средства существования для земледельцев); во-вторых, из перечисленных издержек производства они придают наибольшее значение средствам существования для земледельцев. Раз издержки производства отождествляются со средствами существования для земледельцев, то вопрос об избытке урожая в натуре над издержками производства превращается в следующий вопрос: откуда получается избыток средств существования, доставленных урожаем, над средствами существования, необходимыми для прокормления самих земледельцев во время работы?

Появление этого избытка физиократы объясняют физическою производительностью земли, способностью ее создавать новую материю. Физиократы, вслед за английским экономистом Кантильоном, утверждают, что в земледельческом процессе природа создает новую материю сверх имевшейся раньше, промышленность же не в состоянии увеличить количество материи и ограничивается приданием ей разной формы. По словам Кенэ, работа сапожника «состоит лишь в придании сырому материалу известной формы»; это — «простое производство форм, а не реальное

Digitized by Google

производство богатств». В земледелии происходит «порождение или создание богатств», «реальное приращение» материи. В промышленности же происходит только «присоединение» к сырому материалу издержек на средства существования ремесленников, и готовое изделие является лишь результатом такого соединения сырых материалов и средств существования, уже имевшихся в наличности до начала промышленного производства и доставленных земледелием. В земледелии происходит «умножение» богатств, в промышленности—лишь «сложение» богатств. Яркое выражение этой мысли дал итальянский физиократ Паолетти: «Дайте повару известное количество гороха, из которого он должен приготовить вам обед. Он подает вам его на стол хорошо сваренным и приготовленным, но в том же количестве, в каком он его получил. А дайте то же количество садовнику, чтобы он доверил его земле, и, когда придет время, он отдаст вам по крайней мере вчетверо более того, что получил. Вот истинное и единственное производство». Только земледелие рождает новую материю взамен потребляемой и уничтожаемой человечеством. Промышленность же, бессильная создавать новую материю, лишь преобразовывает, видоизменяет ее форму.

При помощи земледелия материя, вещество природы, извлекается из внешней природы и переходит в распоряжение человеческого общества. Для человеческого общества земледелие порождает новую материю. Так как бóльшая часть этой материи состоит из средств существования для людей, то земледелие есть не только источник новой материи, но и единственный источник средств существования для людей. А это значит, что земледелие доставляет средства существования не только для самих земледельцев, но и для других классов общества. «Труд земледельца, и только один он, воспроизводит не только те средства существования, которые он сам уничтожил, но также и те, которые уничтожают все прочие потребители». Отсюда проистекает важнейшее социальное преимущество земледельческого класса, который «всегда может существовать на плоды трудов своих. Непроизводительный же класс, предоставленный самому себе, не мог бы обеспечить себе какое бы то ни было существование с помощью одного своего непроизводительного труда», если бы не получал средств существования от земледельцев.

Итак, земледелие доставляет необходимые средства существования не только для земледельцев, но и для других членов обще-

Digitized by Google

ства. Но ведь, как нам известно, именно из необходимых средств существования состоит заработная плата рабочих (сельских и промышленных). Отсюда следует, что земледелие является источником заработной платы не только для земледельческого, но и для промышленного населения. «То, что земледелец трудом производит на своей земле сверх удовлетворения собственных потребностей, составляет единственный источник заработных плат, которые получают другие члены общества за их труд» (Тюрго). Земледельцы, отдавая часть средств существования промышленному классу в обмен за его изделия, тем самым как бы выплачивают этому классу его содержание или заработную плату. Земледельцы составляют класс, оплачивающий труд промышленного населения; последнее «состоит на жалованьи» у земледельческого класса.

Изложенный ход мысли физиократов может быть резюмирован в виде следующего ряда положений, из которых каждое дает характеристику земледелия:

1) земледелие есть источник ренты (как избытка стоимости продукта над издержками производства плюс прибыль фермера);

2) земледелие есть источник чистого дохода (как избытка стоимости продукта над издержками производства, в число которых скрытым образом включена и прибыль фермера);

3) земледелие есть источник новой материи, поступающей в распоряжение общества для удовлетворения потребностей его членов;

4) земледелие есть источник чистого продукта (как избытка земледельческого продукта над продуктами, затраченными в процессе производства);

5) земледелие есть источник избыточных средств существования сверх необходимых средств существования самих земледельцев;

6) земледелие сеть источник средств существования не только для земледельческого, но и для промышленного населения;

7) земледелие есть источник заработных плат, оплачивающих труд промышленного населения.

Физиократы исходят из факта повышенной ценностной производительности земледелия, как источника ренты или чистого дохода. Объяснения этого явления они ищут в физической производительности земледелия как источника новой материи и в натуральной форме его продуктов как

Digitized by Google

средств существования. От этого физического «первенства» земледелия физиократы переходят опять к социальному первенству его как единственного источника заработных плат, который кормит и «содержит» промышленное население.

Таким образом все учение физиократов о чистом доходе проникнуто коренным дуализмом ценностной и физической точек зрения. Физиократы допустили две основных ошибки. Во-первых, между земледелием и промышленностью не существует той коренной физической разницы, которую видели физиократы. Земледелие, вопреки мнению последних, не производит новой материи, а лишь превращает материю, рассеянную в почве, влаге и воздухе, в материю хлебных зерен, т.-е. придает материи вид, пригодный для удовлетворения человеческих потребностей. Но ведь то же самое имеет место и в промышленности. Нельзя также видеть особое преимущество земледелия в содействии сил природы человеческому труду, ибо такое же содействие сил природы (пара, электричества и т. п.) имеет место и в процессе промышленного труда.

Вторая и принципиально более важная ошибка физиократов заключалась в том, что из особой физической производительности земледелия,—если бы даже таковая существовала,—нельзя выводить повышенную стоимость его продуктов. «Ошибка физиократов происходила от того, что они смешивали увеличение материи, которое, благодаря естественному произрастанию и размножению, отличает земледелие и скотоводство от мануфактуры, с увеличением меновой стоимости» (слова Маркса). Физиократы не подозревали, что неспособность промышленного труда создавать новую материю не исключает способности его быть источником прибавочной стоимости. Если бы физиократы не игнорировали прибыли капиталиста и не включали ее искусственным образом в издержки производства, они убедились бы, что и промышленность доставляет, сверх возмещения издержек производства, прибыль или чистый доход. С другой стороны, физиократы не понимали, что увеличение количества земледельческих продуктов в натуре, приписываемое ими повышенной физической производительности земли, еще не означает возрастания суммы меновой стоимости этих продуктов. Физиократы смешивали производство продуктов в натуре (потребительных стоимостей) с производством меновой стоимости. В этом смешении отразились отсталые условия французского земледелия XVIII века,

Digitized by Google

переживавшего переходную стадию от натурального хозяйства к меновому.

Несмотря на глубокие ошибки физиократического учения о чистом доходе, оно заключало в себе плодотворные идеи, впоследствии развитые экономическою наукою. Проведя резкую грань между издержками производства (капиталом) и чистым доходом, физиократы правильно признали основною особенностью капиталистического хозяйства производство прибавочной стоимости и перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы обмена в сферу производства.

Что касается первого пункта, то физиократы видели решающий признак процветания хозяйства в росте чистого дохода. Увеличение последнего (т.-е. прибавочной стоимости) составляет, по их мнению, главную задачу производственного процесса. Ошибочно приписывая способность доставлять чистый доход только земледелию, физиократы вполне последовательно делали отсюда тот вывод, что только земледелие является «производительным» занятием. В основе их ошибочного учения об исключительной производительности земледелия лежала, таким образом, правильная мысль, что, с точки зрения капиталистического хозяйства, производительным может быть признан только труд, доставляющий прибавочную стоимость.

Вторая и еще бóльшая заслуга физиократов заключается в том, что они перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы обмена в сферу производства. Меркантилистам прибавочная стоимость была известна преимущественно в виде торговой прибыли, в которой они усматривали не что иное как надбавку, которую торговец делает к цене товара. Источником прибыли, по мнению меркантилистов, является сфера обмена, и в частности внешняя торговля, которая поэтому и признавалась ими наиболее выгодным занятием. Физиократы резко отвергали это меркантилистическое учение о торговле как источнике чистого дохода (прибыли). Торговля, по их мнению, не приносит стране никаких новых богатств, так как, при полной свободе конкуренции и отмене всех исключительных монополий и ограничений, торговля сводится к обмену одного натурального продукта на другой равноценный продукт. «Я вижу в торговле только обмен ценности на равноценность без производства, даже в том случае, когда обмен этот выгоден в силу каких-нибудь обстоятельств тому или другому из контрагентов или даже им обоим. В действительности всегда можно предпо-

Digitized by Google

ложить, что он выгоден для обоих, так как оба контрагента обеспечивают себе наслаждение богатствами, которые они могут получить лишь с помощью обмена. Но разве в подобных случаях не происходит всегда только обмен богатств одной ценности на другие богатства равной ценности? Следовательно, тут совсем не может быть какого-либо действительного увеличения богатств». Торговля, при всей ее пользе и необходимости, не может быть признана «производительным» занятием. Источник новых богатств (чистого дохода) следует искать не в обмене, а в самом производстве (в земледелии).

Изложенное учение физиократов об эквивалентности обмениваемых вещей предполагает, что продукты имеют определенную стоимость еще до вступления их в процесс обмена. «Образование цены всегда предшествует покупкам и продажам». «Действительная цена продуктов устанавливается до их продажи». В этих словах Кенэ высказал в высшей степени важное теоретическое положение,—развитое впоследствии Марксом,—что стоимость продуктов устанавливается в процессе производства, еще до вступления их в процесс обращения.

Меркантилисты признавали внешнюю торговлю наиболее выгодным занятием на том основании, что она дает стране возможность, во-первых, получать бóльшую стоимость в обмен за меньшую и, во-вторых, обменять продукт в натуре на деньги или благородный металл. В своем учении об эквивалентности обмениваемых продуктов физиократы опровергли первый из этих меркантилистических предрассудков; в своей теории денег они ополчились против второго. По их мнению, следует стремиться к тому, чтобы произвести возможно больше продуктов в натуре, а сбыт их или превращение в деньги не представляет особой трудности и не доставляет особой выгоды. «Разве чувствуется бóльшая потребность в покупщиках, чем в продавцах? Разве более выгодно продавать, чем покупать? Разве деньги предпочтительнее жизненных благ? Не являются ли эти самые блага настоящим объектом всякой торговли, именно обычными богатствами, посредством которых приобретаются деньги, циркулирующие лишь для облегчения взаимного обмена этих самых богатств?».

Деньги представляют собою не настоящее богатство, а лишь средство для более удобного обмена друг на друга настоящих богатств, каковыми являются потребительные стоимости. «Деньги не представляют из себя настоящего национального богатства, которое беспрестанно потреблялось бы и вос-

Digitized by Google

производилось бы; деньги не порождают денег». Поэтому «не в денежных запасах, а в возрождающихся богатствах состоит благоденствие и сила государства». Деньги исполняют только роль «посредствующего знака между покупками и продажами». Монета «не имеет иного назначения, как облегчать обмен товаров, служа посредствующим знаком между продажами и покупками». «Следует, стало быть, думать не о деньгах, а об обмениваемых предметах, которые имеешь продать и купить; в одних только этих обменах и заключается выгода, которую хотят обеспечить себе контрагенты». Меркантилистическая политика привлечения в страну денег при помощи благоприятного торгового баланса ошибочна. Следует заботиться не об увеличении количества денег в стране, а об умножении земледельческих продуктов; при изобилии продуктов и выгодных ценах на них страна не будет испытывать недостатка и в наличных деньгах. Не увеличение количества денег при помощи торговли, а увеличение количества продуктов при помощи производства (земледелия) обеспечивает стране возможно больший чистый продукт или чистый доход.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА» КЕНЭ.

Ознакомившись с учением физиократов о разных общественных классах и отраслях производства, мы можем перейти к разбору знаменитой «Экономической Таблицы» Кенэ, в которой краткими штрихами набросана картина воспроизводства и распределения всего общественного продукта между отдельными классами и отраслями производства.

«Экономическая Таблица» была впервые написана Кенэ в 1758 г. и отпечатана в небольшом числе экземпляров в придворной типографии. Этот первоначальный текст Таблицы пропал и лишь в 1894 году был найден одним ученым в бумагах Мирабо. Жалобы на неясность и непонятность Таблицы побудили Кенэ издать в 1766 г. «Анализ Экономической Таблицы», изложение которого мы ниже даем. Физиократы превозносили Таблицу как величайшее научное открытие; Мирабо сравнивал открытие Таблицы с изобретением письма и денег. Противники же физиократов осыпали насмешками это «мало вразумительное произведение», остававшееся еще в середине XIX века «загадкою сфинкса» (выражение Энгельса), которую научная мысль не сумела разгадать и использовать. Маркс один из первых указал на огромное научное значение Таблицы, признанное теперь всеми исследователями.

Переходим к разбору Таблицы. Мы уже знаем, что общество делится Кенэ на три основных класса: 1) класс «собственников» (землевладельцы, включая короля и духовенство); 2) «производительный» класс (фермеры, являющиеся представителями всего земледельческого населения) и 3) «непроизводительный» класс (торгово-промышленное население, лица свободных профессий и т. п.). Как же распределяется между этими тремя классами весь произведенный в течение года общественный продукт?

Digitized by Google

Возьмем момент окончания одного производственного года и начала следующего года, а именно осеннее время, когда производительным классом (который ниже будем называть фермерами) уже собран весь урожай, стоимость которого предполагается равною 5 миллиардам рублей. Для получения этого урожая фермеры затратили в течение истекшего года: 1) оборотный капитал в 2 милл. руб. (на прокормление всех земледельцев, корм скоту, семена и т. п.) и 2) на ремонт и возобновление основного капитала (орудий, скота) 1 милл. руб. (или 10% общей стоимости основного капитала, равной 10 милл. руб.). Итого затрачены фермерами 3 милл. руб., а получен урожай в 5 милл. руб. Избыток в 2 милл. руб., этот чистый продукт или чистый доход, доставляемый земледелием, уходит в виде ренты или арендной платы землевладельцам (которых ниже будем называть «собственниками»). Эта арендная плата в 2 милл. руб. была уже уплачена в начале истекшего года наличными деньгами фермерами землевладельцам, у которых эти наличные деньги и находятся в настоящий момент. Наконец, «непроизводительный» класс (который ниже будем называть «промышленниками» вступает в новый производственный год с запасом промышленных изделий в 2 милл. руб., изготовленных им в течение истекшего года.

Итак, к началу нового производственного года наши три класса обладают следующими запасами продуктов и наличных денег:

1) фермеры имеют запас земледельческих продуктов в 5 милл. руб. (из них пищевые продукты на 4 милл. руб. и сырье для промышленной переработки на 1 милл. руб.);

2) собственники имеют запас наличных денег в 2 милл. руб. [1]), полученных ими в начале истекшего года от фермеров в виде арендной платы;

3) промышленники имеют запас промышленных изделий в 2 милл. руб.

Теперь начинается процесс обмена или обращения между названными тремя классами, заключающийся в ряде совершаемых между ними актов купли-продажи. Для ясности изложения мы даем здесь две схемы, из которых первая изображает

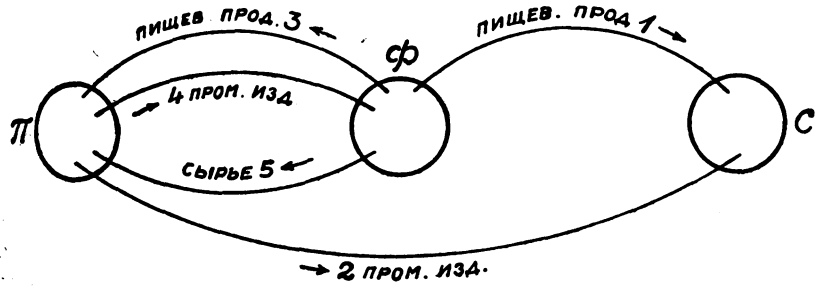
---

[1]) Весь запас наличных денег в обществе ограничен этою суммою в 2 миллиарда руб., находящеюся к началу года в руках землевладельцев. У самого Кенэ сумма денег предположена равною 3 милл. руб., но это не меняет дела.

Digitized by Google

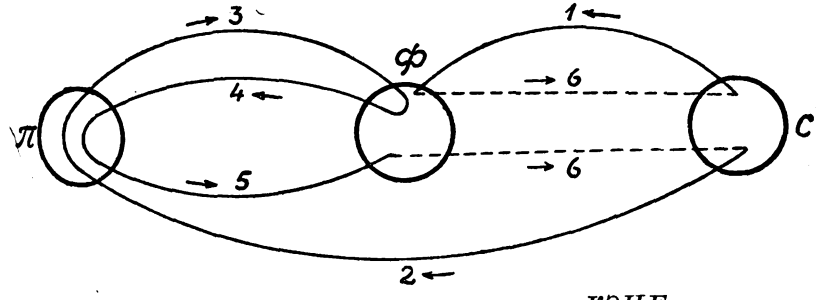
передвижение продуктов, а вторая—передвижение наличных денег между отдельными классами [1]).

Как видно из I схемы, первым актом обращения является покупка собственниками у фермеров пищевых продуктов на 1 мил-



I. Схема товарного обращения по КЕНЭ.

лиард руб. для собственного прокормления в течение наступающего года. Пищевые продукты на 1 милл. руб. переходят в первом акте обращения от *Ф* к *С*, а наличные деньги на ту же сумму, наоборот, от *С* к *Ф* (см. схему II). В итоге первого акта обра-



II. Схема денежного обращения по КЭНЕ.

щения получается следующее распределение продуктов и денег: фермеры имеют землед. продукты на 4 милл. руб. (из них пищевые продукты на 3 м. р. и сырье на 1 м. р.) и наличные деньги

---

[1]) В схемах каждая линия обозначает акт обращения на сумму в 1 миллиард руб. Направление стрелок показывает, от какого и к какому общественному классу передвигаются продукты и деньги (в каждом акте деньги движутся в противоположном направлении, чем продукты). Цифры показывают последовательность отдельных актов обращения. Круг с буквою *Ф* обозначет класс формеров, с буквою *П* — промышленников и с буквою *С* — собственников (землевладельцев).

Digitized by Google

на 1 м. р.; собственники имеют пищевые продукты на 1 м. р. и наличные деньги на 1 м. р.; промышленники имеют промышленные изделия на 2 м. р.

Во втором акте обращения собственники на остающиеся у них наличные деньги в 1 милл. р. покупают у промышленников промышленные изделия для собственного потребления; эти изделия переходят от *П* к *С*, а деньги, наоборот, от *С* к *П*. В итоге второго акта обращения: *Ф* имеют землед. прод. на 4 м. р. и наличные деньги на 1 м. р.; *С* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и промышленные изделия на 1 м. р.; *П* имеют промышленные изделия на 1 м. р. и наличные деньги на 1 м. р.

В третьем акте обращения промышленники на полученные от собственников наличные деньги в 1 м. р. [1]) покупают у фермеров пищевые продукты, необходимые им для прокормления в течение года. В итоге третьего акта обращения: *Ф* имеют земледельческие продукты на 3 м. р. (из них пищевые продукты на 2 м. р. и сырье на 1 м. р.) и наличные деньги на 2 м. р.; *С* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и промышленные изделия на 1 м. р.; *П* имеют промышленные изделия на 1 м. р. и пищевые продукты на 1 м. р.

В четвертом акте обращения фермеры на деньги, только что полученные от промышленников, покупают у них же на 1 м. р. промышленные изделия, которые, по нашему предположению, состоят из орудий и инструментов, необходимых им для ремонта и возобновления основного капитала. После четвертого акта: *Ф* имеют земледельческие продукты на 3 м. р. (из них пищевые продукты на 2 м. р. и сырье на 1 м. р.), промышленные изделия на 1 м. р. и наличные деньги на 1 м. р.; *С* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и промышленные изделия на 1 м. р.; *П* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и наличные деньги на 1 м. р.

Наконец, в пятом акте обращения промышленники на только что вырученные деньги покупают у фермеров сырье на 1 м. р.,

---

[1]) Так как промышленники в акте обращения № 3 передают фермерам те самые деньги, которые в акте № 2 были получены ими от собственников, то в схеме денежного обращения линия № 2 непосредственно переходит в линию № 3 (а последняя в линию № 4 и далее в линию № 5). Эта непрерывность линий показывает передвижение одних и тех же монет из рук в руки. В схеме же товарного обращения каждая линия прерывается, не переходя непосредственно в другую, так как каждый продукт передвигается в Таблице только один раз, от производителя к потребителю.

Digitized by Google

необходимое им для промышленной переработки. После пятого акта обращения: *Ф* имеют пищевые продукты на 2 м. р. (остающиеся у этого класса для его собственного прокормления), промышленные изделия на 1 м. р. и наличные деньги на 2 м. р.; *С* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и промышленные изделия на 1 м. р.; *П* имеют пищевые продукты на 1 м. р. и сырье для переработки на 1 м. р.

Изложенная схема Кенэ, при всей своей простоте, являлась первою гениальною попыткою изобразить в виде единого целого весь общественный процесс воспроизводства, обращения, распределения и потребления продуктов. Кенэ хочет показать ход общественного процесса воспроизводства, т.-е. вскрыть условия возможности непрерывного, периодического повторения производственного процесса. Кенэ начинает свою Таблицу с момента уборки урожая, когда произведен весь годичный общественный продукт, рассматриваемый им как одно целое. По окончании производства этот продукт входит в процесс обращения, состоящий из ряда актов купли-продажи. Таблица сводит весь процесс обращения к пяти актам купли-продажи между разными классами. На самом деле каждый из упомянутых в Таблице актов обращения состоит из множества единичных сделок купли-продажи между отдельными лицами. Напр., акт № 1 на самом деле объединяет многие тысячи отдельных покупок, совершаемых землевладельцами у фермеров; но Таблица объединяет все эти покупки как однохарактерные в один акт (№ 1). Каждый акт обращения интересует Кенэ с его социально-классовой стороны, поскольку он содействует переходу продуктов от одного общественного класса к другому. Поэтому сделки купли-продажи, совершаемые между членами одного класса (напр., фермерами друг у друга), не включаются Кенэ в его схему обращения.

Процесс обращения охватывает у Кенэ не только движение продуктов в натуре, но и движение наличных денег в направлении, противоположном движению продуктов. Схемы Кенэ ясно показывают, что движение денег носит вторичный, подчиненный характер и лишь обслуживает движение продуктов. Обращение продуктов на общую сумму в 5 м. р. обслуживается суммою наличных денег в 2 м. р. При этом одна половина денег (1 м. р.) обслуживает только обращение продуктов на 1 м. р. (акт № 1), другой же миллиард руб. наличных денег, переходя из рук в руки, обслуживает целых четыре акта обращения (акты

Digitized by Google

№№ 2, 3, 4 и 5). В итоге все наличные деньги в 2 милл. руб., которые до начала процесса обращения находились в руках класса *С*, по окончании его очутились в руках класса *Ф*. Что же делает с ними последний? Он передает их по окончании процесса обращения классу *С* в качестве арендной платы за наступающий новый год. Эта односторонняя передача денег в сумме 2 милл. руб. от класса *Ф* классу *С* обозначена на нашей второй схеме двумя пунктирными линиями (№ 6), из которых каждая обозначает переходы 1 милл. руб. [1]). В итоге вторая схема ясно показывает безостановочное круговое движение денег, переходящих из рук в руки и возвращающихся к исходному пункту: 1 милл. руб. переходит от *С* к *Ф*, а потом обратно к *С*; другой миллиард руб. передвигается от *С* к *П*, от *П* к *Ф*, от последнего к *П*, а от него обратно к *Ф*, после чего переходит в качестве арендной платы к *С*.

Благодаря описанному процессу обращения весь общественный продукт без остатка оказался распределенным между разными общественными классами, при чем распределение продукта совершилось таким образом, что делает возможным возобновление процесса производства в прежнем размере. Фермеры имеют пищевые продукты на 2 милл. руб. для прокормления на целый год себя и работников (также на семена, корм скоту и т. п.), а также промышленные изделия на 1 милл. руб. (инструменты, орудия и т. п.) для возобновления изношенной части основного капитала. Они, следовательно, получили возмещение всего своего оборотного капитала и изношенной части основного и могут начать опять в прежних размерах процесс производства, который доставит им через год урожай стоимостью в 5 милл. руб. Промышленный класс имеет необходимые средства пропитания (на 1 милл. руб.) и сырые материалы (на 1 милл. руб.) и при помощи обработки последних изготовит в течение наступающего года промышленные изделия опять на сумму в 2 милл. руб. Так как стоимость промышленных изделий равна стоимости сырья плюс стоимость потребленных промышленниками средств существования, то очевидно, что промышленность не дает никакого чистого дохода. Фермеры и промышленники имеют, таким образом, достаточный запас продук-

---

1) Движение же денег в двусторонних актах купли-продажи (т.-е. внутри сферы товарного обращения) обозначено у нас на второй схеме сплошными линиями (под №№ 1, 2, 3, 4 и 5).

Digitized by Google

тов как для личного потребления, так и для повторения процесса производства. Наконец, и землевладельцы имеют необходимые для годичного потребления пищевые продукты и промышленные изделия.

Кенэ в своей Таблице рассматривает случай «простого воспроизводства», т.-е. воспроизводства в прежнем масштабе. Но ему отлично известны и два других типа воспроизводства: воспроизводство в расширенном масштабе и воспроизводство в сокращенном масштабе. Различие между ними заключается в различной величине производимого чистого продукта или, — так как величина последнего зависит от размера капитала, вложенного в земледелие, — в различной величине этого капитала. Если сумма издержек производства, затрачиваемых на земледелие, возрастает (за счет сумм, входящих в чистый доход землевладельцев, или за счет фонда издержек, затрачиваемых на промышленность и воспроизводящихся в неизменяющемся размере), то возрастает чистый продукт и, следовательно, весь воспроизводимый общественный продукт. Если фонд земледельческих издержек остается в прежнем размере, «безусловно необходимом для поддержания земледельческой культуры in statu quo или для возмещения расходов земледельца», происходит воспроизводство в прежнем масштабе. Наконец, если «земледельцам не обеспечивают обратного получения всех произведенных расходов», что приводит к сокращению фонда земледельческих издержек, масштаб общественного воспроизводства сокращается; в этом случае «затраты, богатства, полезные предприятия, необходимые занятия, продукты, доходы, население, — все это уменьшается вследствие непреодолимой силы. В этом состоит физический закон, установленный природою и дающий возможность судить о прошлых, настоящих и будущих судьбах государств по тому поведению, которого они держались или держатся в настоящее время». Этот «физический закон, установленный природою», и есть основной закон общественного воспроизводства, который гласит: процветание, стационарное состояние или деградация народного хозяйства зависят от расширения, стационарного состояния или сокращения фонда земледельческих издержек или, иначе говоря, капитала, принадлежащего фермерскому классу. Нет других средств для процветания государства, кроме увеличения капитала, вложенного в земледелие, и нет никаких средств предотвратить деградацию государства, если нарушаются необходимые законы вос-

Digitized by Google

производства, т.-е. если растрачивается и съедается (налогами или чрезмерно высокою арендною платою) капитал фермерского класса. Отсюда вытекают два основных принципа экономической политики физиократов: во-первых, необходимо путем введения свободной торговли и поднятия цен на хлеб усилить приток капитала в земледелие; во-вторых, необходимо оградить этот земледельческий капитал от чрезмерных притязаний землевладельцев и государства.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Физиократы горячо отстаивали свободу торговли и промышленности от вмешательства государства. Они требовали отмены меркантилистической политики строгого и мелочного регламентирования хозяйственной жизни. Физиократы были идеологами фритредерства (свободной торговли) и в этом отношении являлись предшественниками классической школы. Но существует коренное различие между фритредерством физиократов и фритредерством классиков, — различие, вытекающее из их различной социально-классовой позиции. И физиократы и классики протестовали против меркантилистической политики, обогащавшей отдельные привилегированные круги торговой буржуазии; и те и другие требовали подчинения интересов торгового капитала интересам производительного капитала. Но, в то время как классики под последним понимали прежде всего промышленый капитал и хотели открыть дорогу мощному росту промышленности, физиократы ставили на первый план интересы производительного сельскохозяйственного капитала. Классики выступали защитниками промышленной буржуазии и от свободной торговли ожидали ввоза в Англию дешевого иностранного хлеба; физиократы же как защитники сельской буржуазии видели в свободной торговле и свободном вывозе хлеба средство поднятия цен на хлеб. Классики были представителями промышленного фритредерства, физиократы — представителями аграрного фритредерства.

Меркантилистическая политика вызывала ожесточенные нападки физиократов за то, что она, по их мнению, создавала резкое расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты: первые непомерно дорожали от монополий цехов, промышленников и торговцев, цены же на хлеб искусственно понижались запрещением вывоза хлеба за границу. Это расхождение

Digitized by Google

цен (называемое в настоящее время «ножницами») физиократы хотели устранить: они добивались повышения цен на хлеб и понижения цен на промышленные изделия.

Под свои практические требования физиократы старались подвести теоретический фундамент, они хотели теоретически доказать пользу высоких хлебных цен. Для этой цели они пользовались своею теорией воспроизводства, которая занимает центральное место в физиократической системе. Под воспроизводством физиократы понимают возобновление затраченного капитала (или издержек производства), сопровождающееся также производством чистого продукта (прибавочной стоимости). Воспроизводство в этом смысле имеет место только в сельском хозяйстве, в промышленности же (и торговле) чистый продукт не создается. Очевидно, что всякий переход капиталов из сельского хозяйства в промышленность сопровождается сокращением общего процесса воспроизводства (ибо в промышленности капиталы возобновляются или циркулируют без всякого «приращения»); переливы же капиталов из промышленности в сельское хозяйство приводят к расширению процесса воспроизводства и к увеличению чистого дохода. Отсюда вытекает, что, в интересах нормального продолжения и возможного расширения процесса воспроизводства, нельзя допускать перелива капиталов из сельского хозяйства в промышленность (и торговлю) и, наоборот, следует поощрять перелив капиталов в обратном направлении. Для этой цели и должны служить высокие цены на хлеб. Они делают сельское хозяйство наиболее выгодным занятием и привлекают в него новые капиталы; благодаря этому возрастает «фонд земледельческих издержек» и с ним вместе чистый продукт (чистый доход), процесс воспроизводства происходит в расширенном масштабе, и все народное хозяйство получает мощный стимул к процветанию и расширению.

Из учения о пользе высоких цен на хлеб вытекает основное правило экономической политики: «Государство не должно стремиться к понижению цены на съестные припасы и товары». «Лишь высокие цены могут обеспечить и поддержать благосостояние народа и государства при помощи успехов земледелия. Вот альфа и омега экономической науки». Под высокими или «хорошими» ценами Кенэ имеет в виду не чрезмерное вздорожание хлеба в годы неурожая, — вздорожание, чередовавшееся во Франции с обесценением хлеба и вносившее ве-

Digitized by Google

личайшую неуверенность в народное хозяйство,—Кенэ хочет добиться высокого и вместе с тем устойчивого уровня хлебных цен, господствующего у «торговых наций», т.-е. на мировом рынке, и превышающего уровень цен в земледельческой стране, каковою являлась Франция. Но, чтобы поднять уровень хлебных цен во Франции до уровня хлебных цен на мировом рынке, надо открыть французскому хлебу свободный и широкий доступ на мировой рынок. Отсюда настойчивая борьба физиократов против меркантилистических запрещений вывоза хлеба за границу. Первоначально под «свободою торговли» физиократы понимали прежде всего свободу вывоза хлеба за границу; свободный же ввоз хлеба из-за границы Кенэ считал возможным допускать лишь в годы неурожая. Свобода торговли, следовательно, проповедывалась Кенэ главным образом постольку, поскольку она требовалась в интересах сельского хозяйства. Только у учеников Кенэ лозунг «свободы торговли» получил более широкий и абсолютный характер, и чаще стала повторяться знаменитая фритредерская формула: «laissez faire, laissez passer».

Физиократы добивались свободы торговли не только как средства для поднятия цен на сельскохозяйственные продукты, но и как средства для понижения цен на промышленные изделия. Свободный ввоз дешевых изделий из промышленных стран (Англии и других) подорвет монополию местных мануфактур и цеховых мастеров, вздувающих цены на свои изделия в ущерб для земледельцев, являющихся их потребителями. Пусть не говорят, что иностранцы наводняют Францию дешевыми изделиями и разорят местных промышленников. Страна только выиграет, если французские промышленники найдут для себя невыгодным продолжать производство и перенесут свои капиталы в сельское хозяйство как более прибыльное занятие: ведь каждый рубль, вложенный в сельское хозяйство, доставляет чистый доход, в то время как в промышленности он циркулирует без всякого «приращения». «Земледельческая нация должна покровительствовать внешней активной торговле сырьем посредством внешней пассивной торговли изделиями ручного труда, которые она может купить с выгодою для себя за границею». Продажа хлеба за границу по высоким ценам и покупка дешевых иностранных промышленных изделий,—таков идеал внешней торговой политики физиократов, продиктованный интересами сельского хозяйства и фермерского класса.

Итак, первая выгода свободной торговли заключается в обес-

Digitized by Google

печении стране «выгодной цены в ее продажах и покупках» (т.-е. высокой цены на земледельческие продукты и низкой цены на промышленные изделия). Вторая выгода ее заключается в том, что взаимная конкуренция торговцев заставляет их довольствоваться меньшим вознаграждением и низводит их торговую прибыль до уровня необходимых средств существования. Только при свободе конкуренции промышленники и торговцы вынуждены отказаться от своих чрезмерных монопольных прибылей, ложащихся всею своею тяжестью на земледельческий класс. Отсюда вытекает знаменитый VIII принцип Кенэ: «Экономическая политика должна поощрять лишь производительные издержки и торговлю сырьем (т.-е. производство и обращение земледельческих продуктов.— *И. Р.*), непроизводительные же издержки (т.-е. промышленность и торговлю.— *И. Р.*) предоставить самим себе». Именно для того, чтобы уменьшить для земледельческого класса бремя «содержания» промышленности и торговли, последние должны быть освобождены от вмешательства государства и должны стать ареною неограниченной взаимной конкуренции промышленников и торговцев (как туземных, так и иностранных), которая низведет уровень их промышленной и торговой прибыли к необходимым средствам существования.

Свободная торговля казалась физиократам средством повернуть «ножницы» в противоположную сторону, в сторону понижения цен на промышленные изделия до уровня необходимых издержек производства и повышения цен на сельскохозяйственные продукты до уровня цен мирового рынка. Но фермерский класс нуждался в защите не только против меркантилистической политики одностороннего поощрения торговли и промышленности за счет сельского хозяйства. Необходимо было также оградить его интересы от чрезмерных притязаний землевладельцев и государства. В 9-й главе мы видели, что нередко у земледельца после взноса арендной платы и налогов едва оставалось количество хлеба для скудного пропитания. Понятно, что при таких условиях лица, обладающие капиталом, не обнаруживали желания снимать земли в аренду. Для привлечения капиталов в земледелие необходимо было гарантировать фермерам, что арендная плата и налоги (вместе с церковною десятиною) в совокупности не будут превышать суммы «чистого дохода», остающейся за покрытием капитала и фермерской прибыли. Требованием такой гарантии и являлось физиократическое учение о налогах.

Физиократы требовали замены всех видов прямых и косвенных

Digitized by Google

налогов единым прямым поземельным налогом, падающим на «чистый доход». Налог должен быть пропорциональным чистому доходу и может повышаться только при возрастании последнего. А так как чистый доход получается в виде арендной платы (или ренты) землевладельцами, то налог должен падать исключительно на землевладельцев и должен составлять определенную часть получаемой ими ренты [1]). Физиократы, следовательно, проектировали единый налог на землевладельческую ренту,— проект, впоследствии выдвигавшийся многими буржуазно-радикальными реформаторами (в том числе Генри Джорджем). Во Франции XVIII века этот смелый проект, равносильный, по выражению Маркса, «частичной конфискации земельной собственности», означал также отмену налоговых изъятий для дворянства, так как единый налог должен был взиматься со всех землевладельцев, в том числе и дворян.

Под свое требование налоговой реформы, как и под свой лозунг свободной торговли, физиократы старались подвести теоретический фундамент. Таким теоретическим фундаментом служило их учение о чистом доходе и воспроизводстве. Стоимость всего годичного продукта делится, как мы знаем, на две части: одна возмещает затраченный капитал (издержки производства, в которые скрытым образом включалась и прибыль фермера); избыток сверх этого составляет чистый доход. Очевидно, что первая часть составляет «неприкосновенный» фонд, который имеет вполне определенное назначение, а именно должен быть опять вложен в производство. Только чистый доход представляет собою «свободный» фонд, которым можно «располагать по усмотрению» и который может быть израсходован на нужды землевладельцев, государства и церкви (а также на дальнейшее улучшение земли). Всякий налог, который падал бы не на чистый доход, а на фермерский капитал, уменьшил бы фонд земледельческих издержек, сделал бы невозможным воспроизводство в прежнем размере, привел бы к сокращению чистого дохода и к разорению самих землевладельцев и государства. «Ни в коем случае не следует взимать налога с богатств земельных фермеров: затраты государства на земледелие должны рассматриваться как неприкосновенный фонд, который необходимо тщательно сохра-

[1]) В „Анализе Экономической Таблицы“ Кенэ предполагает, что из всей суммы чистого дохода $^4/_7$ остаются у землевладельцев, $^2/_7$ достаются в виде налога государству, а $^1/_7$ в виде десятины—церкви.

Digitized by Google

нять для получения налога, дохода и средств существования для всех классов граждан; в противном случае налог вырождается в средство грабежа, истощая и быстро разрушая государство». Неприкосновенность фермерского капитала в интересах правильного хода процесса воспроизводства,— таково основное требование физиократов в области налогов.

Но, если фермерский капитал должен остаться неприкосновенным, нельзя ли возложить налоговое бремя на заработную плату рабочих или же на торгово-промышленный класс? Физиократы отвергают оба эти проекта. Так как рабочие получают лишь необходимые средства существования, то обложение их налогом необходимо приведет к возрастанию их заработной платы, которое должно быть оплачено «лицами, нанимающими рабочих», т.-е. теми же фермерами-капиталистами. Что касается торговцев и промышленников, то в условиях свободной торговли они, как нам известно, выручают только свой капитал (издержки производства) и необходимые средства существования. Обложение налогом торгово-промышленного оборота неизбежно вызвало бы повышение промышленных и торговых издержек, оплачиваемых в последнем счете земледельческим населением. Так как промышленность и торговля не создают никаких новых богатств (чистого дохода) сверх циркулирующего в них капитала, то всякий налог на промышленность и торговлю, как и на рабочий класс, упадет в последнем счете на земледелие и будет взиматься либо из фермерского капитала, либо из чистого дохода. В первом случае он, как уже отмечено, повлечет за собою нарушение всего хода воспроизводства и разорение страны. Если же налог в последнем счете будет переложен на чистый доход, не лучше ли сразу взимать его с чистого дохода, этого единственного резерва «свободных» средств? Такое прямое взимание налога с чистого дохода (т.-е. с ренты землевладельцев) обходится дешевле и, кроме того, дает возможность точно соразмерять величину налога с размером чистого дохода.

Рассмотренные нами основные принципы экономической и налоговой политики физиократов находились в теснейшей связи как с их общею социально-классовою позицией, так и с их теоретическими воззрениями. Введение свободной торговли и единого поземельного налога должно было открыть путь росту капиталистического земледелия. Освобождение хлебной торговли от произвольной административной регламентации и подчинение ее стихии «вольного» мирового рынка с его выгодною

Digitized by Google

повышательною конъюнктурою, с одной стороны, ограждение фермерского капитала от притязаний землевладельцев и казны и ограничение аппетита последних сферою чистого дохода (ренты), с другой стороны,— должны были содействовать приливу капиталов в земледелие, реорганизации его на капиталистических началах и обогащению фермерского класса. Вместе с тем эти принципы экономической политики являлись логическим выводом из теоретических законов воспроизводства, открытых Кенэ. Для нормального хода процесса воспроизводства необходимо оградить фермерский капитал: во-первых, от уменьшения его в процессе обращения или обмена между сельским хозяйством и промышленностью,— а для этого нужна свободная торговля с высокими ценами на хлеб и дешевыми промышленными изделиями; во-вторых, от уменьшения его путем вычетов из него на нужды землевладельцев и государства,— а для этого требуется ограничение арендной платы и налогов размерами чистого дохода, т.-е. введение единого налога на ренту. Подобно тому как экономическая теория физиократов направлена на открытие законов капиталистического воспроизводства, так их экономическая политика должна обеспечить нормальный ход этого процесса воспроизводства. Но, как мы видели в главе о естественном праве, физиократы принимают открытые ими законы капиталистического воспроизводства за вечные и неизменные «естественные» законы. Понятно поэтому, что и свои принципы экономической политики они выдают за веления естественного закона. Свобода торговли объявляется ими «священною свободою, которую можно рассматривать как резюме всех прав человека»; точно так же и «обложение налогами подчинено творцом природы определенному порядку», предписанному естественными законами и совпадающему с налоговою программою физиократов. Философская концепция естественных законов, теоретические законы воспроизводства и принципы экономической политики,— все эти части физиократической системы неразрывно связаны между собою единством социально-классовой позиции, выражением которой эта система являлась.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ФИЗИОКРАТОВ.

Теоретическая заслуга физиократов заключается прежде всего в их попытке вскрыть механизм капиталистического хозяйства в целом. Меркантилисты занимались исследованием отдельных экономических явлений, преимущественно злободневных и представляющ практический интерес. В лучшем случае они ограничивались изучением причинной связи между несколькими отдельными явлениями; теория торгового баланса, выясняющая связь между движением товарного ввоза и вывоза и колебаниями вексельных курсов, представляет собою наивысшее обобщение, до которого поднялась мысль меркантилистов. Физиократическая же теория носит широко обобщающий характер и хочет вскрыть связь всех основных явлений капиталистического хозяйства. Вот почему теория общественного воспроизводства как единого процесса, охватывающего все стороны экономической жизни, составляет центр физиократической системы.

Теория общественного воспроизводства, изложенная в «Экономической Таблице» Кенэ, представляет наиболее ценное теоретическое наследие физиократов. В ней экономическая мысль, недавно еще целиком погруженная в обсуждение отдельных практических вопросов, обнаружила такую силу обобщения, которая имеет мало подобных себе примеров. Отбросив в сторону все частности и детали, Кенэ в нескольких смелых и гениально-простых штрихах рисует весь процесс капиталистического воспроизводства, включающий в себя производство, обращение, распределение и потребление продуктов. Мысль Кенэ поднимается здесь до величайших обобщений: все народное хозяйство мыслится им в виде обмена веществ между сельским хозяйством и промышленностью, все общество — в виде совокупности основных общественных классов; рассеянные по всей стране продукты производства сливаются им в единый обществен-

Digitized by Google

ный продукт, который посредством нескольких основных актов обращения (из которых каждый является обобщением бесчисленного множества однохарактерных актов купли-продажи) распределяется между главными общественными классами. Представление о хозяйстве как периодически повторяющемся процессе воспроизводства; представление о народном богатстве как продукте ежегодно возобновляющегося процесса производства; представление о распределении национального продукта между отдельными общественными классами, — все эти фундаментальные идеи классической политической экономии, развитые далее Смитом и Рикардо, принадлежат Кенэ.

Несмотря на отдельные ошибки и несуразности, встречающиеся в «Экономической Таблице», можно сказать, что в общем и целом теория общественного воспроизводства, созданная силами одного Кенэ, оказалась наиболее зрелым и продуманным его творением. Основные идеи ее вошли в неприкосновенный фонд экономической науки и до сих пор продолжают в ней жить. В какой мере эта теория общественного воспроизводства опередила свой век, видно из того, что классики не только не дали дальнейшего развития ее идей, но остались в этой области позади Кенэ. Тем более относится это к эпигонам классической школы, которые также не сумели извлечь пользу для науки из плодотворных идей, заложенных в «Экономической Таблице». В то время как работа Кенэ в других областях (в проблеме прибавочной стоимости, капитала, заработной платы, денег) развивалась дальше и исправлялась Смитом и Рикардо, в разработке теории общественного воспроизводства он не нашел продолжателей в течение более ста лет. Только Маркс поднял нить исследования, исходившую от Кенэ, и во втором томе «Капитала» дал исправление и завершение теории общественного воспроизводства, заложенной в «Экономической Таблице».

Теория общественного воспроизводства приводит нас непосредственно к проблеме капитала и прибавочной стоимости, разработка которой составляет вторую огромную научную заслугу физиократов. Под воспроизводством физиократы понимали производство продукта, возмещающего своею стоимостью затраченный капитал и доставляющего сверх того некоторый избыток, чистый доход (прибавочную стоимость). Процесс воспроизводства включает в себя, таким образом, возмещение капитала и производство прибавочной стоимости. Своим резким противопоставлением издержек производства (капитала) и чистого дохода (приба-

Digitized by Google

вочной стоимости) физиократы метко охарактеризовали капиталистическое хозяйство как хозяйство, имеющее своею задачею производство прибавочной стоимости. Этим противопоставлением они внесли бо́льшую ясность как в проблему капитала, так и в проблему прибавочной стоимости.

В отличие от меркантилистов, внимание которых было обращено на капитал в его *денежной* форме, физиократы выдвинули понятие производительного капитала как совокупности *средств производства*. Они дали первый и лучший для своего времени анализ капитала как со стороны его *вещественных элементов*, так и с точки зрения *быстроты его обращения*. Под именем «первоначальных» и «годичных авансов» они ввели плодотворное деление капитала на *основной* и *оборотный*, целиком воспринятое Смитом и господствующее в науке до сего дня. Недостаток физиократического учения о капитале (как и учения классиков) заключается в игнорировании его социальной формы, в сосредоточении внимания на технической функции средств производства, фигурирующих в роли капитала. Но этот недостаток,—смешение социальной формы хозяйства с его материально-техническими основами или превращение специфических законов капиталистического хозяйства в вечные и неизменные законы всякого хозяйства,— физиократы разделяют с классическою школою. Этот недостаток присущ всякому научному течению, ограниченному буржуазным кругозором и принимающему буржуазную форму хозяйства за вечную и «естественную» форму хозяйства вообще. А именно таким представлением были проникнуты прогрессивные идеологи буржуазии в тот период, когда последняя выполняла еще революционную роль в борьбе с остатками феодальных порядков.

С еще большею силою выступает тот же основной недостаток в учении о *чистом доходе* (*прибавочной стоимости*). Благодаря игнорированию прибыли, физиократы знали прибавочную стоимость только в одной форме, в форме *земельной ренты*. Поэтому источник прибавочной стоимости они искали в особенностях *земледелия*. Проблема взаимоотношений между разными *общественными классами* (проблема прибавочной стоимости) была спутана с проблемою взаимоотношений между разными *отраслями производства*. После неудачной попытки объяснения прибавочной стоимости (ренты) из *повышенной стоимости* земледельческих продуктов, физиократам не оставалось другого исхода как искать ее источник в фи-

Digitized by Google

зической производительности природы. Избыточную сумму стоимости физиократы смешали с избыточным продуктом в натуре, производство стоимости — с производством материи, ценностную производительность земледелия — с физическою производительностью земли. Так пришли физиократы к физически-натуралистическому решению проблемы прибавочной стоимости, к своему учению о природе как источнике стоимости, к теории исключительной производительности земледелия. Здесь сказалась ограниченность физиократической мысли не только кругозором буржуазного хозяйства, но еще более узким кругозором наиболее отсталой отрасли последнего, полунатурального сельского хозяйства. Эта ограниченность кругозора наложила печать на всю физиократическую теорию и привела к неправильному пониманию роли промышленности и к игнорированию промышленной прибыли [1]): раз производство прибавочной стоимости смешивается с производством материи, то промышленность является «непроизводительным» занятием, не доставляющим никакого «чистого дохода»; раз промышленность не доставляет чистого дохода, то промышленная прибыль есть не более как возмещение необходимых средств существования для промышленного капиталиста. Физически-натуралистическое решение проблемы прибавочной стоимости, учение о непроизводительности промышленности и игнорирование прибыли,— этой основной категории капиталистического хозяйства,— эти тесно связанные между собою ошибки составляют главный порок физиократической теории и чаще всего давали противникам последней повод к нареканиям и насмешкам. В большей мере, чем прибыли, посчастливилось у физиократов другой форме дохода, присущей капиталистическому хозяйству, заработной плате. Кенэ и Тюрго дали одну из лучших для своего времени формулировок железного закона заработной платы, развитого впоследствии Рикардо и имеющего в науке сторонников до сего дня.

Однако, при всем ложном решении проблемы прибавочной стоимости, за физиократами остается величайшая заслуга четкой постановки этой проблемы и перенесения ее из сферы обмена в сферу производства. Меркантилисты знали чистый доход только в виде торговой прибыли, «прибыли от отчуждения»,

[1]) Только Тюрго отличался более широким кругозором и в большей мере склонен был считаться с интересами промышленности и торгово-промышленной буржуазии. В связи с этим находится и обнаруженный им больший теоретический интерес к проблеме прибыли (см. выше, 13-ю главу).

Digitized by Google

получаемой от обмена не-эквивалентных продуктов и означающей выигрыш одного из обменивающихся контрагентов за счет другого. Физиократы впервые поставили вопрос об абсолютном, а не относительном доходе, о возможности приращения богатств (стоимости) даже при условии обмена эквивалентных продуктов. Очевидно, что такое приращение стоимости происходит не в процессе обмена, а в предшествующем ему процессе производства. Мысль, что стоимость создается в процессе производства и определяется до вступления продукта в процесс обращения, принадлежит физиократам и составляет необходимую основу теории прибавочной стоимости. Если меркантилисты (особенно Петти) дали одну из первых формулировок теории трудовой стоимости, то физиократам принадлежит заслуга постановки проблемы прибавочной стоимости (хотя дать правильное решение ее они не могли в силу отсутствия у них правильной теории стоимости). Дальнейшее движение науки заключалось в попытке синтеза теории стоимости с теорией прибавочной стоимости (Смит, Рикардо), синтеза, осуществленного с успехом только Марксом.

Digitized by Google

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

АДАМ СМИТ

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В АНГЛИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА.

Меркантилизм, отражавший интересы торгового капитала, вызвал против себя во Франции оппозицию со стороны физиократов, защитников сельской буржуазии. Но оппозиция физиократов не привела к практическим результатам, их программа не была осуществлена. Меркантилизм мог быть сокрушен только силами городской промышленной буржуазии. Задача полного практического и теоретического преодоления меркантилизма выпала на долю классической школы, основанной Адамом Смитом. Если физиократы мечтали о быстрых успехах производительного сельскохозяйственного капитала, то классическая школа боролась против меркантилизма во имя свободного развития промышленного капитализма. Чтобы лучше понять учение Смита, необходимо познакомиться с состоянием промышленного капитализма в Англии приблизительно в середине XVIII века, накануне промышленного переворота.

В истории английской промышленности XVIII век представлял собою переходную эпоху, характеризуемую сосуществованием различных форм промышленной организации: во-первых, существовало еще самостоятельное ремесло, этот пережиток прошлого; во-вторых, широкое распространение получила кустарная или домашняя система крупной промышленности; в-третьих, появились крупные централизованные капиталистические предприятия, мануфактуры.

В начале XVIII века в Англии было еще много самостоятельных ремесленников. Дефо оставил интересную картину жизни самостоятельных мастеров-суконщиков, живших близ Галифакса: «Во всяком доме можно видеть раму для натягивания сукна, и почти на каждой раме—сукно или тонкую шерстяную материю. Каждый суконщик держит по меньшей мере одну ло-

Digitized by Google

шадь, на которой ездит со сработанным товаром на рынок; каждый имеет одну-две коровы и даже более, для прокормления семьи. Дома полны дюжих молодцов: кто у красильных чанов, кто у ткацких станков, кто лощит сукно. Женщины и дети расчесывают шерсть или прядут. Все работают от мала до велика. Не видно ни нищих ни праздношатающихся». Ремесленники сохраняли свою самостоятельность благодаря тому, что сами отвозили свой товар на ближайший рынок для продажи.

Однако на этом ближайшем рынке ремесленникам чаще всего приходилось продавать свой товар посреднику-купцу, а не непосредственно потребителю. Суконщики, жившие близ Лидса, привозили два раза в неделю свое сукно в Лидс, где торг происходил сначала на мосту, а впоследствии в двух крытых рынках. Каждый суконщик имел свою палатку, куда приносил свое сукно. В 6 или 7 часов утра, по звону колокола, являлись купцы и посредники, вступали в торг с суконщиками и в течение какого-нибудь часа заканчивали все дела. Около 9 часов лавки очищались, и рынок пустел. В данном случае мастера сохраняли еще свою независимость, но уже продавали товар не потребителю, а купцу.

Необходимость продажи товара купцу вызывалась чаще всего специализацией ремесел, сосредоточением их в отдельных районах и расширением рынков сбыта. Если суконщики, жившие в районе Лидса, специализировались на выделке определенного сорта сукна, то, конечно, сукно это потреблялось не в одном только Лидском районе, а вывозилось в другие города Англии или даже за границу. В таком случае мастер не мог сам развозить сукно на отдаленные рынки сбыта, а продавал его купцам, которые с навьюченными караванами развозили товар по ярмаркам и городам Англии.

К тем же результатам приводила отдаленность рынков сырья, напр., невозможность отправляться в крупные торговые центры для закупки хлопка. В таком случае сырье закупалось купцами, которые и раздавали его для обработки мастерам. Так, в Ланкашире ткачи вначале сами запасались основой и утком, обрабатывали их и выносили на рынок готовый товар. Но постепенно им становилось труднее добывать пряжу; тогда манчестерские купцы начали выдавать им основу и хлопок, и ткачи стали зависимыми от них.

В других случаях зависимость ремесленников от купцов вызывалась необходимостью закупить новые средства произ-

Digitized by Google

водства. Успехи ткацкой техники требовали увеличения числа ткацких станков на каждого мастера. Ввиду отсутствия средств у мастеров, добавочные ткацкие станки заказывались скупщиками и раздавались ими мастерам.

Таким образом изменение условий производства и сбыта товаров (специализация ремесел, расширение рынков сбыта, отдаленность рынков сырья, необходимость расширения средств производства) вызвало постепенное подчинение ремесленника-мастера скупщику. В Лидсе мастер еще сам привозил товар в город. Но постепенно купец начал приезжать к мастеру за товаром. Лондонские купцы сами приезжали к мастерам, забирали у них товар и расплачивались наличными деньгами. В бирмингамском замочном производстве скупщики на вьючных лошадях объезжали мастеров и покупали у них товар. Отрезанный от рынка сбыта, ремесленник попадал в зависимость от торгового капитала.

Пока ремесленник мог продавать свой товар многим купцам, он сохранял еще известную самостоятельность. Но постепенно он попадал все в бо́льшую зависимость от одного определенного скупщика. Последний скупал у него всю его продукцию, заранее заказывал ему товар, выдавал ему авансы и, наконец, начинал снабжать его сырьем (реже орудиями производства). С этого момента продукт принадлежал уже не ремесленнику (который получал только вознаграждение за свой труд), а скупщику. Последний становился раздатчиком, на которого работало множество мелких мастерков, превратившихся в зависимых кустарей. Самостоятельное ремесло уступало место кустарной или домашней системе крупной промышленности. Распространение последней означало внедрение торгового капитала в сферу промышленности, подготовившее почву для полной перестройки промышленности на капиталистических началах.

Почти одновременно с распространением домашней или децентрализованной системы крупной промышленности, в XVII и XVIII веках появились и мануфактуры, более или менее крупные, централизованные капиталистические предприятия. От домашней системы мануфактуры отличались тем, что рабочие работали не у себя на дому, а в одном помещении, устроенном предпринимателем. От позднейших фабрик они отличались преобладанием ручного труда и отсутствием применения машин.

Мануфактуры возникали отчасти независимо от домашней системы, отчасти непосредственно из последней. Первое

Digitized by Google

имело место чаще всего в тех случаях, когда в данной стране насаждалась новая отрасль производства, ранее здесь неизвестная: из-за границы выписывались либо предприниматели вместе с своим рабочим персоналом, либо отдельные мастера, которые впоследствии соединялись вместе, в одну «мануфактуру». Таким путем возникли, при деятельном участии правительства, многие мануфактуры во Франции. В другим случаях мануфактуры вырастали непосредственно из домашней системы: скупщик, раздававший раньше сырье для обработки на дом отдельным кустарям, собирал последних в одно помещение, где они должны были работать под его непосредственным контролем. Зависимый кустарь превращался в наемного рабочего (пролетария), получающего заработную плату. Скупщик-раздатчик становился непосредственным организатором производства, промышленным капиталистом. Если распространение домашней системы было признаком внедрения торгового капитала в сферу промышленности, то устройство мануфактур означало завершение этого процесса и возникновение промышленного капитализма в точном смысле слова.

Соединением рабочих в одном помещении предприниматель освобождался от лишних расходов по раздаче материала отдельным кустарям и по передаче продуктов от одних кустарей другим для дальнейшей обработки; также достигался лучший контроль за целостью сырья,—при домашней системе раздатчики постоянно жаловались, что кустари утаивают часть сырья. Но, с другой стороны, домашняя система освобождала предпринимателя-скупщика от всяких затрат на основной капитал (здания, орудия производства), а кустарям давала возможность работать на дому и соединять свой промысел с подсобными занятиями (земледелием, огородничеством и т. п.). Благодаря этим преимуществам домашняя система оказалась в состоянии соперничать с мануфактурами, тем более, что последние продолжали применять ручной труд и не обладали особыми техническими преимуществами. Мануфактуры поэтому не могли вытеснить и заменить в широких размерах домашнюю систему,—задача, которая оказалась под силу только фабрикам с применением машин, распространившимся после промышленного переворота конца XVIII века. Мануфактуры устраивались в небольшом числе и продолжали существовать наряду с самостоятельным ремеслом и домашнею системою. Они не столько заменяли последнюю, сколько отнимали у нее лишь отдельные процессы производства, требовавшие особого надзора

Digitized by Google

за рабочими ввиду сложности операций, высокого качества сырья и т. п. Нередко в мануфактуре производились только начальные и конечные процессы производства, а посредствующие процессы производились на дому у кустарей. Отсюда столь часто встречающаяся комбинация мануфактуры с домашнею системою: на мануфактуре работают несколько десятков (в редких случаях несколько сотен) рабочих, а одновременно владелец мануфактуры раздает немало работы на дом кустарям.

Хотя мануфактура не получила в XVII—XVIII веках такого широкого распространения, какое получила в эту же эпоху домашняя система или в XIX веке фабрика, тем не менее она сыграла огромную роль в истории экономического развития. Она знаменовала собою появление промышленного капитализма, с характерными для него социальными и техническими особенностями: 1) разделением общества на классы промышленных капиталистов и наемных рабочих и 2) господством крупного производства, основанного на разделении труда (хотя и без применения машин).

Эпоха до появления мануфактур знала фигуры денежного капиталиста (ростовщика, финансиста), торгового капиталиста (купца) и скупщика-раздатчика. Последний представлял собою смешанный тип купца-предпринимателя. Главным занятием его оставалась торговля, организацией же кустарного производства он занимался постольку, поскольку это было необходимо для более успешной продажи товаров. Такой же смешанный характер носил и его доход, отчасти состоявший из торговой прибыли («прибыли от отчуждения») от продажи товара на более выгодном рынке, отчасти имевший своим источником эксплоатацию производителей-кустарей. С появлением мануфактур, постепенно выделился тип промышленного капиталиста в точном смысле слова, с характерною для него формою дохода, промышленною прибылью. Владелец мануфактуры главное свое дело видел в организации производственного процесса. От торговых функций он отказался и обычно продавал свой товар купцам, которые и получали торговую прибыль. Владельцу же мануфактуры доставался доход, который может быть подведен под категорию промышленной прибыли.

Одновременно в мануфактуре завершался процесс образования класса промышленного пролетариата. Конечно, социально-экономические процессы, создававшие предпосылки для появления пролетариата, происходили задолго до распространения

Digitized by Google

мануфактур, с особенною интенсивностью в XVI—XVIII веках (обезземеление крестьян, обеднение ремесленников, замкнутость цехов и трудность доступа в мастера, обособление подмастерьев от мастеров). Промышленные пролетарии имели своих предшественников в лице подмастерьев и кустарей. Но подмастерья все же не теряли надежды обзавестись несложными инструментами и перейти в мастера; кустари же, вербовавшиеся из полупролетаризованных ремесленников и крестьян, сохраняли призрачную самостоятельность благодаря работе на дому, наличию собственных орудий труда, подсобным заработкам от земледелия. Подмастерья и кустари представляли собою промежуточный тип между мелким самостоятельным производителем (ремесленником и крестьянином) и наемным рабочим. Мануфактурные же рабочие были пролетариями в точном смысле слова: крупные размеры производства отнимали у большинства из них всякую надежду перейти в ряды предпринимателей. Лишенные всяких орудий производства, они получали только доход от продажи своей рабочей силы или заработную плату в точном смысле слова. Хотя мануфактурные рабочие были еще связаны многочисленными нитями с ремеслом и кустарничеством (так как они вербовались часто из ремесленников и кустарей, надеялись вернуться к прежней призрачной самостоятельности, иногда имели подсобный доход от участка земли или огорода, в редких случаях сохраняли даже свои несложные инструменты и приходили с ними на работу в предприятие), но работа на мануфактуре ставила их в социальное положение наемных пролетариев и сообщала их доходу социальные черты заработной платы.

Переходя от социальных особенностей промышленного капитализма к его техническим особенностям, можно сказать, что по характеру орудий труда мануфактура еще сохраняла преемственную связь с ремеслом, по характеру же организации труда она подготовляла путь фабрике. Мануфактура еще не знала широкого применения машин, обеспечившего фабричной промышленности такой бурный рост в XIX веке. Но в мануфактуре был уже дан основной тип капиталистической организации труда: крупное производство, основанное на разделении труда. На-ряду с существовавшим ранее общественным разделением труда между отдельными предприятиями, появилось мануфактурное или техническое разделение труда внутри одного предприятия.

Digitized by Google

Разложение производственного процесса на отдельные стадии было известно и цеховому ремеслу. Но там оно совершалось только в форме общественного разделения труда между отдельными ремесленными предприятиями: чесальщики обрабатывали шерсть, которая после этого переходила в мастерскую прядильщика; последний изготовлял пряжу, ткач ткал материю, красильщик ее окрашивал и т. д.; внутри каждой мастерской разделения труда почти не было. Переход от ремесла к мануфактуре совершался двояким путем: во-первых, в одной мануфактуре соединялись вместе прежде самостоятельные ремесла или процессы производства (напр., суконная мануфактура объединила чесальщиков, прядильщиков и др.); во-вторых, каждый отдельный процесс производства (напр., чесанье или пряденье) разлагался на целый ряд дальнейших, более детальных операций. Такое разложение производственного процесса на частичные операции и комбинирование последних по одному плану сообщало мануфактуре характер сложного, расчлененного организма, в котором отдельные работы и работники являлись необходимым дополнением друг друга.

Одновременно с расчленением или разложением производственного процесса шла специализация работников. К каждой детальной операции приставлялся специальный рабочий, занимавшийся исключительно ею. На место ремесленного мастера, обладавшего более или менее универсальным техническим уменьем (конечно, в сфере данной профессии), появился детальный или частичный рабочий, который от постоянного повторения одной и той же простой, однообразной операции достигал в ней огромного совершенства, быстроты, ловкости и т. п. Большинство операций производилось еще ремесленно-обученными рабочими, но для выполнения наиболее простых работ начали уже привлекаться рабочие необученные,—группа, не известная ремеслу. С другой стороны, необходимость согласования совместной работы многих лиц в одном предприятии привела к выделению организаторского, руководящего персонала: кроме предпринимателя, как верховного организатора предприятия, появились мастера, надсмотрщики, браковщики и т. д. Мануфактура положила начало расчленению рабочих на горизонтальные группы: хотя основное ядро составляли еще ремесленно-обученные или квалифицированные рабочие, но на-ряду с ними появились уже необученные рабочие внизу и руководящий персонал наверху.

Digitized by Google

Наконец, параллельно со специализацией работников шла специализация, или диференцирование орудий труда. Данное орудие труда видоизменялось, в зависимости от характера той детальной операции, для которой оно должно было служить. Появились разные типы молотков, резцов и т. п., из которых каждый был наилучшим образом приспособлен к данной детальной операции. Инструменты, однако, продолжали еще оставаться ручными, и действие их зависело от силы и ловкости той руки, которая их направляла. Они являлись не более как дополнением к живому работнику, игравшему еще главную роль в производственном процессе. Мануфактура покоилась на ручной технике, доведенной до высокой степени производительности благодаря разложению производственного процесса, специализации работников и диференцированию орудий труда.

Таким образом в Англии XVIII века, на-ряду с прежним цеховым ремеслом, в промышленности развивались новые, капиталистические отношения: широко была распространена домашняя система и в меньших размерах мануфактура. Капиталистическая промышленность в своем росте наталкивалась на препятствия, созданные продолжавшим еще свое существование устарелым законодательством: цеховыми порядками, созданными в свое время для ограждения интересов ремесла, и меркантилистическою политикою, поощрявшею интересы привилегированных кругов торгового капитала.

Цеховые правила предоставляли право самостоятельно заниматься промыслом только лицам, прошедшим семилетний курс учения и состоявшим членами цеха (закон Елизаветы об ученичестве, изданный в 1562 г. и сохранявший силу еще в XVIII веке). Тем самым запрещалась продажа товара скупщикам, не состоявшим в цехе. Запрещение держать больше определенного числа подмастерьев и учеников стесняло устройство мануфактур. Строгое соблюдение цеховых правил сделало бы невозможным распространение домашней системы и мануфактур. Но потребности экономического развития оказались сильнее устарелого законодательства, унаследованного от эпохи безраздельного господства мелкого ремесла. Постепенно сами цехи вынуждены были допустить работу на скупщика, без помощи которого ремесленник теперь, при производстве на далекий рынок, не мог уже обходиться. В Страсбурге, например, ткачи уже в XVI веке не находили сбыта для своих изделий и всячески упрашивали куп-

Digitized by Google

цов купить произведенные ими изделия. Более упорно боролись цехи против мануфактур, но остановить их развитие не были в состоянии. Чтобы освободиться от цеховых ограничений, раздатчики и предприниматели переносили свою деятельность в сельские местности или новые города, не подчиненные цеховым порядкам. Но и в городах с цеховым устройством цеховые правила в интересах капиталистов-предпринимателей всячески обходились, и от действия их освобождались новые отрасли производства, не существовавшие в момент издания цеховых законов, например, хлопчатобумажная. Закон о принудительном регулировании размера заработной платы мировыми судьями также постепенно вышел из употребления: еще в середине XVIII века парламент подтвердил действие этого закона в интересах мелких мастеров-суконщиков, но вскоре же, под давлением суконщиков-капиталистов, должен был отменить его.

Меркантилистическая политика, в свое время служившая насаждению капиталистического хозяйства, с течением времени также превратилась в тормоз, задерживавший дальнейшее его развитие. Усиленное покровительство излюбленным отраслям отечественной промышленности наносило ущерб росту промышленного капитализма в других отраслях. Например, английское правительство, в интересах суконной промышленности, в течение многих лет запрещало и всячески стесняло развитие хлопчатобумажной промышленности, которая впоследствии обеспечила Англии первое место на мировом рынке. Монополии привилегированных торговых компаний стесняли инициативу отдельных частных торговцев и промышленников. Система усиленного протекционизма, правда, поддерживалась еще промышленниками отдельных отраслей; но она становилась уже излишнею и даже вредною для важнейших отраслей английской промышленности, текстильной и металлургической, которые не опасались никакой иностранной конкуренции и могли только выиграть от уничтожения рогаток, отделявших их от мирового рынка. Чтобы обеспечить мощный рост промышленного капитализма и превратить Англию в мировую фабрику, необходимо было освободить торговлю и промышленность от цеховых и меркантилистических ограничений. Фритредерские идеи, заложенные Норсом и развитые Юмом (а во Франции физиократами), получили во второй половине XVIII века широкое распространение. Шумным успехом своей книги Адам Смит был обязан пре-

Digitized by Google

жде всего своей красноречивой проповеди свободы торговли и промышленности.

Адам Смит может быть назван экономистом мануфактурного периода капиталистического хозяйства. Только экономист, наблюдавший рост промышленного капитализма в виде крупных предприятий-мануфактур, мог дать общую картину капиталистического хозяйства и анализ отдельных его элементов, отсутствовавший у физиократов. Капиталистическое хозяйство Смит чаще всего представляет себе в виде мануфактуры с сложным разделением труда: отсюда его учение о разделении труда. В противоположность ложным представлениям физиократов о классовом делении общества, Смит последовательно проводит правильное деление общества на классы капиталистов, наемных рабочих и землевладельцев. Он ясно отличает друг от друга характерные для этих классов формы дохода и выделяет категорию промышленной прибыли,—огромный шаг вперед по сравнению с наивными представлениями физиократов о прибыли. Раз прибыль выделяется в особую категорию, то устраняются отождествление ренты с прибавочною стоимостью и учение о происхождении последней из физической производительности земли. Источник стоимости и прибавочной стоимости Смит ищет в труде не только земледельческом, но и промышленном. Смит первый делает теорию трудовой стоимости краеугольным камнем всей экономической теории, хотя в формулировке теории стоимости и в попытке вывести из нее явления распределения впадает в роковые ошибки. Смит делает большой шаг вперед и в учении о капитале. Технические особенности промышленного капитализма, характерные для мануфактурного периода, нашли свое теоретическое отражение в учении Смита о разделении труда; социальные особенности промышленного капитализма—в его учении об общественных классах и формах дохода (особенно о промышленной прибыли), в его теории трудовой стоимости и капитала.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

БИОГРАФИЯ СМИТА.

Жизнь Смита с внешней стороны очень проста. Смит родился в 1723 году в семье таможенного чиновника, в маленьком шотландском городке Киркальди. Рано обнаружив выдающиеся способности, Смит усердно занимался преимущественно философией. С 1751 года Смит в течение 13 лет состоял профессором в Глазговском университете, где читал с большим успехом курс «нравственной философии». В духе энциклопедического XVIII века, этот курс не ограничивался этикою, а охватывал теологию, этику, естественное право и, наконец, часть, которую в настоящее время правильнее всего было бы назвать экономическою политикою. Из этой последней части и выросла экономическая теория Смита. Отдельной кафедры политической экономии в то время в Глазговском университете не было, да это и не удивительно, так как политическая экономия еще не успела сложиться в самостоятельную науку: меркантилистические сочинения носили больше практический характер, а у мыслителей с теоретическим складом ума политическая экономия оставалась еще подчиненною частью философии и естественного права. Вначале такое же подчиненное место экономические вопросы занимали и в мышлении Смита: Главные свои силы он посвящал разработке этики и в 1759 году выпустил книгу «Теория нравственных чувств», доставившую ему большую известность.

Возможно, что, включая в свой курс нравственной философии экономические вопросы, Смит руководился примером своего предшественника по кафедре, известного философа Гетчесона. Но в то время как Гетчесон только мимоходом останавливался на экономических вопросах, у Смита они постепенно стали центром его научных работ. От философии Смит перешел к политической экономии, как Кенэ проделал тот же путь от физиологии и медицины. И тот и другой переход нельзя рассматривать, как чисто случайный: если эволюция Кенэ могла объясняться усилением

Digitized by Google

интереса к экономическим проблемам во Франции середины XVIII века, то Смит находился, во-первых, под впечатлением происходивших в его время больших перемен в хозяйственной жизни Англии и, во-вторых, под влиянием своих старших современников, Юма и Кенэ.

Перемены в хозяйственной жизни Англии, переживавшей переходный период от эпохи торгового капитала к промышленному капитализму, были настолько значительны, что не могли не привлекать к себе внимания и интереса современников. Не следует думать, что в далекой Шотландии эти перемены не чувствовались. Именно в Шотландии насаждение промышленного капитализма происходило особенно успешно и быстро. Число крупных мануфактур было в первой половине XVIII века в Шотландии даже больше, чем в Англии; в суконном и полотняном производствах там уже существовали акционерные общества. Большого развития достигла в горах Шотландии и металлургическая промышленность: там на известных заводах в Корроне знаменитый Уатт, изобревший позже паровую машину, построил в 1769 году свою первую усовершенствованную машину—насос. В частности для Глазго годы, когда там жил и преподавал Смит, были периодом необычайно быстрого развития торговли и промышленности: устраивались крупные мануфактуры, были учреждены банки, улучшены условия судоходства.

Быстрое экономическое развитие Шотландии в XVIII веке объясняет нам тот факт, что в торгово-промышленных и интеллигентских кругах Глазго, одного из крупнейших центров страны, наблюдался живой, — конечно, по масштабу того времени, — интерес к экономическим вопросам. Уже в 40-х годах XVIII века в Глазго образовался клуб политической экономии, по времени своего основания, повидимому, первый в мире. Смит был завсегдатаем этого клуба и еженедельно встречался там со своими друзьями. Не только беседы в клубе, но и местные события за его стенами давали пищу для размышлений экономиста. В Глазго упомянутый Уатт имел свою мастерскую, где производил опыты над моделью машины. Когда в 1757 г. местная цеховая корпорация запретила ему дальнейшее производство опытов, Смит принял в нем горячее участие; вскоре Уатту разрешено было продолжать опыты в мастерской университета.

Помимо наблюдений над окружающею действительностью, мысль Смита питалась и литературными влияниями. В начале

Digitized by Google

50-х годов вышли экономические работы Юма, близкого друга Смита. Через несколько лет появились во Франции первые статьи и «Экономическая Таблица» Кенэ. И Юм и физиократы, с которыми Смит позже лично познакомился в Париже, оказали на него сильное влияние.

Профессорская деятельность Смита в Глазго продолжалась 13 лет; впоследствии он называл этот период наиболее полезным и счастливейшим в своей жизни. Смит закончил этот период со славою автора «Теория нравственных чувств» и с планом обширного экономического сочинения. В 1764 году Смит, по собственному желанию, отказался от профессуры, чтобы поехать во Францию вместе с одним молодым лордом, в качестве его домашнего наставника. Всего во Франции Смит провел свыше $2^1/_2$ лет, из них девять месяцев в Париже, где встречался с выдающимися философами и учеными, в том числе с Кенэ и его учениками. В Париже Смита уже знали как философа, но в качестве экономиста он себя еще не показал и, по словам физиократа Дюпона, «еще не обнаруживал материала, из которого сделан».

Уже во время пребывания в Париже Смит говорил своим друзьям, что замышляет большое сочинение по экономическим вопросам. По возвращении в Англию в конце 1766 г., он решил все силы посвятить осуществлению этого плана. Он не вернулся к университетской деятельности, а поселился в своем родном маленьком Киркальди, где в течение семи лет вел уединенную и замкнутую жизнь, работая над своим сочинением. Все попытки друзей вывести его из этого уединения оставались безуспешными. «Я хочу знать,—писал ему Юм,—что вы сделали за это время, и намерен потребовать серьезного и полного отчета в том, как вы распорядились временем в своем уединении. Я положительно уверен, что вы наделали много ошибок в своих рассуждениях, в особенности в тех случаях, когда имели несчастье не соглашаться со мною». Через несколько лет Юм опять пишет Смиту: «Я не принимаю в оправдание ваших заявлений о расстроенном здоровье и смотрю на них лишь как на отговорку, подсказанную леностью и страстью к уединению. В самом деле, мой любезный Смит, если вы будете поддаваться недомоганиям подобного рода, то кончите тем, что совсем порвете всякие связи с человеческим обществом, к великому вреду для обеих сторон».

Годы уединения не пропали даром. В 1776 году появился в свет великий труд Смита «Исследование о богатстве народов», доставивший ему мировую славу и открывший но-

Digitized by Google

вую эру в истории экономической мысли. С этого момента политическая экономия перестала быть собранием отдельных рассуждений или придатком к философии и естественному праву: она выступила как самостоятельная, систематически и связно изложенная теоретическая наука. Потребность в таком научном синтезе постепенно накоплявшихся экономических знаний чувствовалась уже до Смита. Недаром обе предшествовавшие Смиту экономические школы накануне своего угасания как бы пожелали дать миру синтетическое изложение своих знаний и идей: приблизительно за десять лет до появления труда Смита вышел в свет обобщающий меркантилистический труд Джемса Стюарта «Принципы политической экономии» и был написан обобщающий физиократический труд Тюрго «Размышления об образовании и распределении богатств». Но обе эти книги не могли открыть новую эру в науке: первая—вследствие неразработанности и ложности положенных в ее основу теоретических идей, последняя—вследствие узости физиократического кругозора, ограниченного сферою сельского хозяйства. Дать теоретическую формулировку явлений нарождающегося промышленного капитализма выпало на долю Смита.

Книга Смита имела огромный успех благодаря ее обобщающему теоретическому характеру, с одной стороны, и красноречивой проповеди фритредерских идей, с другой. Борьба за и против меркантилистической политики носила еще слишком злободневный характер, чтобы позволить Смиту роскошь чисто теоретического исследования. Из пяти книг «Богатства народов» теоретическим вопросам посвящены первые две, в остальных же преобладают материалы описательного характера и проблемы экономической политики; особое внимание уделено полемике с меркантилизмом. Эти части труда Смита представляют в настоящее время только исторический интерес, в то время как первые две книги послужили исходным пунктом дальнейшего развития теоретической экономии.

После издания «Богатства народов» Смит прожил еще 14 лет. Усиленные служебные занятия (по таможенной части) и старческие болезни не оставляли ему времени и сил для научных работ. Правда, до самой своей смерти он не расставался с давнишнею мечтою завершить свою научно-философскую систему и написать недостающие ее части. Он собирал материалы для сочинений по праву и истории литературы, но незадолго до своей смерти, последовавшей в 1790 году, сжег свои рукописи.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СМИТА.

Экономическая система Смита, как и физиократов, выросла в тесной связи с учением о естественном праве. И в Англии XVIII века, как в тогдашней Франции, буржуазия еще не добилась полного раскрепощения капиталистического хозяйства от устарелого законодательства; понятно поэтому, что свои классовые требования, совпадавшие в ту эпоху с интересами развития народного хозяйства в целом, она старалась освятить авторитетом вечного, разумного, «естественного» права. Однако во взглядах Смита на естественное право мы можем заметить значительное отклонение от взглядов Кенэ. В построениях Кенэ идея естественного права занимала центральное место: осуществление требований естественного права он считал необходимым условием развития народного хозяйства; положительное законодательство, противоречащее естественному праву, являлось в его глазах причиною разорения страны и ее экономической деградации. Экономический прогресс или регресс ставился им в зависимость от осуществления или нарушения требований естественного права.

Более скромное влияние на хозяйственную жизнь приписывал законодательству Смит. «Кенэ,—писал он,—повидимому, представлял себе, что политический организм может процветать и преуспевать только при одном определенном режиме—при режиме полнейшей свободы и полнейшей справедливости. Он упустил из виду, что в политическом организме естественные усилия, беспрестанно делаемые отдельными индивидами в целях улучшения их положения, являются тем принципом самосохранения, который способен во многом предупредить и исправить плохие последствия односторонней и даже, до известных пределов, притеснительной экономической политики». «Такая экономическая политика, конечно, замедляет более или менее естественный про-

Digitized by Google

гресс нации в направлении к богатству и процветанию, но она никогда не в состоянии совершенно приостановить это движение, а тем более повернуть его вспять». Экономический прогресс пробивает себе дорогу вопреки тормозящему влиянию плохого законодательства, нарушающего принципы естественного права.

Отмеченная разница во взглядах Кенэ и Смита объясняется различием экономических условий Франции и Англии в XVIII веке. Капиталистическое земледелие, проповедниками которого выступали физиократы, представляло собою во Франции не столько реальное явление, сколько лозунг, подлежащий еще осуществлению. Во Франции, с ее пережитками феодализма и абсолютною монархией, широкое развитие капитализма было действительно невозможно без коренного социально-политического переворота, без осуществления «естественного права» буржуазного общества. Отсюда огромная роль естественного права в системе Кенэ. В ином положении находилась Англия в XVIII в. Несмотря на продолжающееся политическое господство землевладельческой олигархии, основные социальные предпосылки для развития капитализма были уже налицо. Капиталистическое хозяйство быстро развивалось, ломая или обходя отдельные цеховые и меркантилистические ограничения, которые замедляли, но не могли приостановить его рост. Отсюда учение Смита, что экономический прогресс продолжается и при плохом законодательстве, противоречащем принципам естественного права.

Итак, по мнению Смита, экономические силы оказываются сильнее правовых и политических препятствий. Отсюда вытекает важный методологический принцип: можно изучать действие экономических сил независимо от той правовой и политической среды, в которой они действуют. Смит, таким образом, осторожно разрезает ту пуповину, которая у Кенэ связывала политическую экономию неразрывною нитью с теорией естественного права. Политическая экономия становится самостоятельною наукою,—и в этом одно из величайших достижений классической школы. Но, с другой стороны, создается почва для противопоставления вечных и неизменных экономических законов исторически преходящим и изменчивым социально-политическим условиям, — и в этом главный порок той же школы. По мнению классиков, экономические силы не меняют своей природы, хотя им приходится проявлять свое действие в различной социальной среде. Хозяйственная жизнь

Digitized by Google

в глазах Смита представляет собою комбинацию неизменных по своей природе экономических сил с изменчивыми историческими условиями, ускоряющими или задерживающими движение первых, но не изменяющими их природы. Хотя Смиту не чужд интерес к изменчивым историческим условиям, но главную задачу экономиста он видит в изучении действия неизменных по своей природе экономических сил.

В чем же заключаются эти неизменно действующие экономические силы, прокладывающие себе путь, несмотря на созданные историческим развитием препоны? Как видно из приведенной цитаты, Смит имеет в виду «естественные усилия, беспрестанно делаемые отдельными индивидами в целях улучшения их положения». Эти «естественные усилия» отдельных индивидов и являются постоянно действующим стимулом экономического прогресса. Постоянство и неизменность их действия вытекают из постоянства человеческой природы. Человек по самой своей эгоистической природе стремится постоянно к улучшению собственного положения, он «гораздо более заинтересован в том, что касается непосредственно его самого, чем в том, что касается других людей». В сложном и изменчивом переплете хозяйственных явлений нами найдена постоянно действующая сила: «постоянное, единообразное, никогда не прерывающееся стремление каждого индивида к улучшению своего положения, принцип, являющийся первоначальным источником государственного и национального богатства, равно как и частного богатства». У Кенэ необходимым условием экономического прогресса является осуществление неизменной системы естественного права, у Смита—действие неизменной природы «экономического человека». Тип «экономического человека»,—занимающий центральное место в построениях классической школы,—самостоятельно преследующего свои личные интересы в свободном соревновании с другими людьми, представляет собою на самом деле не что иное, как идеализированный тип независимого товаропроизводителя, связанного с другими членами общества отношениями обмена и конкуренции. Социально-обусловленная и исторически-изменчивая природа товаропроизводителя была возведена классиками в ранг естественно-обусловленной и неизменяющейся природы человека вообще.

Раз стремление индивида к улучшению своего положения вытекает из постоянной природы человека, то очевидно, что оно действует во все исторические эпохи и в любых со-

Digitized by Google

циальных условиях. Смит оспаривает мнение,—приписываемое им Кенэ,—что указанное стремление индивида действует только в условиях полной свободы; по мнению Смита, оно действовало уже в течение многих столетий до осуществления полной свободы (т.-е. буржуазного строя), одерживая победы над плохим управлением и законодательством. Но, конечно, неблагоприятные социальные условия могут тормозить действие указанной экономической силы. Например, при рабстве отсутствует личная заинтересованность работника в успехах производства, когда же «людям, напротив, обеспечено пользование плодами их прилежания, они прилагают усилия к улучшению своего положения». Постоянная природа человека проявляет свое действие с наибольшею силою при наличии определенных социальных условий, а именно буржуазного строя, основанного на частной собственности и неограниченной конкуренции. Но вместо того чтобы объяснять природу человека как товаропроизводителя из условий этого социального строя, Смит видит в последнем лишь добавочное условие для полного проявления индивидуальных сил, заложенных в постоянной природе человека. Победа одного социального строя над другим (буржуазного над феодальным) представляется Смиту, как и другим просветителям XVIII века, победою «естественной», неизменной природы человека над «искусственными» социальными институтами прошлого. Новые же, буржуазные социальные институты, являясь необходимым условием полного проявления неизменной природы индивидуума, тем самым приобретают характер вечных, неизменных, «естественных» форм хозяйства.

Итак, своего абстрактного экономического человека,—этот исходный пункт своего исследования,— Смит исследует, так сказать, в условиях буржуазного окружения или товарно-капиталистического хозяйства. Это привлечение социальных моментов, при всей ошибочной оценке их роли по сравнению с человеческою «природою», оказалось спасительным для классической теории. Оно дало ей возможность, несмотря на ошибочность индивидуалистического исходного пункта и представлений о постоянстве человеческой природы, стать теорией товарно-капиталистического хозяйства.

Каким же образом перебрасывает Смит мост от своего абстрактного индивидуума к товарно-капиталистическому обществу? Верный своим исходным индивидуалистическим принципам, Смит идет от индивида к обществу. Общество слагается из отдельных

Digitized by Google

самостоятельных индивидов, общественное явление получается в результате взаимодействия отдельных индивидов, общественное единство (поскольку речь идет об экономической стороне общества) скрепляется и поддерживается интересами отдельных лиц. Каждый индивид вступает в общение (поскольку речь идет об экономическом общении) с другими постольку, поскольку это диктуется его собственными личными интересами и обещает ему выгоду. А формою такого общения является обмен. «Склонность к торгу, к обмену одного предмета на другой» составляет необходимое свойство человеческой природы. Раз индивиды в силу этого постоянного свойства своей природы вступают друг с другом в обмен, они объединяются в меновое общество.

Поскольку речь идет об экономической стороне явлений, общество может быть рассматриваемо, как меновое общение, в которое отдельные лица вступают в силу своих личных интересов. В высшей степени характерная фраза встречается уже в раннем сочинении Смита о теории нравственных чувств: «Общество может существовать между людьми, как оно существует между торговцами, благодаря сознанию его полезности и без всякой взаимной любви и привязанности: в этом случае, хотя один человек не связан с другими людьми узами долга или благодарности, но общество все же может поддерживаться при помощи основанного на интересе обмена взаимных услуг, которым приписывается определенная стоимость». Экономическое общение людей мыслится Смитом по типу обмена или экономического общения товаровладельцев. Дальнейшее развитие той же мысли Смит дает во 2-й главе первой книги о богатстве народов: «Человек почти всегда нуждается в помощи своих ближних, но напрасно он стал бы надеяться при этом только на их доброе к себе расположение. Гораздо вернее достигает он своей цели, если обращается к их эгоизму и умеет убедить их, что в их собственных интересах сделать для него то, что он просит у них. Так именно и поступает человек, предлагающий другому торговую сделку; весь смысл его предложения таков: дайте мне то, что мне нужно, а вы получите от меня то, что вам самим нужно. Таким именно способом и приобретается большая часть услуг, которые нам нужны. Не от доброго расположения к нам мясника, продавца пива и хлебника надеемся мы получить, что нам нужно для обеда, но от их забот об их собственных интересах». Личный интерес индивида побуждает его всту-

Digitized by Google

пать в обмен с другими лицами, а стремление к обмену в свою очередь вызывает, как увидим ниже, разделение труда между людьми.

Изложенное рассуждение ярко характеризует индивидуалистически-рационалистический метод Смита. Происхождение важнейших социальных институтов (в данном случае обмена и разделения труда) он объясняет неизменною природою абстрактного индивидуума, его личным интересом и сознательным стремлением к наибольшей выгоде. При этом абстрактному человеку приписываются мотивы и стремления (в данном случае стремление к торгу или обмену), на самом деле являющиеся результатом длительного воздействия на индивидуума тех самых социальных институтов (в данном случае разделения труда и обмена), для объяснения которых эти личные мотивы и стремления Смитом привлекаются. Смит выводит основные социально-экономические институты, характерные для товарно-капиталистического хозяйства, из природы человека, но за последнюю он при этом принимает определенную природу человека, сложившуюся под воздействием товарно-капиталистического хозяйства.

Тот же метод перехода от индивида к обществу применяется Смитом и при объяснении других социально-экономических институтов. Возникновение денег объясняется просто тем, что, ввиду неудобств натурального обмена, «всякий предусмотрительный человек во всяком периоде общественного развития, следовавшем за первым возникновением разделения труда, естественно старался устроиться так, чтобы во всякое время иметь наготове, кроме произведений собственного ремесла, еще известное количество того или другого товара, на который по его соображению лишь немногие отказались бы променять произведения собственного ремесла». Нами подчеркнуты слова, характеризующие особенности метода Смита. Объяснения социальных институтов следует искать в природе «всякого человека» или в личных интересах отдельного индивидуума; отсюда метод Смита может быть назван индивидуалистическим. Речь идет о «предусмотрительном» человеке, сознательно рассчитывающем наперед свои выгоды; рациональная калькуляция выгод и невыгод отдельных хозяйственных действий, выросшая на почве высоко развитого товарного и капиталистического хозяйства, принимается Смитом за свойство человеческой природы вообще, что дает нам право признать метод

Digitized by Google

Смита рационалистическим. Далее, описанные действия индивида имеют место «во всяком периоде общественного развития» (если только уже произошло разделение труда); это утверждение Смита обнаруживает анти-исторический характер его метода. Наконец, эти действия индивида, вытекающие из его природы и независимые от социально-исторических условий, принимаются за «естественные»; здесь Смит стоит на почве теории естественного права, внося, однако, в нее существенные улучшения, на чем нам придется остановиться подробнее.

Из основной социологической концепции Смита, согласно которой социально-экономические явления рассматриваются как результат продиктованных личным интересом действий отдельных индивидуумов, следует важнейший вывод, что экономические явления носят «естественный» характер. Здесь понятие «естественного» употребляется в двух разных смыслах: теоретическом и практическом. Основное положение теоретической системы Смита гласит: экономические явления обладают присущею им «естественною» закономерностью, независимою от произвола государственной власти и основанною на измененных «естественных» влечениях отдельного индивидуума. Основное положение экономической политики Смита гласит: только при «естественном», не стесняемом государственною властью течении экономических явлений, отдельные индивиды и общество в целом извлекают из них наибольшую пользу. Первое положение сделало Смита одним из родоначальников теоретической экономии, последнее положение сделало его глашатаем экономического либерализма.

Начнем с последнего. Раз стимулом экономического прогресса и источником всех экономических институтов является личный интерес индивидуума, последнему должна быть открыта возможность свободного и беспрепятственного проявления его хозяйственных сил. Свобода хозяйственной деятельности индивидуума и устранение вмешательства государства в хозяйственную жизнь,—главное правило экономической политики. Нечего опасаться, что индивидуум в борьбе за свой личный интерес нарушит интересы общества в целом. Между интересами индивидуума и общества существует полнейшая гармония. Из взаимодействия индивидуумов, преследующих каждый только свои правильно понятые личные интересы, возникают

Digitized by Google

наиболее ценные социальные институты, содействующие огромному росту производительности труда: разделение труда, обмен, деньги, накопление капиталов и правильное распределение их между разными отраслями производства. «Преследуя свою собственную выгоду, человек часто работает на общую пользу более действительным образом, чем если бы задался такою целью». Поэтому «всякому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется полная свобода следовать тому пути, который указывает ему его собственный интерес, и употреблять свой труд и капитал, как ему заблагорассудится, свободно соперничая со всяким другим человеком или классом людей. Правительство же совершенно освобождается от тяжелой обязанности, для правильного исполнения которой недостанет никакой человеческой мудрости и знания,—от обязанности руководить трудом каждого человека и направлять его в сторону, наиболее соответствующую благу общества». Правительство, не вмешиваясь в хозяйственную жизнь, сохраняет за собою только скромные функции защиты внешней безопасности страны, ограждения отдельных лиц от притеснений со стороны других членов общества и заботы о некоторых общественных предприятиях. Хозяйственная же жизнь всецело предоставляется свободной игре индивидуальных интересов. Такова «простая и незамысловатая система естественной свободы», от осуществления которой Смит, как и физиократы, ожидал самых благодетельных последствий для общества в целом и отдельных классов населения.

Оптимистические взгляды Смита, которые сделали его,—несмотря на отдельные его оговорки,—родоначальником экономического либерализма, могли появиться только в историческую эпоху, когда промышленная буржуазия играла еще прогрессивную роль и интересы ее совпадали с потребностями экономического развития общества в целом. Смит не ставил себе целью защищать узкие интересы торговцев и промышленников, к которым он не обнаруживал особой симпатии. Смит часто с горячим сочувствием отзывался о положении рабочих и хотел его улучшения. Но он был глубоко убежден, что улучшения положения низших классов населения можно ожидать только от полной свободы конкуренции и мощного развития капиталистического хозяйства. Он верил, что и рабочий класс получит все возрастающую долю в растущей массе богатств капиталистического общества. Дальнейшее развитие капитализма показало ошибочность оптимистических ожиданий Смита и вскрыло неприми-

Digitized by Google

римые противоречия между интересами буржуазии, с одной стороны, и интересами рабочего класса и экономического развития общества в целом, с другой стороны. Оптимистический либерализм, сыгравший в свое время положительную роль орудия для освобождения производительных сил капиталистического хозяйства от оков старого режима и меркантилизма, впоследствии, в руках Сэя и особенно Бастиа, превратился в орудие защиты капитализма от нападок социалистов.

Как видим, в своей экономической политике Смит признавал экономические явления буржуазного общества «естественными» в том смысле, что они устроены наилучшим образом и не требуют сознательного вмешательства государственных или общественных органов. В этом смысле признание явления «естественным» равносильно положительной его оценке. «Естественное» в данном случае означает соответствие принципам естественного права. Но, помимо пользования термином «естественный» в смысле оценки, тот же термин употребляется Смитом и в его чисто теоретических суждениях, там, где он ставит себе задачею исследовать явление, как оно есть, независимо от его положительной или отрицательной оценки. В таком случае признание «естественного» характера явления имеет чисто теоретический смысл и означает, как уже отмечено, что экономические явления обладают присущею им «естественною» закономерностью, независимою от вмешательства государственной власти. Когда Смит говорит, что «естественная цена» (стоимость) товара возмещает издержки производства и доставляет среднюю прибыль, это значит, что, при наличии свободной конкуренции и невмешательстве государственной власти, цены товаров имеют тенденцию устанавливаться на указанном уровне. Этот стихийно и закономерно устанавливающийся нормальный уровень цены данного товара и составляет его «естественную» цену. «Естественным» в данном случае признается закономерно появляющийся стихийный результат не стесняемой государством свободной конкуренции отдельных индивидов. Понятие «естественного» включает в себя, следовательно, два признака: 1) стихийность и 2) закономерность. Во-первых, «естественною» признается только цена, являющаяся стихийным результатом свободной конкуренции и столкновения личных интересов отдельных индивидов; в этом смысле «естественная» (вольная) цена противопоставляется «указной» или твердой цене, устанавливаемой государством или цехами, а также «монопольной» цене. Во-вто-

Digitized by Google

рых, «естественною» признается не всякая рыночная цена, а лишь «центр, к которому постоянно тяготеют цены всех товаров», иначе говоря, уровень цен, закономерно устанавливающийся в условиях равновесия рынка или соответствия спроса предложению. В этом смысле «естественная» цена (стоимость), выражающая закономерность рыночных явлений, отличается Смитом от «рыночных» цен, постоянно колеблющихся в зависимости от колебаний спроса и предложения.

Понятие «естественного» в описанном смысле играет в теоретической системе Смита огромную роль: он говорит о естественной цене, естественном размере заработной платы, прибыли и ренты. Понятие «естественного» означает здесь не соответствие предписаниям естественного права, а признание стихийной закономерности рыночных явлений. Хотя изредка Смит употребляет этот термин в первом, оценочном смысле, но чаще пользуется им в последнем, чисто теоретическом смысле; во всяком случае, он не смешивает практического и теоретического смысла этого термина. Совершенный Смитом переход от оценочного понимания термина «естественный» к теоретическому означал огромный шаг вперед в сторону чисто теоретического, научно-причинного изучения экономических явлений. У меркантилистов экономическое исследование носило практический характер. Сочинения их представляли собою преимущественно собрание практических предписаний, рекомендовавшихся к исполнению государственной власти. Зачатки теоретического анализа у Петти не оказали влияния на общий ход меркантилистической мысли. Внимание физиократов также было поглощено не столько исследованием сущего (т.-е. реальных явлений капиталистического хозяйства), сколько выяснением должного (т.-е. условий, осуществление которых необходимо для процветания народного хозяйства). На свои экономические законы и положения они смотрели, как на предписания естественного права. Только благодаря тому, что за идеальный, естественный строй физиократы принимали капиталистический, исследование их содержит теоретически ценные элементы для понимания капиталистического хозяйства. Если система меркантилистов носит практический, а система физиократов—телеологический характер, то Смит сознательно ставит себе задачею теоретическое изучение капиталистического хозяйства. Правда, и у Смита вопросы экономической политики играют огромную роль и в изложении нередко пере-

Digitized by Google

плетаются с теоретическим исследованием; но по существу последнее методологически выделено и обособлено от обсуждения практических вопросов. Правда, некоторые крупнейшие ошибки Смита объясняются смешением теоретических и практических проблем (см. ниже главу о теории стоимости), но удивляться этому не приходится: экономическая теория, родившаяся из практических потребностей и первоначально растворявшаяся в экономической политике, на первых порах не могла еще ясно осознать методологические особенности чисто теоретического исследования. Во всяком случае, за Смитом остается великая и методологически решающая заслуга: он поставил политическую экономию на путь теоретического изучения реальных явлений капиталистического хозяйства. На этой заслуге основана слава Смита, как основателя политической экономии.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Первые же строки труда Смита ярко показывают то новое, что внес он в экономическую науку. Интересно сравнить начало труда Смита с началом книги Мэна, этого «евангелия меркантилистов». «Средством для увеличения нашего богатства и нашего запаса благородных металлов является внешняя торговля», так начинает свою книгу Мэн, который видит источник богатства в торговле или в сфере обращения. Великая заслуга Кенэ и состояла в том, что он перенес центр экономического исследования в сферу производства, но при этом под производством понимал только отрасль, доставляющую новую материю, а именно земледелие: «Земледелие—источник всех богатств государства и граждан». Если меркантилисты восхваляли, как наиболее производительный, труд торговцев и моряков, то физиократы столь же односторонним образом признавали производительным только труд земледельцев. Смит, подобно физиократам, переносит центр исследования в сферу производства, но при этом избегает их односторонности: источником богатства он провозглашает труд вообще, а именно весь труд нации, распределенный между разными отраслями производства и разделенный между отдельными членами общества: «Годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для годового потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни». Труд есть источник богатств, при чем под трудом понимается весь совокупный труд нации в его общественно-разделенной форме, а под богатством—совокупность материальных продуктов или предметов потребления.

Раз богатство создается трудом, то возрастание богатства происходит при наличии одного из следующих двух условий: 1) при росте производительности труда отдельного работника или 2) при увеличении числа производитель-

Digitized by Google

ных работников по сравнению с числом остальных членов общества. Но рост производительности труда вызывается разделением труда, а для увеличения числа производительных работников необходимо возрастание и накопление капитала, затрачиваемого на содержание работников. Отсюда вытекает деление первых двух книг «Богатства народов», излагающих теоретические взгляды Смита. Первая книга начинается с описания разделения труда, от которого Смит переходит к тесно связанным с ним явлениям обмена (деньги, стоимость и распределение продуктов, т.-е. заработная плата, прибыль и рента). Вторая книга содержит теорию капитала, учение о накоплении капитала и производительном труде.

Первые главы «Богатства народов», посвященные разделению труда, всегда считались одними из самых блестящих в книге и производили сильнейшее впечатление широким размахом и красноречием описаний. По существу Смит высказал здесь мало нового по сравнению с своими предшественниками (Петти, Фергюсон), но нельзя не признать в высшей степени счастливою мысль поместить описание разделения труда в самом начале книги. Благодаря этому товарное общество выступает с самого начала, как общество, основанное, с одной стороны, на разделении труда, а с другой—на обмене между отдельными хозяйствами, иначе говоря, как трудовой и вместе с тем меновой союз («торговый союз», по выражению Смита).

Как известно, Смит начинает первую главу с описания булавочной мануфактуры с детальным разделением труда между десятью рабочими: один тянет проволоку, другой выравнивает ее, третий обрезает и т. д. Это разложение трудового процесса на простейшие операции, порученные отдельным рабочим, повышает в сотни раз производительность труда: указанные 10 рабочих изготовляли 48.000 булавок в день, в то время как каждый из них, если бы изготовлял булавки собственными силами с начала до конца, не сработал бы и 20 булавок в день. Смит перечисляет три причины повышения производительности труда под влиянием разделения труда: 1) ловкость каждого рабочего возрастает от постоянного повторения тех же операций; 2) не тратится время на переход от одной работы к другой и 3) разложение труда на простейшие операции облегчает изобретение инструментов, сокращающих труд. Эти рассуждения Смита характерны для мануфактурного периода, с присущею

Digitized by Google

ему специализацией частичных работников и диференциацией инструментов. Не менее показательно утверждение Смита, что главною причиною роста производительности труда является разделение труда. Эта недооценка роли орудий труда, и в частности машин, вполне понятна в эпоху Смита, когда промышленный переворот еще не начинался и техническое превосходство мануфактур покоилось на детально проведенном разделении труда. Хотя в начале своей книги Смит описывает только выгодные стороны мануфактурного разделения труда, но в других местах он указывает, что монотонный характер работы принижает личность частичного рабочего, делая его «тупым и невежественным».

От булавочной мануфактуры Смит быстро переходит к другим примерам разделения труда, при чем в качестве таковых берет уже, в отличие от примера с булавочною мануфактурою, не разделение труда внутри одного предприятия, а разделение труда между разными предприятиями, относящимися к различным отраслям производства. Смит ярко рисует переход сукна через целый ряд хозяйств, начиная с земледельца, который трудится над выращиванием шерсти, и кончая рабочим, который занят крашением и аппретурой сукна. Именно здесь, при описании этого рода разделения труда, красноречие Смита достигает наибольшей силы. «Присмотритесь, из чего в цивилизованной и развивающейся стране состоит движимое имущество самого простого мастерового или поденщика чернорабочего, и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своим трудом содействовали снабжению его какою-нибудь даже самою мелкою частью этого имущества. Шерстяная куртка, например, которую носит поденщик, как бы она ни была груба, есть продукт совокупного труда несчетного множества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, гладильщик и многие другие,—все они участвовали в производстве и отделке этого грубого предмета». А сверх того были заняты торговцы и возчики, строители судов, рабочие, изготовляющие инструменты, и т. п. Здесь всюду речь идет о разделении между различными товаропроизводителями или отдельными предприятиями.

Как видим, Смит смешивает общественное разделение труда с мануфактурным или техническим разделением труда. Он упускает из виду глубокое социальное отличие между обоими видами разделения труда. Общественное разделение труда между отдельными предприятиями, основанное на обмене их

Digitized by Google

продуктов, составляет основную особенность всякого товарного хозяйства и достигло значительного развития уже при ремесле; техническое разделение труда внутри одного предприятия появилось только вместе с возникновением крупных капиталистических предприятий, а именно мануфактур. Первое из них предполагает раздробление средств производства между независимыми товаропроизводителями, последнее—концентрацию значительных средств производства в руках одного капиталиста. Отдельные независимые товаропроизводители (ремесленники) связаны между собою только через обмен их продуктов на рынке, отдельные рабочие мануфактуры связаны между собою общим руководством капиталиста. В первом случае связь между людьми носит стихийно-рыночный, неорганизованный характер, в последнем случае — организованный, планомерный характер.

Смит упустил из виду эти различия, потому что внимание его,— и в этом заключается вообще одна из особенностей классической школы,— обращено не на социальные формы, а на материально-технические выгоды разделения труда, заключающиеся в повышении производительности труда. С этой точки зрения можно объединить оба вида разделения труда, так как оба они повышают производительность труда. Различие же социальной природы взаимоотношений между независимыми товаропроизводителями, с одной стороны, и рабочими одной мануфактуры, с другой, отступает на задний план и ускользает от внимания автора.

Главною задачею Смита в первых главах его труда является описание именно общественного разделения труда, основанного на обмене и характерного для всякого товарного хозяйства. Но, находясь под сильным впечатлением прогрессировавшего в его время мануфактурного разделения труда, Смит привлекает также примеры из сферы последнего и вообще склонен рисовать себе общественное разделение труда по образцу разделения труда внутри предприятия. Все общество представляется ему в виде гигантской мануфактуры, где труд разделен между тысячами отдельных предприятий, взаимно дополняющих друг друга. На первый план выдвигается материальная связанность и взаимозависимость между товаропроизводителями. Каждый член общества полезен всем другим и нуждается в свою очередь в их помощи. «Без помощи и содействия многих тысяч рабочих ни один, самый последний, бедняк не мог

Digitized by Google

бы одеться и обзавестись самыми незатейливыми предметами хозяйства». Все люди, хотя каждый из них одушевлен лишь стремлением к собственной выгоде, фактически работают друг на друга, «самые несходные дарования полезны друг другу», и между отдельными членами общества существует полная гармония интересов.

Здесь мы сталкиваемся со второю особенностью классической школы, находящеюся в тесной связи с первою. Так как внимание Смита устремлено на материально-техническую взаимозависимость отдельных членов общества, между последними предполагается полная гармония интересов. Прядильщик и ткач взаимно дополняют своим трудом друг друга, и один без другого существовать не может. Но при этом Смит забывает, что оба они являются товаропроизводителями, продающими свои продукты на рынке. Борьба за цену продукта (напр., пряжи) создает между ними глубокие антагонизмы, приспособление обеих отраслей производства друг к другу происходит лишь стихийным путем, под давлением колебаний рыночных цен и ценою разорения многих производителей. Но так как Смита интересуют материально-технические выгоды разделения труда, а не социальная форма, которую оно принимает в товарном хозяйстве, то он переоценивает элементы гармонии в последнем и не замечает заложенных в нем противоречий и антагонизмов.

Сказанное не означает, что Смит не понимал тесной связи между разделением труда и обменом. Напротив, связь эту он усиленно подчеркивает. Особенность классической школы заключается не в полном отвлечении материально-технической стороны производства от его социальной формы, а в смешении обеих. Классики не мыслят себе общественного процесса производства в иной социальной форме, как в товарно-капиталистической, которая в их глазах является разумною и естественною формою хозяйства. Раз процесс производства предполагается всегда происходящим в определенной социальной форме, излишним становится специальный анализ последней, а достаточно изучить процесс производства вообще. Но выводы, добытые изучением процесса производства вообще, в силу неразрывной связи последнего с данною социальною формою вполне применимы и к последней. Отсюда возникает у классиков постоянное смешение материально-технической и социальной точек зрения, пример которого дает нам и учение Смита о разделении труда.

Digitized by Google

Смит не представляет себе разделения труда иначе, как на основе обмена. В склонности к обмену он видит необходимое свойство человеческой природы, отличающее человека от животных. Эта склонность к обмену и вызвала разделение труда. В данном пункте Смит ошибается, так как общественное разделение труда существовало, хотя и в скромных размерах, при отсутствии товарного хозяйства, напр., в индийской общине. В другом пункте Смит правильно отмечает, что развитие обмена дает толчок дальнейшему разделению труда: «степень разделения труда всегда ограничивается пределами возможности обмена или, другими словами, обширностью рынка». Но, усиленно подчеркивая влияние обмена на возникновение и развитие разделения труда, Смит игнорирует роль обмена, как той специфической социальной формы, которую общественное разделение труда принимает в товарном хозяйстве. Он ограничивается, как мы видели, анализом разделения труда вообще или его материально-технических выгод.

Учение о разделении труда, при всех отмеченных его недостатках, оказало Смиту ценную услугу: исходя из представления об обществе, как гигантской мастерской с разделенным трудом, Смит пришел к очень ценной концепции общества, как трудового и одновременно м'енового союза лиц. Разделение труда делает всех членов общества участниками единого производственного процесса. Продукты труда всех членов общества «складываются в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе, смотря по своим потребностям, любую часть произведений других людей». Каждый человек становится зависимым от труда других людей. «С тех пор как во всех отраслях деятельности установилось разделение труда, человек одним только личным трудом своим может добыть лишь весьма небольшую часть этих предметов, а наибольшую часть их он может получить только от труда других». Каждый человек получает продукты труда других людей, с которыми он таким образом объединен в единый трудовой союз. Но он получает продукты труда других людей только в обмен на собственные продукты: трудовой союз не мыслится Смитом иначе, как в форме союза менового. «С окончательным установлением разделения труда только самая незначительная часть потребности человека может быть удовлетворена произведениями его собственного труда. Наибольшая же часть этих потребностей может быть удовлетворена лишь посредством обмена излишка

Digitized by Google

его произведений, превышающего собственное потребление, на такой же излишек продуктов труда других людей, нужный ему. Таким образом каждый человек живет обменом и становится до некоторой степени купцом, а само общество—превращается, собственно говоря, в торговый союз». Общественное разделение труда не мыслится Смитом иначе, как в форме обмена, а, с другой стороны, обмен продуктов труда сводится, по его мнению, к обмену трудовых деятельностей отдельных производителей. В товарах «содержится ценность известного количества труда, которое меняется на то, в чем предполагается ценность такого же количества труда». Приобретая продукт чужого труда, я тем самым приобретаю труд его производителя.

Таким образом, смитовская концепция общества, как трудового и одновременно менового союза, может быть выражена в виде следующих двух положений: 1) видимый рыночный обмен товаров на деньги представляет собою на самом деле взаимный обмен продуктов труда различных лиц, между которыми разделен весь общественный труд; 2) взаимный обмен продуктов труда разных лиц сводится к взаимному обмену самого труда производителей. Первым положением Смит отмежевал себя от меркантилистов, второе положение отделяет его от физиократов.

Меркантилисты уделяли усиленное внимание обмену, но они были ослеплены его рыночною, денежною формою: они видели только обмен натурального продукта на деньги, как общественное богатство, они хотели бы ограничить весь процесс обмена продажею Т—Д и превращением денег в сокровище. Смит же, по примеру физиократов, видел в обмене единство актов продажи (Т—Д) и покупки (Д—T_1), иначе говоря, обмен одного натурального продукта (Т) на другой натуральный продукт (T_1) через посредство денег, которые появляются только в мимолетной роли средства обращения. Отсюда у Смита оценка роли денег, противоположная меркантилистической. Деньги не составляют богатства общества. «Доход общества состоит единственно в товарах, а не в деньгах, которые приводят их в движение». Деньги нужны только в качестве вспомогательного орудия для лучшего обращения продуктов. «Золото и серебро, обращающиеся в стране, можно сравнить с большою дорогою, по которой развозится и провозится на рынок зерно и сено, но которая сама не производит ни одной горсти ни того, ни другого». Деньги представляют собою только «мертвый» капитал: увеличение ко-

Digitized by Google

личества денег в стране соответственно уменьшает затраты на материальное производство продуктов и, следовательно, сокращает действительный доход общества, состоящий в продуктах. Поэтому обществу в высшей степени выгодно всякое сбережение в расходах, необходимых для поддержания денежной системы, напр., путем замены золота банкнотами.

Итак, обмен товара на деньги представляет собою в сущности не что иное, как обмен одного продукта на другой продукт. В этом Смит сходился с Кенэ, который в «Экономической Таблице» впервые дал широкую картину обращения продуктов [1]). Но далее между ними начинается разница. В глазах Кенэ обращение продуктов есть не что иное, как передвижение вещества природы или материи, вступившей из лона природы в человеческое общество. Раз материя создана природою, то и продвигаться она может только в строго определенном направлении: от земледельческого класса, непосредственно добывающего ее из природы, к классам, не занятым добыванием материи (землевладельческому и промышленному). Земледельческий класс «кормит» и «содержит» одинаково и землевладельческий класс и промышленное население. Взаимные отношения между разными отраслями производства (земледелием и промышленностью) мыслятся Кенэ по образцу взаимных отношений между разными общественными классами (землевладельческим и земледельческим): промышленность как будто «подчинена» земледелию.

Смит, хотя во многих частных вопросах и повторял взгляды физиократов [2]), в основном преодолел их односторонность в своей теории разделения труда и стоимости. Труд создает богатство,— такова исходная точка зрения Смита. Обращение продуктов есть в его глазах не передвижение вещества природы, а циркуляция продуктов труда. А благодаря своей концепции общества, как трудового союза, он увидел под обменом продуктов труда обмен трудовых деятельностей отдельных членов общества. Раз товарное хозяйство основано на разделении и взаимном обмене труда, то очевидно, что разные отрасли производства связаны между собою отношениями взаимозависимости, а не одностороннего подчинения. Промыш-

[1]) См. выше 15-ю главу.

[2]) Так, напр., он считал земледельческий труд более производительным, чем промышленный; утверждал, что при „естественном“ ходе развития капиталы вкладываются сперва в земледелие и лишь впоследствии в промышленность, и т. п.

Digitized by Google

ленность не подчинена земледелию, а координирована с ним. На место *одностороннего потока вещества природы* в направлении от земледелия к промышленности [1]), Смит ставит *двустороннее передвижение продуктов труда*, которое берет свое начало всюду, где прилагается человеческий труд: один поток продуктов идет от земледелия к промышленности, встречный поток—от промышленности к земледелию. Оба потока встречаются и уравновешиваются на началах *эквивалентного обмена*, изучаемого в теории стоимости.

Теория стоимости, почти отсутствовавшая у физиократов, заняла у Смита центральное место именно потому, что ему удалось выделить проблему экономической *координации* разных *отраслей производства* и отделить ее от проблемы экономической *субординации* разных *общественных классов*. Последнюю проблему он рассматривает в теории распределения, первую—в теории стоимости. Хотя между обеими проблемами существует тесная теоретическая связь, и теория распределения строится на основе теории стоимости, но отдельное изучение их было необходимо и помогло Смиту устранить ту путаницу понятий, которая мешала физиократам правильно понять и классовую структуру общества и взаимозависимость между отраслями производства (земледелием и промышленностью). Хотя и Смит путал еще, как увидим ниже, обе проблемы и тем внес в свою теорию стоимости противоречия, но все же за ним остаются огромные заслуги: он выделил проблему координации равноправных *отраслей производства*, взаимоотношения между ними изобразил в виде взаимного *обмена продуктов труда*, под обменом продуктов труда усмотрел *обмен труда*. Тем самым он отвел *теории трудовой стоимости* то центральное место, которое она продолжает занимать в экономической науке.

---

[1]) В схеме Кенэ промышленность только возвращает *земледелию* в иной натуральной форме вещество природы, полученное от него же.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ.

Приступая к анализу понятия стоимости, Смит прежде всего проводит различие между потребительною стоимостью и меновою стоимостью, устраняя первую из круга своего исследования и посвящая все свое внимание последней. Тем самым Смит твердо становится на почву изучения товарного хозяйства, в котором каждый продукт предназначен для обмена, а не для непосредственного удовлетворения потребностей самого производителя. Этою принципиально-ясною постановкою вопроса Смит обязан своему учению о разделении труда: в обществе, основанном на разделении труда, каждый производитель изготовляет продукты, необходимые другим членам общества.

Смит, таким образом, вполне правильно и точно определяет объект или предмет своего исследования: меновую стоимость. Но если мы поставим вопрос, с какой именно точки зрения Смит изучает этот объект, то обнаружим двойственность в методологической постановке проблемы. Смит, с одной стороны, хочет открыть причины, определяющие величину стоимости товаров и ее изменения; с другой стороны, он хочет найти точное, неизменное мерило, с помощью которого можно было бы измерять величину стоимости товаров. С одной стороны, он стремится к открытию причин изменений стоимости, с другой—к нахождению неизменного мерила стоимости. Очевидно, что обе постановки вопроса методологически глубоко различны и вносят в теорию Смита коренной дуализм. Теоретическое изучение реальных изменений стоимости смешивается с практическою задачею наилучшего измерения стоимости.

В результате такого смешения исследование Смита, относящееся к меновой стоимости, разбивается и протекает по двум методологически различным руслам: в сторону открытия при-

Digitized by Google

чин изменений стоимости и в сторону поисков неизменного мерила стоимости. Каждый из этих путей приводит Смита к особой концепции трудовой стоимости или труда как основы стоимости. Первый путь приводит его к понятию количества труда, затраченного на производство данного продукта, второй путь—к понятию количества труда, которое может быть приобретено или куплено в обмен за данный товар.

В начале своего исследования Смит ставит вопрос, «в чем состоит верное мерило меновой стоимости», и поискам такого неизменного мерила посвящает главное свое внимание (в 5-й главе первой книги). Чтобы понять, почему исследование Смита направляется на этот методологически неправильный путь, следует вспомнить, что от своих предшественников меркантилистов Смит получил в наследство проблему нахождения мерила стоимости. Склонные вообще к постановке практических проблем, меркантилисты и в теории стоимости ставили себе практическую задачу нахождения мерила стоимости; вспомним поиски мерила стоимости и «уравнения между трудом и землею» у Петти и Кантильона [1]). Только медленно и постепенно в течение XVIII века, в значительной мере благодаря усилиям самого Смита, политическая экономия превращалась из собрания практических правил в систему теоретических положений, и понятие теоретического закона явлений освобождалось от примесей, сближавших его с практическими предписаниями (у меркантилистов) и разумным «естественным законом» (у физиократов). В теории стоимости Смита задача теоретического, причинного изучения реальных экономических явлений еще не освобождена от чуждых ей элементов практического характера.

В сторону поисков мерила стоимости Смита толкала также его общая индивидуалистически-рационалистическая точка зрения. Мы видели выше [2]), что происхождение социально-экономических явлений Смит объясняет их полезностью с точки зрения отдельного хозяйствующего индивида. С той же точки зрения он подходит к разделению труда и обмену. Разделение труда, основанное на обмене, дает каждому индивидууму возможность получать нужные ему предметы в обмен за свой про-

[1]) См. выше, 7-ю главу

[2]) См. 20-ю главу.

Digitized by Google

дукт. Последний тем самым приобретает для индивидуума особое значение в силу возможности обмена его на другие предметы. Как же велико это значение предмета для индивидуума, или в чем заключается точное мерило меновой стоимости,— таков первый практический вопрос, который ставится с точки зрения индивидуума.

Итак, что является мерилом или показателем стоимости данного продукта? На первый взгляд казалось бы, что за такое мерило можно принять количество других товаров, получаемое в обмен за данный: чем их больше, тем, повидимому, стоимость данного товара выше. Смит справедливо отвергает такой ответ на том основании, что стоимость товара, получаемого мною в обмен за мой продукт, сама подвержена постоянным изменениям. Также нельзя принять за мерило стоимости товара количество денег (золота), получаемого за него в обмен, ибо и золото меняется в своей стоимости.

Что же, в таком случае, служит мерилом стоимости моего продукта? Чтобы ответить на этот вопрос, Смит прибегает к своему учению о разделении труда: там он установил, что общество, основанное на разделении труда, представляет собою трудовой союз лиц, которые взаимно обмениваются продуктами своего труда, а косвенно—через обмен продуктов—своим трудом. Этой в высшей степени ценной объективно-социологической концепции менового общества (впоследствии положенной Марксом в основу его теории стоимости) Смит, однако, придает субъективно-индивидуалистическое освещение. Меновое общество основано на взаимном обмене труда его членов. К чему же, в таком случае, сводится обмен для отдельного индивидуума?— спрашивает Смит и отвечает: к приобретению труда других людей в обмен за собственный продукт. Приобретая сахар или деньги в обмен за изготовленное мною сукно, я, в сущности, тем самым приобретаю определенное количество труда других людей. Меновая стоимость моего сукна тем больше, чем бо́льшим количеством труда других людей я могу распоряжаться или—по выражению Смита—«командовать» в обмен за мое сукно. Общественное разделение труда дает мне возможность вместо того, чтобы собственным трудом производить необходимые мне продукты, получать их в обмен за произведенные мною продукты. Следовательно, стоимость последних для меня измеряется количеством труда других людей, которое я получаю в обмен за них. Мерилом стоимости товара служит количество труда,

Digitized by Google

которое может быть приобретено или куплено в обмен за данный товар [1]).

Учение Смита о мериле стоимости, вытекающее как будто из концепции менового общества как трудового союза, страдает следующим пороком. Когда мы говорим, что в обществе простых товаропроизводителей происходит обмен продуктов труда и обмен самого труда всех членов общества, мы употребляем слово «обмен» в двух различных смыслах. Продукты труда действительно обмениваются или приравниваются на рынке друг другу; здесь происходит обмен в точном смысле слова. Что же касается «обмена» самого труда, то под таковым понимается в сущности процесс связывания и распределения трудовых деятельностей отдельных лиц, происходящий в тесной связи с процессом рыночного обмена продуктов труда. Обмен труда в точном смысле слова здесь не имеет места, так как на рынке покупаются и продаются продукты труда, а не самый труд. Трудовая деятельность людей выступает в виде определенной общественной функции, но не в виде объекта купли-продажи. Под «обменом» труда здесь понимается процесс социального уравнения, а не рыночного приравнивания.

Итак, когда мы говорим, что в меновом обществе (где люди относятся друг к другу как простые товаропроизводители) я при помощи своего сукна приобретаю господство над чужим трудом или покупаю чужой труд, речь идет лишь о том, что я оказываю косвенное влияние на труд другого товаропроизводителя благодаря тому, что приобретаю продукт его труда. Мой продукт обменивается непосредственно не на чужой труд, а на продукт труда. В обмен за свое сукно я получаю сахар, а тем самым косвенно труд производителя сахара. Иначе говоря, я приобретаю чужой труд в уже овеществленной форме, в виде произведенного им продукта. Этот случай глубоко отличен от случая непосредственного обмена моего сукна на чужой труд, т.-е. на рабочую силу наемного рабочего. Оба эти случая резко отличаются друг от друга не только материальною формою покупаемого труда (овеществленного или живого), но и типом социальных отношений, связывающих участников обмена. В первом случае они вступают в связь между собою

---

1) Вспомогательным мерилом стоимости товара Смит признает также количество хлеба, которое может быть куплено в обмен за него (так как за данное количество хлеба можно всегда купить приблизительно одинаковое количество труда).

Digitized by Google

как простые товаропроизводители, во втором случае—как капиталист и рабочий. Первый случай, т.-е. обмен продукта на продукт (или овеществленный труд), составляет основную черту товарного хозяйства, второй случай, т.-е. обмен продукта на живой труд (или капитала на рабочую силу), имеет место только в капиталистическом хозяйстве. Только во втором случае труд выступает как непосредственный предмет купли-продажи или товар (т.-е. рабочая сила).

Ошибка Смита и заключается в том, что социальный «обмен» (вернее, уравнение) труда, происходящий в товарном хозяйстве, он спутал с рыночным «обменом» труда как объекта купли-продажи, происходящим в капиталистическом хозяйстве. За свое сукно я приобретаю или покупаю труд других людей,—говорит Смит. Но на вопрос: покупаю ли я в обмен за свое сукно чужой овеществленный труд (т.-е. продукты чужого труда) или живой труд наемного рабочего,—Смит ясного ответа не дает. Под трудом, покупаемым в обмен за мой товар, он понимает безразлично и овеществленный и живой труд. Он говорит о «количестве труда других людей, которым он (владелец данного товара) может распоряжаться, или, что то же самое, продуктов труда других людей». Это смешение труда с продуктами труда проходит через все исследование Смита. В начале 5-й главы Смит чаще имеет в виду косвенное распоряжение трудом других самостоятельных товаропроизводителей посредством приобретения продуктов их труда. Но к концу той же главы он уже больше подчеркивает обмен товара на живой труд или рабочую силу: владелец товара выступает уже как «наниматель», а товар, отдаваемый им в обмен за труд, составляет «цену труда» или заработную плату рабочего. В анализ стоимости товаров или простого товарного хозяйства привносятся черты, присущие капиталистическому хозяйству, что вносит в исследование величайшую путаницу. Понятие труда, покупаемого в обмен за данный товар и являющегося мерилом его стоимости, у Смита раздваивается и выступает то как «покупаемый овеществленный труд», то как «покупаемый живой труд».

Это смешение понятий явилось следствием того, что Смит с самого начала не понял социального характера процесса «обмена» труда в товарном хозяйстве и принял его за рыночный «обмен» (куплю-продажу) труда. Труд как общественную функцию он принял за труд, выступающий в роли товара.

Digitized by Google

Но если труд выступает как предмет купли-продажи, может ли он служить неизменным мерилом стоимости? Не изменяется ли стоимость самого труда благодаря тому, что за данное количество труда можно купить то большее, то меньшее количество товаров (в зависимости от колебаний заработной платы за «труд»)? Смит, чтобы выйти из затруднения, выдвигает свое известное положение, что «во все времена и во всех местах одинаковые количества труда всегда имеют для рабочего одинаковую ценность». Независимо от того, на какое количество товаров работник может обменять день своего труда, этот день труда всегда означает для него необходимость пожертвовать одинаковою суммою «своего досуга, свободы и спокойствия». Если за день труда в настоящий момент можно получить в два раза больше сукна, чем в прошлом году, это показывает только, что упала стоимость сукна. Стоимость же самого труда не изменилась и не может меняться, так как субъективная оценка трудовых усилий неизменна. А раз так, то объективное количество труда, покупаемого в обмен за данный товар, может быть принято за точное мерило стоимости этого товара. Достаточно констатировать тот факт, что раньше за данный товар можно было купить 1 день труда, а теперь 2 дня труда, чтобы быть уверенным в повышении стоимости этого товара ровно вдвое. Двухдневный труд всегда представляет двойную сумму субъективных усилий и напряжения по сравнению с однодневным трудом, если даже за двухдневный труд дают в настоящее время не больше других товаров (или заработной платы), чем раньше давали за труд однодневный. Смит апеллирует,— и в этом заключается своеобразное смешение в его теории объективных и субъективных моментов, из которых первые преобладают,— к неизменности субъективной оценки трудовых усилий для того, чтобы сохранить роль неизменного мерила за объективным количеством покупаемого труда.

Итак, раньше Смит ошибочно превратил труд как общественную функцию в труд как товар и за неизменное мерило стоимости принял «покупаемый труд». Теперь, чтобы избавиться от постоянных колебаний стоимости, присущих самому труду как товару, он вместо объективного количества покупаемого труда подставляет сумму вызываемых им субъективных усилий и напряжения. Смешение трудовой деятельности как общественной функции с трудом как товаром (или «покупаемым трудом»); смешение «покупаемого овеществленного труда» с «покупаемым живым трудом»; наконец, смешение объ-

Digitized by Google

ективного количества труда с суммою субъективных усилий и напряжений,— такова та путаница понятий, которою Смит заплатил за то, что направил свое исследование на методологически ложный путь поисков мерила стоимости.

До сих пор мы разбирали учение Смита о мериле стоимости. Но, параллельно с этим запутанным и чреватым ошибками ходом мысли, в сочинении Смита все время протекает другой, более ценный и многообещающий поток мысли, направленный на исследование причин количественных изменений стоимости товаров. Оба хода мысли все время перекрещиваются. Хотя в начале своего исследования, в 5-й главе, мысль Смита больше занята поисками мерила стоимости, но всюду, где он встречается с реальным фактом изменения стоимости, он вынужден поставить также вопрос о причинах изменения стоимости товара и, не колеблясь, считает таковою причиною изменение количества труда, затраченного на производство товара. Особенно интересно рассуждение Смита о невозможности принять деньги за неизменное мерило стоимости. «Стоимость золота и серебра, как и всякого другого товара, меняется»; это видно из того, что меняется «количество труда, которое может быть куплено, или которым можно располагать за известное количество этих металлов». Но когда спрашивается: почему же изменилась стоимость золота и серебра (т.-е. количество покупаемого за них труда), на это следует ясный ответ: потому что изменилось количество труда, затрачиваемого на их производство. «Так как добыча этих металлов из рудников и доставка их на рынок уже не требовала такого труда, как прежде, то на них стало возможно купить меньшее количество труда, чем прежде». Здесь ясно видно, как сочетаются у Смита понятия «труда покупаемого» и «труда затраченного». Первый является мерилом или показателем величины стоимости товара, второй— причиною ее количественных изменений.

В более общей форме выражает Смит те же мысли в начале 8-й главы, где он в изменениях стоимости товаров видит прямое последствие «увеличения производительной силы труда, которое вызывается разделением труда». «Все предметы становились бы постепенно все дешевле и дешевле. Они производились бы все с меньшими затратами труда и, следовательно, покупались бы за продукт меньшего количества труда». Раз на производство данного товара начинает затрачиваться меньшее количество труда, то в результате этого уменьшается и то

Digitized by Google

количество труда, которое может быть куплено в обмен за данный товар. Изменение количеств «затраченного труда» является, следовательно, причиною изменений количеств «покупаемого труда», а тем самым и стоимости, мерилом или показателем которой последний служит. Стоимость товара определяется затраченным на его производство трудом и измеряется покупаемым в обмен за него трудом.

Таким образом стоимость товара определяется теперь у Смита двояким образом: 1) количеством труда, затраченного на его производство, и 2) количеством труда, которое может быть куплено в обмен за данный товар. Противоречат ли друг другу оба эти определения? С количественной стороны оба эти определения совпадают при наличии определенных социальных условий. Представим себе общество простых товаропроизводителей или ремесленников, владеющих средствами производства. Каждый из них в обмен за продукт собственного 10-часового труда (напр., за сукно) приобретает продукт чужого 10-часового труда (напр., стол). Он как бы покупает чужой труд (овеществленный в столе) в размере как раз равном количеству труда, затраченного им самим на производство сукна. В таком случае мы можем безразлично сказать, что стоимость сукна определяется: 1) количеством затраченного на его производство труда или 2) количеством труда, покупаемого в обмен за него. Количество «затраченного труда» вполне совпадает с количеством «покупаемого (овеществленного) труда». В простом товарном хозяйстве труд выполняет двойную функцию: «покупаемый труд» служит мерилом стоимости продуктов, «затраченный труд» является регулятором меновых пропорций товаров. «При первобытном, некультурном состоянии общества, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимого для приобретения различных предметов, было, кажется, единственным основанием, которое могло служит руководством при обмене этих товаров на другие». В «первобытном» обществе, под которым в сущности понимается простое товарное хозяйство, обмен продуктов подчинялся закону трудовой стоимости.

До сих пор оба пути исследования Смита, из которых один вел от мерила стоимости к покупаемому труду, а другой от причин изменений стоимости к затраченному труду, шли параллельно и могли быть согласованы, так как в условиях простого

Digitized by Google

товарного хозяйства покупаемый (овеществленный) труд равнялся затраченному. Но Смит не ограничивался изучением простого товарного хозяйства, его прежде и больше всего интересовали явления окружавшего его капиталистического хозяйства. На-ряду с «ремесленным» мотивом, в его теории стоимости звучит и мотив «капиталистический». Если для ремесленника товар есть средство для приобретения чужого продукта (или чужого овеществленного труда), то для капиталиста он служит средством для приобретения чужого живого труда. Смит твердо помнит, что при капитализме наемный рабочий получает только часть продукта собственного труда, следовательно, меньшее количество овеществленного труда (товара) обменивается на большее количество живого труда (рабочей силы). За продукт 10-часового труда капиталист покупает 12 часов живого труда рабочих. Отсюда следует, что количество труда, затраченное на производство товара, уже не равняется количеству живого труда, покупаемого в обмен за данный товар. Оба определения стоимости, совпадавшие в условиях простого товарного хозяйства, далеко расходятся в хозяйстве капиталистическом. Смит поэтому очутился перед необходимостью решительного выбора: стоимость товара должна определяться либо затраченным на его производство трудом, либо покупаемым в обмен за него (живым) трудом. Вместо того, чтобы принять первую, правильную точку зрения и сказать, что в капиталистическом обществе стоимость продуктов также определяется трудом, затраченным на их производство (хотя, в отличие от простого товарного общества, количество этого труда не совпадает с количеством покупаемого живого труда), Смит делает противоположный вывод. Он попрежнему твердо держится мнения, что стоимость продукта определяется (измеряется) количеством покупаемого в обмен за него (живого) труда. А так как это количество труда больше количества труда, затраченного на производство данного продукта, то «затраченный труд» уже не служит регулятором стоимости продуктов, каковым он служил в простом товарном хозяйстве. В капиталистическом обществе закон трудовой стоимости перестал действовать.

Но если так, то чем же определяется стоимость продукта в капиталистическом хозяйстве? Предположим, что капиталист затратил капитал в 100 руб. (Смит предполагает, что весь капитал затрачивается на наем рабочей силы, и игнорирует за-

Digitized by Google

траты на постоянный капитал [1]) на наем рабочих, которые производят для него товар стоимостью в 120 руб. Чем определяется (измеряется) стоимость этого товара? Она, как известно, определяется (измеряется) количеством (живого) труда, которое капиталист может купить в обмен за этот товар. На сумму в 120 р. капиталист может купить, во-первых, *такое же количество труда* наемных рабочих, сколько *затрачено* на изготовление данного товара (т.-е. на 100 руб. или на сумму заработной платы), и, во-вторых, еще *добавочное* количество труда на остающуюся сумму в 20 руб., составляющую прибыль капиталиста. Следовательно, стоимость товара определяется (измеряется) уже не количеством труда, затраченного на его производство (на самом деле вместо затраченного труда Смит подставляет здесь «оплаченный труд», т.-е. заработную плату или «стоимость труда»). Стоимость товара теперь достаточно велика для того, чтобы, во-первых, оплатить полностью *затраченный* на его производство труд, и, во-вторых, доставить сверх этого известную сумму *прибыли*. Иначе говоря, стоимость товара в капиталистическом хозяйстве определяется как *сумма заработной платы и прибыли* (а в некоторых случаях и *ренты*), т.-е. как сумма «*издержек производства*» в широком смысле слова. Здесь Смит покидает почву теории трудовой стоимости, заменяя ее *теорией издержек производства*. Если раньше Смит определял стоимость товара количеством затраченного на его производство труда, то теперь она определяется как сумма заработной платы, прибыли и ренты. Если раньше Смит говорил, что стоимость товара *разлагается* на доходы (заработную плату, прибыль и ренту), то теперь он говорит, что она *составляется* из доходов, которые таким образом выступают в роли «источников» меновой стоимости товара. *Доходы* предполагаются как нечто *первичное*, данное, а *стоимость* товара—как нечто *вторичное*, производное, составленное в результате сложения отдельных доходов. *Величина стоимости* товара зависит от «естественного размера» *заработной платы, прибыли и ренты* [2]).

Резюмируя ход мысли Смита, можно сказать, что его теория стоимости страдает основным пороком *двойственности* общего методологического подхода. Исследование *причин* изме-

---

[1]) См. ниже, 24-ю главу.

[2]) Подробнее об этом см. следующую главу.

Digitized by Google

нений стоимости приводит Смита к понятию «затраченного труда», а поиски мерила стоимости, исходящие из индивидуалистического понимания разделения труда, приводят его к понятию «покупаемого труда». Оба эти понятия труда рассматриваются опять-таки с двойственной стороны, объективной и субъективной, но преимущественно с первой. Далее, понятие «покупаемого труда» также раздваивается и выступает то преимущественно в виде «покупаемого овеществленного труда» (обмен между простыми товаропроизводителями или обмен товара на товар), то в виде «покупаемого живого труда» (обмен между капиталистом и рабочим, или обмен товара как капитала на труд как рабочую силу). Поскольку преобладает первый, «ремесленный» мотив, труд покупаемый признается равным труду затраченному, и стоимость товара может быть определена безразлично первым или последним. Здесь Смит выступает как теоретик трудовой стоимости, и методологический дуализм его теории затушевывается благодаря тому, что оба пути его исследования текут параллельно и согласно. Но там, где вперед выступает «капиталистический» мотив, оба пути исследования и оба понятия труда (затраченного и покупаемого) далеко расходятся. В капиталистическом хозяйстве речь идет об обмене овеществленного в товаре труда на большее количество живого труда, — обмене не-эквивалентов, которого Смит не может объяснить с точки зрения трудовой стоимости. Здесь Смит, попрежнему сохраняя роль мерила стоимости за «покупаемым трудом», вынужден отказаться от признания «затраченного труда» в качестве регулятора меновых пропорций. Здесь стоимость товара зависит уже не от «затраченного труда», а от величины доходов отдельных участников производства (т.-е. от заработной платы, прибыли и ренты). Идея трудовой стоимости, являющаяся одним из основных мотивов в мышлении Смита, не была им выдержана до конца, и в применении к капиталистическому хозяйству была заменена теорией издержек производства. Теория трудовой стоимости Смита разбилась о подводный камень: о невозможность согласовать с нею обмен овеществленного труда на живой (или капитала на труд).

Пока Смит не выходил за пределы простого товарного хозяйства, скрытые в его теории противоположные элементы (регулятор изменений стоимости и мерило стоимости, затраченный труд и покупаемый труд, покупаемый овеществленный труд и поку-

Digitized by Google

паемый живой труд) могли еще кое-как сохранять свое неустойчивое равновесие. Но как только исследование Смита вступало в область капиталистического хозяйства, неустойчивое равновесие нарушалось, и с яркостью проявлялся дуалистический характер построений Смита. Каждая из сторон смитовского учения была воспринята последующими экономическими школами и получила дальнейшее развитие. Рикардо развил одну сторону смитовской теории и с величайшей последовательностью определял стоимость товаров трудом, затраченным на их производство. Мальтус развил другую сторону смитовской теории и определял стоимость товаров трудом, покупаемым в обмен за них. Та же судьба постигла проникнутое дуализмом учение Смита о соотношении между стоимостью продукта и доходами участников производства. Учение Смита, что стоимость товара разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, легло в основу теории Рикардо, освободившего его от внутренних противоречий. Ошибка же Смита в данном вопросе, заключавшаяся в попытке вывести стоимость товара из доходов (заработной платы, прибыли и ренты), была воспринята Сэем и развита им в виде теории «производительных услуг». И в данном вопросе, как и в других, основное ценное ядро мысли Смита получило дальнейшее развитие у Рикардо, Родбертуса и Маркса, побочные же ответвления его мысли были использованы так называемыми «вульгарными» экономистами.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ.

При всех недостатках и противоречиях смитовской теории распределения,—устранить которые выпало на долю Рикардо и Маркса,—за Смитом остается следующая огромная заслуга: он дал правильную схему классового деления и форм дохода, присущих капиталистическому хозяйству. Основными классами современного общества Смит считает предпринимателей-капиталистов, наемных рабочих и землевладельцев,—деление, принятое наукою и в настоящее время. Основными формами дохода он считает прибыль, заработную плату и земельную ренту. Чтобы понять всю плодотворность этого деления классов и доходов, которое в настоящее время кажется общеизвестным, сравним учение Смита с физиократическим.

Кенэ делил общество на три класса: землевладельческий, земледельческий (производительный) и торгово-промышленный (непроизводительный). В этой схеме деление классов смешано с различием отраслей производства (сельского хозяйства и промышленности). Тюрго значительно улучшил эту схему разделением каждого из последних двух классов на два класса: капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих. Получилось пятичленное деление: землевладельцы, сельскохозяйственные предприниматели (фермеры), сельскохозяйственные рабочие, промышленные предприниматели и промышленные рабочие [1]). В схеме Тюрго классовое деление прекращается с делением отраслей производства. У Смита второй класс соединен вместе с четвертым в один класс капиталистов-предпринимателей. Точно так же третий и пятый классы слились в один класс наемных рабочих. Получилось опять трехчленное деление, из которого, однако, вытравлено физиократическое противопоставление

[1]) См. выше, 13-ю главу.

Digitized by Google

земледелия промышленности и с полною ясностью проведено (намеченное уже у Тюрго) классовое противопоставление капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих.

Еще более важное значение имеет систематически проведенная Смитом классификация доходов. Физиократы в сущности знали только два основных вида доходов: земельную ренту (чистый доход) и заработную плату. Предпринимательская прибыль в их построениях отсутствует: она разлагается на возмещение капитала, с одной стороны, и необходимые средства существования (т.-е. заработную плату) промышленников, фермеров и торговцев, с другой стороны. Капиталистическая прибыль приравнена к заработной плате, или, вернее, обе эти формы дохода мыслятся по образцу дохода или «пропитания» самостоятельного ремесленника.

Игнорирование прибыли, отражавшее отсталость капиталистического развития Франции XVIII века, было уже невозможно в более развитой Англии. Уже английские меркантилисты обращали усиленное внимание на прибыль, которая, однако, была им известна преимущественно в форме торговой прибыли. Успехи промышленного капитализма нашли свое отражение в схеме Смита, который признает основною формою дохода именно промышленную прибыль в широком смысле слова (включая и прибыль фермеров). Другую форму дохода, занимавшую умы меркантилистов, ссудный процент, Смит считает производною: процент представляет собою часть прибыли, уплачиваемую промышленником заимодавцу за пользование его капиталом.

Выделив в качестве особого дохода прибыль, Смит тщательно отграничивает ее от заработной платы. Он возражает против мнения, что «прибыль есть только другое название заработной платы за особый вид труда — за труд по надзору и управлению делом». Размер прибыли зависит от величины вложенного в дело капитала, а не от количества труда, который капиталистом затрачивается на надзор. Следовательно, «прибыль совсем не похожа на заработную плату и устанавливается совсем на других началах».

С другой стороны, заработную плату рабочего Смит отграничивает не только от прибыли капиталиста, но и от дохода ремесленника. В Англии XVIII века ремесло играло еще крупную роль, и естественно, что в рассуждениях Смита часто появляется фигура ремесленника. Но, находясь под сильным

Digitized by Google

влиянием успехов промышленного капитализма и даже преувеличивая эти успехи, Смит утверждает, что «такие случаи (когда продукт изготовляется за свой счет «независимым рабочим», т.-е. ремесленником.— *И. Р.*) повторяются не очень часто, и во всех странах Европы на одного независимого рабочего приходится двадцать таких, которые работают на хозяина». Поэтому «под заработною платою везде разумеется то, чем она является обыкновенно, когда рабочий и владелец капитала, употребляющий его в дело, два разные лица». Под заработною платою в точном смысле слова разумеется доход рабочего, лишенного средств производства, а не работника (ремесленника), обладающего таковыми. При этом к числу рабочих Смит относит, повидимому, не только немногочисленных еще в его время рабочих крупных мануфактур, но и кустарей, занятых исполнением заказов для скупщиков-раздатчиков: промышленники часто изображаются им в виде лиц, снабжающих рабочих «материалами для работы».

Но если Смит, в отличие от Кенэ, не отождествляет прибыли и заработной платы с доходом (пропитанием) ремесленника, то он склонен к ошибке противоположного характера. Он объявляет, что доход ремесленника (и крестьянина) включает в себя и заработную плату и прибыль, в то время как на самом деле этот недифференцированный доход мелкого самостоятельного производителя имеет особый характер, отличный от обоих упомянутых форм дохода.

Отмеченная ошибка Смита, заключающаяся в перенесении категорий капиталистического хозяйства на предшествовавшие ему формы хозяйства, не умаляет заслуг Смита, поскольку речь идет о теории капиталистического общества. Смит правильно понял классовую структуру последнего и характеризующие его формы дохода. Выделением прибыли как особого вида дохода Смит сделал большой шаг вперед в постановке проблемы прибавочной стоимости. Меркантилисты знали прибавочную стоимость в виде торговой прибыли, извлекаемой из процесса обращения при помощи обмена не-эквивалентных товаров. Физиократы искали происхождение прибавочной стоимости в сфере производства, но при этом под прибавочною стоимостью понимали только земельную ренту, так как прибыль они свели к необходимым средствам существования капиталистов и тем включили ее в издержки производства. Смит же благодаря тому, что он выделил прибыль и понял, что она составляет чистый доход капиталиста, сверх возмещения его издержек производства, связал

Digitized by Google

проблему промышленной прибыли с проблемою прибавочной стоимости.

Если физиократы интересовались только происхождением земельной ренты,—этого, с их точки зрения, единственного чистого дохода,—то Смит включением прибыли в чистый доход расширил проблему прибавочной стоимости. Из проблемы ренты, каковою она была у физиократов, она превращается в проблему происхождения всех видов чистого или нетрудового дохода: земельной ренты, прибыли и процента. При этом на первое место выдвигается именно вопрос о происхождении прибыли. Процент правильно рассматривается Смитом как часть прибыли. Что касается земельной ренты, то объяснение ее у Смита очень слабо, страдает вопиющими противоречиями и обнаруживает сильное влияние физиократической доктрины. Источник ренты Смит ищет: 1) то в монопольной цене земледельческих продуктов, объясняемой наличием постоянного повышенного спроса на них; 2) то в физической производительности земли, которая «производит гораздо большее количество пищи, чем сколько необходимо для содержания труда» и оплаты прибыли; 3) то, наконец, в труде земледельческих рабочих. Рента, следовательно, выступает у Смита то как «монопольная плата» или надбавка к стоимости земледельческого продукта, то как «продукт природы, который остается по вычете всего, что может считаться делом человеческих рук», то как «часть того, что он (земледельческий рабочий) собрал или произвел своим трудом»,—часть, которая отдается землевладельцу как монопольному собственнику земли. Последнее объяснение, находящееся в согласии с идеею трудовой стоимости, появляется лишь мимоходом в смитовской теории ренты, обнаруживающей сильнейшее влияние физиократов.

С большею силою проявляется идея трудовой стоимости в смитовской теории прибыли. Вопрос о происхождении прибыли как самостоятельного вида дохода неизбежно должен был вывести Смита за пределы физиократической теории прибавочного продукта. Если физическою производительностью природы можно было еще объяснять происхождение ренты как появляющегося в земледелии избытка прибавочной стоимости над суммою прибыли, то такое объяснение уже явно не годилось для прибыли, этого обычного и наиболее часто встречающегося вида прибавочной стоимости. Ведь прибыль получается не только в земледелии, но и в промышленности, где, по мнению Смита, «природа

Digitized by Google

не делает ничего, а все делается руками человека» [1]). Очевидно, что именно в человеческом труде приходится искать источник прибыли. Проблема прибавочной стоимости (чистого дохода), поставленная физиократами, была теперь тесно связана с теориею трудовой стоимости, намеченною у меркантилистов. В этом синтезе заключается одна из величайших заслуг Смита.

Действительно, при всех противоречиях и недоговоренностях смитовской теории прибыли, Смит все же явно склоняется к мнению, что прибыль есть присваиваемая себе капиталистом часть стоимости продукта, созданного трудом рабочего. «В первобытном состоянии общества, предшествовавшем захвату земель в собственность и накоплению капиталов, весь продукт целиком принадлежит рабочему». Но с тех пор, как земля была захвачена в частную собственность и появилось «накопление капиталов», часть продукта труда рабочего уходит в виде ренты землевладельцу, а другая часть в виде прибыли капиталисту. Откуда же появилось «накопление капиталов»? Смит, в духе всех идеологов молодой буржуазии, дает такое объяснение: более трудолюбивые и благоразумные люди не расходовали всего продукта своего труда, а часть его «сберегали», постепенно накопляя капитал. Капитал есть «сбереженный» продукт труда его владельца или предков последнего. «Капиталы умножаются сбережением и уменьшаются вследствие расточительности и дурного ведения дел». «Непосредственною причиною умножения капиталов является бережливость, а не труд». Эта наивная легенда о происхождении капиталов из «сбережения» долгое время господствовала в буржуазной науке и была опровергнута Марксом, который нарисовал картину первоначального накопления капиталов при помощи торговых монополий, грабежа колоний, обезземеления крестьян, эксплоатации кустарей и рабочих и т. п.

Несмотря на это наивное учение о происхождении капиталов, Смит отлично понимает, что в обществе с уже совершившимся «накоплением капиталов» масса населения, лишенная

[1]) На самом деле и в промышленном труде необходимо содействие сил природы. Противоположное мнение Смита характерно для мануфактурного периода с его преобладанием ручного труда и отсутствием машин. Возможно, что это по существу ложное, представление сыграло, однако, положительную роль в развитии Смита: оно дало ему возможность преодолеть физиократическое учение и признать источником стоимости и прибавочной стоимости человеческий труд, а не природу.

Digitized by Google

средств производства (в широком смысле, включая и средства существования для своего прокормления во время работы), попадает в сильнейшую зависимость от лиц, имевших счастье «сберечь» и накопить капитал. «Большая часть рабочих нуждается в хозяине, который снабжал бы их материалами для работы, платил бы им вперед заработную плату и содержал бы их до полного окончания работы. Хозяин берет себе часть продукта их труда или той стоимости, которую последний прибавляет к обрабатываемому материалу; эта-то часть и составляет прибыль хозяина». Прибыль есть «вычет из продукта труда» рабочих, присваиваемый себе капиталистом. Рабочие вынуждены согласиться на такой «вычет», так как без хозяина, вкладывающего в дело капитал, не имеют средств для ведения дела и прокормления себя во время работы.

Таким образом Смит признает труд источником стоимости всего продукта, а следовательно, и той части стоимости, которая в виде прибыли получается капиталистом. Но, как мы видели в предыдущей главе, Смит оказался не в состоянии провести идею трудовой стоимости до конца. Понятно поэтому, что и его теория распределения не продумана до конца и проникнута глубокими противоречиями. Мы видели, что в капиталистическом обществе труд, затраченный на производство продуктов, по мнению Смита, уже не является регулятором стоимости последних: стоимость или «естественная цена» продуктов определяется как сумма естественной заработной платы, естественной прибыли и естественной ренты. Размер заработной платы, прибыли и ренты принимается за нечто первичное, данное, а стоимость продукта получается как результат сложения всех этих трех сумм дохода. Теория трудовой стоимости подменяется теорией издержек производства.

Тем самым меняется и характер теории распределения. Если раньше она строилась вполне правильно на основе теории стоимости, то теперь, наоборот, последняя строится на основе теории распределения. Нельзя теперь объяснять заработную плату и прибыль, как части стоимости продукта, ибо последняя может быть объяснена нами лишь после того, как мы определили размер ее «составных частей», заработной платы и прибыли. Когда Смит говорил, что прибыль есть «вычет» из стоимости продукта, он должен был бы, если бы был последовательным до конца, притти к выводу,—сделанному впоследствии Рикардо, — что доля прибыли может увеличиться

Digitized by Google

лишь за счет уменьшения доли заработной платы. Теперь же он утверждает, что повышение прибыли вызывает лишь повышение стоимости продукта, не отражаясь на заработной плате. При такой постановке теории распределения исследователь должен прежде всего найти естественный размер заработной платы и прибыли, чтобы потом при их помощи определить и стоимость продукта. Смит и делает такую попытку объяснения заработной платы и прибыли независимо от теории стоимости,—попытку, которая не могла не кончиться неудачею.

Чем же определяется абсолютный размер прибыли? Ответа на этот вопрос Смит даже не пытается дать, а ограничивается попыткою объяснить относительные изменения прибыли, ее повышение и понижение. Смит различает прогрессирующее, стационарное и регрессирующее состояния народного хозяйства. Первое из них характеризуется накоплением и умножением общей суммы капитала в стране, при втором сумма капитала поддерживается на прежней высоте, при третьем капитал сокращается, и страна идет к разорению. В первом состоянии обилие капиталов приводит к понижению прибыли (и процента), в то время как заработная плата, благодаря конкуренции капиталистов из-за рабочих рук, повышается. Именно этим Смит и объясняет наблюдавшееся в Европе за время с XVI по XVIII век понижение средней нормы процента. Только в молодых, быстро прогрессирующих колониях с свободною девственною почвою, испытывающих недостаток и в рабочих руках и в капиталах, заработная плата и прибыль могут одновременно стоять на высоком уровне. При стационарном состоянии общества рынок полностью насыщен капиталами и рабочими руками; поэтому и прибыль и заработная плата устанавливаются на очень низком уровне. Наконец, при регрессирующем или деградирующем состоянии общества недостаток капиталов вызовет повышение нормы прибыли и понижение заработной платы. Смит, как видим, ограничивается поверхностным объяснением изменений уровня прибыли обилием или недостатком капиталов.

Более удачною является смитовская теория заработной платы, в которой можно встретить много метких наблюдений и правильных замечаний. Особую привлекательность придает ей высказываемое Смитом на каждой странице горячее сочувствие рабочим. Но, с теоретической точки зрения, его учение о зара-

Digitized by Google

ботной плате также страдает непоследовательностью и противоречиями.

Среди экономистов XVII и XVIII веков почти всеобщим признанием пользовался так называемый железный закон заработной платы, получивший наиболее отчетливую формулировку у физиократов [1]). Последние доказывали, что размер заработной платы, в виде общего правила, не превышает минимума средств существования, необходимых для прокормления рабочего и его семьи. Смит не хочет полностью присоединиться к этому утверждению, которое, по его мнению, не соответствует реальным фактам. За время с XVII до середины XVIII века заработная плата английских рабочих повышалась и в эпоху Смита достигла высокого уровня, явно превышая, по его мнению, минимум средств существования. Чем же объясняется этот подъем заработной платы? Тем же, чем Смит объяснял падение нормы прибыли в период XVI—XVIII веков: процветанием хозяйства и накоплением капиталов, которые предъявляют усиленный спрос на рабочие руки. Быстрое накопление капитала (а не абсолютный размер его) требует увеличения числа рабочих рук: высокая заработная плата и дает рабочим возможность вырастить большее число детей, при чем размер заработной платы должен установиться как раз на таком уровне, чтобы темп размножения населения приблизительно соответствовал темпу возрастания спроса на труд. Иначе происходит дело в стационарном обществе. При стационарном состоянии капиталов, затрачиваемых на наем рабочих, наличного числа рабочих хватает для удовлетворения спроса на труд, и «хозяевам не приходится наддавать цену, чтобы отбивать рабочих друг от друга». Заработная плата понижается до уровня минимума средств существования, темп размножения рабочих замедляется, и численность рабочего класса остается на одном и том же уровне. Наконец, в деградирующей стране, где «заметно уменьшались бы средства, назначенные для содержания труда», спрос на рабочих становился бы все меньше, и заработная плата упала бы ниже указанного минимума, «до уровня, при котором рабочие влачили бы самое несчастное, жалкое существование». Нищета, голод и смертность уменьшили бы количество населения до уровня, требуемого уменьшившимися размерами капитала.

Итак, размер заработной платы зависит от соотношения между

---

[1]) См. выше, 3-ю и 13-ю главы.

Digitized by Google

предложением труда и спросом на труд, иначе говоря, от темпа возрастания капиталов или фондов, затрачиваемых на наем рабочих. Смит, следовательно, дает в зачаточном виде теорию фонда заработной платы, впоследствии приобретшую широкое распространение в кругах буржуазных ученых [1]). Но у него идея фонда заработной платы еще смешивается с идеей минимума средств существования как центра тяготения заработной платы. «Дело безусловной необходимости, чтобы человек мог жить своим трудом и чтобы заработная плата его была достаточна по крайней мере для его пропитания; в большинстве же случаев требуется несколько больше этого, ибо иначе рабочий не будет в состоянии содержать семью, и раса таких рабочих прекратилась бы с первым поколением». Но, как мы уже видели, по мнению Смита, заработная плата действительно тяготеет к минимуму средств существования лишь при стационарном состоянии капиталов или спроса на труд. При возрастании капиталов заработная плата превышает этот уровень, при сокращении капиталов опускается ниже его. Повидимому, понижение заработной платы ниже указанного уровня сам Смит считал временным и преходящим, так как нищета и смертность скоро сократили бы число рабочих в соответствии с сократившимся спросом капитала на труд. Но зато, с другой стороны, Смит считал возможным длительное превышение заработной платы над минимумом средств существования, если только поощряемое высокою заработною платою размножение рабочих не обгоняет темпа накопления капитала и возрастания спроса на труд. Эта вера в возможность длительного повышения благосостояния рабочих,—навеянная отчасти фактом повышения заработной платы английских рабочих за время с XVII до середины XVIII века,—отличала оптимистическое мировоззрение Смита от пессимистических взглядов его последователей, например Рикардо.

При всем своем оптимизме Смит признавал, что и в прогрессирующем обществе заработная плата не будет превышать минимума, необходимого для того, чтобы темп размножения рабочих соответствовал потребности капитала в рабочих руках. Об этом позаботятся уже сами капиталисты: пользуясь социальным превосходством сил в борьбе с рабочими,—благодаря своей немногочисленности, облегчающей

[1]) См. ниже, в V отделе.

Digitized by Google

соглашения между ними, покровительству закона и невозможности для рабочего просуществовать без работы хотя бы короткое время,—они всегда имеют возможность низвести заработную плату до того уровня, ниже которого она не может опуститься при данном состоянии (прогрессирующем, стационарном или регрессирующем) капиталов и богатства. Из этого признания социального превосходства сил на стороне капиталистов Смит, однако, не делает вывода о необходимости для рабочих усиления своей социальной позиции в борьбе с капиталистами путем стачек и объединения в профессиональные союзы. При всем своем сочувствии к нуждам рабочих, Смит не верит, чтобы коалиции рабочих могли улучшить их положение: при прогрессирующем состоянии общества они излишни, так как заработная плата будет подниматься и без них, в силу чисто экономических причин; при стационарном или регрессирующем состоянии общества они бессильны предотвратить падение заработной платы. Эта недооценка роли рабочих коалиций отражала детское состояние рабочего движения в эпоху Смита и вполне гармонировала с его общими взглядами, в силу которых хозяйственная жизнь должна быть предоставлена свободной игре индивидуальных интересов отдельных лиц.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

УЧЕНИЕ О КАПИТАЛЕ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ.

Мы видели, что, в отличие от физиократов, кругозор которых был ограничен сферою сельскохозяйственного производства, Смит считал главною формою чистого дохода (прибавочной стоимости) не ренту, а прибыль. Но прибылью Смит считал «доход, получаемый с капитала». Вполне понятно поэтому, что и учение о капитале получило у Смита гораздо более широкую и правильную разработку чем у физиократов. Меркантилисты понимали под капиталом чаще всего денежную сумму, отдаваемую в ссуду под проценты. Физиократы сорвали с капитала денежный покров и объявили капиталом (Кенэ употребляет термин «авансы», Тюрго — «капиталы») средства производства, употребляемые в земледелии и содействующие извлечению из земли «чистого продукта». Не имея ясного понятия о прибыли, физиократы ошибочно выдвинули на первый план роль капитала как фактора, содействующего умножению земельной ренты. Смиту принадлежит та заслуга, что он: 1) распространил понятие капитала, ограниченное у физиократов только сферою земледелия, также на промышленность и 2) тесно связал понятие капитала с понятием прибыли.

Под влиянием Родбертуса и Адольфа Вагнера, буржуазные экономисты нередко проводят различие между двумя понятиями капитала: «народно-хозяйственным» и частно-хозяйственным». Под первым понимается совокупность имеющихся во всем обществе продуктов труда, служащих для дальнейшего производства. Под вторым понимается всякая сумма стоимости, доставляющая ее владельцу постоянный нетрудовой доход. Первое понимание капитала исходит из односторонней, материально-технической точки зрения: под капиталом понимаются произведенные средства производства, независимо от их социальной

Digitized by Google

формы, и первобытный охотник объявляется «капиталистом» на том основании, что он имеет лук и стрелы,—нелепый вывод, часто фигурировавший в рассуждениях классиков и их эпигонов. Второе понимание капитала, напротив, отрывает понятие капитала от материального процесса производства и оставляет без всякого ответа вопрос, откуда берется нетрудовой доход, доставляемый капиталом.

И в данном случае, как во многих других, родоначальником обоих понятий капитала следует считать Смита. По мнению Смита, имущество отдельного лица, если оно достаточно велико, делится на две части. «Одна часть, с которой владелец рассчитывает получить доход, называется его капиталом, а другая часть идет непосредственно на его собственное потребление». Капитал есть имущество, приносящее владельцу постоянный нетрудовой доход в виде прибыли. Понятие капитала тесно связано с понятием прибыли,—и в этом главное достоинство приведенного определения.

Но Смит понимает, что приведенным, «частно-хозяйственным» определением капитала ограничиться нельзя. Ведь с точки зрения указанного определения, жилой дом, сдаваемый в аренду его владельцем, представляет для последнего капитал; а между тем очевидно, что такой дом, используемый непосредственно для целей потребления, «не может ни давать прибыли целому обществу ни исполнять по отношению к последнему роль капитала». Ввиду этого Смит, на-ряду с приведенным определением капитала, говорит часто о капитале в «народно-хозяйственном» или материально-техническом смысле, понимая под ним «накопленный запас произведений», служащих для дальнейшего производства, а именно: 1) необходимые для работы сырые материалы, 2) орудия производства и 3) средства существования для рабочих.

Оба определения капитала остаются у Смита не согласованными, так как, благодаря спутанности своего учения о прибавочной стоимости, он не может проследить, каким образом капитал, вложенный в земледелие, промышленность и торговлю (Смит ошибочно ставит знак равенства между производительным капиталом, вложенным в земледелие и промышленность, и товарно-торговым капиталом), обладает способностью приносить постоянный доход в виде прибыли. Двойственность учения Смита о капитале ярко проявляется также в том, что под капиталом он то правильно понимает сумму стоимости, расходуемую

Digitized by Google

предпринимателем на покупку машин, сырья и т. п., то ошибочно принимает за капитал самые машины, сырье и т. п. в натуре. Смешение материально-технических элементов производства (средств производства как таковых) с их данною социальною формою (т.-е. с их ролью в качестве капитала), характерное вообще для классической школы, отличает и смитовское учение о капитале.

Неясность учения Смита о капитале отразилась и на учении его о делении капитала на два вида: основной и оборотный. Зародыши этого учения мы встречали уже у Кенэ, в виде деления авансов на первоначальные и годичные [1]). Смит обобщил эти категории, прилагавшиеся физиократами только к земледельческому капиталу, и распространил их также на капитал промышленный (что вполне правильно) и торговый (что неправильно, так как деление на основной и оборотный относится только к производительному, а не торговому капиталу). Но, на-ряду с ценными мыслями, это учение Смита содержит и немало ошибок. Различие между оборотным и основным капиталами основано на различной продолжительности их обращения: стоимость первого (напр., сырья) целиком возмещается фабриканту из цены его продукта по истечении одного периода производства; стоимость последнего (напр., машины) возмещается частично и погашается полностью лишь по истечении многих периодов производства. Для Смита это различие осталось неясным. Внимание его было обращено на материально-вещную сторону явления, на самую машину в натуре, а не на ее стоимость. Если стоимость машины, хотя медленно и по частям, все же входит в обращение, то сама машина в натуре остается навсегда, до полного своего изнашивания, у фабриканта. Смит поэтому приходит к странному выводу, будто основной капитал вовсе не входит в обращение: он доставляет прибыль «без перехода из рук в руки и без дальнейшего обращения», в отличие от оборотного капитала (напр., сырья), который «постоянно выходит из рук своего владельца в одной форме и возвращается к нему в другой форме». К каким нелепостям Смита приводит такое определение, видно из того, что стоимость семян, сохраняемых фермером для будущего засева, он вынужден отнести к основному капиталу на том основании, что эти семена остаются в руках самого фермера. На основании того же определения

[1]) См. выше, 13-ю главу.

Digitized by Google

Смит считает оборотным капиталом товары, находящиеся в руках купца-продавца, хотя в данном случае эти товары вообще представляют собою не производительный, а товарно-торговый капитал.

Своим учением о капитале Смит близко подошел к проблеме воспроизводства, которая включает в себя и проблему о соотношении между капиталом и доходом. По сравнению с физиократами, Смит и этой проблеме дал более широкую постановку. Физиократы думали, что процесс воспроизводства (включающий в себя не только воспроизводство капитала, но и производство чистого дохода) имеет место только в земледелии. Смит понимал, что и в промышленности происходит образование чистого дохода в виде прибыли. Но в дальнейшем анализе проблемы воспроизводства Смит сделал грубейшие ошибки.

Мы видели, что часть капитала расходуется, по учению Смита, на покупку орудий производства (основной капитал) и сырья (оборотный капитал). Отсюда, казалось, следует, что стоимость произведенного годичного продукта всего общества должна прежде всего возместить сумму указанного израсходованного капитала; только остаток сверх этой суммы образует доход общества, разделяющийся между тремя общественными классами в виде заработной платы, прибыли и ренты (при чем заработная плата, составляющая доход рабочих, одновременно является частью оборотного капитала, прибыль же и рента составляют прибавочную стоимость или чистый доход). Смит в некоторых местах и подходит к такому правильному пониманию вопроса: «Валовой доход всех обитателей обширной страны обнимает весь годовой продукт их земли и труда; чистый доход—то, что остается свободным в их распоряжении за покрытием расходов по восстановлению, во-первых, их постоянного, и, во-вторых, их оборотного капитала; иначе сказать, то, что они могут, не затрачивая своего капитала, обратить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, т.-е. израсходовать на свое содержание, на свои удобства и развлечения». Итак, стоимость годичного продукта общества содержит в себе не только доходы для всех классов общества (т.-е. заработную плату, прибыль и ренту), но и воспроизведенный капитал общества (основной и оборотный).

Подойдя так близко к правильной постановке проблемы воспроизводства, Смит начинает, однако, сомневаться. Его смущает то обстоятельство, что стоимость, которая для одного лица пред-

Digitized by Google

ставляет капитал, для другого является доходом. Текстильная машина, купленная фабрикантом сукон, представляет для него основной капитал. Но сумма, уплаченная им за нее машиностроителю и выданная последним в качестве заработной платы рабочим, составляет для рабочих доход (а для машиностроителя возмещение его оборотного капитала). Анализ этих сложных и переплетающихся взаимоотношений между капиталом и доходом был дан Марксом во II томе «Капитала», где он рассматривает процесс воспроизводства общественного продукта с двух сторон: со стороны его материально-вещных элементов (средства производства и средства потребления) и со стороны составных частей его стоимости (воспроизведенный постоянный капитал, заработная плата и прибавочная стоимость). Но Смит, как мы знаем, смешивал материально-вещную и социальную стороны процесса производства, в теории прибавочной стоимости он колебался между различными точками зрения, деление капитала на постоянный и переменный (введенное в науку Марксом) было ему неизвестно. Смит поэтому не мог дать правильное решение проблемы воспроизводства и вышел из смущавших его сомнений при помощи весьма упрощенного приема. Он просто предположил, что стоимость постоянного капитала, напр., текстильной машины, может быть разложена без остатка на доходы, т.-е. заработную плату плюс прибыль (и рента). Правда, в стоимость этой машины в свою очередь должна войти стоимость постоянного капитала, необходимого для ее изготовления, напр., железа. Но стоимость железа опять-таки состоит из заработной платы рабочих, добывавших его, плюс прибыль предпринимателей и т. д. На самом деле приведенное рассуждение доказывает, что на каждой стадии производства стоимость продукта содержит в себе не только доходы участников производства (т.-е. заработную плату, прибыль и ренту), но и возмещение постоянного капитала (машин, сырья и т. п.). Смит, однако, делает вывод противоположного характера. Он считает, что стоимость постоянного капитала в последнем счете разлагается без остатка на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Следовательно, «цена всех товаров, составляющих общую сумму ежегодного производства страны, непременно распадается на те же составные три части и должна распределяться между жителями страны в виде вознаграждения за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их земли». Если раньше Смит понимал, что из годичного продукта общества одна часть предназначена для возмещения постоянного

Digitized by Google

капитала, то теперь Смит приходит к нелепому выводу, будто вся стоимость общественного продукта разлагается без остатка на доходы, т.-е. поступает в личное потребление членов общества. Это ошибочное учение стало господствующим у экономистов классической школы: оно в основном разделялось Рикардо, было возведено в догму Сэем и повторялось еще в середине XIX века Дж. Ст. Миллем [1]).

Итак, стоимость продукта состоит из заработной платы, прибыли и ренты. А так как заработная плата составляет, по терминологии Маркса, переменный капитал, то приведенная формула может быть выражена следующим образом: стоимость продукта состоит из переменного капитала плюс чистый доход (прибыль и рента). Весь капитал предполагается состоящим только из переменного капитала. Часть стоимости продукта, представляющая собою воспроизведенный постоянный капитал, совершенно игнорируется. Но можно ли понять процесс воспроизводства общественного продукта, если игнорируется воспроизводство постоянного капитала, значение которого в капиталистическом хозяйстве столь огромно и все более возрастает? Понятно, что ошибочное представление о разложении стоимости продукта на доходы испортило все учение Смита о воспроизводстве. Смит в данном вопросе остался даже позади Кенэ, который ни на минуту не забывал, что часть годичного продукта предназначена для возмещения изнашивающейся части основного капитала.

Ошибки, допущенные Смитом в анализе процесса воспроизводства вообще, не могли не отразиться и на его понимании расширенного воспроизводства, т.-е. накопления капитала. Если весь капитал состоит из переменного капитала, т.-е. расходуется на наем рабочих, то процесс накопления капитала происходит, повидимому, следующим образом: часть своего дохода (т.-е. прибыли) капиталист не тратит на личное потребление, а присоединяет к своему капиталу, т.-е. затрачивает на наем рабочих. Весь накопляемый капитал расходуется на наем рабочих. Это ложное положение опять-таки игнорирует необходимость для капиталиста часть своего добавочного капитала затратить на покупку машин, сырья и т. п.

Из изложенного ошибочного учения о накоплении можно было сделать два важных вывода. Во-первых, «всякое увеличение или

---

1) См. ниже в V отделе главу о Сисмонди.

Digitized by Google

сокращение капитала естественно стремится увеличить или сократить действительное количество труда», так как весь капитал расходуется на наем рабочих. Следовательно, всякое возрастание капитала идет в полной мере на пользу рабочему классу, вызывая пропорциональное повышение спроса на труд. Сторонники такого утверждения забывали, что на самом деле спрос на труд возрастает не пропорционально росту всего капитала, а лишь пропорционально возрастанию его переменной части. Второй вывод гласит, что накопление капитала не означает сокращения личного потребления членов общества. Если капиталист из своей прибыли в 100.000 р. половину накопляет, то это значит, что на 50.000 руб. он нанимает рабочих. На эту сумму личное потребление капиталиста заменяется личным потреблением рабочих. «Что ежегодно сберегается, то также регулярно и потребляется, как и то, что ежегодно расходуется,—и почти в такое же время; но только потребляется оно другим классом общества», т.-е. рабочими. «Потребление остается то же, но потребители будут другие». Поскольку Смит в приведенных словах боролся против примитивного представления мелкого буржуа или крестьянина, которые под накоплением капитала понимают запрятывание золотых монет в чулок или кубышку, он был вполне прав. Накопление капитала сопровождается, конечно, его расходованием. Но он расходуется не только на наем рабочих, но и на покупку машин, сырья и пр. Сумма личного потребления сокращается за счет производительного потребления, производство средств производства растет за счет производства средств потребления. Игнорирование этого обстоятельства лежало в основе классической теории рынков Сэя-Рикардо, и даже противник этой теории Сисмонди разделял ошибочное учение Смита, что весь годичный продукт общества уходит на личное потребление членов последнего [1]).

В тесной связи с учением Смита о капитале и доходе находится его в высшей степени интересное и ценное учение о производительном и непроизводительном труде. Мы видели, что весь капитал, по мнению Смита, расходуется на наем рабочих и состоит из заработной платы. Значит ли это, что заработная плата всякого рабочего выплачивается из капитала? Нет,—отвечает Смит,—заработная плата рабочих может выпла-

[1]) См. ниже в V отделе главу о Сисмонди.

Digitized by Google

чиваться либо из капитала, либо из чистого дохода (прибыли и ренты). На свой капитал капиталист нанимает рабочих, которые своим трудом не только возмещают свою заработную плату, но и доставляют, сверх того, прибыль (прибавочную стоимость). На свой чистый доход (т.-е. прибыль) капиталист может купить либо различные товары, либо труд различных работников, служащий для его непосредственного потребления (прислуга, повар, домашний учитель и т. п.). Труд этих лиц доставляет капиталисту определенную потребительную стоимость, но не доставляет ему никакой меновой стоимости и прибавочной стоимости. На этом основано различие между производительными и непроизводительными рабочими. Производительными называются рабочие, труд которых обменивается непосредственно на капитал; непроизводительными — рабочие, труд которых обменивается непосредственно на доход. Правда, часть своего дохода капиталист может затратить на наем добавочных производительных рабочих. Но ведь это и значит, что часть дохода превращается в капитал, накопляется или капитализируется. А так как капитал должен доставлять прибавочную стоимость, то приведенная формула может быть выражена и другим образом: производительными называются рабочие, труд которых доставляет прибавочную стоимость, непроизводительными — рабочие, труд которых этим свойством не обладает. «Труд фабричного рабочего прибавляет к стоимости перерабатываемого им материала стоимость его содержания и прибыли хозяина. Наоборот, труд прислуги не прибавляет ни к чему никакой стоимости».

Мы видим, таким образом, как с эволюцией понятия прибавочной стоимости (или чистого дохода) изменялось и понятие производительного труда. Меркантилистам прибавочная стоимость была известна только как торговая прибыль, доставляемая внешнею торговлею и притекающая в страну в виде золота и серебра. Поэтому наиболее производительным они считали труд купцов и моряков, обслуживающих внешнюю торговлю. Физиократы поняли, что прибавочная стоимость создается в процессе производства. Игнорируя прибыль и отождествляя прибавочную стоимость с рентою, они приходили к ошибочному выводу, что производительным является только труд земледельческого населения. Смит, расширив понятие прибавочной стоимости включением в нее прибыли, тем самым преодолел ограниченность физиократического представле-

Digitized by Google

ния о производительном труде. По учению Смита, производительным является всякий наемный труд (безразлично земледельческий или промышленный), обмениваемый непосредственно на капитал и доставляющий капиталисту прибыль.

Различие между трудом производительным и непроизводительным Смит выводит не из материальных особенностей обоих этих видов труда, а из различия их социальной формы. Исходя из приведенного выше определения, следовало бы признать непроизводительным труд прислуги, нанятой капиталистом для его личного услужения, и производительным труд прислуги, нанятой капиталистом—содержателем большого ресторана. В первом случае наниматель относится к прислуге как покупатель-потребитель, в последнем случае как покупатель-капиталист. Хотя труд прислуги с материально-вещественной стороны в обоих случаях одинаков, но различие социально-производственных отношений людей в обоих этих случаях делает труд прислуги то производительным, то непроизводительным. Смит, однако, к этому правильному выводу не приходит. Он не может отделить социальную форму труда от его материально-вещественного содержания. Наблюдая окружающие его реальные явления, Смит видит, что на свой капитал предприниматель чаще всего нанимает рабочих, труд которых воплощается в материальных вещах или товарах, а на свой доход чаще всего покупает личные услуги, не обладающие таким свойством. Отсюда он приходит к выводу, что производительным является труд, который «воплощается или овеществляется в каком-нибудь материальном предмете, в подлежащей продаже вещи, которая продолжает существовать хоть некоторое время после того, как закончен обращенный на нее труд». «Наоборот, труд прислуги не воплощается ни в каком определенном предмете ни в какой такой вещи, которую потом можно было бы продать. Услуги этого рода исчезают в тот самый момент, как они оказаны, и почти никогда не оставляют после себя никакого следа в виде стоимости, на которую потом можно было бы приобрести такое же количество услуг».

Здесь, как видим, Смит дает уже второе определение производительного труда и главным признаком его считает способность создавать материальные вещи. Смит, повидимому, не сознает, что оба предлагаемых им определения друг с другом не вполне совпадают. С точки зрения первого определения, труд прислуги в ресторане, содержимом на капиталистических началах, является производительным; с точки зрения второго опре-

Digitized by Google

деления, этот труд, не воплощающийся в материальных вещах, всегда признается непроизводительным. Наоборот, труд садовника, которого капиталист содержит на своей даче для уход за растениями, является, с точки зрения первого определения, непроизводительным, так как он покупается на доход капиталиста, а не на его капитал, иначе говоря, служит для его личного потребления, а не для производства прибавочной стоимости. С точки же зрения второго определения, труд садовника, оставляющий по себе «материальные» результаты в виде цветов и растений, должен быть всегда признан трудом производительным.

В своем первом, правильном, определении Смит берет за критерий различия между трудом производительным и непроизводительным социальную форму труда, т.-е. характер социально-производственных отношений между работником и его нанимателем. Во втором, ошибочном, определении он исходит из материально-вещественного характера труда, из его способности воплощаться в материальных предметах. И в данном вопросе, как и во многих других, мы видим у Смита характерное для классической школы смешение материально-технической стороны производственного процесса с его социальною формою. Поскольку Смит изучает социальную форму хозяйства, он открывает новые перспективы и является основателем современной политической экономии. Поскольку он смешивает социальную форму хозяйства с его материально-техническим содержанием, он впадает в многочисленные ошибки и противоречия, одним из примеров которых могут служить и его два противоречащих друг другу определения производительного труда.

Эпигоны классической школы, внимание которых было направлено на материально-техническую сторону производства, совершенно не обратили внимания на первое определение производительного труда, данное Смитом, и усвоили только второе, ошибочное. Некоторые из них разделяли мнение Смита о непроизводительности труда, не воплощающегося в материальных вещах. Другие же оспаривали этот взгляд на том основании, что и труд чиновников, солдат, священников и т. п. должен быть признан производительным. Но и сторонники и противники взгляда Смита совершенно не поняли его наиболее ценного, социального определения производительного труда, которое нашло свое дальнейшее развитие у Маркса.

Digitized by Google

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДАВИД РИКАРДО

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ.

В эпоху Адама Смита промышленный капитализм в Англии еще только делал свои первые шаги. Сельское хозяйство занимало первенствующее место, в промышленности преобладало еще ремесленное и кустарное производство. Промышленный капитализм мог начать свое победное шествие только после того, как мануфактура, основанная на ручном труде, уступила место фабрике с широким применением машин и паровых двигателей. Этот переход от мануфактуры к фабрике совершился в Англии в эпоху «промышленного переворота», охватывающего последнюю четверть XVIII века и первую четверть XIX века. Это как раз то время, которое отделяет деятельность Рикардо от деятельности Смита. Если Смит может быть назван экономистом мануфактурного периода, то учение Рикардо выросло на фоне быстрого роста фабричного, машинного производства.

Начало промышленного переворота обычно относят к 1769 году, так как с этого времени целый ряд изобретений, быстро следовавших друг за другом, совершенно преобразовал технику производства. Но было бы большою ошибкою видеть в промышленном перевороте результат случайно появившихся счастливых изобретений. Изобретения машин, заменяющих человеческий труд, делались и раньше. Но в период цехового ремесла, работавшего на узкий местный рынок, такие машины не были нужны и могли только разорить ремесленников. Понятно поэтому, что цехи всеми мерами противились их введению, добивались их запрещения, разбивали модели, сделанные смелыми изобретателями, а их самих изгоняли из города или казнили. Так, в XVI веке было запрещено употребление ленточной ткацкой машины, в начале XVII века употребление машины для изготовления иголок и т. п.

Положение дел изменилось в XVII—XVIII веках, в эпоху ослабления цехов и усиления торгового капитала, роста

Digitized by Google

массового (кустарного) производства на вывоз и зарождения крупных мануфактур. Понижение издержек производства стало теперь прямою целью предпринимателя. Стремление к усовершенствованию техники и экономизации издержек производства вызвало в XVII столетии лихорадочную погоню за изобретениями. Широкое распространение водяных мельниц всякого рода, технические нововведения в горном деле и металлургии (искусственное выкачивание воды из шахт машинами, устройство доменных печей), улучшение приемов переноса сил (зубчатые и маховые колеса, трансмиссии), — все эти нововведения уже в XVII столетии подготовляли победу машинного принципа в промышленности. Но до середины XVIII века эти отдельные изобретения не могли революционизировать промышленность, которая попрежнему оставалась в зависимости от слабой или встречающейся только в отдельных местностях двигательной силы (человека, животных, воды).

Толчок промышленному перевороту конца XVIII века был дан, как известно, изобретениями: 1) в хлопчатобумажной промышленности, 2) в металлургии и 3) изобретением паровой машины. Каждое из этих изобретений представляло собою лишь завершение длинного ряда предшествовавших изобретений и результат поисков, измерявшихся многими десятилетиями.

Не случайно ареною быстро следовавших друг за другом изобретений стала наиболее молодая отрасль английской текстильной промышленности, хлопчатобумажная, которая благодаря своему позднему появлению в Англии (в XVII веке) не была подчинена цеховым правилам. В тяжелой борьбе с более старою шерстяною промышленностью хлопчатобумажная промышленность могла победить только при помощи новых технических усовершенствований. В середине XVIII века были улучшены и увеличены ткацкие станки. Так как прядильные веретена сохраняли еще свою средневековую конструкцию, то прядильщики не успевали изготовлять нужное для ткачей количество пряжи. Прядильный «голод» заставил мысль изобретателей искать новые способы пряденья. В 1769 году Аркрайт, усовершенствовавший изобретенную еще в 30-х годах того же столетия прядильную машину, взял патент на свою «ватерную» (водяную) машину, а Харгривс через год взял патент на прядильную машину «Дженни». Наконец, в 1779 году Кромптон соединил достоинства обоих этих изобретений в своей «мюль-машине», которая быстро начала вытеснять ручное пряденье. При помощи машины прядиль-

Digitized by Google

щик мог приготовить в 200 раз больше пряжи, чем без нее. Теперь уже ткачи не поспевали переработать всю доставляемую прядильщиками пряжу, и возникла острая необходимость в улучшении приемов ткачества. В 1785 году Картрайт изобрел механический ткацкий станок, который, однако, получил широкое распространение лишь после новых сделанных в нем усовершенствований и с 1813 года начал вытеснять ручное ткачество. Постепенно прядильные и ткацкие машины распространились и в шерстяной промышленности.

Второю ареною технических изобретений являлась металлургия. До середины XVIII века чугун и железо производились на древесном топливе. Доменные печи устраивались вблизи лесов и, по мере истощения последних, передвигались в другие местности. Уже в XVII веке в Англии начал чувствоваться недостаток лесов. К началу XVIII века металлургия, ввиду недостатка и дороговизны древесного топлива, переживала тяжелый кризис и приходила в упадок. Необходимо было найти новый вид топлива. Такое топливо имелось в виде каменного угля, но до середины XVIII века многочисленные попытки коксования угля и использования его для обработки железа не дали результатов. Только с середины XVIII века распространилось производство чугуна на минеральном топливе (по методу Дерби, изобретенному в 1735 году), а с 80-х годов того же века и прокатка железа начала производиться на каменном угле, при помощи нового способа «пудлингования» (изобретение Корта в 1780 г.). Произошло знаменательное для капитализма соединение железа с углем.

Наконец, к этому же времени относится еще более важное и всеобъемлющее изобретение: в 1769 году Джемс Уатт построил свою знаменитую паровую машину— насос для выкачивания воды из рудников. Искусственное выкачивание воды из рудников началось еще с XVI века. В 1698 году Сэвери изобрел для этой цели первую паровую машину, усовершенствованную в начале XVIII века Ньюкоменом и в таком виде получившую широкое распространение в рудниках. Но при большой глубине шахт и сильном напоре воды машина Ньюкомена отказывалась действовать. Новое изобретение Уатта устраняло это неудобство. Первоначально машина Уатта предназначалась только для выкачивания воды из рудников. Но в 1781 году Уатт при помощи нового усовершенствования превратил свою машину из насоса в универсальный паровой двигатель, пригодный для работы

Digitized by Google

во всех отраслях промышленности. Паровая машина начала вводиться в текстильном и металлургическом производствах и захватывала одну за другою разные отрасли промышленности. В начале XIX века паровая машина получила применение и в сфере транспорта (пароходы, железные дороги). Англия вступила в век пара.

Описанные изобретения не могли бы оказать такого стремительного революционизирующего действия, если бы отсутствовали социально-экономические условия, необходимые для широкого развития фабричной промышленности. Но в Англии конца XVIII века эти условия были уже налицо. С одной стороны, в эпоху торгового капитала произошло уже значительное накопление капиталов в руках коммерсантов, финансистов, промышленников и т. п.; новая фабричная промышленность представляла для этих свободных капиталов широкое поле приложения. С другой стороны, обезземеленные крестьяне, разорившиеся ремесленники и кустари и всякого рода пауперы (нищие) поставляли обильный человеческий материал, могущий быть использованным для нужд капитала. Старинные цеховые ограничения, мешавшие развитию капитализма, к концу XVIII в. уже пришли в упадок. В 80-х годах этого века Туккер мог уже сказать, что «привилегии цехов и торговых корпораций в городах обладают в настоящее время лишь незначительною силою, не дающей им возможности приносить много вреда, как это было раньше».

При таких условиях рост фабричной промышленности происходил необычайно быстрым темпом. По словам одного современника, «новая раса фабрикантов бросилась устраивать фабрики везде, где только представлялась возможность: начали чинить старые риги и сараи, пробивали окна в глухих стенах и приспособляли эти помещения для устройства ткацких мастерских». «Всякий, кто имел капитал, хотя бы весьма небольшой, бросался на это дело — лавочники, трактирщики, перевозчики товаров, все они становились фабрикантами. Многие из них терпели неудачу, но другие достигали своей цели и наживали состояния». Период времени с 1788 до 1803 года был назван «золотым веком» хлопчатобумажного производства, которое за это время увеличилось в три раза. Такой быстрый рост производства был возможен только благодаря введению машин, сокративших издержки производства и вызвавших огромное удешевление хлопчатобумажных материй. Введение прядильной ма-

Digitized by Google

шины сократило издержки производства пряжи с 12 шилл. до 3 шилл. в 1800 году и даже до 1 шилл. в 1830 году. Уменьшение издержек производства вызвало удешевление товара: цена фунта пряжи упала с 35 шилл. до 9 шилл. в 1800 году и до 3 шилл. в 1830 году. Издержки производства и цены многих промышленных товаров упали в 10—12 раз. Дешевые хлопчатобумажные материи начали вытеснять более дорогие шерстяные; благодаря своей дешевизне они успешно пробивали себе доступ и в глухую деревню и на заграничные рынки. Если в XVII — XVIII веках судьбы английского народного хозяйства зависели прежде всего от ее шерстяной промышленности, то с начала XIX века такую же роль играла ее хлопчатобумажная промышленность.

Лихорадочно быстрый рост фабричного производства внес глубочайшие перемены в народное хозяйство Англии. Только теперь центр тяжести был перенесен из сельского хозяйства в промышленность. Накануне промышленного переворота (в 1770 г.) население Англии делилось приблизительно поровну между городом и деревнею, через полвека (в 1821 году) сельским хозяйством были заняты только 33% населения. Началось бегство населения из деревни, со сказочною быстротою росло население фабричных городов. За время с 1760 по 1816 год население Манчестера увеличилось с 40 тыс. до 140 тыс., Бирмингама—с 30 тыс. до 90 тыс., Ливерпуля—с 35 тыс. до 120 тыс. Англия начинала становиться «мастерскою мира», изготовляющею фабрикаты для всех остальных стран. Внешняя торговля ее быстро росла. За время с 1760 до 1815 года ввоз в Англию возрос с 10 до 30 милл. фунт. ст., а вывоз с 15 до 59 милл. фунт. ст. Если до XVI столетия Англия вывозила сырье и прежде всего шерсть, а в XVII — XVIII столетиях шерстяные материи, то теперь центр тяжести ее вывоза передвинулся в сторону хлопчатобумажных материй, к которым присоединились также железо и уголь. Экспортная торговля, которой раньше была подчинена промышленность, работающая на вывоз, теперь стала дополнением к мощно развитой промышленности. Руководящая роль постепенно переходила от торгового капитала к промышленному.

Промышленный переворот открыл перед Англией обширные перспективы мощного роста производительности труда и национального богатства. Но уже на первых шагах своего развития промышленный капитализм с величайшею яркостью обнаружил не только свои положительные, но и отрицательные

Digitized by Google

стороны. Колоссальный рост национального производства ни в малейшей мере не уменьшил нищеты народных масс. Введение машин, предназначенных сберегать человеческий труд, сплошь и рядом давало новый толчок к ухудшению условий труда рабочих. Машины вытесняли ручных прядильщиков и ткачей; при лихорадочно быстром темпе введения машин, вытесненным рабочим часто грозила голодная смерть или существование пауперов. Рабочие поэтому смотрели на машину, как на злейшего своего врага. «Машина,—писал один рабочий,—оставила нас в лохмотьях и без всякого заработка, машина загнала нас в подземелье, заточила в тюрьмы хуже Бастилии. Я смотрю на всякое улучшение, стремящееся уменьшить спрос на человеческий труд, как на самое страшное проклятие, которое может пасть на голову рабочего класса, и я считаю своею обязанностью сопротивляться введению машин, этого бича, в какую бы то ни было отрасль промышленности». Этот страстный протест выражал чувства, широко распространенные среди рабочей массы. Введение машин часто вызывало рабочие бунты, рабочие поджигали фабричные здания, разбивали машины и добивались их запрещения. Эти стихийные движения, однако, были бессильны остановить процесс введения машин.

Машина пускала по миру ручных прядильщиков и ткачей, убивала кустарные промыслы, дававшие подсобный заработок крестьянской семье, создавала конкуренцию труду взрослых рабочих привлечением на фабрику женщин и детей. Правда, женский труд широко применялся и в кустарных промыслах, но раньше женщина работала у себя дома, теперь же, с уходом ее на фабрику, дети оставались без всякого призора, если только сами не уходили на фабрику. В своей известной книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс нарисовал потрясающую картину условий труда рабочих в конце эпохи промышленного переворота (1830-е и 1840-е годы). На фабриках работали 5-летние дети, в шахтах женщины и дети делали тяжелые работы, 7-летние дети проводили под землею больше двенадцати часов в день. Целые партии детей оптом передавались приходскими приютами фабрикантам якобы для «учобы», а на деле для подневольного труда. Фабриканты перепродавали их друг другу как рабов.

Тяжело было и положение взрослых рабочих. Фабричное законодательство еще отсутствовало, закон не ставил никаких ограничений эксплоатации рабочих, профессиональные союзы ра-

Digitized by Google

бочих (тред-юнионы), были запрещены и преследовались правительством. Рабочий день в среднем продолжался 13—14 часов, нередко превышая даже эти цифры. Работа на фабрике происходила в ужасающе антигигиенических условиях. Что касается заработной платы, то в общем денежная заработная плата в течение второй половины XVIII века повышалась [1]), но реальная заработная плата упала в результате сильнейшего вздорожания хлеба и других средств существования (мясо, масло и пр.). По словам Бартона, квалифицированный рабочий мог на свою недельную заработную плату купить в 1790 году 169 пинт хлеба, а в 1800 году только 83.

Резкое падение реальной заработной платы объяснялось стремительным подъемом цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, начиная с последних десятилетий XVIII века и кончая 1815 годом, когда окончилась война с Наполеоном. В 1770-х годах, к моменту начала промышленного переворота, средняя цена хлеба составляла около 45 шилл. за квартер. В 1790-х годах эта цена составляла 56 шилл., в течение первого десятилетия XIX века она поднялась до 82 шилл., а в период 1810—1813 годов даже до 106 шилл. Столь быстрое повышение цен на хлеб объяснялось, во-первых, ростом промышленно-городского населения Англии, предъявлявшего усиленный спрос на хлеб, и, во-вторых, сокращенным подвозом хлеба из аграрных стран (Пруссии, Польши и др.) во время войны с Наполеоном. Привоз дешевого хлеба в Англию тормозился не только войною и объявленною Наполеоном континентальною блокадою: английское правительство в интересах лордов-землевладельцев всячески стесняло привоз иностранного хлеба при помощи высоких таможенных пошлин. По закону 1791 года ввоз иностранного хлеба в Англию становился возможным лишь в том случае, если цена хлеба на внутреннем рынке поднималась до 55 шилл. за квартер. В 1804 году эта предельная цена была повышена в интересах землевладельцев до 64 шилл., а в 1815 году до 82 шилл. Соединенное действие целого ряда факторов (быстрая индустриализация страны, война с Францией, неурожаи, аграрный протекционизм) вызвало колоссальное повышение цен на хлеб в период 1790—1815 годов.

[1]) В тех отраслях промышленности, где быстрым темпом совершалось вытеснение ручного труда машинами, падала и денежная заработная плата (у прядильщиков, ткачей).

Digitized by Google

При виде столь стремительного повышения хлебных цен, фермеры и землевладельцы бросились утилизировать каждый лишний клочок земли. «Огораживания» общинных земель приняли широкие размеры. Крупные фермы капиталистического типа начали еще быстрее вытеснять мелкие крестьянские хозяйства. Начали обрабатываться плохие земли, пустыри, болота, которые ранее, при более низких ценах на хлеб, считались бездоходными. Вовлечение в обработку плохих земель, связанное с этим повышение издержек производства хлеба, рост хлебных цен,—все эти явления английского сельского хозяйства начала XIX века нашли свое точное отражение в теории ренты Рикардо.

Вторым последствием подъема цен на хлеб явилось быстрое возрастание земельной ренты, уплачиваемой фермерами землевладельцами в виде арендной платы. По сравнению с 70-ми годами XVIII века арендная плата к моменту окончания войны с Францией поднялась, часто в 4—5 раз, в среднем на 100—200%. В Шотландии общая сумма земельной ренты составляла в 1795 году 2 милл. фунт. ст., а в 1825 году—5¼ милл. фунт. ст. Ферма в Эссексе, сдававшаяся в аренду в 1793 году по 10 шилл. за акр, в 1812 году сдавалась по 50 шилл. Война, дороговизна и неурожаи вели к колоссальному обогащению лендлордов. «Когда стонал в час брани весь народ, они считали в житницах доход!»—бросил им в лицо негодующие строки знаменитый поэт Байрон, выражавший в данном случае настроение самых разнообразных слоев населения.

Действительно, недовольство высокими хлебными ценами и покровительственными законами в пользу помещиков было широко разлито по всей стране. Застрельщиком движения против хлебных пошлин выступала промышленная буржуазия. Промышленники с неудовольствием видели, что львиная доля выгод от процесса индустриализации Англии уплывает из их рук в руки земельных магнатов. Промышленники мечтали забросать весь мир своими дешевыми фабрикатами, а для этого необходимо было иметь дешевые рабочие руки; высокие же цены на хлеб не давали возможности понизить денежную заработную плату. Далее, высокие хлебные цены ослабляли покупательную способность рабочих и городской мелкой буржуазии, сокращая емкость внутреннего рынка для продуктов промышленности. Периоды неурожаев и высоких хлебных цен часто совпадали с острыми кризисами торговли и промышленности.

Широкие круги рабочих и мелкой буржуазии имели

Digitized by Google

другие причины быть недовольными высокими ценами на хлеб и на другие предметы питания. Правда, рабочие страдали не только от дороговизны хлеба, но и от введения машин, безработицы, низкой заработной платы. Уже в то время ранние идеологи пролетариата понимали, что корень зла не в хлебных законах, а в капиталистическом строе. Но проповедь первых утопических социалистов (напр., Оуэна) имела успех только в узком кругу. Широкие массы рабочих еще сочувственно прислушивались к агитации против хлебных законов. Первые десятилетия XIX века прошли в Англии под знаком острой борьбы между землевладельческим классом и торгово-промышленною буржуазией, поддерживаемою широкими массами рабочих и мелкой буржуазии. В 1815 году аграрии еще одержали верх, и покровительственные пошлины на хлеб были усилены. В 1820 году лондонские купцы представили в парламент знаменитую петицию с требованием введения свободной торговли, как единственного средства открыть английским фабрикатам широкий доступ на иностранные рынки. В 1822 году с теми же требованиями выступили в своем меморандуме манчестерские купцы. Манчестер, центр хлопчатобумажного производства, стал цитаделью сторонников свободной торговли, которые поэтому и получили название «манчестерской» школы. Более широкие размеры борьба за свободную торговлю приняла с конца 30-х годов, под влиянием промышленного кризиса. Манчестерская торговая палата представила в парламент петицию, в которой указывалось, что «без немедленного уничтожения пошлин на хлеб неизбежна гибель фабричной промышленности, и что только применение в широких размерах принципа свободной торговли может обеспечить дальнейшее процветание индустрии и спокойствие страны». Основанная Кобденом и Брайтом «Лига против хлебных законов» завербовала сотни тысяч сторонников и развернула мощную агитацию по всей стране. В 1846 году длившаяся десятилетиями борьба закончилась победою буржуазии: хлебные законы были отменены, и Англия перешла окончательно к системе свободной торговли.

Буржуазия добилась своей победы только в эпоху, следовавшую за смертью Рикардо. При жизни Рикардо исторический спор между торгово-промышленною буржуазией и землевладельческим классом разгорался, но еще далек был от своего разрешения. Под знаком этой борьбы общественных классов прошла вся литературная деятельность Рикардо. Быстрый рост промышленности и успехи машинного производства, угрожающий подъем

Digitized by Google

хлебных цен и земельной ренты, недовольство буржуазии хлебными законами,— эти основные социально-экономические явления современной Рикардо эпохи наложили глубокую печать на всю его систему. В области экономической политики Рикардо выступал застрельщиком промышленной буржуазии: он требовал отмены хлебных пошлин и введения свободной торговли. Но и теоретическая система Рикардо, при всем ее абстрактном характере и кажущейся оторванности от реальных хозяйственных условий современной эпохи, теснейшим образом с ними связана. Обе центральные части рикардовской системы, его теория стоимости и теория распределения, отражают на себе экономические условия Англии начала XIX столетия. В теории трудовой стоимости Рикардо обобщил многочисленные факты удешевления фабрикатов в результате технических усовершенствований и роста производительности труда. Широкое применение машин заставило Рикардо задуматься над вопросом, в какой мере употребление машин (основного капитала) видоизменяет действие закона трудовой стоимости. Разгоревшаяся борьба между буржуазией и землевладельцами и намечавшаяся в более отдаленной перспективе борьба между буржуазией и рабочим классом приковали мысль Рикардо к теории распределения. Факт стремительного роста хлебных цен и земельной ренты был положен Рикардо в основу его теории ренты. Бедственное положение рабочих, несмотря на рост номинальной заработной платы, нашло свое теоретическое отражение в рикардовской теории заработной платы. Борьба между землевладельцами и буржуазией внушила Рикардо мысль о непримиримой противоположности интересов этих двух классов: в безостановочном и неизбежном подъеме хлебных цен и ренты видел Рикардо главную причину падения прибыли и главную угрозу накоплению капиталов и росту капиталистического хозяйства. И сильными и слабыми сторонами своей теоретической системы Рикардо обязан своей эпохе. Поскольку народное хозяйство Англии начала XIX века уже успело развернуть черты, типичные для капиталистического хозяйства, Рикардо сумел дать гениальные теоретические обобщения, вошедшие навсегда в экономическую науку. Поскольку он временные и преходящие явления современной ему эпохи принимал за неизбежные черты капиталистического хозяйства вообще, он впал в ошибки и односторонности, исправленные последующими экономическими направлениями, и в первую очередь Марксом.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

БИОГРАФИЯ РИКАРДО.

Давид Рикардо (1772—1823 годы) родился в Лондоне, в семье богатого банкира-еврея. Уже с 14-летнего возраста Рикардо помогал отцу в его биржевых операциях, но через несколько лет порвал с своей семьей и принял христианство. Сделавшись биржевым маклером, он самостоятельно занялся биржевыми спекуляциями и, благодаря своей поразительной способности предугадывать движение курсов ценных бумаг, в течение нескольких лет нажил огромное состояние. К 25-ти годам Рикардо уже пользовался в Лондоне репутацией миллионера и известного банкира.

Но биржевая игра, повидимому, давно уже не удовлетворяла Рикардо: в душе его жила страстная жажда знаний. В 25-летнем возрасте он круто изменил свой образ жизни, бросил биржевые спекуляции, купил себе поместье и отдал свое время самообразованию. Сперва он изучал математику и естествознание, устроил себе лабораторию и собирал коллекции минералов. Но через два года, под впечатлением книги Смита, он целиком отдался изучению экономических вопросов, которые сильнее могли захватить мысль человека, знакомого с тайнами биржевой игры.

В начале XIX века экономические вопросы снова стали предметом оживленного обсуждения в Англии. Длительная война с Францией внесла глубокое расстройство в хозяйственную жизнь Англии. С особенною остротою сказалось это расстройство в обесценении английской валюты (банкнот Английского Банка, размен которых на золото был во время войны приостановлен) и непомерном подъеме цен на хлеб. Эти практические вопросы, задевавшие кровные интересы различных социальных групп, и вызывали наибольшие разногласия. Обсуждение их не было академическим спором ученых в тиши кабинета, а сопровождалось ожесточенною борьбою в прессе и парламенте. Эта горячая борьба мнений и интересов и побудила скромного Рикардо,

Digitized by Google

не доверявшего своим силам, выступить на литературное поприще. Через десять лет после того как он приступил к изучению экономических вопросов, в 1809 году, он напечатал статьи и брошюру «О высокой цене слитков», в которой наметил свою количественную теорию денег. Обесценение банкнот он объяснял их чрезмерными выпусками и для оздоровления валюты требовал изъятия части банкнот из обращения.

В течение следующих лет Рикардо выпустил несколько небольших полемических сочинений, посвященных тем же вопросам денежного обращения, и в 1815 г. издал «Опыт о влиянии низких хлебных цен на прибыль». Уже в этом сочинении Рикардо выступал как защитник промышленного капитализма и приходил к выводу, что интересы землевладельческого класса противоположны интересам других классов общества. В это время Рикардо еще не мечтал выпустить труд, охватывающий основные вопросы теоретической экономии. «Я не имею других стимулов к экономическим занятиям,—писал он в одном письме в 1815 году,—кроме радости, доставляемой мне самою наукою, ибо, как бы ни были правильны мои взгляды, я никогда не буду иметь счастье выпустить в свет книгу, которая доставила бы мне славу». Но уже через два года, в 1817 году, книга, доставившая Рикардо бессмертную славу, его «Принципы политической экономии и налогов», была им выпущена в свет под влиянием настойчивых советов его друга Джемса Милля. Хотя и в этой книге бо́льшая часть глав посвящена обсуждению практических вопросов, преимущественно налоговых, но ее немногочисленные главы теоретического характера навсегда обеспечили за Рикардо славу величайшего экономиста. Его книга знаменует собою высшую точку, до которой сумела подняться в своем развитии классическая школа, после этого переживавшая только период упадка и агонии.

Хотя сам Рикардо как-то сказал, что его книгу поняли в Англии не более 25 человек, тем не менее она доставила ему громкую славу у современников и сделала автора главою це́лой школы. Рикардо стоял в центре оживленных экономических дискуссий своей эпохи. Он находился в постоянном личном общении и в переписке со всеми выдающимися экономистами своего времени. Некоторые из них стали его ближайшими учениками и последователями (Джемс Милль, Мак-Келок), первыми апостолами правоверной «рикардианской» школы. Но и противники Рикардо, создавшие свои собственные экономические системы (Маль-

Digitized by Google

тус, Сэй, Сисмонди), не могли не преклоняться перед его великим умом и научною искренностью. Его постоянный противник Мальтус, горячий защитник землевладельческого класса, назвал день смерти Рикардо несчастнейшим днем своей жизни.

Рикардо любил устраивать в своем доме собрания своих друзей и знакомых экономистов для непринужденной беседы и дискуссии на злободневные экономические темы. Эти дружеские собрания положили начало лондонскому клубу политической экономии, основанному в 1821 году и просуществовавшему 25 лет. Членами клуба были преимущественно люди практики, купцы и промышленники, политические деятели, в меньшем числе академические ученые. На ежемесячных собраниях обсуждались важнейшие вопросы того времени, чаще всего споры вращались вокруг вопросов денежного обращения и пошлин на хлеб,— вопросов, усиленно занимавших мысль Рикардо. До своей смерти, неожиданно последовавшей в 1823 году, Рикардо был центральною фигурою на собраниях клуба, члены которого в своем большинстве горячо защищали идеи свободной торговли и немало сделали для проведения их в жизнь.

Идеи экономического либерализма Рикардо с успехом отстаивал не только в своих брошюрах и книгах, на дружеских собраниях и в клубе политической экономии, но и с парламентской трибуны. Избранный в 1819 г. членом парламента, он, несмотря на свою робость и нелюбовь к ораторским выступлениям, все же выступал с речами при обсуждении вопросов денежного обращения, парламентской реформы и т. п., высказываясь в пользу буржуазно-демократических реформ (расширения избирательного права, тайного голосования). Учение Рикардо о денежном обращении оказало сильнейшее влияние на обсуждавшие этот вопрос парламентские комиссии и на позднейшее английское законодательство.

Литературные и парламентские выступления Рикардо в защиту экономического и политического либерализма не могли не вызвать на него нападок прежде всего со стороны представителей землевладельческого класса. Они обвиняли его в защите узких интересов денежной и промышленной буржуазии, а подчас даже в личной заинтересованности в проведении тех или иных мер. Рикардо с неизменным спокойствием и достоинством отвергал личные заподозривания и даже отказывался признать себя защитником интересов одного общественного класса. Действительно, Рикардо субъективно имел право рассматривать себя, как защит-

Digitized by Google

ника «истинных» экономических принципов и интересов всего «народа» (которые он в одном сочинении противопоставлял интересам аристократии и монархии), так как он неизменно отстаивал необходимость быстрого развития производительных сил, которое в его эпоху могло происходить только в форме развития капиталистического хозяйства. Высокие хлебные пошлины, законы о бедных, правление землевладельческой олигархии—задерживали рост производительных сил, и потому Рикардо постоянно выступал против них. Но, с другой стороны, Рикардо не представлял себе возможности роста производительных сил в иной форме, как в виде капиталистического хозяйства,—и потому он отвергал коммунистические проекты Оуэна [1]).

Рикардо не мог выйти за кругозор капиталистического хозяйства. Но он горячо защищал интересы последнего именно потому, что, на основе своих проникнутых величайшею научною добросовестностью и искренностью изысканий, видел в нем единственную форму хозяйства, открывающую простор мощному росту производительных сил и богатства общества в целом. «Если понимание Рикардо в общем соответствует интересам промышленной буржуазии, то только потому, что ее интересы совпадают с интересами производства или производительного развития человеческого труда, и постольку, поскольку совпадают. Где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же прямолинейно выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии» (слова Маркса).

---

1) См. об этом в следующей главе.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ РИКАРДО.

В великом историческом споре между землевладельческою аристократией и промышленною буржуазией Рикардо решительно стал на сторону последней. Однако грубою ошибкою было бы согласиться со словами Гельда, что «учение Рикардо было просто продиктовано ненавистью денежного капиталиста к землевладельческому классу». В эпоху Рикардо промышленная буржуазия играла еще прогрессивную историческую роль, и ее идеологи еще чувствовали себя вождями всего «народа» в борьбе против аристократии и монархии. Рикардо горячо отстаивал буржуазный капиталистический строй, потому что видел в нем наилучшее средство для обеспечения: 1) наибольшего счастья индивидуумов и 2) максимального роста производительных сил.

Буржуазная экономическая наука уже в XVIII веке выдвинула требование свободной конкуренции и экономической самодеятельности индивидуумов. Физиократы и Смит освящали это требование ссылкою на вечное, естественное право индивидуумов. К началу XIX века роль естественного права, как главного духовного оружия буржуазии в борьбе за новый строй, была уже сыграна. Основы капиталистического строя были уже заложены, и по мере его успехов даже у идеологов буржуазии рассеивалась наивная вера в близкое осуществление «естественного порядка», всенародного равенства и братства. Французская революция с ее горькими разочарованиями, бедственное положение трудящихся масс в эпоху промышленного переворота, первые предвестия начинающейся борьбы между буржуазией и рабочим классом,— не оставляли места для прежних иллюзий. С начала XIX века требование равенства и братства, со ссылкою на естественное право индивидуумов, все чаще начинало раздаваться из уст первых защитников пролетариата, ранних утопических социалистов. Отныне прежнее противопоставление буржуазного

Digitized by Google

естественного права феодальной традиции становилось уже невозможным и недостаточным. Буржуазные идеологи очутились перед новою, трудною задачею: найти оправдание буржуазного строя одновременно против феодальной традиции и против требований естественного равенства, выдвинутых социалистами. Эту задачу призвана была разрешить новая философская система «утилитаризма. развитая Бентамом и получившая, начиная с 20-х годов XIX века, широкое распространение. Если философскою основою учений физиократов и Смита служила теория естественного права, то Рикардо и его ближайшие ученики были горячими последователями утилитаризма.

Утилитаризм, хотя и отрицал учение о естественном праве, в одном пункте продолжал его линию: он дал окончательную формулировку индивидуалистического мировоззрения. У физиократов требование индивидуальной свободы вытекало из особенностей их идеального общественного строя («естественного порядка» общества); в этом смысле общество еще господствовало над индивидуумом, как бы само определяя меру свободы, отпускаемую последнему. У Адама Смита личность и общество представляют собою равноправные элементы, находящиеся в полнейшей гармонии друг с другом: «невидимая рука» творца обеспечивает полное согласие между ними. Наконец, в системе утилитаризма общество полностью подчиняется индивидууму и растворяется в нем. Общество есть не более как фиктивное единство, механическая сумма составляющих его индивидов. По словам Бентама, «интерес общества может означать лишь интерес отдельных личностей, образующих общество. Когда говорят об интересе общества, не имея ясного представления об интересе отдельных людей, то это не более как пустая фраза». «Говорят, что интересы отдельных лиц должны отступать на задний план перед интересами общества. Что значат эти слова? Не составляет ли каждое лицо такой же части общества, как и всякое другое? Интересы отдельных лиц суть единственные реальные интересы». В чем же заключается интерес отдельного лица? В том, чтобы получать удовольствия и избегать страданий, т.-е. в достижении наибольшей пользы для себя. «Принцип пользы» составляет краеугольный камень всей системы утилитаризма (название утилитаризм происходит от латинского слова utilis, полезный). Чтобы оценить пользу любого поступка, мы должны сложить отдельно все его полезные последствия и отдельно все его вредные последствия; вычтя сумму страданий из суммы

Digitized by Google

удовольствий или наоборот, получаем положительный или отрицательный остаток. При помощи «моральной арифметики» мы узнаем, какие действия способны обеспечить «наибольшую сумму счастья» индивидууму.

Но каким образом можно построить мост от счастья индивидуума к благополучию общества? Так как общество есть механическая сумма отдельных индивидуумов, то и благополучие общества есть не более как результат механического суммирования счастья отдельных индивидуумов. Благополучие общества означает «наибольшую сумму счастья наибольшего числа людей». А так как сумма увеличивается только от увеличения ее слагаемых, то и общественный прогресс возможен только в виде возрастания благосостояния или счастья отдельных индивидуумов. «Все, что соответствует пользе или интересу общества, увеличивает общую сумму благосостояния индивидуумов, из которых оно состоит». Но как увеличить эту общую сумму благосостояния индивидуумов? Очень просто: заботу об этом следует предоставить самим индивидуумам, так как «каждый сам судит о том, что для него полезно». «Вот общее правило: предоставляйте людям наибольшую возможную свободу действия во всех тех случаях, где они не могут повредить никому, кроме как самим себе, потому что они сами—лучшие ценители своих интересов». Максимальная свобода индивидуума и ограничение роли государства чисто отрицательною функцией охраны граждан от взаимного нанесения вреда,—таков общественный идеал, построенный главою утилитаристов Бентамом на философском принципе пользы. Этот буржуазно-индивидуалистический строй, гарантируя индивидуумам наибольшую свободу действий и, следовательно, возможность достижения наибольшей суммы счастья, предпочтительнее феодального строя с его «неудобствами бесполезного гнета». Он предпочтительнее и социалистического строя, в котором отдельный индивидуум лишен возможности добиваться при помощи собственного труда наибольшей суммы пользы или счастья. «Если обеспеченность и равенство приходят в столкновение друг с другом, то не должно быть места колебанию: равенство должно уступить место. Установление равенства есть химера. Единственное, к чему можно стремиться, это — к уменьшению неравенств» [1]). Если мыслители XVIII века были преисполнены

[1]) Эта цитата, как и предшествующие, взята из сочинений Бентама.

Digitized by Google

великодушных порывов к всеобщему равенству и братству, то теперь голос трезвого буржуа объявляет равенство химерою. Если в XVIII веке буржуазный строй должен был осуществить священные естественные права личности, то теперь ему ставится более скромная задача: гарантировать каждому индивидууму свободный выбор наиболее выгодного («полезного» или доставляющего «наибольшую сумму счастья») занятия из числа тех, которые данный общественный строй оставляет для него открытыми.

Рикардо был сторонником утилитаристической философии, которую он воспринял от Джемса Милля, бывшего его учеником в области экономических вопросов. «Я духовный отец Милля,—говорил Бентам,—а Милль духовный отец Рикардо; таким образом, Рикардо мой духовный внук». Как и Бентам, Рикардо был глубоко убежден, что «там, где господствует свободная конкуренция, интересы отдельного лица и общества никогда друг другу не противоречат»[1]). Интерес общества и не может заключаться ни в чем ином, как в максимальном осуществлении интересов составляющих его индивидуумов. То, что «менее выгодно для отдельных лиц, также менее выгодно и для государства».Рикардо не верит в возможность существования таких занятий, которые «являются наиболее прибыльными для отдельного лица и не являются прибыльными для государства». «Преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует общей выгоде всех. Стимулируя развитие промышленности, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все особенные силы, доставляемые природою, этот принцип (стремления к личной выгоде.—*И. Р.*) приводит к очень удобному и экономическому разделению труда между разными нациями. И в то же время, увеличивая общее количество всех продуктов, он распространяет всеобщее благосостояние и, с помощью тесных уз выгоды и сношений, все сильнее связывает все цивилизованные нации в одну всемирную общину». Свободное действие принципа «индивидуальной выгоды» (или, что то же самое, бентамовского «принципа пользы») является в глазах Рикардо наилучшею гарантией роста «всеобщего благосостояния», заключающегося в увеличении «общего количества всех продуктов», т.-е. в росте производительных сил. И наоборот, стоит только

[1]) Эта цитата, как и все дальнейшие, взята из сочинений Рикардо.

Digitized by Google

устранить или стеснить действие принципа индивидуального интереса,— и неизбежным следствием этого явятся падение производительных сил, понижение всеобщего благосостояния и уменьшение суммы счастья членов общества. На этом основании Рикардо отвергал проекты Оуэна об устройстве коммунистических общин. «Сам Оуэн,— писал он в одном письме,— благожелательный энтузиаст, готовый на большие жертвы для своего любимого плана. Но может ли разумный человек поверить ему, что проектируемое им общество будет процветать и производить более, чем производило до сих пор такое же количество людей, если последние будут побуждаемы к напряжению только соображениями об общем благе, вместо соображений о собственном интересе? Не говорит ли против этого опыт столетий?».

Итак, общественным идеалом Рикардо являлся капиталистический строй, при котором взаимная конкуренция индивидов, стремящихся каждый к достижению наибольшей индивидуальной выгоды, обеспечивает максимальный рост производительных сил. В этом отношении Рикардо являлся преемником физиократов и Смита. Но, в отличие от своих предшественников, Рикардо имел перед своими глазами капиталистическое хозяйство на более высокой ступени его развития, и это дало ему возможность правильнее и полнее формулировать характеризующие его экономические законы. Физиократы жили еще в полуфеодальной Франции, Адам Смит был современником мануфактурного периода. Рикардо же наблюдал быстрый рост крупного, машинного капиталистического производства и мог лучше подметить его основные технические и социально-экономические особенности.

Мысль Смита была еще всецело ограничена кругозором мануфактурной техники. Если он и говорил о машинах, то в сущности понимал под ними диференцированные инструменты, употребляемые мануфактурным рабочим. Смит утверждал, что «в земледелии природа работает вместе с человеком», в промышленности же «природа не делает ничего, а все делается руками человека». Такое наивное представление о промышленности могло родиться в эпоху мануфактурного производства, основанного на ручном труде. С прогрессом машинного производства и успехов техники это представление явно устарело. «Разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности,— спрашивал Рикардо,—разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равны нулю? Разве давле-

Digitized by Google

ние атмосферы и упругость пара, которые позволяют нам приводить в движение самые колоссальные машины, не дары природы? Я уже не говорю о действии тепла при размягчении и плавлении металлов, о действии атмосферы в процессах окрашивания и брожения. Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом щедрой и даровой». В то время как для Смита успехи промышленности объясняются почти исключительно ростом разделения труда, Рикардо к числу факторов промышленного прогресса относит «улучшения в машинах, лучшее разделение и распределение труда и растущий опыт производителей в науках и ремеслах».

Именно от введения машин ожидал Рикардо удешевления продуктов и роста производства. Правда, он не закрывал глаз и на бедственное положение рабочих, вытесняемых машинами. Защитники капитализма доказывали, что введение машин ни в малейшей мере не может ухудшить положение рабочих, так как вытесняемые машинами рабочие сейчас же находят себе занятие в других отраслях производства. Вначале и Рикардо придерживался этой же «теории компенсации», но впоследствии, с присущею ему величайшею добросовестностью и научною искренностью, признал, что «замена человеческого труда машиною часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса». Несмотря на это, Рикардо остался горячим сторонником введения машин, как необходимого условия роста производительных сил. Он отвергал меклобуржуазную утопию Сисмонди, который хотел повернуть вспять колесо истории и от крупного машинного производства вернуться назад, к патриархальному хозяйству мелких самостоятельных производителей (ремесленников и крестьян).

Отказ от смитовского противопоставления земледелия промышленности дал Рикардо возможность преодолеть остатки физиократических идей, еще сохранившиеся у Смита. Исходя из своего взгляда, что в земледелии, в отличие от промышленности, природа помогает человеку, Смит полагал, что самым выгодным для общества способом помещения капиталов является вложением капиталов в земледелие, а не в промышленность. Такой взгляд был понятен в середине XVIII века, когда Англия еще прокармливалась собственным хлебом и земледелие играло первенствующую роль в экономике страны. Хотя и в начале XIX века земледелие занимало еще почетное место, и Рикардо

Digitized by Google

не мог еще думать о превращении Англии в односторонне-индустриальное государство, тем не менее он твердо держал курс на индустриализацию Англии, хотя бы за счет сокращения ее сельского хозяйства. Горячие споры по этому поводу разгорелись между Мальтусом и Рикардо по окончании войны с Францией. Защитники землевладельческого класса, в том числе Мальтус, требовали высоких ввозных пошлин на хлеб, чтобы не допустить падения хлебных цен и сокращения земледелия, интенсивно развивавшегося в годы войны под влиянием высоких хлебных цен. Мальтус называл «сумасбродными» проекты превращения Англии в индустриальное государство, которое кормится привозным хлебом. Рикардо же предвидел необходимость ввоза дешевого иностранного хлеба и отлива английских капиталов из земледелия в индустрию. Перспектива, что «хлеб Польши и сырой хлопок Каролины будут обмениваться на металлические изделия Бирмингама и муслин Глазгова», не только не пугала его, но им приветствовалась. «Чрезмерное увеличение капитала, занятого в земледелии», рассматривалось Рикардо, как ненормальное явление, вызванное войною и приведшее к непомерному вздорожанию хлеба вследствие повышения издержек его производства. Ввоз дешевого иностранного хлеба и сокращение капиталов, вложенных в английское земледелие, приветствовались Рикардо: удешевление хлеба приведет, по его мнению, к повышению прибыли и мощному расцвету промышленной жизни страны.

В построениях Рикардо мы встречаем, таким образом, капиталистическое хозяйство на более высокой ступени технического развития, чем в описаниях Смита: перед нами страна, быстро идущая к индустриализации и переживающая бурный период введения машин. В меньшей мере заметен у Рикардо, по сравнению со Смитом, прогресс в понимании социальных особенностей капитализма, но все же и последние выступают у него в более резких очертаниях, чем у Смита. У Смита «капиталистическая» точка зрения еще уживается с «ремесленной»: наряду с капиталистическим хозяйством в его описаниях встречается часто хозяйство мелких производителей, фигуры капиталиста и фермера подчас перемежаются с фигурами ремесленника и крестьянина. У Рикардо же социальный фон капиталистического хозяйства носит гораздо более однородный характер: судя по его построениям, можно было бы думать, что ремесленники, кустари и крестьяне в Англии начала XIX века уже со-

Digitized by Google

вершенно исчезли (а на деле они еще существовали, и в изрядном количестве). Вся сцена занята капиталистами (включая фермеров), наемными рабочими и землевладельцами (капиталистического типа, т.-е. сдающими землю в аренду фермерам). Капиталистическое хозяйство выступает в «чистом» или «абстрактном» виде, освобожденное от примесей и обломков докапиталистических форм хозяйства. Рикардо предполагает, что тенденции, присущие капиталистическому хозяйству, действуют с полною силою и не встречая на пути своем никаких задержек. Если Смит охотно и подробно рисует многочисленные препятствия, мешающие уравнению нормы прибыли и заработной платы в разных отраслях производства, то Рикардо упоминает о них только мимоходом.

Капиталистическое хозяйство представляется Рикардо в виде огромного механизма, безошибочное действие которого обеспечивается стремлением капиталистов к наибольшей прибыли; результатом этого стремления является уравнение нормы прибыли во всех отраслях производства (различия в норме прибыли сохраняются лишь постольку, поскольку необходимо уравновесить преимущества одних отраслей перед другими). Стремление к наибольшей прибыли является основным движущим стимулом капиталистического хозяйства, и закон уравнения нормы прибыли — основным его законом. В понимании центральной роли этого закона Рикардо опять-таки превосходит Смита. Правда, уже Смит дал превосходную картину перелива труда и капитала из одних отраслей производства в другие, под влиянием отклонений рыночных цен товаров от их «естественной цены» (стоимости). Но Смиту была еще не ясна центральная роль предпринимателя-капиталиста в этом процессе перераспределения производительных сил. Смит еще думал, что роль активного двигателя в этом процессе выполняется не только предпринимателем, но и наемными рабочими и землевладельцами. Рикардо же правильно отводит роль активного двигателя процесса перераспределения производительных сил из одних отраслей в другие капиталисту-предпринимателю. «Неугомонное стремление всех капиталистов оставлять менее доходное дело для более доходного имеет сильную тенденцию приводить прибыль всех к одной норме». Перелив капиталов из менее доходных отраслей в более доходные (посредством более усиленного кредитования последних банками и расширения производства в них) исправляет несоответствия между спросом и предложением товаров. Движение всего капи-

Digitized by Google

талистического хозяйства подчинено закону равной нормы прибыли, этому «принципу, распределяющему капитал по всем отраслям производства в требуемых размерах».

Рикардо, следовательно, «очистил» капиталистическое хозяйство от докапиталистических примесей и в этом «чистом» капитализме отвел центральное место капиталисту. Каждую тенденцию капиталистического хозяйства Рикардо изучает в «чистом» или «изолированном» виде, в предположении, что она действует с полною силою и не ослабляется противоположными тенденциями. В этом и заключается «абстрактный» метод Рикардо, вызывавший столько нареканий со стороны его противников (особенно экономистов исторической школы). Нередко «абстрактному» или «дедуктивному» методу Рикардо противопоставляется, как более правильный, «опытный» или «индуктивный» метод Смита. Такое противопоставление неправильно. И Смит там, где он хочет открыть законы или тенденции экономических явлений, оперирует абстрактно-аналитическим или изолирующим методом, без которого теоретическое изучение сложных социальных явлений невозможно. Но у Смита ход теоретического исследования прерывается (и подчас искажается) обилием описательного и исторического материала. У Рикардо же крепкий скелет теоретического исследования освобожден от живой плоти конкретного материала, почерпнутого из реальной действительности. Железная цепь силлогизмов быстро и неумолимо гонит читателя вперед, подкрепляемая лишь гипотетически придуманными примерами (которые обычно начинаются словами: «Предположим, что...») и арифметическими расчетами. Вместо живых, увлекательных описаний Смита читателя ждет отвлеченное и сухое изложение, трудность которого усиливается тем, что читатель ни на минуту не должен упускать из виду множество предпосылок, явно или молчаливо предполагаемых автором. Но именно этот абстрактный метод исследования дает теоретической мысли Рикардо ее последовательность и бесстрашие, именно он дает автору силу проследить действие каждой тенденции экономических явлений до самого конца. Этот метод дал Рикардо возможность преодолеть многочисленные противоречия Смита и построить логически более цельную и спаянную теорию стоимости и распределения.

Не за применение абстрактного метода следует упрекать Рикардо, а лишь за то, что он забывал условность теоретических положений, добытых при его помощи. Прежде всего Рикардо, как и другие представители классической школы, упускал из виду

Digitized by Google

основное историческое условие правильности всех теоретико-экономических положений: наличие определенной социальной (именно капиталистической) формы хозяйства. Эта социальная форма хозяйства казалась Рикардо данною, само собою понятною,—черта, общая ему со всеми идеологами молодой буржуазии, которая на место старого феодального порядка устанавливала новый общественный строй, казавшийся ей естественным, разумным и вечным. «Социальные» и «исторические» законы капиталистического хозяйства принимают у Рикардо, как и вообще у классиков, характер «естественных» и «вечных» законов. «Истинные законы политической экономии никогда не меняются», писал Рикардо. Понятно поэтому, что даже этот мыслитель, немало содействовавший (своим различением стоимости и богатства, своим учением о трудовой стоимости и земельной ренте) превращению политической экономии в социальную науку, охотно искал последнее объяснение социально-экономических явлений в действии «неизменных» естественных законов (биологического закона народонаселения и физико-химического закона падающей производительности почвы).

Независимо от игнорирования основной социально-исторической предпосылки своего исследования, Рикардо часто упускал из виду или забывал те частные предпосылки, которые лежали в основе его теоретических положений. Рикардо забывал, что каждая экономическая тенденция проявляет полностью свое действие лишь при отсутствии противодействующих тенденций или, как говорят, «при прочих равных условиях». Недооценивая многочисленность перекрещивающихся в реальной действительности тенденций, Рикардо склонен был объяснять действием одного какого-нибудь абстрактного закона реальные явления, вызванные множеством различных причин. Переход земледельцев к обработке худших участков (при неизменной технике и прочих равных условиях) повышает стоимость единицы хлеба,— гласит абстрактный закон Рикардо. И автор спешит приложить этот закон к действительности, заявляя: реальное вздорожание хлеба объясняется переходом к обработке худших участков. Общее повышение заработной платы необходимо (при прочих равных условиях) понижает норму прибыли,— этим абстрактным законом Рикардо поспешно и ложно объясняет исторический факт падения нормы прибыли. Эта склонность приписывать условным выводам безусловную силу и видеть непосредственное действие «чистых» законов в конкретных исторических явлениях привела Рикар-

Digitized by Google

до к ряду ошибок. Но эти ошибки не помешали Рикардо уловить — и именно при помощи абстрактного метода — основные, п о с т о я н н о (хотя подчас и скрыто) д е й с т в у ю щ и е тенденции, заложенные в самой о с н о в е к а п и т а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а. Оттого-то теоретические построения Рикардо, в измененном и исправленном виде, сохраняют свою силу и в настоящее время, и труд его справедливо признается одним из величайших памятников человеческой мысли.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ.

I. Трудовая стоимость.

Смит, как мы знаем, оставил ряд неразрешенных проблем и противоречий [1]). Напомним вкратце важнейшие из них:

1. Теория Смита страдала двойственностью самой методологической постановки проблемы: смешением мерила стоимости и причин количественных изменений стоимости.

2. Отсюда смешение труда, затраченного на производство данного продукта, с трудом, покупаемым в обмен за последний.

3. Внимание Смита было обращено то на объективное количество затраченного труда, то на субъективную оценку связанных с ним усилий и напряжения.

4. Смит смешивал труд, овеществленный в каком-нибудь товаре, с живым трудом как товаром, т.-е. рабочею силою.

5. Смит приходил к отрицанию действия закона трудовой стоимости в капиталистическом хозяйстве (в котором труд, однако, сохраняет значение мерила стоимости).

6. На-ряду с правильною точкою зрения, согласно которой стоимость продукта представляет собою первичную величину, разлагающуюся на отдельные доходы (заработную плату, прибыль и ренту), Смит иногда ошибочно выводить стоимость из доходов.

Можно сказать, что во всех этих вопросах Рикардо стал на правильную точку зрения и устранил противоречия Смита. Но при этом следует добавить, что только по отношению к первым трем проблемам работа была проведена Рикардо успешно до конца.

---

[1]) См. выше 22-ю главу.

Digitized by Google

Что касается остальных проблем, то хотя и в них Рикардо занял формально правильную позицию и тем внешне устранил противоречия Смита, но разрешить по существу лежавшие в их основе трудности и противоречия он не был в состоянии.

Рикардо прежде всего решительно отбросил всякие поиски неизменного мерила стоимости и неоднократно возвращался к доказательству невозможности найти такое мерило. Научно-причинный метод исследования, для упрочения которого в политической экономии классическая школа много сделала, был Рикардо с полною последовательностью проведен и в теории стоимости. Рикардо ищет причины количественных изменений стоимости продуктов и хочет формулировать законы этих изменений. Конечною своею целью Рикардо ставит себе «определить законы, которые управляют распределением» продукта между разными общественными классами. Но для этого необходимо предварительно изучить законы изменения стоимости продуктов.

Ясная научно-причинная постановка вопроса освободила Рикардо от смитовских противоречий в определении понятия труда. Сочинение Рикардо начинается с критики смитовского смешения «труда затраченного» с «трудом покупаемым», и к тому же вопросу автор возвращается и в других главах. Рикардо последовательно кладет в основу всего исследования понятие труда, затраченного на производство товара, и в изменении количества этого труда усматривает постоянную и важнейшую причину количественных изменений стоимости.

В этом отношении основы теории Рикардо (о допускаемых им исключениях будем говорить ниже) [1]) построены на монистическом принципе трудовой стоимости. Подобно Смиту, Рикардо с самого начала устраняет полезность или потребительную стоимость из круга своего исследования, сохраняя за нею роль условия меновой стоимости продуктов. Правда, он здесь же говорит о «двух источниках» меновой стоимости: редкости предметов и количестве труда, требующегося для их производства,— чем подавал повод некоторым ученым говорить о дуалистическом характере его теории. Такое мнение неправильно: редкость определяет стоимость (точнее, цену) только индивидуальных, невоспроизводимых предметов. Но Рикардо изучает именно процесс производства и законы стоимости

[1]) См. § III настоящей главы.

Digitized by Google

воспроизводимых продуктов, а их стоимость определяется количеством затраченного труда. Более того. Тот факт, что Рикардо ограничивает свое исследование только «такими товарами, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых соперничество не подвергается никаким ограничениям»,—свидетельствует именно о зрелости его мышления. «В сущности, это только значит, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободною конкуренцией, т.-е. современное буржуазное общество»[1]). Такое же ясное понимание основной предпосылки закона трудовой стоимости,— наличия свободной конкуренции между производителями,— Рикардо обнаруживает в главе IV своего труда. Там он указывает, что отклонения рыночных цен от «естественной цены» (стоимости) устраняются посредством перелива капиталов из одних отраслей промышленности в другие[2]). Если в чем можно обвинять Рикардо, так это не в том, что он исходит из наличия свободной конкуренции (и, следовательно, возможности воспроизводства продуктов), а, напротив, в том, что он недостаточно ясно понимал исторические и социальные условия свободной конкуренции, предполагая наличие ее в первобытном мире охотников и рыболовов.

Итак, стоимость воспроизводимых продуктов определяется количеством труда, затраченного на их производство. При анализе этой формулы встает ряд вопросов: 1) рассматривается ли затраченный труд с объективной или субъективной стороны; 2) включается ли в него только труд, затраченный непосредственно на изготовление данного продукта, или также труд, затраченный предварительно на изготовление необходимых средств производства; 3) рассматриваются ли только относительные или абсолютные количества затраченного труда; и 4) определяется ли стоимость товара количеством труда, фактически затраченного на его изготовление, или общественно-необходимым количеством труда.

По первому вопросу следует отметить, что Рикардо вполне последовательно проводит объективную точку зрения и решительно устраняет,— в этом также заключается преимущество

---

1) Маркс. „Критика полит. экономии.“.

2) При этом случае он даже показывает тот механизм (расширение или сокращение кредитования данной отрасли), при помощи которого происходит расширение или сокращение производства.

Digitized by Google

его перед Смитом[1]), — вопрос о субъективной оценке трудовых усилий со стороны отдельных индивидуумов. Капиталистический рынок принимает продукты труда, игнорируя личные переживания стоящих за ними производителей, — и эти безличные, неумолимые законы рыночной конкуренции нашли свое отражение в построениях Рикардо, которые проникнуты величайшим объективизмом, граничащим с бесстрастием.

Второму вопросу Рикардо посвятил особый, III отдел 1-ой главы, заголовок которого утверждает, что «на стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, участвующие в процессе производства». Орудия, инструменты и машины переносят на изготовляемый при их помощи продукт свою стоимость (полностью или частично, если они медленно изнашиваются), но никакой новой стоимости не создают. Экономисты начала XIX века Лодердаль и Сэй, восхищенные высокою технической производительностью машин, приписывали им способность создавать новую стоимость, являющуюся источником прибыли капиталиста. Рикардо же ясно понимает, что машины и приводимые ими в движение силы природы повышают техническую эффективность труда, увеличивая количество изготовляемых им в единицу времени потребительных стоимостей, но не создают меновой стоимости. Машины только переносят на продукт собственную стоимость, а «естественные факторы придают товарам только потребительную стоимость, а не меновую, о которой говорит Сэй. Как только с помощью машин или естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, меновая стоимость этой работы понижается пропорционально этому содействию». Ясно проведенным различием между «богатством» (потребительною стоимостью) и «стоимостью» Рикардо вскрыл нелепость учения о способности природы создавать стоимость, учения, встречающегося у Петти, развитого физиократами и сохранившегося еще в учении Смита об особой производительности земледельческого труда.

По третьему вопросу часто высказывалось мнение, что Рикардо интересовался только относительною стоимостью разных товаров и относительными количествами затраченного на их производство труда, что он игнорировал проблему «абсо-

[1]) См. выше, п. 3-й из перечисленных нами противоречий Смита.

Digitized by Google

лютной» стоимости. Действительно, Рикардо изучает проблему стоимости преимущественно с ее количественной стороны и ищет причины количественных изменений стоимости продуктов. Если относительная стоимость двух продуктов А и Б выражается пропорцией 5 : 1, Рикардо принимает этот факт за данный, не уделяя ему особого внимания. Его интерес привлекается к данному явлению в том случае, когда в нем наблюдаются признаки изменений, напр., когда прежняя меновая пропорция сменяется новою 6 : 1. Но при этом Рикардо не ограничивается одним констатированием факта изменения относительных стоимостей обоих товаров и относительных количеств труда, необходимого для их производства. Он ставит вопрос, вызвано ли изменение относительных стоимостей обоих товаров повышением «действительной» (или «реальной», «положительной») стоимости товара А или падением «действительной» стоимости товара Б. Изменение же «действительной» стоимости товара рассматривается им, как результат изменения количества труда, необходимого для производства данного товара. «Труд есть общее мерило, с помощью которого могут быть определены как действительная, так и относительная стоимость предметов»,— этими словами Рикардо подтверждает, что его теория не ограничивается изучением относительной стоимости товаров.

Последний из поставленных выше вопросов касается характеристики труда, образующего стоимость. Маркс уделил данному вопросу большое внимание и охарактеризовал этот труд как общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый. Рикардо, при своем преобладающем интересе к количественной стороне стоимости, обратил внимание только на те стороны труда, которые оказывают влияние на величину стоимости. Мы находим у него замечания насчет труда квалифицированного и общественно-необходимого.

Рикардо вслед за Смитом признает, что час квалифицированного труда, напр., часовщика, может создавать стоимость в 2 раза большую, чем час труда прядильщика. Это неравенство объясняется тем, что «для усвоения одного ремесла требуется больше искусства, сообразительности или навыка, чем для усвоения другого». Но обстоятельство это, по мнению Рикардо, не нарушает закона трудовой стоимости. Рикардо предполагает, что раз установившаяся скала между двумя данными видами труда (в данном случае 2 : 1) является устойчивою и

Digitized by Google

с течением времени почти не изменяется. В таком случае всякое изменение в относительной стоимости обоих данных продуктов может быть вызвано лишь изменением в относительных количествах труда, необходимого для их производства.

Так же находим мы у Рикардо, хотя и в неразвитой форме, понятие общественно-необходимого труда. Стоимость определяется трудом, необходимым для производства. В теории ренты Рикардо выводит свой известный закон, что стоимость продуктов регулируется не трудом, затраченным данным индивидуальным производителем, а «наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого на их производство» производителями, работающими в наихудших условиях. Ошибка Рикардо заключается в том, что этот закон, выведенный им из различия естественных условий в земледельческом производстве, он обобщил и выставил в качестве общего закона, приложимого во всех случаях и к земледельческим и к промышленным продуктам. Маркс исправил эту ошибку Рикардо своим учением о среднем общественно-необходимом труде.

Свое учение о трудовой стоимости Рикардо противопоставлял теориям, которые пытались объяснить величину стоимости продуктов величиною их полезности или соотношением между спросом и предложением. Рикардо резко критиковал теорию полезности Сэя: «Если я за фунт золота даю в 2.000 раз больше сукна, чем за фунт железа, значит ли это, что полезность, которую я приписываю золоту, в 2.000 раз больше полезности железа? Конечно, нет. Это доказывает только, как соглашается, впрочем, и сам Сэй, что издержки производства золота в 2.000 раз больше, чем издержки производства железа. Если бы издержки производства двух металлов были одинаковы, я дал бы за них одинаковую цену, но если бы мерой их стоимости служила полезность, я, вероятно, дал бы больше за железо».

Не менее решительно отвергал Рикардо бессодержательную теорию спроса и предложения: «Цена товаров, в последнем счете, регулируется издержками производства, а не, как это часто утверждали, отношением между предложением и спросом. Конечно, отношение между предложением и спросом может временно повлиять на рыночную стоимость товара, пока он не будет предложен в бо́льшем или меньшем количестве, соответственно возрастанию или уменьшению спроса. Но это влияние будет носить временный характер. Уменьшите издержки производства шляп, и цена их, в конце концов, понизится до разме-

Digitized by Google

ров их новой естественной цены, хотя спрос мог бы удвоиться, утроиться или учетвериться».

Судя по этим цитатам, можно было бы думать, что Рикардо придерживается теории издержек производства. Но это не так. Согласно вульгарной теории издержек производства повышение заработной платы неизбежно вызывает повышение стоимости продукта. От такого взгляда Рикардо отмежевался в первых же словах своего труда: «Стоимость товара зависит от относительного количества труда, необходимого для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, уплачиваемого за этот труд». Хотя в некоторых пунктах, как увидим ниже, Рикардо не сумел провести разграничительную черту между издержками производства и трудовыми затратами, но все его построение направлено к утверждению закона трудовой стоимости и к преодолению теории издержек производства, в которую впадал, благодаря своей непоследовательности, Смит [1]).

Рикардо, как мы видели, внес в теорию стоимости огромные улучшения. Он освободил идею трудовой стоимости от тех внутренних противоречий, которыми она изобиловала у Смита. Он произвел коренную реформу количественной стороны теории стоимости. Он отбросил в сторону поиски неизменного мерила стоимости,—этого обманчивого миража, за которым безуспешно гналась мысль экономистов от Петти до Смита,— и дал учение о причинной зависимости количественных изменений стоимости продуктов от изменений количества труда, затраченного на их производство. В развитии производительности труда Рикардо видит не только последнюю причину изменений стоимости товаров: в нем он ищет также ключ для разгадки взаимоотношений между разными отраслями производства (земледелием и промышленностью) и разными общественными классами (землевладельцами, капиталистами и рабочими). Прогрессивное удешевление промышленных изделий, как и прогрессивное вздорожание земледельческих продуктов,— явления, характерные для Англии начала XIX столетия,— Рикардо объяснял действием одного и того же закона трудовой стоимости. Падение стоимости промышленных изделий является результатом технического прогресса, введения машин и роста производительности труда. Повышение стоимости земледельческих продуктов объясняется

---

1) См. §§ II и III настоящей главы.

Digitized by Google

возрастанием трудовых затрат, необходимых для их производства, вследствие перехода к обработке худших участков земли. Нисходящее движение стоимости промышленных изделий и восходящее движение стоимости земледельческих продуктов дают нам в руки ключ для понимания тенденций распределения национального дохода между классами. Рост хлебных цен, вследствие перехода к обработке худших земель, вызывает огромное возрастание земельной ренты и одновременно делает необходимым повышение денежной заработной платы (при неизменности реальной заработной платы). Повышение заработной платы неизбежно вызывает падение нормы прибыли. Из закона трудовой стоимости Рикардо выводит таким образом всю свою теорию распределения.

Если в исследовании количественной стороны стоимости Рикардо сделал огромный шаг вперед по сравнению со Смитом, то качественная или социальная сторона стоимости оставалась вне поля его зрения. Здесь обнаруживается ахиллесова пята теории, ограниченной кругозором капиталистического хозяйства. Явления, присущие определенной социальной форме хозяйства, Рикардо приписывает всякому хозяйству. Социальные формы, принимаемые вещами при наличии определенных производственных отношений между людьми, Рикардо принимает за свойства самих вещей. Он не сомневается, что всякий продукт труда обладает «стоимостью». Ему не приходит в голову, что стоимость есть определенная социальная форма, которую продукт труда принимает лишь в том случае, когда общественный труд организован в известной социальной форме. Изменения величины стоимости продуктов обусловливаются изменениями в количестве труда, необходимого для их производства,— таков основной закон Рикардо. Внимание автора приковано к количественной стороне явлений, к «величине стоимости» и «количеству труда». Его не интересует качественная или социальная «форма стоимости», которая есть не что иное, как вещное выражение социально-производственных отношений между людьми, как независимыми товаропроизводителями. Точно также не интересует его качественная или социальная форма организации труда: Рикардо не объясняет нам, идет ли речь о труде как техническом факторе производства (конкретном труде), или же об общественном труде, организованном в виде совокупности независимых частных хозяйств, связанных посредством всестороннего обмена продуктов их труда (абстрактном

Digitized by Google

труде). Если у Рикардо встречаются зачатки учения о квалифицированном и общественно-необходимом труде, то учение об общественном абстрактном труде, как и о социальной «форме стоимости» [1]), могло быть развито только Марксом. Рикардо произвел только великую реформу учения о количественной стороне стоимости. Данная социальная (т.-е. капиталистическая) форма хозяйственных явлений казалась ему чем-то наперед данным, известным и не требующим исследования. Реформа учения о качественной стороне стоимости могла быть произведена только мыслителем, который сделал предметом своего исследования социальную форму хозяйства (т.-е. производственные отношения людей), социальную форму организации труда и социальную «форму стоимости». Таким мыслителем был Маркс.

Игнорирование исторически-обусловленной социальной формы хозяйства не приносило Рикардо большого вреда лишь до тех пор, пока его исследование не выходило за пределы явлений, соответствующих данному типу производственных отношений людей (напр., за пределы закона трудовой стоимости товаров, предполагающего производственные отношения между людьми как товаропроизводителями). Но когда Рикардо переходил к обмену капитала на рабочую силу (обмену, предполагающему производственные отношения между людьми, как капиталистами и наемными рабочими) или к обмену продуктов, произведенных капиталами различного органического состава (обмену, предполагающему производственные отношения между капиталистами разных отраслей производства), отсутствие социологического метода, как увидим ниже, вносило в его исследование коренные ошибки.

II. Капитал и прибавочная стоимость.

Если уже в теории трудовой стоимости Рикардо пришлось встретиться с значительными затруднениями вследствие того, что ему не была ясна социальная природа стоимости, как выражения производственных отношений людей, то тем более следует сказать это о его теории капитала и прибавочной стоимости.

---

[1]) Игнорирование формы стоимости привело Рикардо, как и других представителей классической школы, к непониманию социальной функции денег. Рикардо придерживался „количественной“ теории денег и (за исключением учения о движении благородных металлов между отдельными странами) не прибавил ничего принципиально нового к формулировке Юма (см. выше, главу о Юме).

Digitized by Google

Тем не менее, и в теорию прибавочной стоимости Рикардо внес улучшения, устранив ряд ошибок Смита в исследовании количественной стороны явлений.

Теория стоимости Смита потерпела, как мы знаем, крушение при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Самый факт обмена товара (как капитала) на большее количество труда (рабочей силы), чем сколько овеществлено в нем самом, казался Смиту нарушением закона трудовой стоимости [1]). Смиту не оставалось ничего другого как объявить, что закон трудовой стоимости перестал действовать с появлением капитала (прибыли) и частного землевладения (ренты).

Все старания Рикардо были направлены на то, чтобы доказать возможность действия закона трудовой стоимости при наличии ренты и прибыли. Не отменяется ли действие закона трудовой стоимости тем фактом, что стоимость продукта (хлеба) достаточна не только для покрытия вознаграждения за труд (т.-е. заработной платы) и прибыли капиталиста, но еще доставляет какой-то излишек (ренту), имеющий свое происхождение, повидимому, не в труде, а в силах природы? Нет, отвечает Рикардо в своей теории ренты. Стоимость хлеба определяется количеством труда, необходимого для производства хлеба на наихудшем участке земли. А эта стоимость делится только на заработную плату и прибыль. Дифференциальная рента, получаемая на лучших землях, составляет не надбавку к стоимости товара, а лишь разницу между индивидуальною трудовою стоимостью хлеба на лучшем участке и его общественною трудовою стоимостью, определяемою условиями производства на худших участках. Рента не является составною частью цены,— этим положением Рикардо упростил всю проблему соотношения между стоимостью и доходами [2]): теперь ему оставалось только объяснить соотношение между заработною платою и прибылью.

Далее, не нарушается ли закон стоимости тем, что стоимость продукта оказывается достаточною не только для уплаты вознаграждения за затраченный на его производство труд, но дает еще какой-то излишек, прибыль? Не противоречит ли факт распадения стоимости продукта на заработную плату и прибыль закону, согласно которому стоимость продукта определяется только количеством труда, затраченного на его производство? Чтобы раз-

---

[1]) См. выше, 22-ю главу.

[2]) Подробнее об этом см. ниже, 29-ю главу.

Digitized by Google

решить полностью этот вопрос, необходимо было раскрыть законы обмена капитала на живой труд (рабочую силу), обмена, предполагающего производственные отношения между капиталистами и наемными рабочими. Но мысль Рикардо, как мы знаем, далека от исследования производственных отношений людей. Социальная характеристика капитала, с одной стороны, и рабочей силы (наемного труда), с другой, у него отсутствует. Капитал и труд противостоят у него друг другу, как различные материальные элементы производства. Капитал определяется Рикардо с вещно-технической стороны, как «та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы труд мог произвести свое действие» [1]). Капитал, это — средства производства, «накопленный труд», и первобытный охотник уже обладает некоторым капиталом. Социально-классовое противопоставление капитала и рабочей силы превращается у Рикардо в вещно-техническое противопоставление «накопленного» труда и «непосредственного» труда. Отсюда двойственная роль капитала в рассуждениях Рикардо. С одной стороны, появление капитала (в смысле средств производства) ни в малейшей мере не нарушает закона трудовой стоимости: стоимость средств производства (машин и пр.) просто переносится на изготовляемый при их помощи продукт. Но, с другой стороны, в стоимости продукта не только воспроизводится в прежнем размере существовавшая ранее «накопленная» стоимость машин и прочих средств производства, но к ней прибавляется еще определенная надбавка в виде прибыли. Откуда появилась эта прибыль или прибавочная стоимость? На этот вопрос прямого ответа Рикардо не дает.

Чтобы открыть законы обмена овеществленного труда (как капитала) на живой труд (как рабочую силу), необходимо понять, что, помимо производственных отношений между людьми как товаропроизводителями, в обществе появляется новый и более сложный тип производственных отношений между капиталистами и наемными рабочими. Но метод выделения и постепенного изучения разных типов производственных отношений людей был чужд классикам. Поэтому-то Смит и пришел к выводу,

[1]) По примеру Смита, Рикардо делит капитал на основной и оборотный, отличающиеся друг от друга по степени „долговечности“. Под оборотным Рикардо чаще всего имеет в виду капитал, расходуемый на наем рабочих („переменный капитал“, по терминологии Маркса).

Digitized by Google

что обмен капитала на труд опрокидывает законы обмена товара на товар. Рикардо избежал этого вывода только благодаря тому, что он старательно размежевал оба эти типа обмена. Рикардо чувствовал свое бессилие объяснить обмен капитала на труд в согласии с законом обмена товара на товар. Он ограничился поэтому более скромною задачею: доказать, что законы обмена товара на товар (т.-е. закон трудовой стоимости) не уничтожаются фактом обмена капитала на труд.

Предположим,—говорит Рикардо,—что охотник тратит на ловлю оленя такое же количество труда, как и рыболов на ловлю двух лососей, при чем средства производства обоих (лук и стрелы охотника, лодка и орудия рыболова) также являются продуктами одинакового количества труда. В таком случае олень обменивается на двух лососей, совершенно независимо от того, являются ли охотник и рыболов самостоятельными производителями или капиталистами-предпринимателями, которые ведут свое дело при помощи наемных рабочих. В последнем случае продукт делится между капиталистом и рабочими, но «это обстоятельство нисколько не влияет на относительную стоимость рыбы и дичи, так как заработная плата как в той, так и в другой отрасли промышленности будет одинакова. Если бы охотник требовал у рыболова больше рыбы в обмен на свою дичь на том основании, что он платил своим рабочим бóльшую часть дичи или ее стоимости в форме заработной платы, то последний ответил бы ему, что он сам находится в таком же положении». «Как бы ни была велика или мала доля всего продукта, достающаяся рабочим, естественная цена оленя была бы равна двум лососям». Иначе говоря, по каким бы правилам ни происходил обмен капитала на труд, обмен товара на товар попрежнему происходит на основании закона трудовой стоимости: взаимные меновые пропорции товаров определяются исключительно относительными количествами труда, необходимого для их производства.

Отсюда вытекает ошибочность мнения Смита, будто в капиталистическом хозяйстве доходы (заработная плата и прибыль) являются основными источниками стоимости, первичными величинами, изменение которых влечет за собою изменение стоимости товара. «Никакое изменение в заработной плате не вызвало бы изменения в относительной стоимости этих товаров. И вот почему: если мы предположим даже, что заработная плата повысилась, то все-таки ни в одном из этих промыслов не увеличится количество необходимого труда, а увеличится только цена за

Digitized by Google

этот труд. Те же основания, которые заставят охотника и рыболова стараться увеличить стоимость их дичи и рыбы, заставят и владельца рудников увеличить стоимость своего золота. Так как это побуждение действует с одинаковою силой на все эти три промысла, и так как относительное положение занимающихся ими как до, так и после повышения заработной платы одинаково, то относительная стоимость дичи, рыбы и золота останется без перемены». Отсюда вытекает знаменитое правило Рикардо: повышение заработной платы, вопреки мнению Смита, не является причиною повышения стоимости продукта, а вызывает понижение прибыли. Понижение заработной платы вызывает повышение прибыли. Стоимость же продукта может увеличиться или упасть лишь вследствие изменения количества требующегося для его производства труда, а не от повышения или падения заработной платы.

Это положение Рикардо, проходящее красною нитью через весь его труд, имеет кардинальное значение. Во-первых, этим положением Рикардо занял правильную позицию в вопросе о соотношении между стоимостью и доходами, вопросе, в котором Смит обнаружил свою беспомощность и непоследовательность. Если у Смита встречается неправильное утверждение, что заработная плата, прибыль и рента своею суммою составляют стоимость продукта (следовательно, величина доходов определяет величину стоимости товара), то Рикардо такой взгляд чужд. С его точки зрения величина стоимости продукта, определяемая количеством затраченного на его производство труда, является первичною, основною величиною, которая распадается на заработную плату и прибыль (рента не является у Рикардо составною частью цены). Ясно, что раз целая величина (стоимость продукта) нам заранее дана и фиксирована (в зависимости от количества труда, необходимого для производства), увеличение одной ее части (т.-е. заработной платы) непременно вызовет уменьшение другой (т.-е. прибыли).

Во-вторых, разбираемое нами положение Рикардо свидетельствует о том, что в прибыли он видел часть созданной трудом рабочих стоимости продукта, остающуюся за вычетом заработной платы и потому изменяющуюся в обратном направлении с нею. Это положение Рикардо решительно опровергает всякого рода попытки истолкования его учения в смысле теории издержек производства. Если бы стоимость определялась по Рикардо трудом, как статьею издержек производства, т.-е. оплаченным тру-

Digitized by Google

дом или заработною платою, то изменение последней вызывало бы соответственное изменение стоимости продукта. Но именно против такого мнения и восстает со всею решительностью Рикардо. Его утверждение об изменении заработной платы и прибыли в противоположном направлении может быть понято только при одном условии: если прибыль имеет своим источником прибавочную стоимость, созданную трудом рабочих. Необходимо поэтому признать, что идея прибавочной стоимости (рассматриваемой с количественной стороны) лежит в основе построений Рикардо и проведена им с большею последовательностью, чем Смитом. Это предположение не опровергается ни тем фактом, что Рикардо сосредоточил главное свое внимание на обмене товара на товар и уклонялся от прямого анализа обмена капитала на труд, ни тем фактом, что прямых указаний на прибавочную стоимость мы встречаем у Рикардо меньше, чем у Смита, который часто упоминает о «вычетах», делаемых из продукта рабочего в пользу капиталиста и землевладельца. Формы капиталистического хозяйства кажутся Рикардо столь естественными и не вызывающими сомнений, что он не ставит вопроса об их возникновении и условиях их существования. Наличие прибыли — и даже равной нормы прибыли — предполагается им на первых же страницах его исследования и составляет, так сказать, постоянный фон рисуемой им картины. Рикардо не ставит прямо вопрос о происхождении прибыли, но общий ход его мысли ведет его к идее прибавочной стоимости. Стоимость продукта представляет собою точно фиксированную величину, определяемую количеством труда, необходимого для его производства. Эта величина делится на две части: заработную плату и прибыль. Из них заработная плата имеет точно фиксированную величину, определяемую стоимостью обычных средств существования рабочего [1]) (т.-е. количеством труда, необходимого для производства хлеба на наихудшем участке земли). Разница, остающаяся после вычета из стоимости продукта заработной платы (т.-е. стоимости средств существования рабочего), и составляет прибыль.

Рикардо, как и Смит, анализировал отдельно прибыль и ренту, не объединяя их в общую категорию прибавочной стоимости. Он смешивал прибавочную стоимость с прибылью и законы, относящиеся к первой, ошибочно распространял на последнюю.

Социальная природа прибыли Рикардо игнорируется, и все

[1]) См. ниже, 30-ю главу.

Digitized by Google

внимание его приковано к ее количественной стороне. Состояние производительности труда в земледелии, стоимость средств существования рабочего, величина заработной платы и, в зависимости от ее изменений, величина прибыли,—таков ряд причинных связей и количественных зависимостей, изучаемых Рикардо. Величина прибыли ставится Рикардо в зависимость исключительно от величины заработной платы и, в последнем счете, от изменения производительности труда в земледелии. Конечно, такое утверждение страдает односторонностью, игнорируя зависимость величины прибыли от ряда других факторов. Поскольку речь идет о массе прибыли, она зависит не только от величины заработной платы, но и от ряда социальных факторов (длина рабочего дня, интенсивность труда, число рабочих). Поскольку речь идет о норме прибыли, она зависит в большой степени от величины всего капитала, на который прибыль начисляется. Игнорирование всех этих факторов составляет слабую сторону теории прибыли Рикардо, но вместе с тем ярко обнаруживает одну из ее сильных и ценных сторон: преимущественный интерес Рикардо к росту производительности труда, как к конечному фактору изменений стоимости продуктов и доходов различных общественных классов.

III. Цены производства.

До сих пор Рикардо более или менее удачно обходил те подводные камни, о которые разбилась теория стоимости Смита. Правда, он не разрешил по существу проблемы обмена капитала на труд, проблемы, тревожившей мысль Смита. Но он как бы отодвинул эту проблему в сторону и обезвредил скрытые в ней опасности, доказав, что распределение стоимости продукта между капиталистом и рабочим не оказывает ни малейшего влияния на относительные стоимости обмениваемых продуктов. Такая аргументация, однако, скрывает в себе свои опасности. Она предполагает, что, например, повышение заработной платы (и соответствующее падение прибыли) затрогивает в одинаковой мере оба обмениваемых друг на друга товара и именно потому не оказывает влияния на их относительные стоимости. Такое предположение, однако, оправдывается только при одном условии: если производители обоих товаров затрачивают весь свой капитал только на покупку рабочей силы (т.-е. наем рабочих) или же делят его между переменным и постоянным капиталами

Digitized by Google

в одинаковой пропорции (Рикардо говорит об основном и оборотном капиталах, но это не меняет дела). Если каждый из них расходует 1.000 руб. на постоянный капитал (машины, сырье и пр.) и 1.000 руб. на наем рабочих, то повышение заработной платы (напр., на 20%) коснется в одинаковой мере обоих предпринимателей и не повлияет на относительные стоимости их товаров. Другое дело, если в одной отрасли промышленности предприниматель делит свой капитал в указанной пропорции, в другой же расходует весь свой капитал в 2.000 руб. исключительно на наем рабочих. Очевидно, что повышение заработной платы на 20% окажется более чувствительным для последнего, и норма его прибыли, в результате повышения заработной платы, упадет ниже нормы прибыли, получаемой первым предпринимателем. Для уравнения нормы прибыли в обеих отраслях производства, относительная стоимость продуктов последней отрасли должна повыситься по сравнению с продуктами первой отрасли, чтобы компенсировать бо́льшую потерю от повышения заработной платы. Мы получаем, таким образом, исключение из правила, согласно которому изменение заработной платы не влияет на относительную стоимость обмениваемых продуктов. Если обмен происходит между отраслями производства с различным органическим составом капитала, то всякое повышение заработной платы сопровождается повышением относительной стоимости [1]) продуктов отраслей производства с низким органическим строением капитала (т.-е. с преобладанием живого труда) и понижением относительной стоимости продуктов отраслей с высоким строением капиталов. Следовательно, относительные стоимости продуктов (производимых: 1) капиталами различного органического состава, или 2) при помощи основного капитала неодинаковой долговечности, или 3) при помощи капиталов с неодинаковым периодом оборота) могут изменяться не только от изменения относительных количеств труда, необходимого для их производства, но и от изменения уровня заработной платы (и соответствующего изменения нормы прибыли). Таково известное «исключение» из закона трудовой стоимости, рассматриваемое Рикардо в IV и V отделах первой главы его «Начал политической экономии». Как гласит заголовок IV отдела, «закон, в силу которого количество труда, затраченного

[1]) На самом деле изменяется „цена производства", а не стоимость продукта. Но Рикардо не отличает цены производства от стоимости.

Digitized by Google

на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной мере изменяется вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала» [1]). Закон трудовой стоимости сохраняет полную силу лишь в случаях обмена продуктов, которые произведены при помощи капиталов одинакового органического состава, одинаковой долговечности и авансированных на одинаковые периоды времени.

Рикардо иллюстрирует свою мысль на следующем примере. Фермер А нанимает 100 рабочих, каждому из которых уплачивает заработную плату в сумме 50 фунт. ст. в год. Итого его оборотный (переменный) капитал равен 5.000 ф. с. Затрат на основной капитал фермер, по нашему предположению, не делает. При средней норме прибыли в 10%, хлеб, произведенный фермером к концу года имеет стоимость 5.500 ф. с. Одновременно суконный фабрикант Б также нанимает 100 рабочих, вкладывая в дело оборотный капитал в 5.000 ф. с. Но выделка сукна производится этими рабочими при помощи машины стоимостью в 5.500 ф. с. Значит, Б вкладывает в свое дело: 1) оборотный капитал на наем 100 рабочих в сумме 5.000 ф. с. и 2) машину или основной капитал в 5.500 ф. с.; итого капитал в 10.500 ф. с. Если мы, для упрощения расчетов, предположим, что машина совсем не изнашивается, то сукно, изготовленное к концу года, имеет стоимость в 6.050 ф. с. (возмещение оборотного капитала=5.000 ф. с., 10% на этот капитал=500 ф. с. и 10% на основной капитал=550 ф. с.). Хотя хлеб и сукно произведены при помощи равных количеств труда (100 человек) [2]), сукно стоит больше, чем хлеб: в цену сукна входит добавочная сумма 550 ф. с., т.-е. прибыль на основной капитал. Откуда получается эта добавочная сумма прибыли, если никакого добавочного труда на производство сукна, по сравнению с производством хлеба, не затрачено? Рикардо этого вопроса себе не ставит. Он констатирует и принимает за данный тот факт, что отношение стоимостей хлеба и сукна = 5.500 : 6.050.

После этого Рикардо рассматривает влияние, оказываемое на стоимость обоих товаров изменением заработной платы. Предположим, что заработная плата поднялась, вследствие чего

---

1) Рикардо говорит всюду об основном и оборотном капиталах, но под последним в сущности понимает капитал, расходуемый на наем рабочих (т.-е., по терминологии Маркса, переменный капитал).

2) Так как машина для выделки сукна, по нашему предположению, не изнашивается, то стоимость ее на сукно не переносится.

Digitized by Google

уровень средней прибыли упал с 10% до 9%. Стоимость хлеба от этого не изменится и останется попрежнему равною 5.500 ф. с., ибо, насколько упала сумма прибыли фермера, настолько же поднялась сумма заработной платы его рабочих. Сумма заработной платы и прибыли вместе составляет попрежнему 5.500 ф. с. По этой же причине и у суконного фабриканта Б не изменится сумма его оборотного капитала (т.-е. заработной платы его рабочих) плюс прибыль на этот оборотный капитал, итого 5.500 ф. с. Но зато изменится начисляемая им добавочная сумма прибыли на основной капитал, составляющий 5.500 ф. с. Раньше он начислял 10% = 550 ф. с. и потому сукно стоило 5.500 + 550 = 6.050 ф. с. Теперь он начисляет только 9% = 495 ф. с. и, следовательно, цена сукна = 5.500 + 495 = 5.995 ф. с. Отношение стоимостей хлеба и сукна, составлявшее раньше 5.500 : 6.050, составляет теперь 5.500 : 5.995. Следовательно, повышение заработной платы (или, что то же, понижение прибыли) понижает относительную стоимость тех товаров, которые производятся при помощи основного капитала (или при помощи бо́льшей суммы основного капитала). Происходит это потому, что в цене этих товаров содержится добавочная сумма прибыли, начисляемая на основной капитал и уменьшающаяся вместе с падением нормы прибыли.

Разобранный пример ставит перед исследователем не только проблему влияния изменений заработной платы на стоимость различных товаров, но гораздо более глубокую и основную проблему: как примирить закон трудовой стоимости с законом уравнения нормы прибыли на капитал. Мы видели, что и до изменения заработной платы,—и совершенно независимо от этого,—стоимости хлеба и сукна относились, как 5.500 : 6.050, хотя на производство обоих затрачены равные количества труда. Перед нами два товара, произведенные при помощи равных количеств труда (100 человек), но при условии авансирования неравных капиталов (5.500 и 10.500). С точки зрения теории трудовой стоимости, оба товара обладают равною трудовою стоимостью. С точки зрения закона равной нормы прибыли, цена последнего товара должна быть выше, так как содержит в себе прибыль на бо́льший капитал. Как примирить это противоречие? Для ответа на этот вопрос Маркс построил свою теорию «цен производства». По учению Маркса, в капиталистическом хозяйстве, с его тенденцией к уравнению нормы прибыли, товары продаются не по своим трудовым стоимостям,

Digitized by Google

а по «ценам производства», которые равняются издержкам производства плюс средняя прибыль. Вся совокупная масса произведенной в обществе прибавочной стоимости делится между всеми капиталами, пропорционально величине каждого из них. Если одни товары продаются по цене выше их трудовой стоимости, то другие продаются по цене ниже их трудовой стоимости. Отрасль производства с высоким строением капитала получает среднюю прибыль, превышающую сумму произведенной в данной отрасли прибавочной стоимости. Но эти «добавочные» суммы прибыли берутся из общего резервуара прибавочной стоимости, созданной во всех отраслях производства.

Рикардо не только не мог *решить* проблему «цен производства», но и не мог *поставить* ее во весь рост. Он, правда, понимал, что, при различии органического строения капиталов в двух отраслях производства, цены их продуктов необходимо отклоняются от их трудовых стоимостей, чтобы уравнять нормы прибыли в обеих отраслях. Рикардо заранее исходил из господствующей в капиталистическом хозяйстве тенденции *прибыли к уравнению*. Он не сомневался, что сукно должно стоить больше хлеба,—несмотря на равенство их трудовых стоимостей,—чтобы доставить прибыль на бо́льший капитал. Право фабриканта сукна на получение суммы прибыли, соответствующей величине его капитала, представлялось Рикардо столь понятным, что вопрос о происхождении добавочной суммы прибыли в 550 ф. с. (на основной капитал) его не занимал. Так как Рикардо с самого начала предполагает *среднюю норму* прибыли, т.-е. продажу товаров не по трудовым стоимостям, а по ценам производства, то тем самым он уже обходит *основную* проблему *образования средней нормы прибыли* и превращения трудовой стоимости в *цены производства*. Его внимание сосредоточивается только на *частном* вопросе: о *влиянии изменений заработной платы*, независимо от изменений трудовой стоимости, на относительные цены товаров, произведенных капиталами неодинакового органического состава. Рикардо констатирует влияние изменений заработной платы и прибыли на относительные стоимости товаров и признает, что в данном случае имеет место «*модификация*» или «*исключение*» из закона трудовой стоимости. Он утешает себя тем, что это «исключение» не имеет большого значения: влияние, оказываемое на относительные стоимости товаров изменениями в заработной плате (и прибыли), *незначительно* по сравнению с влиянием, которое оказывают

Digitized by Google

на них изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров. При исследовании количественных изменений стоимости товаров роль преобладающего фактора сохраняется попрежнему за ростом производительности труда. На этом основании Рикардо считает себя вправе оставить в стороне указанное исключение и «рассматривать все крупные изменения, происходящие в относительной стоимости товаров, как произведенные увеличением или уменьшением количества труда, необходимого для их производства». Закон трудовой стоимости сохраняет, несмотря на исключения, свою силу в глазах Рикардо, который на этом законе строит в дальнейшем всю свою теорию распределения.

Хотя Рикардо продолжает твердо держаться закона трудовой стоимости, но на самом деле допущенные им исключения пробивают сильнейшую брешь в той формулировке теории стоимости, которую он дал. Откуда получается прибыль на основной капитал? На этот вопрос Рикардо не дает ответа. Вместо того чтобы показать, что продукт одной отрасли производства продается настолько же выше своей трудовой стоимости, насколько продукт другой отрасли продается ниже своей стоимости, Рикардо делает другое, совершенно непонятное предположение: хлеб продается по полной своей стоимости (5.500 ф. с.), а сукно по цене выше своей стоимости (5.500 + 550 ф. с.). Вместо того чтобы показать процесс образования средней нормы прибыли, Рикардо заранее, без объяснения причин, принимает норму прибыли равною 10%. Прибыль на оборотный (переменный) капитал имеет своим источником трудовую стоимость, созданную трудом 100 человек, в сумме 5.500 ф. с., и потому уменьшается с каждым увеличением заработной платы (и наоборот): сумма заработной платы (оборотного капитала) и прибыли на оборотный капитал принимается неизменно равною 5.500 ф. с. Прибыль же на основной капитал механически прибавляется по определенной ставке в 10% к трудовой стоимости, созданной трудом рабочих (к стоимости 5.500 ф. с., созданной трудом 100 рабочих, прибавляется неизвестно откуда взятая сумма прибыли 550 ф. с. или 10% на основной капитал). Механическое присоединение прибыли на основной капитал, неизвестно откуда взятой, к прибыли на оборотный (переменный) капитал, составляющей часть созданной трудом рабочих стоимости, является яркою иллюстрацией применяемого Рикардо механического соединения закона трудовой стои-

Digitized by Google

мости и закона равной нормы прибыли на капитал. Рикардо не отказался от первого, но не мог согласовать его с последним. Если теория стоимости Смита потерпела крушение на проблеме обмена капитала на труд, то Рикардо не сумел разрешить проблему образования цен производства и равной нормы прибыли. Сам Рикардо сознавал, что своими исключениями он внес в теорию стоимости дуализм. В своих письмах он говорит, что относительная стоимость товаров регулируется не одной, а двумя причинами: 1) относительными количествами труда, необходимого для их производства, и 2) размером прибыли на капитал за время, пока продукт труда может быть доставлен на рынок (или, что то же, относительными промежутками времени, которые требуются для доставления продукта на рынок). Прибыль на капитал (или время, на которое капитал авансируется) играет здесь роль самостоятельного фактора, который, наряду с трудом, регулирует стоимость товаров.

Отмеченное противоречие в учении Рикардо послужило исходным пунктом дальнейшего развития науки. Сторонники Рикардо (Джемс Милль и Мак-Келлок) старались удержать то неустойчивое равновесие между теорией трудовой стоимости и теорией издержек производства (или между законом трудовой стоимости и законом равной нормы прибыли), которое наметилось у Рикардо. Освобождение от противоречий последнего было возможно либо ценою отказа от теории трудовой стоимости, либо путем коренной ее переработки. По первому пути звал итти Мальтус, жестоко критиковавший Рикардо и доказывавший, что допущенные им многочисленные «исключения» подрывают окончательно силу закона трудовой стоимости. По второму пути пошел Маркс, в своей теории «цен производства» разрешивший те противоречия, которые в скрытом и запутанном виде давали себя чувствовать в IV и V отделах первой главы труда Рикардо и которые составляли предмет оживленных споров в послерикардовской литературе[1]).

---

[1]) См. в V Отделе главу „Споры вокруг рикардовой теории стоимости".

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА.

Теория дифференциальной ренты, развитая Рикардо, в наименьшей мере, чем все другие его теории, потерпела изменения в дальнейшем ходе развития экономической мысли. Она и в настоящее время принята в общем почти всеми экономистами самых различных направлений. В основных своих чертах она вошла и в теорию ренты Маркса.

Глава вторая труда Рикардо, посвященная ренте, по простоте и ясности своих основных мыслей представляет собою один из наиболее ярких в мировой экономической литературе примеров применения абстрактного метода. Из нескольких исходных положений, применяя или подразумевая ряд упрощающих условий, Рикардо выводит всю свою теорию ренты.

Теория ренты Рикардо [1]) непосредственно примыкает к его теории стоимости, развитой в первой главе его книги. Он с самого начала ставит вопрос, не противоречит ли теории трудовой стоимости тот факт, что цена земледельческих (в широком смысле) продуктов включает в себя ренту?

До Рикардо на вопрос о происхождении ренты давались следующие ответы. Физиократы [2]) говорили, что рента происходит от высокой производительности земледельческого труда, который при содействии сил природы доставляет «чистый продукт» сверх продуктов, потребляемых самими работниками; рента создается природою. У Смита [3]), как всегда, находим зачатки нескольких решений вопроса. Во-первых, он отчасти перенимает

---

[1]) Предшественником Рикардо в теории диференциальной ренты был писатель конца XVIII века Андерсон. Закон „падающей производительности почвы" был формулирован в 1815 году почти одновременно Вестом, Мальтусом и Рикардо.

[2]) См. выше, 14-ю главу.

[3]) См. выше, 23-ю главу.

Digitized by Google

взгляды физиократов на ренту, как на результат особой производительности земледельческого труда по сравнению с промышленным; во-вторых, своим учением о том, что прибыль и рента представляют собою «вычеты» из создаваемой трудом работника стоимости, он сводил ренту к труду; наконец, своим учением, что стоимость продукта определяется суммою заработной платы, прибыли и ренты, он открыл дорогу для теорий, признающих причиной высокой стоимости земледельческих продуктов необходимость уплаты землевладельцу ренты. Проведенная логически до конца, последняя мысль превращается в теорию, объясняющую ренту «монопольным» положением землевладельцев, результатом которого является продажа земледельческих продуктов по цене выше их стоимости (на сумму ренты).

Итак, с точки зрения физиократов, рента есть избыток продуктов в натуре сверх продуктов, потребленных работниками. С точки зрения «монопольной» теории, рента есть надбавка к цене земледельческого продукта, который продается выше своей стоимости. Первый ответ отрывает теорию ренты от теории стоимости, второй ответ видит в наличии ренты исключение из принципа трудовой стоимости.

Теория Рикардо направлена против обеих этих точек зрения. Физиократам Рикардо возражает указанием, что особенная производительность земледельческого труда,— если бы таковая существовала,— сопровождаемая возрастанием количества потребительных стоимостей или продуктов в натуре, должна была бы иметь своим результатом понижение, а не повышение их меновой стоимости. Источник ренты приходится искать не в избытке продуктов в натуре, а в высокой меновой стоимости продукта, являющейся, наоборот, следствием трудности его производства. Весь вопрос переносится Рикардо из сферы потребительной стоимости в сферу меновой стоимости. «Когда земля имеется в особенном изобилии, когда она наиболее производительна и наиболее плодородна, она не дает вовсе ренты; и только тогда, когда ее плодородие падает, и она дает за труд менее, часть первоначального продукта более плодородных участков обособляется в виде ренты».

Отсюда вытекает первое положение Рикардо: рента является не следствием особенной производительности земледелия, а, наоборот, результатом ухудшения условий приложения труда или перехода от обработки лучших участков к худшим. Стоимость хлеба определяется количеством

Digitized by Google

труда, затрачиваемого на его производство на худшем участке [1]). Разница между этой стоимостью («общественно-необходимою» или «рыночною стоимостью», по терминологии Маркса) хлеба и «индивидуальной стоимостью» данного пуда хлеба, производимого на лучшей земле, и составляет ренту. Последняя потому и называется «дифференциальною» (разничною), что возникает при условии различий в производительности трудовых затрат [2]), сделанных на участках земли различного плодородия (рента плодородия) или различной удаленности от общего рынка сбыта (рента расстояния) [3]), либо произведенных последовательно на одном и том же участке земли (рента интенсивности).

Учение о ренте, как разнице между индивидуальною и общественно-необходимою стоимостью продуктов [4]), сразу ставит теорию ренты в неразрывную связь с теорией стоимости и сближает явления ренты с другими экономическими явлениями, особенно с «диференциальною прибылью», или «сверхприбылью». Последняя получается предпринимателями-капиталистами, которые ведут производство при помощи новых усовершенствований, особенно производительных приемов труда и т. п. Разница между сверхприбылью и рентою заключается в следующем: 1) сверхприбыль носит временный характер и исчезает с того момента, когда данное усовершенствование становится общераспространенным и понижает, таким образом, общественно-необходимую стоимость продукта, диференциальная же рента носит постоянный характер, так как зависит от постоянных различий в плодородии или местоположении участков или в производительности последовательных затрат труда [5]); 2) сверх-

---

[1]) Рикардо ошибочно обобщает этот закон на меновую стоимость всех продуктов.

[2]) Рикардо говорит о затратах труда и капитала, не проводя различия между простым товарным хозяйством, где речь идет о затратах труда и продукт продается по трудовой стоимости, и капиталистическим хозяйством, где речь идет о затратах капитала и продукт продается по цене производства (или в земледелии по цене производства плюс абсолютная рента).

[3]) В этом случае речь идет о различиях в затрате не на производство, а на перевозку продуктов к месту сбыта. Рикардо упоминает об этой форме ренты лишь мимоходом.

[4]) Учение это по существу развито Рикардо, но не могло им быть ясно формулировано, так как у Рикардо не объяснен общественный процесс, превращающий индивидуальный труд в общественно-необходимый.

[5]) Однако, хотя указанная разница существует постоянно, но в величине своей она колеблется, вызывая тем самым изменения размеров диференциальной ренты.

Digitized by Google

прибыль достается капиталисту, а рента — землевладельцу. Остановимся на этом пункте подробнее.

Почему та сверхприбыль, которую фермер получает от применения более усовершенствованной машины, остается у него в кармане, а та сверхприбыль, которую он получает от большего плодородия обрабатываемого им участка, должна быть им выплачена землевладельцу и превратиться в ренту? Если бы часть этой ренты оставалась в руках у фермера, он получал бы сверхприбыль (т.-е. прибыль выше средней нормы прибыли) исключительно благодаря тому, что ведет производство на более плодородном участке земли. В таком случае все другие фермеры пожелали бы получить в аренду этот участок и надбавляли бы арендную плату до тех пор, пока вся сверхприбыль (рента) не ушла бы в руки землевладельца, оставив фермеру только среднюю норму прибыли. Итак, для объяснения перехода всей дифференциальной ренты в руки землевладельца Рикардо выдвигает второе положение, которое гласит: в стране имеется достаточное количество капиталов, которые будут искать приложения к земледелию во всех случаях, где им обеспечено получение средней нормы прибыли.

Рента, следовательно, получается не от того, что цена хлеба выше его стоимости, а от того, что его индивидуальная стоимость ниже его общественно-необходимой стоимости. Тем самым Рикардо решительно отвергает вторую из указанных выше теорий, «монопольную», усматривающую в ренте надбавку к стоимости продукта. «Сравнительная стоимость сырых произведений повышается потому, что на производство последней добытой доли их употребляется больше труда, а не потому, что землевладельцу уплачивается рента. Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества, или с тою долею капитала, которая не платит ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог». Рента не входит в стоимость продукта, которая определяется величиною затраты труда (или капитала) на худшем участке. Худший участок доставляет фермеру только среднюю прибыль на капитал, но не дает излишка, который мог бы быть уплачен им землевладельцу в виде ренты. Каким же образом может фермер получить в обработку такой участок земли, за который он не уплачивает ренты землевладельцу? Очевидно, Рикардо предполагает, что имеются свободные земли

Digitized by Google

худшего качества, доступные любому желающему их обработать. Иначе говоря, Рикардо игнорирует те ограничения, на которые приложение капиталов к земледелию наталкивается вследствие существования частной собственности на всю землю, в том числе и на худшие участки. Только поэтому Рикардо приходит к выводу, что худшие участки земли не доставляют никакой ренты.

Мы получаем, таким образом, следующие три положения теории ренты Рикардо: 1) не существует абсолютной ренты (т.-е. ренты на худших из обрабатываемых участков земли); 2) рента существует только диференциальная, равная разнице между индивидуальными и общественно-необходимыми затратами труда (или капитала) и возникающая вследствие постепенного перехода земледельцев к обработке более худших участков земли, и 3) вся эта диференциальная рента достается землевладельцам. Первое положение Рикардо, как увидим ниже, ошибочно и нуждается в исправлении. Учение же его о диференциальной ренте в общем и целом вполне правильно и принято экономистами почти всех направлений. Правда, и теория диференциальной ренты, развитая Рикардо, должна быть очищена от ряда наслоений и примесей, не связанных с нею по существу. Рикардо связал свою теорию ренты с ошибочным учением о неизбежности прогрессивного повышения цен на хлеб вследствие перехода земледельцев к обработке более худших участков земли и вызываемого этим возрастания количества труда, необходимого для производства пуда хлеба. Правда, Рикардо признает, что прогресс в сельскохозяйственной технике сокращает количество труда, необходимого для производства хлеба, но, по его мнению, эти успехи техники могут лишь временно задержать и ослабить (но не уничтожить) действие так называемого закона «падающей производительности почвы».

Ошибочное представление Рикардо, что техническое (в широком смысле слова) развитие сельского хозяйства совершается в противоположном направлении, чем развитие промышленности, было лишь теоретическим отражением временных и случайных явлений английского народного хозяйства начала XIX столетия. В истории английской промышленности эпоха Рикардо ознаменовалась быстрым введением машинного производства и удешевлением товаров. Рикардо в своей теории стоимости обобщает это явление: он убежден, что «изменения

Digitized by Google

в количестве труда, необходимого для производства товаров, случаются повседневно. Каждое улучшение в машинах, в инструментах, в зданиях, в добывании сырого материала сберегает труд и в значительной степени облегчает производство соответствующего товара, а вследствие этого стоимость его изменяется». Промышленность развивается под знаком безостановочного технического прогресса, роста производительности труда и удешевления продуктов. В ином направлении развивается сельское хозяйство,—и здесь Рикардо опять-таки обобщает особенности английского сельского хозяйства начала XIX столетия, описанные нами выше (запашка новых и худших земель, повышение издержек производства хлеба и громадный подъем хлебных цен). Эти временные исторические условия английского сельского хозяйства эпохи 1770—1815 годов как-будто целиком перенесены Рикардо в его теоретическую концепцию. По учению Рикардо, сельское хозяйство развивается под знаком необходимости перехода от лучших земель к худшим и увеличения количества труда, необходимого для производства пуда хлеба на худшей земле. Поспешно и ошибочно обобщая временные явления, свидетелем которых он был, Рикардо (как и его современники Вест и Мальтус) формулирует свой известный закон «падающей производительности почвы». Под действием этого закона хлеб «имеет тенденцию становиться дороже, в зависимости от возрастающей трудности его производства». В промышленности и земледелии развитие производительности труда подчиняется разным законам, и результатом этого является противоположное движение стоимостей промышленных и земледельческих продуктов: «вместе с поступательным движением общества цена мануфактурных товаров постоянно падает, а сырых произведений—столь же постоянно повышается».

Отсюда Рикардо делает ряд выводов, касающихся распределения общественного дохода между разными классами. Раз цена хлеба постоянно повышается, то растет денежная заработная плата (при неизменности реальной заработной платы). Рост денежной заработной платы и рост (денежной и реальной) ренты создают тенденцию к понижению нормы прибыли. Львиная доля выгод от экономического прогресса достается землевладельцам, к ущербу для капиталистов и—хотя в меньшей степени—для рабочих. Колоссальное возрастание хлебных цен и земельной ренты, во-первых, повышение денежной заработной платы

Digitized by Google

при стационарном или даже понижающемся размере реальной заработной платы, во-вторых, и понижение нормы прибыли, в-третьих,— таковы тенденции распределения общественного дохода, рисуемые Рикардо [1]). Вся эта теория распределения исходит из предположения неизбежного повышения хлебных цен под действием закона «падающей производительности почвы».

Весь изложенный ряд выводов основан на поспешном обобщении нескольких фактов из истории английского сельского хозяйства начала XIX столетия. Во-первых, исторически неверно, что обработка лучших земель всегда предшествует обработке худших. Кэри на исторических примерах доказывал, что нередко земледельцы начинали с обработки худших, но легче доступных для них земель, и лишь впоследствии переходили к обработке лучших [2]). Во-вторых,— и это решающая ошибка Рикардо,— неверно, что постепенный переход к обработке худших участков неизбежно приводит к прогрессивному возрастанию цен на хлеб. После введения нового технического усовершенствования, хлеб на худших землях может производиться с меньшими издержками производства, чем он раньше производился на лучших. Блестящие успехи сельскохозяйственной техники с середины XIX столетия прогрессивно понижали затраты труда (и капитала), требуемые для производства единицы хлеба, и опровергли пессимистические опасения Рикардо и Мальтуса. В-третьих, неверно, что только рост хлебных цен приводит к возрастанию ренты. Последнее возможно и при понижении цен на хлеб, если увеличивается разница в производительности затрат на разных землях и возрастает количество пудов хлеба, добываемых с единицы земельной площади. Не менее ошибочна попытка Рикардо объяснить ростом хлебных цен падение нормы прибыли,— объясняемое на самом деле повышением органического состава капиталов [3]). Все эти утверждения падают с падением основной посылки о неизбежности прогрессивного подъема хлебных цен.

Но если рассуждения Рикардо о тенденциях движения доходов, основанные на поспешном обобщении факта подъема хлебных цен в период 1770—1815 годов, и оказались ложными, то этим, однако, нисколько не подрывается теоретическая правильность его учения о дифференциальной ренте. Пусть

[1]) Подробнее об этом см. следующую главу.

[2]) См. ниже в V Отделе главу о Кэри и Бастиа.

[3]) См. следующую главу.

Digitized by Google

Рикардо с исторической точки зрения ошибался в своих утверждениях, что земледельцы начинали всегда с обработки лучших участков и лишь впоследствии переходили к обработке худших земель; пусть он ошибался в своей уверенности, что цены хлеба должны прогрессивно подниматься. Независимо от этого, т.-е. при любом порядке перехода от одних участков к другим и при любой, хотя бы и низкой, цене хлеба, остается бесспорным тот факт, что одновременные затраты труда (в капиталистическом хозяйстве—капитала) производятся на участках земли различного плодородия и местоположения (или на одном участке в различной последовательности). Отсюда вытекает наличие длительных (а не временных, как в промышленности) различий в индивидуальных затратах труда (или капитала) на единицу продукта, напр., на пуд хлеба. А при свойственном товарному хозяйству обмене продуктов по общественно-необходимым затратам, производители, работающие в более благоприятных условиях, неизбежно выручают от продажи земледельческих продуктов избыточную сумму стоимости сверх издержек производства и средней прибыли на капитал (т.-е. сверх цены производства). При обособлении класса капиталистов (фермеров) от землевладельцев, эта избыточная сумма или сверхприбыль достается последним и превращается в особую форму дохода определенного общественного класса, в ренту. Таким образом при всех исправлениях, в которых нуждается теория дифференциальной ренты Рикардо, она в общем остается вполне правильною.

Но теория ренты Рикардо должна быть дополнена учением об абсолютной ренте. При существовании частной собственности на всю землю, предположение Рикардо, что худшая из обрабатываемых земель не дает ренты, ошибочно: землевладелец предпочтет оставить этот наихудший участок земли без обработки, чем отдать его безвозмездно в обработку фермеру только ради того, чтобы последний мог получать среднюю прибыль на свой капитал. В условиях захвата всей земли в частную собственность и обособления фермерского класса от землевладельческого, наихудшие из обрабатываемых земель также дают хотя бы небольшую сумму ренты, так называемую абсолютную ренту. Лучшие земли дают как абсолютную ренту, так и дифференциальную (размеры последней в зависимости от качества данной земли, т.-е. ее плодородия или близости к рынку сбыта). Разработка теории абсолютной ренты принадлежит Родбертусу и Марксу.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ.

Учение Рикардо о заработной плате, хотя и получившее широкое распространение в науке под названием «железного закона заработной платы» (название, данное Лассалем), с теоретической стороны является одною из наиболее слабых и неудовлетворительных частей его системы.

Прежде всего Рикардо, в согласии с общим своим методом, не уделил внимания качественной или социальной стороне заработной платы. При каких социально-экономических условиях возникает заработная плата, какие соотношения между общественными классами предполагаются ею, на основании каких законов происходит обмен заработной платы на рабочую силу,— этих вопросов Рикардо не ставит. Не отличая рабочей силы от труда, Рикардо не может объяснить, каким образом труд (как рабочая сила) обладает меньшею стоимостью, чем стоимость, создаваемая им. Для объяснения этого Рикардо должен был бы отличать социальную характеристику труда как товара (т.-е. труда наемного рабочего или рабочей силы) от социальной характеристики труда, создающего товар (т.-е. труда товаропроизводителя). Но именно социальная характеристика труда и капитала, как было уже отмечено выше [1]), оставляется Рикардо без внимания.

Игнорируя качественную или социальную сторону заработной платы, Рикардо все свое внимание уделяет ее количественной стороне. Учение Рикардо о величине заработной платы обладает значительными достоинствами, на-ряду с огромными недостатками. Главнейшее достоинство его заключается в настойчивом стремлении Рикардо определить заработную плату, как точно фиксированную величину. Рикардо отвергает поверхностное объяснение величины заработной платы соотноше-

[1]) См. главу 28-ю, § II.

Digitized by Google

нием между спросом на труд и предложением труда,— объяснение, встречающееся уже у Смита и развитое в 30-х годах XIX ст. сторонниками теории «фонда заработной платы» [1]). По мнению Рикардо, спрос и предложение влияют лишь на «рыночную цену труда», т.-е. цену, «которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения предложения к спросу». «Но как бы рыночная цена труда ни отклонялась от естественной цены его, она, подобно цене товаров, имеет тенденцию согласоваться с нею». Рыночные цены труда, как и товаров, колеблются вокруг определенного устойчивого центра, составляющего «естественную цену» (или стоимость) труда.

Чем же определяется «естественная цена» труда? «Естественной ценой труда является та, которая необходима, чтобы рабочие имели средства к существованию и к продолжению своего рода, без увеличения или уменьшения их числа». «Поэтому естественная цена труда зависит от цены пищи, предметов необходимости и комфорта, требующихся для содержания рабочего и его семьи. С повышением цены пищи и предметов необходимости естественная цена труда поднимется, с падением их цены— упадет». Естественная цена труда (или стоимость рабочей силы, по терминологии Маркса) определяется стоимостью необходимых средств существования рабочего и его семьи. Эта теория «минимума средств существования» была впоследствии названа «железным законом заработной платы» Лассалем, который пользовался ею в качестве агитационного средства, чтобы доказать рабочим невозможность коренного улучшения их положения при капиталистическом строе.

Хотя в зародышевой форме железный закон встречался уже у экономистов XVII—XVIII веков, но классическую формулировку его дал только Рикардо. У меркантилистов [2]) железный закон носил характер практического предписания: заработная плата должна быть ограничена необходимым минимумом средств существования, чтобы удешевить производство и расширить вывоз отечественных товаров. Физиократы [3]) (из которых Тюрго часто считается автором железного закона) не отличали ясно заработной платы рабочего от пропитания ремесленника и даже от прибыли предпринимателя: все эти формы

---

[1]) См. главу 23 и ниже главу о фонде заработной платы.

[2]) См. выше, 3-ю главу.

[3]) См. выше, 13-ю главу.

Digitized by Google

дохода, по учению физиократов, будто бы ограничены необходимыми средствами существования. Заслуга Рикардо заключается в том, что он: 1) формулировал железный закон, как имеющий силу специально в применении к заработной плате наемных рабочих; 2) попытался вскрыть,— хотя и неудачно, как увидим дальше,— механизм, объясняющий действие этого закона, и 3) связал теорию заработной платы с учением о прибыли. При всех недостатках теории заработной платы Рикардо она обладает большими преимуществами по сравнению с теорией спроса и предложения, формулированною Смитом (у которого она смешивается с теорией средств существования), Мальтусом и сторонниками «фонда заработной платы».

Теория средств существования, как известно, встречается у экономистов в виде двух вариантов: в виде теории «физиологического минимума» и теории «культурного минимума». Сторонники первой говорят, что заработная плата рабочих ограничена суммою средств существования, физиологически необходимых для поддержания жизни рабочего и его семьи. Сторонники последней теории справедливо расширяют понятие минимума средств существования, включая в него все средства, необходимые для поддержания жизни рабочего на обычном уровне (так называемом «standart of life»), соответствующем социальным и культурным условиям жизни данного народа в данный исторический период. На первый взгляд Рикардо как будто приближается к более широкой и гибкой формуле культурного минимума. Он понимает, что «естественная цена» труда «изменяется в разные времена в одной и той же стране и очень существенно различается в разных странах. Она, главным образом, зависит от нравов и обычаев народа». Но в дальнейшем Рикардо чаще всего забывает эти оговорки и в своем обосновании железного закона приближается к теории физиологического минимума.

Каким образом обосновывает Рикардо свой железный закон? Иначе говоря, чем объясняет он тяготение заработной платы к уровню, соответствующему стоимости необходимых средств существования рабочего? Движение народонаселения,— вот тот механизм, который, по мнению Рикардо, не дает рыночной цене труда далеко и надолго отклоняться от его естественной цены. Когда заработная плата превышает естественную цену труда, «рабочий достигает цветущего и счастливого положения» и может «вскормить здоровое и многочисленное потомство». «Но

Digitized by Google

когда вследствие поощрения к размножению, которое дает высокая заработная плата, число рабочих возрастет, заработная плата опять понизится до своей естественной цены». Ниже последней она надолго упасть не может, так как в противном случае рабочие лишаются необходимых средств существования, «лишения сократят их число», и заработная плата опять поднимется. Быстрое размножение рабочих не дает заработной плате подняться надолго выше естественной цены труда, замедленное размножение или вымирание рабочих не дает ей надолго упасть ниже этого уровня. Если падение заработной платы ниже естественной цены труда вызывает сокращение числа рабочих вследствие лишений, то, повидимому, в естественную цену труда входит только сумма средств существования, безусловно необходимая для поддержания жизни рабочего и его семьи. Учение Рикардо приближается здесь к теории физиологического минимума.

Свой железный закон заработной платы Рикардо обосновывает таким образом при помощи неизменного биологического закона размножения людей, формулированного Мальтусом. Раз движение заработной платы регулируется «естественным» движением населения, то всякие попытки увеличить заработную плату при помощи искусственных мер, напр., стачек или фабричного законодательства, обречены на неудачу. Рикардо не понимал, что усиленная экономическая борьба рабочих, отражающая повышение уровня их социальных потребностей, может привести к повышению заработной платы. Также не понимал он значения фабричного законодательства, — которого в его время еще не было, — и провозглашал в согласии с другими идеологами буржуазии, что «заработная плата должна быть предоставлена нормальной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должна контролироваться вмешательством законодательного учреждения». Возможность более или менее длительного улучшения положения рабочих Рикардо допускал только в том случае, если закон народонаселения не может оказать свое действие. Это бывает: 1) либо при сознательном воздержании рабочих от размножения, с целью сохранить достигнутый высокий уровень существования, 2) либо в новых колониях с обильною плодородною землею, где темп роста капиталов опережает темп размножения населения. В первом пункте Рикардо делал уступку Мальтусу, во втором—Смиту. Но большой веры в сознательное воздержание рабочих Рикардо не питал, а быстрый рост капи-

Digitized by Google

талов считал лишь временным явлением. Поэтому, несмотря на указанные исключения, Рикардо продолжал держаться своего железного закона и пессимистически смотрел на возможность длительного подъема реальной заработной платы.

Учение Рикардо о заработной плате страдает, как уже было отмечено, приближением к теории физиологического минимума. Благодаря этому его теория приобретает антиреальные и антиисторические черты. Но еще в большей мере усиливаются эти особенности железного закона тем ложным обоснованием, которое дал ему Рикардо. Принципиально ложною является мысль искать причину повышательных и понижательных движений заработной платы в замедленном или ускоренном темпе размножения рабочих. Появление и исчезновение избыточного рабочего населения в капиталистическом хозяйстве зависит не от абсолютного увеличения или уменьшения числа рабочих, а от периодического расширения и сокращения капиталистического производства. Наличие резервной армии безработных является необходимою принадлежностью капиталистического хозяйства, а не следствием чрезмерно быстрого темпа размножения рабочих. Из этой резервной армии капиталистическая промышленность в периоды расширения вербует новые рабочие руки: ей не приходится ждать для этого 20 лет, пока повышение заработной платы, поощряя размножение, вызовет появление на свет действительно «новых» рабочих (как предполагает Рикардо). Не в действии мальтусовского «абсолютного закона населения», а в действии «относительного закона населения», свойственного капиталистическому хозяйству, следует искать тот механизм, который заставляет заработную плату тяготеть к уровню обычных средств существования.

Как видим, учение Рикардо о «статическом» уровне заработной платы, несмотря на скрытое в нем здоровое зерно, было испорчено тем биологическим или «естественным» обоснованием, которое дал ему Рикардо. Тем же пороком страдает и интересное учение Рикардо о «динамических» тенденциях движения заработной платы. И здесь Рикардо ищет последнюю причину явлений в действии естественных законов: «физико-химического» закона падающей производительности почвы и «биологического» закона населения. В главе о ренте мы уже видели, что Рикардо, на основании ошибочной веры в постоянное действие первого закона, считал неизбежным прогрессивное повышение цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты.

Digitized by Google

А так как для поддержания жизни рабочего необходимо определенное количество предметов питания, то с вздорожанием последних, неизбежно поднимется и «естественная цена» труда или денежная заработная плата, хотя реальная заработная плата останется неизменною (и даже, как увидим дальше, упадет). «Та же причина, которая повышает ренту, а именно возрастающая трудность получения добавочного количества пищи с помощью пропорционального добавочного количества труда, будет повышать и заработную плату». «Но между ростом ренты и ростом заработной платы есть существенная разница». Рента землевладельца увеличится как в хлебе (вследствие перехода к обработке худших земель и возрастания разницы в производительности лучших и худших участков), так в еще большей степени в деньгах (вследствие возрастания стоимости и цены каждого пуда хлеба). «Судьба рабочего будет менее счастливой: правда, он будет получать бо́льшую денежную плату, но его хлебная плата сократится». Чтобы понять, почему хлебная или реальная заработная плата сократится, необходимо остановиться на тенденции движения прибыли.

Нам известно учение Рикардо, что прибыль изменяется всегда в обратном направлении с изменением заработной платы. «Прибыль будет высока или низка в соответствии с тем, низка или высока заработная плата», говорит Рикардо, смешивая здесь, как и всюду, норму прибыли с нормою прибавочной стоимости (ибо на самом деле норма прибыли может падать и при падении заработной платы, если одновременно возрастает общая сумма авансированного капитала). Отсюда следует, что если денежная «заработная плата повысится вместе с повышением цены хлеба, то прибыль необходимо упадет», так как товары, трудовая стоимость которых осталась без изменения, будут продаваться фабрикантами по прежней цене, несмотря на повышение заработной платы. «Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество пищи получается только при затрате все бо́льшего и бо́льшего труда». Эта тенденция, хотя время от времени и задерживаемая успехами сельскохозяйственной техники и свободным ввозом дешевого иностранного хлеба, бросает свою мрачную тень на всю будущность капиталистического хозяйства: она грозит приостановить полностью экономический прогресс и довести общество до такого состояния, когда «весьма низкий уровень прибыли остановит всякое нако-

Digitized by Google

пление и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочих, станет собственностью землевладельцев».

Хотя капиталистическое общество еще не дошло до такого состояния, но темп его экономического прогресса все более замедляется по мере падения прибыли. «Фермер и фабрикант так же мало могут жить без прибыли, как рабочий без заработной платы. Их побуждение к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли». Темп накопления капиталов замедляется,—таково следствие естественного закона падающей производительности почвы. Но в силу другого естественного закона, а именно биологического закона населения, число рабочих возрастает в прежнем темпе. Если число рабочих возрастает ежегодно на 2%, в то время как норма накопления капитала упала с 2% до 1%, то очевидно, что спрос на рабочую силу будет отставать от ее предложения,—и реальная заработная плата будет падать. Правда, «денежная заработная плата будет не падать, а повышаться, но не в достаточной мере для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столько же предметов комфорта и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров». «Положение рабочего будет вообще ухудшаться, а землевладельца—становиться все лучше и лучше». Таковы пессимистические выводы, к которым Рикардо пришел на основании теоретических рассуждений и которые как будто полностью подтверждались бедственным положением рабочих в начале XIX столетия. За эти печальные выводы экономисты историко-этического направления упрекали Рикардо в безучастии к судьбам рабочего класса. Упрек глубоко несправедливый: Рикардо только вскрывал с величайшею научною добросовестностью и теоретическим бесстрашием тенденции, неизбежно присущие, как ему казалось, капиталистическому хозяйству.

Теперь, по прошествии ста лет после выхода в свет труда Рикардо, легко доказывать, что он ошибался в оценке этих тенденций. Падение производительности почвы, вздорожание хлеба, рост денежной заработной платы, падение прибыли, замедление темпа накопления капиталов, уменьшение спроса на труд и падение реальной заработной платы,—такова цепь причин и следствий, нарисованная Рикардо. Многие звенья в этой логической цепи оказались ненадежными. Рост производительности труда и колоссальные успехи техники и агрономии показали ошибочность мнения о неизбежности прогрессивного повышения стоимости хлеба. Не только денежная, но и реальная

Digitized by Google

заработная плата поднималась в силу роста социальных потребностей и социальной мощи рабочего класса,— факторов, не игравших большой роли в эпоху Рикардо. Рост производительности труда опережал подъем реальной заработной платы,— и в итоге относительная прибавочная стоимость (которую Рикардо называл прибылью) возрастала, а не падала. Несмотря на это, норма прибыли падала в силу повышения органического состава капитала, т.-е. как раз в силу повышения, а не падения производительности труда. Попытка Рикардо объяснить движение доходов отдельных классов общества в деталях оказалась неправильною. Но этим не уничтожается огромная ценность рикардовой теории распределения, составившей эпоху в истории науки.

Рикардо первый поставил во всей широте проблему распределения и сделал ее центром всего исследования. «Определить законы, которые управляют этим распределением,— главная задача политической экономии», говорит он в предисловии к своим «Началам». В письме к Мальтусу Рикардо противопоставляет свое понимание политической экономии, как науки о законах распределения продукта между классами, мальтусовскому пониманию, которое видит в политической экономии науку о природе и причинах богатства. В то время как у Смита главы о распределении остаются собранием отдельных фактов и наблюдений, Рикардо дает цельную и теоретически продуманную картину взаимозависимости и движения доходов, построенную на едином принципе. Этим исходным принципом является принцип трудовой стоимости. У Смита теория стоимости и теория распределения остаются логически не объединенными: он все время колеблется между двумя взглядами, принимая за исходный пункт исследования то стоимость, то доходы. Рикардо же, хотя и выразился в одном письме, что великие вопросы ренты, заработной платы и прибыли не связаны необходимо с учением о стоимости, на деле положил принцип трудовой стоимости в основу всего исследования и на нем построил свою теорию распределения.

Вторая великая заслуга Рикардо заключается в том, что на первый план он выдвинул не проблему распределения абсолютных долей продукта в натуре между классами (точка зрения, преобладавшая у Смита и отчасти сохранившаяся у Рикардо), а проблему распределения между ними относительных долей стоимости продукта. Предположим, говорит Ри-

Digitized by Google

кардо, что рабочий получает теперь в полтора раза больше предметов питания, одежды и т. п., чем раньше. Но если за это время производительность труда возросла вдвое (и стоимость продуктов упала вдвое), мы скажем, что доля (или «реальная стоимость») заработной платы упала. Хотя рабочий получает теперь больше продуктов в натуре, но относительная доля его в стоимости общественного продукта упала. Такая постановка проблемы, впервые введенная в науку Рикардо, была впоследствии развита Родбертусом и Марксом в его так называемой «теории обнищания».

Постановка проблемы относительного распределения дала Рикардо возможность ясно разглядеть противоречия классовых интересов в капиталистическом обществе. С особенною настойчивостью Рикардо, в полном согласии с особенностями своей эпохи и своей собственной социально-классовой позиции, подчеркивает противоречие интересов между землевладельцами и остальными классами общества: падение производительности сельского хозяйства и вздорожание хлеба понижают норму прибыли и замедляют накопление капиталов, они ухудшают положение рабочих и в то же время непомерно обогащают класс землевладельцев. Однако, на-ряду с этим основным противоречием интересов, доминировавшим и в реальной действительности Англии начала XIX столетия и в теоретической концепции Рикардо, у последнего намечаются контуры начинавшейся великой исторической борьбы между буржуазией и пролетариатом. В схеме Смита повышение заработной платы ни в малейшей степени не вредит интересам капиталистов, так как оно вызывает повышение цены продукта и, следовательно, оплачивается потребителем. В схеме Рикардо повышение заработной платы, не сопровождаясь общим повышением цены продуктов, неизбежно приводит к падению прибыли: в этом законе отражается непримиримое противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата. Правда, рабочие могут получать больше предметов пищи, одежды и т. п. и таким образом улучшить свое положение при одновременном обогащении капиталистов. На такую возможность улучшения положения рабочих указывали апологеты капитализма Кэри и Бастиа в своей полемике против учения Рикардо [1]). Но они упускали из виду учение Рикардо об относительном распределении: повышение относительной доли рабочего класса в стоимости обществен-

[1]) См. ниже главу о Кэри и Бастиа.

Digitized by Google

ного продукта невозможно иначе, как при одновременном понижении относительной доли класса капиталистов. В лице Рикардо классическая школа отказалась от наивного учения Смита о гармонии интересов и открыто признала наличие глубоких классовых противоречий в капиталистическом хозяйстве. Но когда к середине XIX столетия эти классовые противоречия достигли такой силы, что начали угрожать самому существованию капитализма, буржуазная экономическая наука отвернулась от теории Рикардо. Начался период разложения классической школы.

Digitized by Google

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

РАЗЛОЖЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МАЛЬТУС И ЗАКОН НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

Томас Мальтус (1766—1834) родился в помещичьей семье, но как младший сын не унаследовал поместья и поступил в духовное звание. Был пастором и преподавателем политической экономии. Заслужил громкую известность своим «Опытом о принципе народонаселения», первое издание которого вышло в 1798 г.

Хотя Мальтус является учеником Смита и в ряде основных вопросов примыкает к классической школе, но он занимает особое место, как последовательный защитник интересов землевладельческой аристократии, в противовес классикам (Смит, Рикардо и их последователи), выражавшим интересы промышленной буржуазии. Разногласия между классиками и Мальтусом намечаются, во-первых, в ряде теоретических вопросов. Классики отстаивают необходимость быстрого развития производительных сил и сокращения непроизводительного потребления, Мальтус же считает необходимым непроизводительное потребление и, следовательно, существование землевладельческой аристократии и ее прислужников. Классики не допускают мысли о возможности всеобщего перепроизводства товаров (Рикардо, Джемс Милль, Сэй) [1]), Мальтус же доказывает возможность всеобщих кризисов. Из практических вопросов наибольшие разногласия между классиками и Мальтусом вызывал вопрос о хлебных пошлинах: первые решительно требовали их отмены, последний защищал их необходимость. С другой стороны, Мальтус, как и многие другие представители английского землевладения в то время, относился более сочувственно к зачаткам фабричного законодательства, встречавшего сопротивление со стороны либеральных экономистов классической школы, которые протестовали против вмешательства

[1]) См. об этом ниже в главе о Сисмонди.

Digitized by Google

государственной власти в отношения между капиталистами и рабочими.

Но если между землевладельческою аристократией и промышленною буржуазией Англии в течение первой половины XIX столетия велась острая борьба, то все же в ряде вопросов оба имущих класса были объединены общностью интересов. Так, и классики (Рикардо) и Мальтус одинаково горячо ратовали за отмену старинного законодательства о бедных, возлагавшего обязанность содержания последних на церковные приходы. И в теоретических вопросах существовали точки соприкосновения между Мальтусом и классиками. В своих спорах против теории трудовой стоимости Мальтус опирался на идеи, принадлежащие самому Смиту и составляющие наиболее слабую сторону его теории. Именно эту слабую сторону классической школы Мальтус выбрал в качестве теоретической опорной точки для реакции против последней. Теория народонаселения Мальтуса в общем была принята сторонниками классической теории и служила им для объяснения некоторых явлений (заработной платы [1]), хотя по существу не была необходимо связана с основными учениями классиков.

Уже первая работа Мальтуса о народонаселении являлась реакцией против буржуазного просветительства и социально-политического радикализма конца XVIII века. В 1793 году вышла книга англичанина Годвина, решительного сторонника социальных и политических реформ, противника частной собственности, в которой он видел главную причину нищеты и бедствий низших классов населения. Реформою социальных учреждений Годвин надеялся открыть для человечества возможности безграничного улучшения жизни и совершенствования,— идея, которую развивал в то время и француз Кондорсэ. «Опыт о народонаселении» Мальтуса и явился ответом Годвину. Он должен был доказать, что истинная причина нищеты лежит не в недостатках социального строя, а в естественном, неустранимом противоречии между безграничным стремлением людей к размножению и ограниченным приростом средств существования. Свои мысли Мальтус резюмирует в виде следующих трех положений:

«1. Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования.

---

[1]) См. выше главу о теории заработной платы Рикардо.

Digitized by Google

2. Народонаселение неизбежно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями.

3. Эти особые препятствия, точно так же, как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью».

Мальтус рассуждает следующим образом. Предположим, что в данный момент времени число населения данной страны равно 1. Количество средств существования, имеющихся в данной стране и достаточных для пропитания ее наличного населения, также равно 1. Как показывает опыт Соединенных Штатов Америки, население удваивается приблизительно через каждые 25 лет, т.-е. возрастает в геометрической пропорции. По прошествии 200 лет население нашей страны возрастет в 256 раз по сравнению с его первоначальным числом (1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256). Но средства питания для себя это возросшее население вынуждено было бы добывать с той же «ограниченной территории» страны. Всякий человек, знакомый с сельским хозяйством, знает, что каждое новое приложение труда к той же площади земли сопровождается падением ее производительности (Мальтус, таким образом, в последующих изданиях своей книги сближает свой закон народонаселения с законом падающей производительности почвы). В лучшем случае прирост средств питания в течение каждого 25-летнего периода будет равняться приросту их в течение предшествовавших 25 лет. Это значит, что средства питания будут возрастать в арифметической прогрессии, и по прошествии 200 лет количество средств питания в стране будет превышать первоначальное его количество в 9 раз (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9). Очевидно, что этого количества средств питания не может хватать для населения, численность которого к этому времени возросла в 256 раз.

Между числом людей и количеством средств существования получилось бы резкое несоответствие, если бы рост народонаселения не задерживался препятствиями разрушительного и предупредительного характера. К первым относятся различные бедствия (прежде всего нищета), ко вторым—воздержание и пороки, замедляющие темп размножения людей. В первом издании своей книги Мальтус упоминал в качестве задержек роста народонаселения только бедствия и пороки, появление которых он считал неизбежным при любом, самом совер-

Digitized by Google

шенном, социальном строе. В последующих изданиях своей книги Мальтус признал, что люди могут избежать бедствий перенаселения при помощи сознательного воздержания от быстрого размножения. Но склонить людей к воздержанию можно только угрозою будущей нищеты и невозможности прокормить многочисленное потомство. В социалистическом же обществе, где не будет частной собственности, у членов общества пропадет всякий стимул к воздержанию. Следовательно, социальные реформаторы, желающие уничтожить частную собственность, вместе с нею уничтожили бы стимулы к предупредительной задержке роста народонаселения и через короткое время поставили бы общество перед грозною опасностью недостатка средств существования для всех его членов.

Из своей теории Мальтус делал целый ряд практических выводов. Бедные не могут жаловаться на свою нищету, ибо последняя является необходимым следствием их чрезмерно быстрого размножения; бедные люди могут улучшить свое положение только воздержанием от ранних браков. Налоги в пользу бедных вредны, поощряя их размножение и тем усиливая в будущем их нищету. Нельзя жаловаться на высокие хлебные цены, ибо последние лишь свидетельствуют о том, что число населения переросло количество средств существования. Пошлины на ввоз хлеба и высокие хлебные цены полезны тем, что поощряют земледелие и тем увеличивают количество средств питания.

Учение о народонаселении Мальтуса вызвало огромную литературу, было предметом ожесточенных споров, обсуждалось с экономической, религиозной и других точек зрения и было положено в основу целого течения, названного «мальтузианством». В семидесятых годах XIX века это течение пользовалось большим успехом под именем «нео-мальтузианства». Если старое мальтузианство было резко враждебно рабочему классу и виновниками перенаселения считало только бедняков, то «нео-мальтузианство» смягчило этот реакционный характер своего учения. Кроме того, оно проповедывало, в отличие от прежнего мальтузианства, не воздержание, а искусственное сокращение деторождения при помощи предупредительных мер. С восьмидесятых годов нео-мальтузианство быстро пошло на убыль, под влиянием, во-первых, сильного падения хлебных цен (в высокой цене хлеба мальтузианцы видели доказательство недостатка средств питания по сравнению с числом населения) и, во-вторых, сокращения рождаемости в европейских странах в результате их

Digitized by Google

быстрой индустриализации и роста городского населения. С конца XIX века уже не боятся абсолютного перенаселения, а, наоборот, тревожные голоса указывают на опасность сокращения населения.

Громкая популярность Мальтуса и живой интерес широкой публики к его теории объясняются не теоретическою значительностью последней, а связью ее с злободневными проблемами народонаселения, бедности, деторождения и т. п. Хотя и по сей день восторженные поклонники Мальтуса готовы провозгласить его труд гениальным, но на самом деле теоретические достоинства последнего далеко уступают влиянию, им оказанному. Теоретическое содержание теории Мальтуса сводится к следующим положениям: 1) *население* имеет тенденцию к очень *быстрому размножению* (в геометрической прогрессии); 2) возрастание количества *средств существования* происходит гораздо *медленнее* (в арифметической прогрессии) и 3) современная *бедность* широких масс населения является результатом несоответствия между количеством *средств существования* и числом *населения* и вместе с тем средством (наряду с пороками и воздержанием) к устранению этого несоответствия.

Первое положение Мальтуса утверждает существование «*естественного*» закона народонаселения, действующего во все времена и при любом социальном устройстве. Между тем, на деле размножение населения принимает различный темп и характер, в зависимости от целого ряда экономических и социальных условий. При наличии некоторых социальных условий население проявляет тенденцию к очень медленному размножению (напр., в современной Франции и, в более слабой степени, вообще в Европе с конца XIX века), далеко отстающему от увеличения средств существования [1]).

Еще более слабым является второе положение Мальтуса. Правда, многие ученые говорят, что не следует понимать в буквальном смысле слова Мальтуса об арифметической прогрессии. Но, во всяком случае, Мальтусу следовало доказать, что средства существования не могут возрастать так быстро, как растет население. Мальтус этого не доказал, так как в своих рассуждениях он игнорирует не более и не менее, как факт развития *производительности труда* и *прогресса* сельскохо-

[1]) Мы не говорим уже о том, что утверждения Мальтуса об удвоении населения в течение 25 лет оказались основанными на непригодном и непроверенном фактическом материале.

Digitized by Google

зяйственной техники. При наличии прогресса техники, утверждение Мальтуса, что для добывания одного и того же количества средств существования будет требоваться все большее и большее число людей (так называемый «закон убывающего плодородия почвы», одним из авторов которого был Мальтус), не доказано. Наоборот, XIX век был свидетелем колоссального увеличения сельскохозяйственной продукции, приходящейся на голову одного работника. Не удивительно, что один из новейших исследователей Кеннан приходит к такому выводу: «Если отбросить в сторону теорию, что периодический прирост ежегодного производства не может быть увеличен или, как предпочитал выражаться Мальтус, что средства существования могут возрастать только в арифметической прогрессии, то его «Опыт о народонаселении» сводится к упрощенной аргументации и к хаотическому собиранию фактов, долженствующих доказать следствия закона, который не существует. Помимо теории арифметической прогрессии, в этом «Опыте» нет абсолютно ни одного доказательства той мысли, что средства существования людей возрастают медленнее темпа «необузданного» размножения».

Собственно говоря, центр тяжести своего труда Мальтус видел не в первых двух, а в третьем из приведенных положений. Между прочим, первые два положения неоднократно высказывались и до Мальтуса, и даже формула об «арифметической» и «геометрической» прогрессиях не принадлежала ему (она встречается, например, у итальянского экономиста Ортеса). Мальтус же ставил главною своею целью не доказательство самого закона народонаселения, а исследование его социальных последствий (в первую очередь, происхождения и причин бедности и безработицы). В одном месте он высказывается следующим образом: «Говорили, что я написал толстую книгу для доказательства той мысли, что население возрастает в геометрической прогрессии, а средства существования—в арифметической; но это не совсем верно. Первое положение я считаю доказанным с момента опубликования данных о размножении населения в Америке, второе положение достаточно высказать, чтобы признать его доказанным. Главный предмет моего труда заключался в исследовании того, какие именно действия эти законы, которые я считал установленными на первых шести страницах [1]), оказывали и, повидимому, должны были оказывать на общество». Сле-

1) Т.-е. в 1-й главе „Опыта о народонаселении".

Digitized by Google

довательно, важнейшею частью теории Мальтуса является его учение о бедности как результате абсолютного перенаселения, вытекающего из действия первых двух положений.

Сам Мальтус нисколько не скрывает, что главнейшею своею задачею он ставит объяснение и оправдание бедности рабочих масс в капиталистическом обществе. «Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; не во власти богатых доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них того и другого. Эти важные истины вытекают из закона народонаселения, который при ясном изложении доступен самому слабому пониманию. Поэтому, раз убедившись в них, низшие классы выказывали бы больше терпения в перенесении тягостного положения, в котором они могут оказаться. Нужда не вызывала бы в них такого негодования против правительства и богатых людей; они не выражали бы постоянной готовности к неповиновению и мятежу, а получая вспомоществование от общественного учреждения или частного лица, они чувствовали бы больше признательности и лучше ценили бы его».

Трудно найти слова, которые с большею яркостью вскрыли бы реакционные тенденции Мальтуса, его желание во что бы то ни стало доказать необходимость существования бедности и безработицы. Но именно эту свою задачу оправдания всех бедствий капитализма Мальтус, с теоретической точки зрения, выполнил наименее удовлетворительно. Даже те экономисты, которые склонны полностью или частично согласиться с первыми двумя положениями Мальтуса, понимают вопиющую ложность третьего его положения. Современная бедность и безработица являются следствием не абсолютного недостатка средств существования, а, наоборот, колоссального роста производительных сил и машинной техники в капиталистических условиях. Они должны быть признаны результатом не естественных, а социальных условий, не «абсолютного перенаселения», вытекающего из самой природы человека, а «относительного перенаселения», присущего капиталистическому хозяйству. Попытка Мальтуса возложить ответственность за современную бедность на биологические и чисто технические факторы потерпела полную неудачу.

Если Мальтусова теория народонаселения разделялась и Рикардо, то в теории стоимости эти экономисты выступали

Digitized by Google

решительными противниками. По мнению Мальтуса, стоимость товаров регулируется спросом и предложением и в нормальных условиях определяется издержками производства, т.-е. заработною платою плюс прибыль (и рента). Решительно отвергая теорию трудовой стоимости в формулировке Рикардо, Мальтус сохранял наиболее слабую часть смитовского учения о стоимости. Подобно Смиту, он признавал наилучшим мерилом стоимости товара количество труда, которое может быть куплено в обмен за него. Но между Смитом и Мальтусом имеется большое отличие. Смит, соединявший «ремесленную» точку зрения с «капиталистическою» [1]), говорил то о «покупаемом овеществленном труде» (т.-е. продуктах), то о «покупаемом живом труде», (т.-е. рабочей силе). Мальтус же стоял последовательно на точке зрения капиталиста и всегда предполагал, что товар служит его владельцу для покупки живого труда, или рабочей силы. Капиталист имеет 100 руб. или товары на эту сумму. Чем измеряется стоимость этой суммы денег или товаров? Количеством живого труда, который капиталист может на них приобрести. Пусть капиталист на указанную сумму нанял 10 рабочих на одну неделю. Значит, стоимость его денег (или товара) измеряется 10-недельным трудом. Пусть теперь продукт, изготовленный этими 10 рабочими в течение недели, продается капиталистом с прибылью в 20 руб., т.-е. за 120 руб. На эту сумму денег капиталист может уже нанять больше рабочих, чем раньше, а именно 12. Значит, стоимость произведенного продукта измеряется 12-недельным трудом, который может быть куплен в обмен за него. Капиталист расходует на производство продукта определенное количество труда (своих рабочих) и в обмен за изготовленный продукт может купить бо́льшее количество труда. Откуда же получается этот избыток, составляющий прибыль? Ответа на этот вопрос Мальтус не дает. Повидимому, он думает, что прибыль есть не что иное, как надбавка, которую капиталист делает к стоимости товара и которая оплачивается потребителем. Тем самым Мальтус делает шаг назад, к устарелым меркантилистическим представлениям о «прибыли от отчуждения».

Но кто же эти потребители, оплачивающие товары выше их стоимости? Рабочие могут купить только часть произведенного их же трудом товара, так как цена последнего (120 руб.) превышает сумму полученной ими заработной платы (100 руб.).

---

[1]) См. выше, 22-ю главу.

Digitized by Google

Капиталисты, стремясь к возможному сокращению своего личного потребления в целях накопления капитала, также не могут потребить всю избыточную сумму продукта. Реализация всего произведенного продукта невозможна без помощи покупателей—«третьих лиц», каковыми могут быть лишь землевладельцы, чиновники и т. п. Так приходит Мальтус к своей теории рынков и к учению о пользе непроизводительного потребления.

Если классики считали целью хозяйства безграничный рост производства и двигателем хозяйства класс промышленных капиталистов, то Мальтус защищает необходимость существования непроизводительных классов (землевладельческой аристократии, бюрократии, духовенства и т. п.). Эти непроизводительные классы являются только покупателями продуктов, а не продавцами, потребителями, а не производителями. Именно этим они приводят в соответствие производство и потребление, предложение и спрос и спасают хозяйство от постоянных кризисов перепроизводства. Классики считали невозможным общее производство на том основании, что каждый производитель является одновременно покупателем на сумму своей продукции. Мальтус стоит в этом вопросе, с формальной точки зрения, на более правильной почве, констатируя возможность, при неограниченном накоплении капиталов и росте производства, наступления кризисов. В споре о рынках и кризисах выступали на одной стороне Рикардо и Сэй, на другой—Мальтус и Сисмонди[1]). Но по существу аргументация Мальтуса в высшей степени слаба и вращается вокруг той же мысли о невозможности для капиталистов и рабочих истреблять весь продукт и необходимости отдавать часть его непроизводительным классам. Мальтус говорит по этому поводу следующее:

«Если бы предприниматели и капиталисты потребляли весь свой доход, то особый класс непроизводительных потребителей не был бы нужен. Но такое потребление несовместимо с обыкновенными привычками капиталистов: главная цель их жизни—скопить состояние путем сбережений; в этом заключается их обязанность перед семьей, и, кроме того, невозможно с удовольствием проживать доходы, будучи обязанным 7—8 часов проводить время в конторе. Поэтому, для того чтобы промышленные классы могли получать прибыль и накоплять капиталы, необходимо, чтобы су-

[1]) См. ниже главу о Сисмонди.

Digitized by Google

ществовал многочисленный класс людей, который имел бы желания и средства потреблять больше того, что они производят. В этом классе землевладельцы занимают первое место. Что касается до потребления рабочих, то последние, если бы и хотели, не могли бы потреблять в усиленном количестве. Значительное увеличение потребления рабочего класса подняло бы издержки производства, понизило бы прибыль и уменьшило бы накопление национального богатства раньше, чем земледелие и промышленность достигли процветания. Если бы каждый рабочий стал потреблять вдвое больше хлеба, чем теперь, то от этого не только не выиграло бы национальное богатство, но были бы покинуты без обработки многие земельные участки и сократилась бы внутренняя и внешняя торговля».

Мальтус не понимал, что капиталисты, которые действительно не могут всю свою прибавочную стоимость использовать для личного потребления, предпочитают, однако, не отдавать ее землевладельцам, а накоплять ее для расширения производства в виде новых машин, фабрик и т. п. Сторонники промышленной буржуазии считали «спасительные средства» Мальтуса весьма непригодными. Один из рикардианцев возражал ему следующими словами:

«Рассуждения Мальтуса постоянно вызывают у нас вопрос, должны ли мы желать расширения производства или препятствовать ему? Если кто-нибудь нуждается в покупателе, господин Мальтус рекомендует ему дать кому-нибудь деньги, чтобы тот купил у него его товары».

Столкновение между Мальтусом и его противниками являлось ярким отражением борьбы между землевладельческой аристократией и торгово-промышленною буржуазией,— борьбы, заполнявшей историю Англии первой половины XIX столетия.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

НАЧАЛО ВУЛЬГАРНОЙ ЭКОНОМИИ.

(Сэй.)

Классическая школа изучала социальные формы вещей (стоимость, заработную плату, прибыль, ренту), не отдавая себе ясного отчета в том, что они представляют собою не что иное, как выражение социально-производственных отношений людей. Отсюда двойственность в учениях классической школы. Поскольку она изучала социальные формы вещей в их отличии от самих вещей (напр., стоимость продукта, в отличие от самого продукта, как потребительной стоимости), постольку она рассматривала их как порождение человеческого труда (хотя не отдавая себе ясного отчета в социальной форме организации труда), а тем самым и человеческого общества. С этой «трудовой» точки зрения классики свели заработную плату, прибыль и ренту к стоимости, а стоимость—к труду. В труде они нашли глубокую скрытую основу всех экономических явлений и своею теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии, как науки социальной. С другой стороны, поскольку классики изучали социальные формы вещей, они склонны были искать их происхождение в натуральных или материально-технических свойствах самих этих вещей. Им казалось само собою понятным, что средства производства (машины и пр.) обладают социальною формою капитала. Не менее понятным казалось им, что капитал должен приносить прибыль. Отсюда легко было притти к выводу, что капитал в своей материально-технической форме (машин и т. п.) создает прибыль, получаемую его владельцем. Такой взгляд находился в полном согласии с общепринятыми, «вульгарными» взглядами, господствующими в кругах предпринимателей и вообще среди широкой публики, ограничивающейся поверхностным наблюдением экономических явлений.

Digitized by Google

Двойственность «трудовой» и «вульгарной» точек зрения наложила свою печать на построения Смита. Поскольку Смит при помощи теоретического анализа старался вскрыть движущие причины экономических явлений, он признавал труд источником стоимости, а в стоимости видел ту первичную величину, которая в свою очередь распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Поскольку Смит ограничивался описанием экономических явлений в том виде, в каком они представляются поверхностному наблюдению, он видел в стоимости результат сложения заработной платы и прибыли (и ренты), величина которых в свою очередь определяется законом спроса и предложения. Первая точка зрения приводила Смита к теории трудовой стоимости, последняя — к вульгарной теории издержек производства (упирающейся в конечном счете в теорию спроса и предложения).

Рикардо развил наиболее ценную сторону учения Смита, его «трудовую» точку зрения: он последовательно провел теорию трудовой стоимости и построил на ее основе учение о распределении. Но теория трудовой стоимости даже в улучшенной формулировке, данной ей Рикардо, оказалась в противоречии с основным фактом капиталистического хозяйства, с фактом продажи товаров по ценам, равным издержкам их производства плюс средняя прибыль. Этим противоречием воспользовались противники Рикардо: они предложили совершенно отбросить теорию трудовой стоимости и ограничиться вульгарной теорией издержек производства, которая только обобщает повседневные взгляды предпринимателя-капиталиста. Предприниматель считает, что цена его товара должна по меньшей мере возместить ему все сделанные им издержки производства (на наем рабочих и на постоянный капитал) и доставить среднюю прибыль. Обобщая эти взгляды, «вульгарный» экономист говорит: стоимость товара определяется издержками его производства плюс обычная прибыль на капитал. Откуда получается прибыль (т.-е. избыточная сумма сверх издержек производства), почему она устанавливается именно на данном уровне, чем определяется величина самих издержек производства (т.-е. стоимость сырья, машин и рабочей силы),—эти основные вопросы оставляются без внимания как предпринимателем, которого они действительно не интересуют, так и вульгарным экономистом, который не идет в своем анализе дальше поверхности явлений.

Уже с первых шагов классической школы, параллельно с ее основным направлением, которое представлял Рикардо, начало развиваться и «вульгарное» направление, опиравшееся на

Digitized by Google

слабую сторону учений Смита. Мы уже знаем, что Мальтус заменил теорию трудовой стоимости теорией спроса и предложения (и теорией издержек производства) и старался развить ошибочную мысль Смита о труде (покупаемом в обмен за товар), как мериле стоимости. Но учение Мальтуса о стоимости было слишком запутанно и противоречиво, чтобы иметь широкий успех. Слава основания «вульгарной экономии» досталась поэтому не ему, а французу Жану-Баптисту Сэю (1767—1832).

Сэй, как и Мальтус, выступил на литературную сцену раньше Рикардо. Его «Трактат политической экономии», появившийся в 1803 году, выдержал много изданий и имел огромный успех. Поверхностность мыслей, ясность построения и легкий стиль делали книгу доступною широким кругам читателей. Сэй немало помог распространению идей Смита (правда, в извращенном виде) на континенте Европы и при жизни своей причислялся к величайшим экономистам эпохи. Но в сущности Сэй был очень поверхностным ученым, и единственная заслуга его заключается в систематизации и популярном изложении идей Смита. Сэй, между прочим, ввел общепринятое в буржуазной политической экономии расположение материала по отделам. Второе издание своего «Трактата» он разделил на отделы: 1) Производство богатств, 2) Распределение богатств и 3) Потребление богатств. Повидимому, следуя примеру Сэя, Джемс Милль в 1821 году разделил свои «Элементы политической экономии» на четыре отдела: 1) Производство, 2) Распределение, 3) Обмен и 4) Потребление. Деление это, искусственно разрывающее связь между неразрывными сторонами хозяйственного процесса, получило широкое распространение в науке.

Сам Сэй, конечно, смотрел на себя не как на популяризатора Смита, а претендовал сказать новое слово в науке (учение о трех факторах производства и производительных услугах, теория рынков [1]). Но эти «новые слова» Сэя, не говоря уже об их крайней поверхностности, по существу представляли собою, по сравнению со Смитом, шаг назад и сделали из Сэя отца вульгарной экономии. Если Рикардо развил сильные стороны учения Смита, то Сэй использовал его слабые стороны для вульгаризации учения классической школы.

Представление об учении Сэя легче всего получить путем сопоставления его с основными положениями Рикардо:

---

[1]) О теории рынков Сэя см. ниже главу о Сисмонди.

Digitized by Google

Рикардо.	*Сей.*
1) Стоимость коренным образом отличается от „богатства“ (потребительной стоимости).	1) Стоимость смешивается с богатством.
2) Стоимость создается трудом.	2) Стоимость создается трудом, природою и капиталом.
3) Стоимость продукта распадается на заработную плату и прибыль. Величина стоимости определяет величину доходов.	3) Заработная плата прибыль и рента в своей сумме составляют стоимость продукта. Величина доходов (или сумма издержек производства) определяет величину стоимости.

Как видно из первого пункта, Сэй в теории стоимости резко отклоняется от Смита и Рикардо. В согласии с традициями французской школы (физиократы, Кондильяк), он смешивает стоимость с потребительною стоимостью. Рикардо считает полезность продукта необходимым условием его меновой стоимости. Сэю этого мало. По его мнению, «полезность предметов сообщает им стоимость», и величина субъективно-признаваемой полезности предмета определяет величину его объективной меновой стоимости. «Цена предмета есть мерило его стоимости, а стоимость есть мерило его полезности». «Меновая стоимость или цена предмета служит лишь верным показателем полезности, признаваемой людьми за предметом».

Против этой теории субъективной стоимости Рикардо спорил и в своих «Началах» (20-я глава) и в своей переписке с Сэем. Почему мы платим за фунт золота в 2.000 раз больше, чем за фунт железа, хотя бы полезность их признавалась нами одинаковою?—спрашивал Рикардо Сэя. Последний мог на это только ответить, что $^{1.999}/_{2.000}$ долей полезности железа доставляются нам даром природою, и нам приходится оплачивать только $^{1}/_{2.000}$ долю его полезности, а именно такую долю, которая соответствует величине наших издержек, необходимых для производства железа. Тем самым Сэй от теории субъективной полезности делал скачок к теории издержек производства.

Раз Сэй смешивает стоимость с потребительною стоимостью, то не приходится удивляться, что он отвергает теорию трудовой стоимости. Ведь продукты, как потребительные стоимости, могут быть созданы трудом только при содействии сил природы и средств производства (которые Сэй именует капиталом). «Эти три элемента производства необходимы для создания продуктов», которое, по учению Сэя, означает «создание полезности». А так как

Digitized by Google

полезность не отличается от стоимости, то ясно, что и последняя создается всеми тремя факторами производства, а не только трудом, как учил Смит. «Стоимости продуктов обязаны своим происхождением совместному действию труда, капиталов и сил природы; только эти три фактора создают стоимость, новое богатство». Сэй не согласен со словами Рикардо, что «естественные факторы придают товарам только потребительную стоимость, а не меновую». Нет, отвечает Сэй, «производство, являющееся делом природы, прибавляет к доходам людей не только потребительную стоимость, как утверждают Смит и Рикардо, но и меновую стоимость». Каким образом это происходит, Сэй не показывает. Точно также в качестве единственного довода в пользу того, что и капитал создает стоимость, Сэй приводит тот факт, что капитал доставляет особый доход, процент.

Итак, существует три фактора производства: труд, капитал и природа (земля). Каждый из них оказывает в процессе производства «производительную услугу», за которую (за исключением услуг, оказываемых природою безвозмездно) владелец каждого фактора производства получает вознаграждение или доход (заработную плату, процент и ренту). Вознаграждение это берется из стоимости продукта: каждый из названных владельцев получает долю стоимости, созданную принадлежащим ему фактором производства. Труд создает заработную плату (т.-е. долю стоимости продукта, равную заработной плате), капитал—процент и земля—ренту. Сумма всех этих трех доходов, сложенных вместе, определяет величину стоимости всего продукта. Повышение заработной платы, вопреки мнению Рикардо, не вызывает необходимо падения прибыли: ни о каком столкновении классовых интересов и ни о какой эксплоатации рабочих капиталистами не может быть речи.

Учение Сэя о «трех факторах производства» получило широкое распространение в буржуазной науке, и еще поныне в любом учебнике отдел о производстве разделяется на традиционные рубрики: природа, труд и капитал. Большой успех имело также и учение Сэя о «производительных услугах» (или—что то же самое—теория «производительности капитала», т.-е. учение, что капитал создает стоимость). Во-первых, с практической стороны учение Сэя обещало дать оправдание нетрудовых доходов, прибыли и ренты, и доказать неправомерность притязаний рабочих на долю продукта сверх заработной платы (так как только стоимость последней, а не

Digitized by Google

стоимость всего продукта создается их трудом). Правда, сам Сэй был еще в некоторой мере чужд прямых апологетических целей, но впоследствии его учение было использовано именно в этих целях. Во-вторых, «триединая формула» Сэя (труд—заработная плата, капитал—процент, земля—рента) как будто давала весьма стройную схему, связывающую воедино явления производства, обмена и распределения: труд, природа и капитал выступают у него одновременно в роли: 1) факторов материального производства, 2) созидателей стоимости и 3) источников дохода. Но эта стройная схема была куплена смешением стоимости с полезностью и процесса производства стоимости с процессом производства продуктов. Все экономические явления были фетишизированы и лишены всякого социального содержания: источником стоимости, которая представляет собою социальную форму продукта, были объявлены материально-технические факторы производства как таковые (машины, силы природы). Экономическая теория свелась к голому констатированию экономических явлений в их внешней, вещно-материальной форме. Капитал доставляет процент; следовательно, процент (как сумма стоимости) создан капиталом (как совокупностью средств производства),—так говорит Сэй, разрывая всякую связь между стоимостью и процентом, с одной стороны, и человеческим трудом и производственными отношениями людей — с другой. Стоимость и процент созданы непосредственно вещами (капиталом), говорит Сэй, обобщая повседневные вульгарные представления владельца капитала. Стоимость продукта составляется из издержек производства или доходов (заработной платы, прибыли и ренты), говорит Сэй, обобщая повседневные представления фабриканта и купца. Эта ошибочная мысль о зависимости стоимости от доходов, подчас встречающаяся у Смита, доведена до конца Сэем. Но если величина стоимости продукта определяется величиною заработной платы, прибыли и ренты, чем же определяется величина последних? На это Сэй ответа не находит, кроме апелляции к закону спроса и предложения.

Наибольшим успехом Сэй пользовался во Франции. Традиционною особенностью французских экономистов, в отличие от английских,—благодаря сравнительной экономической отсталости Франции,—были неуменье выработать ясное понятие стоимости и склонность заменять его понятием потребительной стоимости. Но даже в Англии, этой родине классической школы, последняя, хотя и более медленно, чем во Франции, вступила в период разложения и вульгаризации.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СПОРЫ ВОКРУГ РИКАРДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ.

Учение о стоимости составляет краеугольный камень всей системы Рикардо. Вполне понятно поэтому, что споры между сторонниками и противниками Рикардо, разгоревшиеся с особою силою в десятилетие от 1820 до 1830 года, вращались вокруг проблемы стоимости. Сам Рикардо пробил в своей теории трудовой стоимости брешь, через которую могли прорваться его противники. Он не сумел привести закон трудовой стоимости в согласие с законом уравнения нормы прибыли [1]). Почему два продукта, изготовленные при помощи одинаковых трудовых затрат, имеют неодинаковую стоимость, если капиталы, авансированные на их производство, остаются в обращении неодинаковое время (или—что сводится к тому же—если авансируются на одинаковое время капиталы различной величины)? Этот вопрос тревожил мысль Рикардо, который с величайшею добросовестностью постоянно возвращался к нему в своей переписке с Мальтусом, Мак-Келлоком и другими. Рикардо искренне сознавался, что уже отчаялся найти удовлетворительное решение этого вопроса собственными усилиями, без посторонней помощи.

На это наиболее уязвимое место теории Рикардо, указанное им самим, и направили свои удары его противники: Мальтус, Торренс и Бэйли. Все они в один голос указывали, что «исключения», допущенные Рикардо, лишают его закон трудовой стоимости всякой силы. По словам Мальтуса, эти исключения «теоретически и практически так важны, что совершенно разрушают положение, по которому продукты обмениваются между собою соответственно количеству употребленного на них труда». Это положение вряд ли применимо в одном случае из пятисот, так как прогресс цивилизации и техники приводит к возрастанию раз-

---

[1]) См. выше, главу 28-ю, § III.

Digitized by Google

меров основного капитала и к различию периодов обращения капитала, т.-е. создает условия, нарушающие обмен продуктов по их трудовой стоимости. Торренс и Бэйли также доказывали неприменимость закона трудовой стоимости к явлениям капиталистического хозяйства.

Чем же предлагали эти критики заменить отвергаемую ими теорию Рикардо? Они предлагали просто отбросить теорию трудовой стоимости. По мнению Мальтуса, величина стоимости продукта определяется соотношением спроса и предложения, а за мерило стоимости продукта можно принять количество труда, покупаемое в обмен за него. Он предлагал, следовательно, вернуться от Рикардо назад, к ошибочному учению Смита о мериле стоимости. Другую ошибочную мысль Смита воскрешал Торренс [1]), доказывавший, что закон трудовой стоимости имел силу в докапиталистическом хозяйстве, в капиталистическом же действует исключительно закон издержек производства, согласно которому «продукты, полученные при помощи равных капиталов, представляют равные меновые стоимости». Наконец, Бэйли [2]) рекомендовал отказаться от понятия «абсолютной» стоимости и ограничиться изучением «относительной» стоимости или меновых пропорций товаров.

Противоречия, о которые разбилась теория Рикардо, были разрешены только много лет спустя Марксом, в его учении о цене производства. Маркс показал, что в капиталистическом хозяйстве, в отличие от простого товарного хозяйства, закон трудовой стоимости проявляет свое действие не непосредственно, а лишь косвенным путем, через посредство сложного общественного процесса образования средней нормы прибыли и цен производства. Пока этот сложный общественный процесс не был изучен, между законом трудовой стоимости и фактом продажи товаров по ценам производства (которые равны издержкам производства плюс средняя прибыль) существовало непримиримое противоречие, которое тщетно пытались разрешить ученики Рикардо и верные хранители его традиций — Джемс Милль [3]) и Мак-Келлок [4]). Оба они были бессильны спасти руко-

[1]) Главное сочинение: „Опыт о производстве богатства“ (1821 г.).

[2]) Главное сочинение: „Критическая диссертация о природе, мериле и причине стоимости“ (1825 г.).

[3]) Главное экономическое сочинение: „Элементы политической экономии“ (1821 г.). Написал также труды по истории и философии.

[4]) Очень плодовитый писатель. Одно из главнейших сочинений: „Принципы политической экономии“ (1825 г.).

Digitized by Google

водимую ими «рикардианскую» школу от крушения. Милль дал ясное и систематическое изложение учения Рикардо, но он не был творческим умом, способным двигать науку вперед. Слепо и догматически веря в слова Рикардо, он готов был удовлетвориться чисто словесным разрешением противоречий, в которых запутался его учитель. Еще менее был способен спасти рикардовскую теорию самонадеянный и легкомысленный Мак-Келлок.

И Милль и Мак-Келлок старались,—разумеется, без всякого успеха,—доказать, что, несмотря на допущенные Рикардо «исключения», закон трудовой стоимости *непосредственно* проявляет свое действие при обмене товаров в капиталистическом хозяйстве. Вопрос об обмене товаров, произведенных капиталами различного органического состава, разрешался ими с большою легкостью: они просто предполагали, что большинство товаров производится капиталами среднего органического состава и, следовательно, продается по своей трудовой стоимости. Но зато и Милль и Мак-Келлок немало ломали себе голову по поводу второго исключения, указанного Рикардо и вытекавшего из различной продолжительности периодов обращения капитала. Чем объясняется повышенная стоимость продукта, для производства которого капитал авансируется на более продолжительный срок, по сравнению с другими продуктами, содержащими одинаковое количество труда? Иными словами, откуда получается увеличенная сумма прибыли, которая начисляется на капитал, остающийся в *обращении более продолжительное время*? Этот труднейший вопрос, относящийся одновременно к теории стоимости и теории прибыли, больше всего тревожил мысль Рикардо. В письме к Мак-Келлоку он признавался, что никак не может преодолеть затруднение, представляемое вином, которое держится в погребе три или четыре года, или дубом, посадка которого требует затраты труда на 2 шиллинга и который впоследствии стоит 100 фунтов стерлингов. Рикардо, как мы знаем, не нашел другого исхода, как объявить эти случаи «исключением» из закона трудовой стоимости и признать, что стоимость вина и дуба (как и всякого продукта, произведенного капиталом, авансированным на более продолжительный срок) определяется не только количеством *труда*, необходимого для его производства, но и продолжительностью *времени*, на которое авансирован капитал.

И Милль и Мак-Келлок этим объяснением не удовлетвори-

Digitized by Google

лись. «Время ничего не может делать; каким же образом может оно увеличивать стоимость?»—спрашивает Милль. Стоимость создается только трудом, а не временем,—это правило, по мнению Милля и Мак-Келлока, не терпит никаких исключений. Но чем же в таком случае объясняется повышенная стоимость старого вина? Повидимому, не остается другого выхода, как предположить, что изменение, которому подвергалось вино во время нахождения в погребе, равносильно добавочной затрате человеческого труда. Это рискованное предположение было высказано Миллем в более осторожной форме и развито более подробно Мак-Келлоком.

«Допустим,—говорит Мак-Келлок,—что боченок молодого вина, стоящий 50 фунтов стерлингов, отстаивается в погребе и по истечении двенадцати месяцев приобретает стоимость в 55 ф. с. Возникает вопрос: представляет ли собою это увеличение стоимости на 5 ф. с. вознаграждение за время, в течение которого стоимость капитала в 50 ф. с. была изъята из обращения, или же стоимость добавочного труда, который действительно был затрачен на производство вина?» Мак-Келлок отвечает в последнем смысле. Но как можно доказать, что на вино был затрачен добавочный труд? Очень просто: «Если мы будем выдерживать какой-нибудь продукт, напр., боченок вина, который еще не достиг зрелости и в котором поэтому должно быть произведено известное изменение или действие, то этот продукт получит добавочную стоимость по истечении года; между тем, если выдерживать 100 или 1.000 лет боченок вина или какой-нибудь другой продукт, который уже достиг зрелости и в котором нельзя провести никакого полезного или желательного изменения, то от этого его стоимость не увеличилась бы ни на один фартинг. Это, повидимому, бесспорно доказывает, что добавочная стоимость, приобретенная вином, в то время когда его держали в погребе, составляет вознаграждение или доход за действие или изменение, произведенное в вине».

Нелепость этого «бесспорного» объяснения очевидна. Действие сил природы, повышающее полезность или потребительную ценность предмета, признается источником меновой стоимости и приравнивается к человеческому труду. Полный отказ от теории трудовой стоимости маскируется при помощи наивного приема: действию сил природы и машин дается название «труда». Так как машины представляют собою «накопленный труд», то они не только переносят свою собственную стоимость

Digitized by Google

на продукт, но и создают новую стоимость. Значит, прибыль, которая начисляется на основной капитал и происхождения которой Рикардо не мог объяснить, создана самою машиною. Не противоречит ли это закону трудовой стоимости? Нет, отвечает Мак-Келлок, потому что «прибыль на капитал есть лишь другое название для заработной платы за накопленный труд», содержащийся в машинах. Но ведь труд, создавший в свое время машину, давным-давно прекратил свое действие и получил свое вознаграждение, а стоимость машины сполна оплачена фабрикантом, купившим ее. Каким же образом машина в руках ее нового владельца не только переносит свою стоимость на продукты, но создает новую стоимость или прибыль? Очевидно, Милль и Мак-Келлок признают способность создавать стоимость за мертвыми вещами (машинами) только на том основании, что сами эти вещи в свое время были созданы человеческим трудом.

Как видим, попытка Милля и Мак-Келлока доказать «непосредственную» применимость закона трудовой стоимости в капиталистическом хозяйстве привела к неожиданным результатам. Желая на словах остаться более верными и последовательными сторонниками теории трудовой стоимости, чем сам Рикардо, они на деле пришли к полному отказу от основной ее идеи, что стоимость создается только человеческим трудом. Признавая действие сил природы и машин непосредственным источником стоимости, Мак-Келлок (в меньшей мере Милль), отстаивая на словах самое строгое применение закона трудовой стоимости, на деле приближался к «вульгарной экономии» Сэя. Впоследствии Мак-Келлок, вполне в духе Сэя, признавал «трудом действия или операции, производимые людьми, низшими животными, машинами или силами природы». Нельзя придумать большего извращения теории Рикардо под видом защиты ее от нападок противников.

Противники рикардовой теории с полным правом оценили объяснения Милля и Мак-Келлока насчет боченка вина как отказ от принципа трудовой стоимости. Бэйли указал Миллю, что нельзя говорить о действии человеческого труда на вино, к которому во время нахождения его в погребе ни одно человеческое существо даже не приближалось. Мальтус едко смеялся над Мак-Келлоком, который называл «трудом» действие сил природы: «Нет ничего такого, чего нельзя было бы доказать при помощи нового определения: напр., легко доказать, что из муки, молока, сала и камней можно сделать плумпуддинг, если под каменьями

Digitized by Google

разуметь изюм». Основной порок аргументации Мак-Келлока был метко вскрыт в одной рецензии на его книгу в следующих словах: «Распространите одним взмахом значение термина «труд» до таких пределов, чтобы он охватывал, кроме человеческого усилия, работу скота, действие машин и процессы природы, и тогда станет безусловной истиной, что количество труда регулирует стоимость; но ограничьте значение термина «труд» смыслом, в котором он неизменно употребляется в действительной жизни; признайте, что процесс брожения, которому подвергается жидкость в боченке, или растительный процесс, который приводит дерево в состояние зрелости, отличны от человеческого труда,—и теория стоимости Рикардо теряет почву».

Действительно, теория стоимости в том виде, как ее формулировал Рикардо, теряла почву, так как она не могла объяснить явления капиталистического хозяйства, в частности тенденцию уравнения прибыли для капиталов, отличающихся по своему ограническому составу или по продолжительности периодов обращения. Попытки правоверных рикардианцев доказать «непосредственное» действие закона трудовой стоимости в капиталистическом хозяйстве приводили на деле к отказу от теории трудовой стоимости и к капитуляции перед вульгарной теорией издержек производства.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ФОНД ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

Как мы видели, даже в тесной среде рикардианской школы Джемс Милль и Мак-Келлок, считавшие себя верными хранителями традиций Рикардо, на деле вульгаризировали и искажали теорию трудовой стоимости. В еще более ярких формах процесс вульгаризации классической теории проявился при обсуждении проблемы распределения, более тесно и непосредственно связанной с классовыми интересами буржуазии. Здесь мы рассмотрим судьбы теории заработной платы в послерикардовский период, чтобы затем перейти к теории прибыли.

Рикардо явился завершителем теории «средств существования» (или железного закона заработной платы), намеченной уже у меркантилистов и развитой дальше физиократами (отчасти и Смитом). Он более или менее ясно формулировал количественную проблему заработной платы, но даже не ставил себе вопроса, в какой мере можно согласовать с законом трудовой стоимости тот факт, что «стоимость труда» (т.-е. заработная плата) меньше стоимости, создаваемой трудом. Трудности разрешения этого вопроса сознавались Джемсом Миллем и Мак-Келлоком, которые решили поэтому окончательно разрезать ту пуповину, которая у Рикардо связывала, хотя и очень слабо, теорию заработной платы с теорией стоимости. Они решили построить первую без помощи последней и создали учение, согласно которому величина заработной платы определяется исключительно соотношением между предложением труда (т.-е. числом рабочих) и спросом на труд (т.-е. размером капитала, предназначенного на наем рабочих).

Зачатки этой мысли встречались уже у Смита, но полное развитие она получила только после Мальтуса. Мальтус учил, что в стране существует точно определенный и ограниченный

Digitized by Google

фонд средств существования. Если рабочие получают слишком мало средств питания, то происходит это только вследствие их чрезмерно быстрого размножения: национальный фонд средств питания приходится делить между возросшим числом рабочих. Рабочие сами виноваты в том, что они голодают.

Итак, фонд средств существования, предназначенный для прокормления рабочих, представляет собою строго определенную и ограниченную величину, которая в данный момент не может быть ни увеличена, ни уменьшена. Но экономисты классической школы отождествляли средства существования, как таковые, в их натуральной форме, с капиталом, затрачиваемым на наем рабочей силы (переменный капитал, по терминологии Маркса). Отсюда они делали вывод, что капитал, расходуемый на наем рабочих, представляет собою строго определенную и ограниченную величину, которая в данный момент не может быть ни увеличена, ни уменьшена. Этот «фонд заработной платы» делится между всеми рабочими данной страны, и средняя заработная плата одного рабочего равна частному от деления всего фонда заработной платы на общее число рабочих. Повышение заработной платы возможно только: 1) либо при возрастании спроса на труд, т.-е. при увеличении общей суммы капитала, расходуемого на наем рабочих, 2) либо при сокращении предложения труда, т.-е. при уменьшении общего числа рабочих. Добиться повышения заработной платы рабочие могут только одним путем: если они послушаются советов Мальтуса и, посредством задержки деторождения, уменьшат свое число. Никакими стачками рабочие надолго не могут повысить свою заработную плату, а лишь повредят самим себе, так как стачки задерживают накопление капитала и, следовательно, уменьшают фонд заработной платы. Если даже рабочие данной категории добьются более высокой заработной платы, пострадают рабочие других категорий, на долю которых останется меньшая часть общего фонда заработной платы.

Идея фонда заработной платы, так сказать, носилась в воздухе в начале XIX столетия. В слабой форме она выражена у Мальтуса. В одной популярной книжке госпожи Марсет, вышедшей в 1816 году (учения экономистов вызывали в то время такой большой интерес среди широкой публики, что излагались в легкой, полубеллетристической форме и преподавались даже в женских пансионах), мы встречаем следующий разговор двух лиц:

Digitized by Google

Каролина. Чем определяется высота заработной платы?

Госпожа В. Она зависит от отношения капитала к рабочей части населения данной страны.

Каролина. Или, другими словами, от отношения средств существования к числу людей, которые должны содержаться на них?

Госпожа В. Да.

Подлинными основателями теории фонда заработной платы являются Джемс Милль и Мак-Келлок. По учению Милля, высота заработной платы определяется соотношением между спросом на труд и предложением труда. «Если население возрастает без увеличения капитала, заработная плата падает, а если капитал увеличивается без возрастания населения, плата поднимается». Если отношение между капиталом и населением останется прежним, плата не изменится; если отношение капитала к населению увеличится, плата поднимется; если отношение населения к капиталу увеличится, плата упадет.

Дальнейшее развитие тех же мыслей и окончательную формулировку теории фонда дает Мак-Келлок. «Способность страны содержать и нанимать рабочих должна зависеть от имеющегося в стране капитала, назначаемого на выдачу заработной платы. Необходимым последствием этого принципа является, что количество средств существования, или размер заработной платы, должно зависеть от пропорции, в какой капитал находится ко всему рабочему населению. Для иллюстрации этого предположим, что капитал какой-либо страны, назначаемый на выдачу заработной платы, выраженный в пшенице, образует массу в 10.000.000 квартеров. Если бы количество рабочих в этой стране равнялось двум миллионам, то очевидно, что заработная плата каждого из них, выраженная также в пшенице, составила бы пять квартеров. И очевидно также, что такой размер заработной платы не мог бы быть увеличен иначе, как посредством увеличения количества капитала в большей пропорции, чем количества рабочих, или путем уменьшения количества рабочих в большей пропорции сравнительно с уменьшением количества капитала». В словах Мак-Келлока мы встречаем уже все основные идеи теории фонда: и отождествление общей суммы капитала с известным количеством средств существования, и утверждение, что заработная плата отдельного рабочего есть частное, полученное от деления заранее ограниченной суммы капитала на общее число рабочих в стране.

Digitized by Google

Теория фонда, сложившаяся в 30-х—40-х годах XIX ст., быстро получила широкое распространение и в ученых кругах и среди широкой публики. С одной стороны, ее разделяли виднейшие экономисты, в том числе Джон Стюарт Милль. С другой стороны, ею охотно пользовались публицисты, журналисты и предприниматели, как оружием для борьбы против рабочего движения. Не от стачек и тред-юнионов могут рабочие ожидать улучшения своего положения, а лишь от сокращения рождений и от быстрого накопления капиталов в руках предпринимателей,—таково было общее мнение экономистов, которое они с усердием старались привить и рабочим. Уже Мак-Келлок, хотя и отстаивал свободу коалиции для рабочих, не верил в пользу ее для рабочего класса: «Предполагать, что какая бы то ни была коалиция может иметь результатом удержание заработной платы на искусственно поднятом уровне,—значит обнаружить крайнюю степень невежества и безумия. Размеры заработной платы зависят не от опасного и обыкновенно разорительного средства коалиции, но от благоразумия и предусмотрительности рабочих и сдержанности, обнаруживаемой ими в заключении брачных связей». Те же мысли, с еще большею самоуверенностью и догматизмом, проповедывались другими экономистами и популяризаторами эпохи.

До конца 60-х годов XIX ст. теория фонда безраздельно господствовала в английской литературе и наивно принималась учеными и широкою публикою за бесспорную истину. «Нельзя спорить против какого-нибудь из четырех основных правил арифметики: вопрос о заработной плате есть вопрос деления», писал экономист Перри. Первые возражения против теории фонда, раздавшиеся в Германии (со стороны Германна и Родбертуса), не обратили на себя внимания. При каждой крупной стачке, при каждом крупном конфликте против рабочих выдвигалась теория фонда, доказывавшая бесплодность и вред экономической борьбы рабочих. Оттого-то эта теория и пользовалась такою огромною популярностью в буржуазных кругах и вызывала к себе такую сильную ненависть со стороны рабочих и социалистов. Рабочий класс успехами своей экономической борьбы и профессионального движения доказал на деле нелепость учения о фонде заработной платы. В 60-х годах вера в правильность этой теории была подорвана и в кругах буржуазных ученых. Сочинение Лонджа (1866 г.) и книга «О труде» Торнтона (1869 г.) нанесли ей сильный удар. Вскоре по выходе в свет книги Торнтона, Джон

Digitized by Google

Стюарт Милль в специальной статье заявил, что признает правильность его доводов и отказывается от теории фонда заработной платы. Заявление Милля произвело в кругах буржуазных ученых сенсацию. Хотя некоторые из них (например, Кэрнс) и продолжали еще защищать теорию фонда, судьба ее после заявления Милля, пользовавшегося огромным авторитетом, была решена. С тем почти полным единодушием, с каким теория фонда раньше признавалась правильною, она теперь была отвергнута, как явно ошибочная.

Быстрое банкротство теории, пользовавшейся репутацией бесспорной в течение нескольких десятилетий, представляет, по словам одного экономиста, одну из наиболее драматических страниц в истории экономической мысли. Удивляться приходится не тому, что учение о фонде было отвергнуто, а тому, что оно в течение нескольких десятилетий признавалось правильным, несмотря на свою явную теоретическую несостоятельность и противоречие с фактами действительности. Капиталистическое хозяйство на каждом шагу показывает яркие примеры внезапного расширения производительного капитала (в том числе и переменного) в периоды процветания и сокращения его в периоды депрессии. Можно ли после этого приписывать переменному капиталу заранее фиксированную и строго ограниченную величину? Ошибочно мнение, что величина фонда заработной платы зависит от размера фонда средств существования, предназначенных для рабочего класса; наоборот, величина последнего фонда зависит от величины первого. Если рабочему классу путем экономической борьбы удается повысить общую сумму получаемой заработной платы, рабочие предъявляют бóльший спрос на средства существования, и последние начинают производиться в бóльшем количестве (или ввозятся из-за границы в обмен на предметы роскоши, машины и тому подобные товары, производимые в данной стране). Оставим поэтому в стороне фонд средств существования и разберем вопрос, представляет ли собою переменный капитал (фонд заработной платы) строго фиксированную для данного момента величину. Такое мнение основывалось на двух ложных предпосылках. Предполагалось, 1) что сумма капитала, занятого в производстве, не может быть в данный момент ни увеличена, ни сокращена и 2) что заработная плата рабочих берется из этого капитала. Уже Родбертус показал, что заработная плата рабочих берется не из капитала предпринимателей, а из стоимости

Digitized by Google

продукта, производимого самими же рабочими. Если все капиталисты данной страны выплатили рабочим заработную плату в сумме 100 милл. руб., то после продажи изготовленного продукта за 150 милл. руб. они получают обратно весь свой капитал и, сверх того, прибыль в 50 милл. руб. (постоянный капитал, по нашему предположению, отсутствует). Рабочие, следовательно, получили свою заработную плату не из капитала предпринимателей, оставшегося целым и невредимым, а из стоимости продукта, созданного их трудом. Нет никаких оснований считать, что в данный момент доля рабочих в национальном продукте не может быть увеличена. Легко представить себе, что заработная плата рабочих возросла до 110 милл. руб., с уменьшением доли прибавочной стоимости (или прибыли) до 40 милл. руб. Капиталисты в этом случае вынуждены будут сократить свое личное потребление или накопление нового капитала. Конечно, капиталистам придется при этом авансировать бо́льшую сумму на выдачу возросшей заработной платы, но нужные для этого дополнительные средства они могут взять или из запасных сумм своего предприятия, или из банков, на началах кредита.

Если теория фонда заработной платы долгое время пользовалась признанием в науке, то случилось это не в силу ее теоретических достоинств, а несмотря на ее теоретическую несостоятельность. Своею широкою популярностью эта теория обязана была тому факту, что она служила буржуазии защитною теорией против наступления рабочих. Факт этот признан и буржуазными учеными. «Я не заподазриваю,—писал Уокер,—научное беспристрастие тех, кто первый отчетливо сформулировал эту теорию заработной платы; но можно с большой вероятностью признать, что общему признанию ее немало благоприятствовал тот факт, что она давала полное оправдание существующему порядку вещей в вопросе о заработной плате». При помощи этой теории «было легко отвечать на жалобы или требования рабочего класса и доказывать бесплодность тред-юнионов и стачек, как средств повышения платы».

История учения о фонде заработной платы наглядно показывает, что после Рикардо классическая теория переживала период разложения в двояком смысле: во-первых, она неуклонно «вульгаризировалась», ограничиваясь обобщением поверхностных явлений капиталистического хозяйства (в данном случае ссылкою на закон спроса и предложения в применении

Digitized by Google

к заработной плате) и отказываясь от более глубокого исследования их конечных причин; во-вторых, с обострением классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом экономическая теория все более становилась «апологетическим» оружием для защиты интересов буржуазии. Параллельно с понижением теоретического уровня классического учения, его практические общественные тенденции становились реакционными. «Вульгарная» экономия была неразрывно связана с буржуазною «апологетикою». В не менее яркой форме, чем в учении о заработной плате, мы найдем подтверждение этому в теории прибыли.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ТЕОРИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ.

(Сениор.)

Смит и Рикардо, как мы знаем, близко подходили к пониманию прибыли (которую они часто смешивали с прибавочною стоимостью в целом) как части стоимости, созданной трудом рабочих. Они могут поэтому считаться родоначальниками «теории прибавочной стоимости» (или так называемой «теории эксплоатации»), которую в позднейшее время с большею последовательностью развили Родбертус и Маркс. Но уже ближайшие последователи Смита и Рикардо отказались от их учения о прибавочной стоимости. Джемс Милль и Мак-Келлок, ученики Рикардо, на словах оставаясь верными учению о трудовой стоимости, признали прибыль капиталиста вознаграждением или заработною платою за «накопленный труд», содержащийся в машинах и прочих средствах производства. Нелепость этой «трудовой теории прибыли» (которую не следует смешивать с теорией трудовой стоимости) в том виде, как она была изложена Джемсом Миллем и Мак-Келлоком, помешала широкому распространению ее в буржуазной науке. Гораздо бо́льшим успехом пользовалась основанная Сэем «теория производительности капитала», которая в прибыли видит результат действия капитала, являющегося самостоятельным фактором производства, на-ряду с трудом и силами природы. Теория эта, пригодная для оправдания прибыли на капитал от нападений социалистов, получила широкое распространение в буржуазной науке. Не меньшим успехом пользовалась «теория воздержания», основанная англичанином Сениором и изложенная в его книге «Политическая экономия» (1836 г.).

Сениор принимает учение Сэя о трех самостоятельных факторах производства. Сэй считал такими факторами труд,

Digitized by Google

силы природы и капитал. Сениор вносит в это деление поправку: он заменяет «капитал» «воздержанием» капиталиста. Капитал не может считаться первоначальным фактором производства, так как он сам является результатом соединенного действия труда, сил природы и воздержания.

Под воздержанием Сениор понимает «поведение человека, который или воздерживается от непроизводительного употребления благ, находящихся в его распоряжении, или же намеренно предпочитает производство более отдаленных продуктов производству продуктов, получающихся непосредственно». Без помощи воздержания в описанном смысле оба других фактора производства, труд и силы природы, не могли бы полностью проявить свое действие. «Как бы ни было трудолюбиво население и какою бы плодородною почвою оно ни обладало, оно, несмотря на это, должно было бы вскоре убедиться, что самое крайнее напряжение сил недостаточно даже для производства необходимейших средств существования, если весь труд направляется на непосредственное производство и продукты потребляются немедленно по их изготовлении». Только в том случае, если упомянутое население «воздержится» от непосредственного употребления части созданных им продуктов и решит использовать их в качестве капитала или «средств для дальнейшего производства», оно сможет извлечь полную выгоду от действия своего труда и сил природы.

Своими огромными богатствами современное общество обязано воздержанию предыдущих поколений. «Орудие плотника принадлежит к самым простым, какие только можно встретить. Но скольких жертв непосредственного наслаждения стоило оно капиталисту, который впервые приступил к рудникам, из которых были извлечены гвозди и молоток плотника! Сколько труда, направленного на более отдаленные результаты, приходилось затратить тем, кто выделывал орудия для обработки рудника! Мы можем смело сказать, что нет ни одного гвоздя, который не был бы в известной степени результатом труда, затраченного на более продолжительное производство, или, выражаясь по-нашему, результатом воздержания, которому люди себя подвергали еще до времени завоевания Англии норманнами». Из подчеркнутых нами слов видно, как Сениор запутывает вопрос отождествлением «воздержания» с «трудом, затраченным на более продолжительное производство». В других местах Сениор с бо́льшею последовательно-

Digitized by Google

стью подчеркивает, что воздержание есть «элемент, отдельный от труда и сил природы». С точки зрения Сениора, «труд, затраченный на более продолжительное производство», должен рассматриваться не как воздержание, а как соединение труда с воздержанием. Производство капитала потребовало со стороны производителя двойной жертвы: труда и воздержания. Воздержание есть жертва: «воздержание от доступного наслаждения или отказ от непосредственного наслаждения для более отдаленного требует одного из самых мучительных напряжений человеческой воли».

Кто же в современном обществе приносит эту жертву «воздержания»? Ясно, что капиталисты, которые не затратили всего своего «труда» для целей непосредственного потребления, а сохранили продукты «своего» труда в виде машин, хлопка и тому подобных «средств для дальнейшего производства». Рабочий, к удивлению Сениора, не проявляет никакой охоты «воздерживаться» от затраты своего заработка на «непосредственное наслаждение», а именно на покупку хлеба и картофеля для себя и своей семьи. Сениор, впрочем, отчасти готов извинить эту невоздержанность рабочих их плохим воспитанием: «классы населения, получившие наиболее плохое воспитание, проявляют всегда наименьшую предусмотрительность и в результате этого менее склонны к воздержанию».

Итак, воздержание требует от человека такой же тяжелой жертвы, какой требует от него труд. Жертву воздержания приносят капиталисты; за эту жертву они и получают вознаграждение в виде процента на капитал (предпринимательскую прибыль Сениор, подобно Сэю, признает заработною платою предпринимателя за труд ведения предприятия), как рабочий за свою жертву трудом получает вознаграждение в виде заработной платы. «Заработная плата и процент должны рассматриваться, как вознаграждение за специальные жертвы: первая есть вознаграждение за труд, а последняя—за воздержание от непосредственного наслаждения». «Воздержание находится в таком же отношении к проценту, как труд—к заработной плате». Если рабочий получает вознаграждение за свою жертву, то и капиталисту полагается вознаграждение за жертву, приносимую им в виде воздержания. Поэтому процент на капитал заранее включается капиталистом в издержки производства товара и должен быть оплачен из цены последнего. Если цена товара недостаточно высока, для того чтобы оплатить

Digitized by Google

процент на капитал, капиталист сокращает производство данного товара и при помощи такого «ограничения предложения» поднимает цену его до требуемой высоты. Процент, таким образом, по учению Сениора, представляет собою часть издержек производства, а не излишек сверх издержек производства,—излишек, происхождение которого заставляло экономистов ломать себе голову.

Учение Сениора носит явно апологетический характер: оно служит для оправдания процента на капитал, но ни в малейшей мере не объясняет его происхождения. Предположим, что капиталист действительно заслуживает за свое воздержание вознаграждения в виде процента. Но откуда берется последний,—этого вопроса Сениор даже не ставит. Ведь не может же стоимость быть создана пассивным, чисто психическим фактом воздержания. Сам Сениор понимает слабость своей позиции: «Можно было бы возразить, что одно только воздержание, как чистое отрицание, не в состоянии вызвать действительные результаты». В ответ на это возражение Сениор не находит ничего другого, как сказать, что такое же возражение можно выдвинуть против «свободы» и «бесстрашия», которые, несмотря на это, все же с полным правом признаются «активными силами». Однако до сих пор никто еще не решался утверждать, что «бесстрашие» может явиться источником стоимости продуктов. Если Сэй с своей точки зрения последователен, рассматривая все три фактора производства с материально-технической стороны (труд, природа и капитал в смысле средств производства), то Сениор нарушил цельность этой схемы, поставив на-ряду с трудом и природою чисто психический факт воздержания.

Помимо своей непригодности для объяснения экономических явлений, теория воздержания дает ложное описание возникновения капитализма и основных черт этого хозяйственного строя. Она предполагает, что накопление капиталов происходило путем воздержания трудолюбивых и предусмотрительных людей от непосредственного потребления продуктов, созданных их собственным трудом. Эта наивная «детская басня», встречающаяся и у Смита, опровергнута историческою наукою, доказавшею, что первоначальное накопление капиталов имело своим источником беззастенчивое присвоение в пользу высших социальных групп продуктов чужого труда. Если уже в период первоначального накопления капитала «воздержание» играло незначительную роль, то нелепо видеть в нем источник прибыли

Digitized by Google

в развитом капиталистическом хозяйстве. Утверждение, что только «мучительнейшее напряжение воли» удерживает капиталистов от соблазна прокутить сразу все свое состояние, было по достоинству оценено Лассалем (в его книге «Труд и капитал») в едких саркастических словах: «Прибыль на капитал есть «плата за лишения»! Счастливое словечко, бесценное словечко! Европейские миллионеры—аскеты, индийские факиры, святые столпники, стоящие на одной ноге на столпе, вытянув руку и туловище, с бледными лицами, протягивая толпе тарелку для сбора платы за свои лишения! А посреди них, высоко возносясь над своими кающимися коллегами,— главный кающийся и страстотерпец: фирма Ротшильд! Вот состояние современного общества! Как это я просмотрел его!».

Самому Сениору не могло не броситься в глаза, в какой мере смешно говорить о «воздержании» в применении к капиталисту, получившему по наследству верфь или канал, оцениваемые в миллионы рублей. Чтобы преодолеть это затруднение, Сениор прибегает к странному выходу: доход указанного капиталиста он объявляет рентою, а не прибылью. «Доход от дока, верфи или канала является прибылью в руках самого их строителя. Это—вознаграждение за его воздержание, за то, что он вместо потребления капитала использовал его для целей производства. Но в руках его наследника этот доход обладает всеми свойствами ренты. Для него это—удар судьбы, а не результат жертвы». Будучи последовательным, Сениор должен был бы признать, что доход всех капиталистов, получивших свое имущество по наследству, представляет собою не прибыль, а ренту. Невозможность признать прибылью огромную часть доходов, получаемых капиталистами, сама по себе означает банкротство теории, которая видит в прибыли вознаграждение за воздержание.

Несмотря на свою теоретическую несостоятельность, учение о воздержании получило широкое распространение в науке и еще в настоящее время разделяется некоторыми буржуазными учеными. Что успех теории воздержания объяснялся не столько теоретическими ее достоинствами, сколько ее апологетическим характером, признает даже такой исследователь, как Бем-Баверк, которого трудно заподозрить в сочувствии социалистическим идеям: «Теория воздержания Сениора приобрела большую популярность среди экономистов, сочувствующих проценту, но не столько, кажется, по причине ее относительных теоретических достоинств, сколько потому, что она шла навстречу потребностям

Digitized by Google

времени, нуждавшегося в опоре для подвергающегося жестоким нападкам процента на капитал».

Сениор был, так сказать, присяжным экономистом английских фабрикантов, которые нашли в нем верного помощника в своей ожесточенной борьбе против фабричного законодательства. Когда фабричный закон 1833 года ограничил рабочий день подростков 12 часами, Сениор выпустил в 1837 году памфлет против сокращения рабочего дня. В этом памфлете он при помощи арифметических расчетов, грубую ошибочность которых Маркс показал в 7-й главе I тома «Капитала», пытался доказать, что фабриканты получают всю свою прибыль от «последнего часа» труда рабочих; поэтому всякое сокращение рабочего дня, хотя бы на один час, грозит промышленности полным разорением. К счастью, софистические упражнения Сениора так же мало задержали развитие фабричного законодательства, как рассуждения теоретиков фонда заработной платы не приостановили роста тред-юнионов. И подобно тому как Джон Стюарт Милль вынужден был на старости лет отказаться от теории фонда заработной платы, так Сениору пришлось переменить свою позицию в отношении к фабричному законодательству и объявить себя сторонником последнего. Фактические успехи рабочего движения доказали на деле ошибочность апологетических теорий последних представителей классической школы.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ГАРМОНИЯ ИНТЕРЕСОВ.

(Кэри и Бастиа.)

Хотя уже в сочинениях ближайших преемников Рикардо нам пришлось отметить примеры буржуазной апологетики, однако только в период 1830—1848 годов общественные условия в Европе созрели для окончательного превращения экономической науки в прямое орудие защиты буржуазии против наступления рабочего класса. Революция 1830 года во Франции и избирательная реформа 1832 года в Англии открыли буржуазии путь к политической власти. Отмена в 1846 году хлебных законов в Англии знаменовала собою конец вековой борьбы промышленной буржуазии с землевладельческим классом. Чартистское движение и революция 1848 года показали, какого опасного врага буржуазия имеет в лице рабочего класса. «Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» (слова Маркса в предисловии ко второму изданию I тома «Капитала»).

Революционное наступление рабочего класса, с одной стороны, и идейная критика социалистов—с другой, ускоряли процесс разложения классической школы. В середине XIX столетия стала очевидна невозможность дальнейшего существования классической теории, которая, оставаясь на точке зрения буржуазии,

Digitized by Google

тем не менее выполняла великое дело теоретического исследования законов капиталистического хозяйства. Отныне эпигонам классической школы приходилось выбирать одно из двух: либо в интересах безоговорочной апологии капитализма отказаться от трезвого, беспристрастного исследования его законов, либо попытаться примирить устаревший либерализм с нарождающимся социализмом. По первому пути пошли Кэри и Бастиа, по последнему—Джон Стюарт Милль.

Сочинения американца Генри Кэри (1793—1879) [1]) и француза Фридриха Бастиа (1801—1850) [2]) знаменуют собою последний этап разложения классической школы, во-первых, потому, что в их сочинениях задача теоретического исследования всецело подчинена апологетической задаче защиты капиталистического строя от нападок социалистов, и, во-вторых, потому, что желание во что бы то ни стало найти оправдание капитализму заставляет названных экономистов объявить решительную войну теории Рикардо, этой наиболее зрелой формулировке классического учения. И Кэри и Бастиа были диллетантами, для которых задачи чисто теоретического исследования стояли на втором плане. Оба они отрицали наличие глубоких классовых противоречий в капиталистическом обществе,—точка зрения, которая неизбежно заставляла их фальсифицировать реальную действительность. Оба они, в противоположность «пессимистической» концепции Рикардо—Мальтуса, выдвинули «оптимистическое» учение, согласно которому свободное развитие капиталистического общества необходимо приводит к примирению и «гармонии интересов» всех классов общества. Кэри издал книгу под названием «Гармония интересов», а Бастиа—под названием «Экономические гармонии». В учениях обоих экономистов много сходного, что подало Кэри повод обвинять Бастиа в плагиате. Действительно, Бастиа немало позаимствовал у Кэри, который, при всем невысоком теоретическом уровне своих сочинений, все же отличался большею склонностью и способностью к теоретическим исследованиям, чем его французский собрат, пользовавшийся более шумным успехом.

Рикардо вскрыл основные классовые противоречия

---

[1]) Главные сочинения: „Принципы политической экономии“ (1837—1840 г.г.) „Гармония интересов“ (1851 г.), „Прошедшее, настоящее и будущее“ (1848 г.), „Принципы социальной науки“ (1857—1860 г.г.).

[2]) Главные сочинения: „Кобден и Лига“ (1845 г.), „Экономические софизмы“ (1847 г.), „Экономические гармонии“ (1850 г.).

Digitized by Google

капиталистического строя: во-первых, противоречие между землевладельцами и капиталистами и, во-вторых, противоречие между капиталистами и рабочими. Тем самым Рикардо, хотя и был горячим защитником буржуазного строя, выковал теоретическое оружие, которым воспользовались социалисты. Именно за это Кэри и ненавидел учение Рикардо. По его словам, книга Рикардо «является настоящим руководством для демагогов, добивающихся власти при помощи аграрных законов, войны и грабежа». Чтобы убить революционную гидру, Кэри решил сперва подорвать ее теоретическую основу, учение Рикардо о распределении дохода между общественными классами. «Как сторонник теории гармонии классовых интересов, он (Кэри) доказал сначала, что между капиталистом и наемным рабочим нет противоречия. Вторым его шагом было доказательство гармонии между землевладельцем и капиталистом» (слова Маркса в письме к Энгельсу). Посмотрим, как выполнил Кэри первую из этих двух апологетических задач.

Кэри преисполнен оптимистической веры в мощное развитие производительности труда. С каждым прогрессом в росте производительности труда все накопленные запасы продуктов понижаются в своей стоимости, так как последняя определяется количеством труда, необходимого для воспроизводства продуктов, а не фактически затраченного на их производство. «Количество труда, необходимого для воспроизводства данного капитала и для дальнейшего увеличения его размеров, уменьшается с каждой стадией производства». Но «всякое понижение ценности уже существующего капитала обусловливает пропорциональное повышение ценности человека», так как последний может создать теперь тот же капитал с большею легкостью, чем раньше. Прогресс техники, таким образом, «возвышает настоящий труд за счет накопленных в прошлом запасов». Итак, с ростом производительности труда возрастает удельный вес живого «труда» или самого «человека» по сравнению с накопленными запасами мертвых вещей.

До сих пор Кэри противопоставлял друг другу отвлеченные материально-технические категории: «вещи» и «труд». Но ведь накопленные запасы вещей составляют «капитал», а труд имеет форму «наемного труда». Отождествляя материально-технические категории с социальными, Кэри неожиданно делает вывод, что удельный вес наемного труда по сравнению с капиталом все возрастает. «Способность капитала распо-

Digitized by Google

ряжаться трудом рабочего все более падает, а способность рабочего использовать капитал для облегчения своего труда все более возрастает». Это значит, что «уменьшилась власть капитала над трудом, и возросло значение труда для воспроизводства капитала», а при таких условиях, естественно, относительная доля рабочего в продукте труда будет возрастать за счет относительной доли капиталиста. Свою мысль Кэри иллюстрирует при помощи следующей схемы:

	Валовая выручка	Доля рабочего	Доля капиталиста
Первое распределение	4	1	3
Второе распределение	8	2,66	5,33
Третье распределение	16	8	8
Четвертое распределение	32	19,20	12,80

Схема показывает четыре последовательных периода в развитии производительности труда. От одного периода к другому валовая выручка на одного рабочего удваивается, и доля рабочего (не только абсолютная, но и относительная) в продукте возрастает. В первом периоде рабочий получал только $^1/_4$ продукта, в последнем—$^3/_5$. Но и капиталист, относительная доля которого постепенно упала с $^3/_4$ до $^2/_5$, тоже не обижен и не имеет повода для жалоб: благодаря росту производительности труда, абсолютное число получаемых им единиц продукта возросло с 3 до 12,80. «И капиталист и рабочий извлекают большую выгоду благодаря введенным улучшениям. Каждый дальнейший шаг в этом направлении будет сопровождаться такими результатами: с увеличением производительности труда увеличивается доля рабочего и уменьшается доля капиталиста, при чем постоянно увеличивается количество продуктов и усиливается тенденция к уравнению долей различных элементов, составляющих общество», т.-е. тенденция к уравнению классов общества. «Так гласит великий закон, регулирующий распределение продуктов труда. Из всех законов, выдвинутых наукой, это, может быть, самый прекрасный закон, так как он устанавливает полную гармонию реальных и истинных интересов различных классов общества». Наглядным подтверждением закона падения доли капиталистов в продукте Кэри считает факт падения нормы процента.

Можно сказать, что цепь рассуждений Кэри содержит в себе столько же ошибок, сколько звеньев. Во-первых, падение стоимости отдельных материальных элементов капитала, напр.,

Digitized by Google

отдельной машины, более чем компенсируется увеличением числа машин; общая сумма капитала, а тем самым и экономическая власть капитала над трудом гигантски возрастает. Во-вторых, падение стоимости капитала (машин и пр.), поскольку для его воспроизводства требуется меньше общественного труда, ни в малейшей мере не означает увеличения стоимости труда как товара (т.-е. рабочей силы), т.-е. увеличения доли заработной платы в национальном продукте. Наоборот, в капиталистическом хозяйстве падение стоимости средств существования рабочего приводит к понижению стоимости рабочей силы и к увеличению относительной прибавочной стоимости, т.-е. относительной доли капиталиста в продукте. В-третьих, факт возрастания доли капиталистов в национальном продукте по мере прогресса производительности труда ни в малейшей мере не опровергается фактом падения нормы прибыли: последний объясняется упомянутым выше гигантским возрастанием общей суммы капитала. Кэри допускает грубую ошибку, смешивая норму прибыли с долею капиталистов в продукте (т.-е. с нормою прибавочной стоимости).

После того как доказана гармония интересов между рабочими и капиталистами, Кэри оставалось еще доказать гармонию интересов между капиталистами и землевладельцами. Для этого требовалось опровергнуть теорию ренты Рикардо: ведь Рикардо доказывал, что землевладельцы, без всякого труда с своей стороны, присвоивают себе все бо́льшую часть национального дохода, к ущербу для других классов населения. Не только социалистические мыслители, но и такие умеренные экономисты, как Джон Стюарт Милль, делали из теории ренты Рикардо вывод о необходимости национализации земельной собственности. Этот революционный вывод и беспокоил Кэри, который поставил себе целью опровергнуть систему Рикардо, «противопоставляющую интересы землевладельцев интересам других классов общества и необходимо приводящую к разрушению права собственности на землю».

Кэри справедливо отвергает утверждение Рикардо, будто производительность земледельческого труда постоянно падает вследствие неизбежного перехода земледельцев от обработки лучших земель к обработке худших. Этому одностороннему утверждению Рикардо Кэри противопоставляет столь же одностороннее противоположное утверждение, будто земледельцы всегда начинали с обработки более доступных для них холмистых

Digitized by Google

и мало плодородных земель и лишь впоследствии научились приводить в пригодное для земледелия состояние более плодородные земли, находящиеся в низинах и болотах. Земледелие постепенно распространяется на более плодородные земли, при чем количество труда, необходимое для приведения данного участка земли в пригодное для земледелия состояние, падает по мере прогресса сельскохозяйственной техники. Отсюда следует, что ни один земледелец не согласится платить землевладельцу ренту, так как он предпочтет занять новый, более плодородный участок земли. Если, тем не менее, земледелец изъявляет готовность снять землю за арендную плату, то происходит это только потому, что арендуемый им участок земли уже приведен в пригодное для земледелия состояние при помощи труда и капитала, затраченных раньше землевладельцем или его предками. Землевладелец, следовательно, получает в виде арендной платы не земельную ренту, а лишь процент на капитал, содействовавший улучшению данного участка земли. Земля, пригодная для земледелия, есть такой же продукт труда, как и любая машина; рента есть не что иное, как процент на капитал, а землевладелец ничем не отличается от капиталиста. Более того, землевладелец даже не выручает процента на весь капитал, вложенный в землю им и его предками. Если они затратили в общей сложности 1.000 рублей, то в настоящее время, при более высоком уровне техники, такое же улучшение участка земли может быть достигнуто при затрате 500 руб. Стоимость капитала, вложенного в землю (как и в промышленность), упала с 1.000 до 500 руб., и, предполагая среднюю норму процента равною 5, арендатор будет платить не более 25 рублей в год.

Не случайно теория Кэри родилась в Америке в первой половине XIX столетия, в стране, где противоречия капиталистического строя еще не были развиты и классы еще не были отделены друг от друга резкою гранью, где обилие свободной земли сопровождалось почти полным отсутствием ренты и недостатком в рабочих руках, где при высокой заработной плате и возможности занятия свободных земель более энергичные рабочие сплошь и рядом превращались в фермеров и промышленников. Если в Америке учение о гармонии интересов отражало незрелые общественные отношения, то французская буржуазия хотела воспользоваться им, для того чтобы скрыть и затушевать всю остроту классовых противоречий, проявившихся

Digitized by Google

на политической арене с небывалою силою в революции 1848 года. Если Кэри нападал на Рикардо и других идеологов более развитой английской буржуазии, нарисовавших картину исполненного противоречий капиталистического строя,— картину, в которой молодая американская буржуазия не хотела признавать свое собственное будущее, то Бастиа направлял свои удары, главным образом, против социалистов.

До революции 1848 года Бастиа в остроумных памфлетах и фельетонах горячо сражался с протекционистами, отстаивая с величайшим пафосом свободу торговли, по примеру английских фритредеров. После революции 1848 года, произведшей на него сильное впечатление, он направил свой пафос, главным образом, против социалистов. Сочинения Бастиа, в которых крупицы теоретического исследования совершенно тонут в море пустых фраз и надутой декламации, имели шумный успех и доставили их автору ни в какой мере не заслуженную репутацию видного экономиста.

«Главная мысль этого сочинения — гармония интересов»,—говорит Бастиа в книге «Экономические гармонии». Капиталистическое общество есть огромная «естественная» ассоциация, которая лучше всяких «искусственных» ассоциаций, предлагаемых социалистами, обеспечивает свободное сотрудничество и взаимопомощь людей. Люди работают друг для друга и обмениваются взаимными услугами. Обмен продуктов есть обмен услуг. Ценность продукта определяется не «трудом того, кто оказывает услугу», как учили классики, а «трудом, которого не пришлось делать тому, кто получает услугу». «Ценность есть отношение обмениваемых услуг», — таков закон ценности—услуги, которому Бастиа придает большое значение. Услуга за услугу,— этому закону подчинены и отношения между капиталистом и рабочим, и отношения между землевладельцем и арендатором, и отношения между кредитором и должником. Нельзя оспаривать права капиталиста на получение процента. «Если кто достаточно снабжен капиталом, то потому только, что создал его своим трудом или лишениями». «Для обладателей такого капитала уступить его—значит лишить себя желаемой выгоды, значит уступить ее другому, т.-е. оказать ему услугу. А потому или не надо иметь никакого самого элементарного представления о справедливости и отказаться от голоса разума, или надо признать, что эти люди будут в полном праве делать такую услугу только в обмен на какую-нибудь другую услугу,

Digitized by Google

установленную по свободному и добровольному соглашению». Так обосновывается право кредитора на получение процента. Тем самым оправдывается и притязание землевладельца на ренту, в которой Бастиа, по примеру Кэри, видит лишь особую форму процента на капитал.

Меньше внимания уделяет Бастиа проблеме прибыли. Происхождение прибыли он приписывает то, по примеру Сэя, производительности самого капитала, то еще чаще, как учил Сениор, воздержанию капиталиста. Чтобы утешить рабочих, Бастиа, вслед за Кэри, формулирует «гармонический» закон распределения: «По мере того как умножаются капиталы, абсолютная доля, принадлежащая им в общем результате производства, возрастает, а доля относительная понижается; относительная же доля труда постоянно возрастает, а тем более возрастает и его абсолютная доля». С другой стороны, рабочие выигрывают и в качестве потребителей от удешевления продуктов, вызываемого ростом производительности труда. По мере прогресса техники, «стоимость» продукта, создаваемая «обременительным» трудом, уменьшается, в то время как «даровая полезность», доставляемая природою без усилий со стороны человека, все более возрастает. «Препятствия, которые когда-то тягостно преодолевались трудом, теперь преодолеваются без участия человеческого труда, самою природою и не в пользу капиталистов, а в пользу—заметьте это хорошенько—целого общества». Развитие хозяйства идет на пользу всем классам общества.

Бастиа просит своих читателей «хорошенько заметить» этот «умиротворяющий, утешительный и религиозный» закон гармонии интересов. Бастиа выступал рьяным проповедником закона гармонии не потому, что не видел классовых противоречий, раздирающих общество, а потому, что слишком больно чувствовал силу вызываемых ими потрясений. Бастиа уже видел перед собою грозную социальную проблему, эту «тень Банко на пиру Макбета», он уже слышал «запах пороха во время восстаний» и видел «улицы, загроможденные баррикадами». Но он надеялся, что рабочие, поверив в существование закона гармонии, откажутся от революционной борьбы. Боязнь революции тревожила мысль эпигонов классической школы, она водила их пером и ослепляла их зрение, она заставляла их отказываться от истин, провозглашенных классическою школою в лучшую пору ее расцвета устами Смита и Рикардо.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

СИСМОНДИ КАК КРИТИК КАПИТАЛИЗМА.

Мы проследили процесс внутреннего разложения классической школы, процесс вульгаризации и искажения ее учений в сочинениях экономистов, стоявших на точке зрения буржуазии. Путь, проделанный политической экономией от Смита до Бастиа, шел параллельно пути, проделанному за это время промышленною буржуазией, которая в конце XVIII века вела борьбу против старого порядка и землевладельцев, а в середине XIX века повернулась своим фронтом против рабочего класса. Но продуктом процесса разложения классической школы явились не только вульгарная экономия и буржуазная апологетика. Подобно тому как из общего революционного движения против монархии и аристократии, объединявшего в конце XVIII в. все «третье сословие», впоследствии выделились мелкобуржуазный радикализм и пролетарский социализм, точно так же в начале XIX столетия из лона классической школы выделились критические направления, стоявшие в принципиальной оппозиции к учениям классиков. Мелкобуржуазная оппозиция классическому учению нашла своего представителя в лице Сисмонди, пролетарская оппозиция—в лице социалистов-утопистов.

Симонд де-Сисмонди (1773—1842) [1]), почти всю жизнь проведший в тихой Швейцарии, был поражен контрастом между патриархальным бытом швейцарских зажиточных крестьян и ремесленников и открывшеюся ему в Англии картиною бешеного развития капитализма, сопровождавшегося обезземелением крестьян, разорением ручных ткачей, ростом пауперизма

---

[1]) Главные экономические сочинения: „Новые начала политической экономии“ (1819 г.) и „Этюды по политической экономии“ (1837 г.). Кроме того написал ряд выдающихся исторических работ: „История итальянских республик в средние века“, „История французов“ и др.

Digitized by Google

и безработицы. Кризисы 1815 и 1818 годов, потрясавшие английскую промышленность, разорявшие фабрикантов и оставлявшие рабочих без куска хлеба, произвели сильнейшее впечатление на Сисмонди и заставили его усомниться в правильности классической теории, которую до того времени он сам разделял. В своей книге «Новые начала политической экономии» (1819 г.) он решительно порвал с «ортодоксальным учением» классиков и дал яркую картину противоречий и бедствий капиталистического строя.

В предисловии ко второму изданию своей книги Сисмонди в красноречивых словах описал впечатление, произведенное на него капиталистическою Англией. «Я видел, как в этой изумительной стране, переживающей большое испытание, словно для поучения всего остального мира, производство увеличивалось, а количество наслаждений уменьшалось. Здесь и масса населения и мыслители забывают, кажется, что увеличение богатства не есть цель политической экономии, а только средство для доставления счастья всем. Я ищу этого счастья во всех классах общества и не знаю, где его найти». Купцы и фабриканты разоряются от кризисов, народные массы терпят голод и лишения. «Народ в Англии лишен довольства настоящим и уверенности в будущем. В деревнях нет больше крестьян: их заставили уступить место поденщикам; в городах нет больше ремесленников или независимых хозяев маленьких мастерских, есть только фабриканты. «Фабричный»,—воспользуемся словом, введенным в употребление этою системой,—не знает, что значит иметь твердое положение; он получает только заработную плату, а так как эта плата не может быть достаточной для него во все времена года, то он почти каждый год вынужден просить милостыню в кассе для бедных». Приведенные слова ярко характеризуют социальную позицию Сисмонди: он ненавидит капитализм, как строй, несущий разорение крестьянам и ремесленникам, вносящий классовое расслоение в однородную среду мелких самостоятельных производителей, делающий «богатого более богатым», а «бедного еще более бедным, более зависимым и более нуждающимся».

Капитализм привел к «ложному благополучию». Созданное им «накопление несметных богатств» могло бы способствовать всеобщему счастью лишь при том условии, если бы «распределение его совершалось в такой пропорции, которую нельзя нарушить без крайней опасности», т.-е. более или менее равномерно

Digitized by Google

между всеми классами общества. Но на деле развитие капитализма вызвало колоссальную концентрацию богатств в руках немногих лиц, оно создало тенденцию к «отделению всех видов труда от всех видов собственности». Противоречие между лихорадочным ростом производства богатств и усиливающимся неравенством в распределении богатств составляет, по мнению Сисмонди, основное противоречие капиталистического хозяйства. Это противоречие строя, покупающего счастье немногих страданиями большинства народа, не только вызывает нравственное негодование Сисмонди, возмущает его «сердце». Он хочет также доказать «разумом», что указанное противоречие подрывает возможность нормального развития хозяйства и вызывает в нем постоянные потрясения, проявляющиеся в виде кризисов. Для этой цели Сисмонди, в противовес учению классиков, строит новую теорию рынков и кризисов.

Классики, по мнению Сисмонди, превратили политическую экономию в «хрематистику», в науку о стяжании. Они проповедывали неограниченное увеличение производства богатств, не заботясь об их равномерном, справедливом распределении. «Рикардо совершенно абстрагировал от человека и целью науки считал только увеличение богатств». Классики не только предали забвению справедливые интересы трудящихся масс, но и сделали роковую теоретическую ошибку: они не понимали, что быстрый рост производства невозможен при падении покупательных сил (или доходов) низших классов населения. Классики не понимали зависимости производства от доходов, «они объявили, что каждый продукт всегда найдет потребителей, и поощряли этим самым предпринимателей произвести то загромождение рынков, которое в настоящее время составляет бедствие всего цивилизованного мира». Сисмонди имеет при этом в виду известную теорию рынков Сэя—Рикардо.

Теория рынков, основанная Сэем (и Джемсом Миллем) и воспринятая от него Рикардо, сводилась к следующим простым положениям. Нельзя говорить о всеобщем перепроизводстве товаров или о всеобщем недостатке спроса на них. Появление на рынке добавочного товара, напр., сукна, стоимостью в 10.000 руб., одновременно означает появление добавочного спроса на другие товары, на ту же сумму. «Каждый продукт с того самого момента, как он произведен, открывает собою сбыт для других продуктов на полную сумму

Digitized by Google

своей стоимости» (Сэй). Действительно, фабрикант, продав сукно, выручает 10.000 руб. Из них свой капитал в 8.000 руб. он опять затрачивает на производство сукна, т.-е. нанимает на эту сумму рабочих (Сэй, по примеру Смита, игнорирует затраты на постоянный капитал и полагает, что весь капитал в конечном счете расходуется на заработную плату), которые на полученную ими сумму заработной платы в 8.000 руб. предъявляют спрос на предметы потребления. Свою прибыль в 2.000 руб. фабрикант сам расходует на средства потребления и роскоши. Итого спрос предъявляется на сумму в 10.000 руб., как раз равную стоимости сукна.

Но как быть в том случае, когда фабрикант не хочет затратить всю свою прибыль на личное потребление, а половину ее хочет накопить? Не будет ли в этом случае спрос (8.000 + + 1.000 руб.) меньше предложения (10.000 руб.)? Нет, отвечают последователи Сэя — Рикардо, в случае накопления фабрикант присоединяет 1.000 руб. к своему капиталу, т.-е. нанимает добавочных рабочих, которые предъявляют добавочный спрос на средства потребления на сумму в 1.000 руб. Общая сумма спроса попрежнему равна 10.000 руб. (9.000 + 1.000 руб.), с тем отличием, что спрос на средства потребления для рабочих возрос на 1.000 руб. и на ту же сумму уменьшился спрос на предметы роскоши для фабрикантов. Изменился характер спроса, но сумма его попрежнему определяется стоимостью произведенного сукна или размерами производства. В конечном счете произошел обмен сукна на другие продукты, «за продукты платят продуктами» (Сэй), и увеличение производства одного продукта равносильно возрастанию спроса на другие продукты. «Каждый произведенный продукт означает открытый рынок» для других продуктов, говорит Сэй. «Спрос ограничивается только производством», повторяет за ним Рикардо. Производство само создает для себя рынок, и, следовательно, нелепо говорить о возможности превышения общих размеров производства над общими размерами спроса.

Но, в таком случае, чем объясняется возникновение кризисов? Согласно теории Сея—Рикардо, кризисы сбыта вызываются случайными обстоятельствами (напр., войнами, закрытием внешних рынков и т. п.). Возможно, конечно, частичное перепроизводство одних продуктов, но оно неизбежно означает недопроизводство других продуктов. Если, напр., фабриканты предметов роскоши не учли описанной выше перемены

Digitized by Google

в характере спроса и изготовили предметы роскоши попрежнему на сумму в 2.000 руб., то данная отрасль будет страдать от перепроизводства. Но одновременно будет чувствоваться недопроизводство предметов потребления для рабочих. Эта временная диспропорциональность в производстве будет скоро устранена переливом капиталов из первой отрасли в последнюю. Возможны, следовательно, лишь частичные кризисы, вызываемые временными ошибками в направлении производства. Но невозможны всеобщие кризисы, когда все отрасли производства одновременно страдают от недостатка спроса.

Изложенная теория рынков Сэя—Рикардо самым явным образом опровергалась фактами: Англию периодически потрясали именно всеобщие кризисы, характеризовавшиеся недостатком сбыта и падением цен на все важнейшие товары. Эта теория закрывала глаза на коренные противоречия капиталистического хозяйства и изображала последнее в виде единого целого, отличающегося идеальным взаимным приспособлением и гармоническим развитием всех его частей. Сэй забывал, что сукно не непосредственно обменивается на другие продукты, а сперва должно быть продано за деньги, и притом за определенную сумму денег, покрывающую издержки производства плюс прибыль. Сэй ошибочно изображал процесс воспроизводства, игнорируя затраты на средства производства. Он не мог поэтому понять взаимозависимость между производством средств потребления и производством средств производства и расхождения в темпе их роста. Он недооценивал анархию производства, делающую невозможным равномерное и пропорциональное развитие всех отраслей производства.

Огромная заслуга Сисмонди заключается в том, что он решительно отверг теорию рынков классической школы. За время с 1819 до 1824 года Сисмонди принял участие в трех полемических турнирах с лучшими экономистами классической школы: Мак-Келлоком, Рикардо и Сэем. Все эти экономисты доказывали возможность безграничного роста производства, не наталкивающегося на недостаток спроса. Сисмонди же, как и Мальтус, доказывал, что «потребление не является неизбежным следствием производства», что быстрый рост производства неизбежно вызывает наступление всеобщих кризисов.

Размеры производства, по учению Сисмонди, ограничены размерами потребления, а размеры потребления в свою очередь ограничены суммою доходов членов общества. По-

Digitized by Google

добно тому, как отдельный человек должен соразмерять свое потребление со своими доходами, так и общество должно следовать тому же правилу. «Производство должно соразмеряться с общественным доходом». Предположим, что все классы общества получили в истекшем году определенную сумму доходов, напр., 5 миллиардов руб. Очевидно, что сумма спроса на продукты, который будет предъявлен всеми этими классами в наступающем году, не может быть выше 5 миллиардов руб. Следовательно, размеры производства в наступающем году не должны превышать сумму доходов, полученных всеми классами общества в прошлом году. «Народный доход и годовое производство взаимно уравновешиваются и кажутся равными величинами». «Годовой доход весь предназначен для обмена на годовое производство». Если бы производство в наступающем году поднялось до 6 миллиардов руб., то, очевидно, сумма товаров на 1 миллиард руб. осталась бы непроданною. «Если бы на годовой доход не покупалось бы все годовое производство, часть последнего осталась бы непроданной, она загромоздила бы магазины производителей, парализовала бы их капиталы, и производство приостановилось бы».

Изложенные рассуждения Сисмонди основаны на крупнейшей теоретической ошибке. Сисмонди, подобно Смиту и Сэю, игнорирует затраты на постоянный капитал. На самом деле стоимость годичного производства разлагается не только на доходы (заработная плата, прибыль и рента), но и на часть, возмещающую затраченный постоянный капитал. Следовательно, сумма годичного производства должна быть больше суммы годичных доходов. Если бы верно было утверждение Сисмонди, что «доход прошлого года должен покрыть производство текущего года», то это означало бы, что весь годичный продукт целиком потребляется рабочими и капиталистами. Сисмонди игнорирует необходимость восстановления израсходованного постоянного капитала и не в состоянии объяснить, каким образом происходит накопление нового капитала.

Итак, Сисмонди исходит из ошибочной мысли, что равновесие капиталистического хозяйства возможно только при том условии, если производство текущего года равно доходам прошлого года. Но равенство между ними постоянно нарушается, так как размеры производства, вследствие бешеной конкуренции между капиталистами и прогресса техники (введение машин и пр.), имеют тенденцию к безграничному расширению, сумма же

Digitized by Google

доходов широких масс населения относительно падает. Крестьяне и ремесленники разоряются, их покупательные силы уменьшаются, спрос, предъявляемый ими на продукты промышленности, сокращается. Точно также падают доходы и покупательные силы рабочих, так как введение машин, с одной стороны, усиливает среди них безработицу, а с другой стороны, дает капиталистам возможность понижать заработную плату. «Заработная плата почти всегда уменьшается по сравнению с ростом общественного богатства». «Усовершенствование машин и сбережение человеческого труда ведут к непосредственному уменьшению количества национальных потребителей, ибо все разоренные рабочие были потребителями».

Капитализму, таким образом, свойственны глубокие, безвыходные противоречия: он одновременно расширяет производство и сокращает доходы (и потребление) широких масс населения. Отсюда неизбежность постоянных кризисов перепроизводства, вызываемых недопотреблением широких масс населения. Развивая эту теорию кризисов, Сисмонди не понимал, что относительное падение спроса рабочих на предметы потребления сопровождается колоссальным возрастанием производства средств производства. Игнорируя затраты на постоянный капитал, Сисмонди ошибочно думал, что всякое относительное сокращение спроса рабочих на предметы потребления может быть компенсировано лишь возросшим спросом капиталистов на предметы роскоши. Сисмонди пытался доказать невозможность такой компенсации при помощи доводов, теоретическая несостоятельность которых очевидна. То он гневно обличал чрезмерное «легкомысленное наслаждение роскошью», то доказывал, что капиталисты физически не в состоянии потребить все произведенные предметы роскоши, то указывал на затруднительность перехода от производства средств потребления для рабочих к производству предметов роскоши для капиталистов. Как бы то ни было, Сисмонди был убежден, что падение доходов и покупательной силы широких масс населения, суживая внутренний рынок для капиталистической промышленности, является непосредственною причиною кризисов, потрясающих последнюю. Капитализм может быстро развиваться лишь при наличии внешних рынков для сбыта товаров. Когда все колонии и внешние рынки будут захвачены капиталистическими державами, кризисы приобретут еще более постоянный и острый характер. Учение Сисмонди о невозможности развития капитализма при отсутствии

Digitized by Google

внешних рынков было воспринято русскими народниками 70-х—80-х годов XIX ст.

При всех теоретических ошибках Сисмонди, за ним остается та огромная заслуга, что он первый поставил проблему рынков и кризисов во всей ее широте. Он правильно признал кризисы необходимым спутником капиталистического хозяйства и во внутренней структуре последнего пытался найти причины их появления. Стоя на почве ошибочной смитовской теории воспроизводства и игнорируя все огромное значение, которое в капиталистическом хозяйстве приобретает производство средств производства, Сисмонди не мог решить правильно проблему кризисов. Но его большою заслугою остается то, что он эту проблему поставил, пытался дать на нее цельный, продуманный ответ и осветил одну сторону данного явления, а именно зависимость капиталистического развития от состояния покупательных сил широких масс населения. Сисмонди подорвал веру классиков в возможность безболезненного, бескризисного развития капитализма. Он опроверг их оптимистические уверения, что все классы населения выиграют от осуществления хозяйственного строя, основанного на свободе конкуренции. Если Кэри и Бастиа довели до смешного мысль Смита о гармонии интересов всех членов общества, то Сисмонди пришел уже к печальному выводу, что в «борьбе различных интересов несправедливость будет часто одерживать верх».

Считая капиталистический строй глубоко несправедливым, Сисмонди делал вывод, что он не может претендовать на вечное существование. Убеждение классиков, что капитализм представляет собою вечную и естественную форму хозяйства, Сисмонди справедливо объяснял ограниченностью кругозора. «Наш взор настолько привык к современной общественной организации, к этой всеобщей конкуренции, устанавливающей враждебные отношения между классом богатых и трудящейся массой, что мы не можем себе представить другой формы существования, несмотря на то, что остатки таких форм окружают нас со всех сторон». Как видно из последних слов, яркая критика капиталистического строя, которую дал Сисмонди, исходит из интересов и идеалов мелкобуржуазных классов населения.

Спасение от бедствий капитализма Сисмонди хотел бы найти в патриархальном крестьянском и ремесленном хозяйствах, которые были еще живы в его родной Швейцарии и «остатки» которых были еще рассеяны и в Англии. От капитализма Сисмонди зовет не вперед, а назад. Он не решается проти-

Digitized by Google

вопоставить капитализму идеал нового строя, основанного на коллективной собственности: ему «кажется выше человеческих сил придумать такую форму собственности, которая совершенно отличалась бы от формы, известной нам по опыту». Сисмонди поэтому решительно отмежевывается от утопических социалистов своего времени (Оуэна, Фурье, Томпсона) и, в противоположность проектируемым ими социалистическим коммунам, рисует желательный ему общественный строй в следующих словах: «Я желаю, чтобы фабричная, как и земледельческая, промышленность была разделена на большое количество самостоятельных мастерских, а не сосредоточена в руках одного предпринимателя, управляющего сотнями или тысячами рабочих. Я желаю, чтобы промышленные капиталы были разделены между большим количеством средних капиталистов, а не сосредоточивались в руках одного человека, обладающего миллионами». Общество, состоящее из зажиточных крестьян, самостоятельных ремесленников и мелких торговцев,—таков экономический идеал Сисмонди.

Раз Сисмонди отказывался от коренного переустройства капиталистического общества, основанного на праве частной собственности, ему не оставалось ничего другого, как пытаться смягчить бедствия капитализма при помощи социальных реформ. Сисмонди отказался от учения классиков о недопустимости государственного вмешательства в экономическую жизнь. Он стал одним из первых и горячих проповедников социальных реформ и в этом отношении является предшественником социально-этического направления, получившего широкое распространение, начиная в 70-х годов XIX ст. Мы видели, что, по мнению Сисмонди, основное противоречие капитализма проявляется: 1) в чрезмерно быстром росте производства, сопровождаемом падением покупательных сил населения вследствие: 2) разорения мелких производителей, особенно крестьян, и 3) понижения уровня жизни рабочих. По этим трем пунктам и направлены социально-реформаторские проекты Сисмонди. Для улучшения положения рабочих он рекомендует,—являясь в этом отношении одним из первых и горячих сторонников фабричного законодательства,—ряд законодательных мер (право коалиции рабочих, запрещение детского труда, обязательный воскресный отдых, обязанность предпринимателей содержать своих рабочих во время болезни и безработицы и т. п.). Далее, Сисмонди хотел бы поддержать мелкое крестьянское хозяйство и красноречиво описывает преимущества его по сравнению с крупными латифундиями. Он

Digitized by Google

не забывает прибавить, что «многочисленный класс крестьян-собственников служит лучшей гарантией для сохранения установленного порядка». Если в проектах фабричного законодательства проявилась прогрессивная сторона мировоззрения Сисмонди, то его горячие симпатии к трудящемуся крестьянскому населению не лишены некоторой нотки консерватизма. Наконец, прямой реакционно-утопический характер носят стремления Сисмонди к ограничению размеров промышленного производства. Правда, Сисмонди отклоняет от себя часто бросавшееся его противниками обвинение в том, что он враждебно относится к промышленному прогрессу и успехам техники. «Не усовершенствование машин составляет несчастье, а несправедливое распределение продуктов, являющихся результатом этого усовершенствования»,—отвечает Сисмонди своим противникам. Но когда Сисмонди говорит, что введение машин должно быть замедлено в интересах вытесняемых ими ремесленников и рабочих («Право,—пишет он,—ввиду стольких страданий, можно было бы хоть в данный момент отказаться от поощрения изобретений, которые лишь в состоянии увеличить эти страдания»), его советы являются одновременно утопическими и реакционными. В данном пункте учение Рикардо о необходимости максимального роста производительных сил носило более прогрессивный характер, чем жалобы Сисмонди на чрезмерное увеличение производства. В данном пункте с наибольшею яркостью сказалась ограниченность мелкобуржуазной критики капиталистического хозяйства, нашедшей свое выражение в сочинениях Сисмонди.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

СОЦИАЛИСТЫ-УТОПИСТЫ.

Если Сисмонди критиковал классическую школу с точки зрения интересов разоряемой мелкой буржуазии, то ранние социалисты-утописты выражали потребности и стремления молодого рабочего класса. Их критика была поэтому принципиальнее и глубже, чем критика Сисмонди. В нашу задачу не может входить подробное изложение развития социалистических идей. Мы остановимся только вкратце на нескольких английских социалистах послерикардовской эпохи, которые интересовались вопросами экономической теории и делали из учения классической школы выводы социалистического характера.

Среди этих экономистов можно отличать две группы. К первой принадлежат Пирси Равенстон [1]) и Томас Годскин [2]). Оба они, отчасти под влиянием идей Годвина, мечтали о замене капиталистического строя, несущего разорение народным массам, патриархальным хозяйством мелких крестьян и ремесленников. Они, таким образом, составляли переходную группу от мелкобуржуазных критиков капитализма к социалистическим. Вторую социалистическую группу составляли: Вильям Томпсон [3]), Джон Грэй [4]) и Джон Брэй [5]). Эти писатели, соединявшие экономиче-

---

1) Главное его сочинение „Кое-какие сомнения насчет правильности некоторых общепринятых взглядов по вопросам политической экономии“ вышло в 1821 г.

2) Родился в 1787 г., умер в 1869 г. Главные сочинения: „Защита труда“ (1825 г.), „Народная политическая экономии“, „Естественные и искусственные права собственности“ (1832 г.).

3) Родился в 1785 г., умер в 1833 г. Главные сочинения: „Исследование о принципах распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью“ (1824 г.), „Вознаграждение труда“ (1827 г.).

4) Родился в 1798 г., умер в 1850 г. Главное сочинение: „Социальная система“ (1831 г.).

5) Главное сочинение: „Бедствия трудящихся классов и средство для их исцеления“ (1839 г.).

Digitized by Google

ские идеи Рикардо с социалистическими идеями Оуэна, сочувствовали устройству социалистических общин. Однако и их социалистические идеалы отличались крайней непоследовательностью, и в их сочинениях можно найти множество пережитков мелкобуржуазных идеалов. Перечисленные экономисты, как и их предшественники Годвин и Оуэн, дали сильную и яркую критику капиталистического хозяйства. В этом сильнейшая сторона их сочинений. Значительно слабее оказались они в разработке экономической теории. По существу они все восприняли, и подчас без надлежащей критики, основные положения теории Рикардо и лишь придали им другое освещение с точки зрения своих социалистических идеалов. Там, где классики ставили плюс, социалисты ставили минус, и наоборот.

В области социальной философии социалисты-утописты в своем большинстве разделяли идеи естественного права. В этом отношении они не отличались от ранних представителей классической школы. Но они резко расходились с ними в ответе на вопрос, какой именно общественный строй должен быть признан «естественным», разумным, справедливым. Смит признавал естественным капиталистический строй. Социалисты считали этот строй основанным на захвате (земли и средств производства землевладельцами и капиталистами), на насилии и обмане. Они признавали этот строй «противоестественным». Можно ли, спрашивает Годскин, признать естественным современное распределение богатств, «хотя оно является наглядным нарушением того естественного закона, что благосостояние доставляет труд, и только труд, и хотя оно поддерживается только вооруженною силой и системой жестоких и кровавых законов?».

Уже из этой цитаты мы видим, почему социалисты признают капиталистический строй противоречащим естественному праву: этот строй, по их мнению, нарушает «естественный» закон трудовой стоимости. Здесь ярко проявляется то новое и особое значение, которое социалисты придают закону трудовой стоимости. Они полностью восприняли этот закон в той формулировке, которую ему дал Рикардо. «Труд есть единственный источник стоимости», настойчиво повторяют социалисты вслед за Рикардо, не внося в его формулу никаких улучшений. Даже Томпсон, которому некоторые буржуазные историки экономической мысли приписывали роль непосредственного предшественника Маркса, не отличал конкретного труда от абстрактного и путал меновую стоимость с потребительною. Труд признается

Digitized by Google

им единственным источником не только меновой стоимости, но и богатства: «Если мы оцениваем потребительное благо, то мы в сущности оцениваем труд, затраченный на его фабрикацию, равно как на добычу и заготовку сырого материала».

Но восприняв от Рикардо полностью его формулу трудовой стоимости, социалисты придали ей другой методологический смысл. Рикардо видел в этой формуле закон, действующий (хотя и с отклонениями) в капиталистическом хозяйстве. Социалисты же полагали, что этот закон в капиталистическом хозяйстве нарушается и не проявляет своего действия. То, что у Рикардо являлось теоретическим законом реальных явлений капиталистического хозяйства, превращалось у социалистов в нравственный постулат, подлежащий еще осуществлению в будущем социалистическом обществе. Теория трудовой стоимости была подменена учением о «праве рабочего на полный продукт труда». «Каждый человек,—писал Брэй,—имеет бесспорное право на все, что он может создать для себя своим честным трудом».

С методологической стороны эта новая постановка учения о трудовой стоимости означала, по сравнению с Рикардо, шаг назад. Она напоминала «нормативную» постановку проблемы стоимости у средневековых мыслителей. В то время как для Маркса (в меньшей степени для Рикардо) теория трудовой стоимости служила средством для познания и объяснения явлений и категорий капиталистического хозяйства, ранние социалисты пользовались категорией трудовой стоимости, для того чтобы при ее помощи отбросить, как излишние и ложные, другие экономические категории в том виде, какой они имеют в капиталистическом хозяйстве (напр., деньги, капитал, наемный труд, прибыль и т. п.).

Действительно, если стоимость товара должна быть выражена в труде, зачем же выражать ее в деньгах? Ранние социалисты не понимали, что в товарном хозяйстве трудовая стоимость продукта не может быть выражена иначе, как в виде денег. Им казалось возможным определять стоимость товара непосредственно в трудовых единицах. «Естественным мерилом стоимости является в принципе человеческий труд», писал Оуэн и делал отсюда тот вывод, что «абсолютно необходимо ввести этот принцип в непосредственное действие». С легкой руки Оуэна, идея «трудовых денег» и «базаров для обмена» приобрела широкую популярность среди социалистов. Грэй предлагал устроить национальный банк, куда каждый производитель мог бы сдавать свой

Digitized by Google

продукт, получая в обмен за него сертификат на определенное число трудовых единиц. Владелец сертификата имеет право получить со складов банка любой продукт, оцененный в такое же количество трудовых единиц. Такой безденежный обмен гарантировал бы производителю возможность сбыть свой продукт в любой момент по его полной трудовой стоимости. Категория денег была бы уничтожена, для того чтобы тем полнее осуществить на практике принцип трудовой стоимости. К сожалению, быстрое банкротство обменных базаров и банков воочию показало невозможность уничтожить деньги, сохранив за продуктами труда характер товара или стоимости. «Организация обмена» при неорганизованном товарном производстве оказалась утопической затеей.

Но, конечно, для полного торжества принципа трудовой стоимости должны быть уничтожены не только деньги, но и все категории, присущие капиталистическому хозяйству. Обмен капитала на живой труд (рабочую силу) резко противоречит закону трудовой стоимости, так как рабочий в этом обмене получает меньшую стоимость, чем стоимость его «труда». Заслуга ранних социалистов заключается в том, что они с большой силой подчеркивали это основное противоречие, в котором запуталась классическая теория. Но разрешить это противоречие, т.-е. показать, каким образом на основе действия закона стоимости возникает прибавочная стоимость, они также не сумели. Они утверждали (сходясь в этом пункте с Мальтусом и другими критиками рикардовой теории стоимости), что появление прибавочной стоимости противоречит закону трудовой стоимости. Отсюда они делали вывод, что наемный труд и капитализм должны быть признаны вредными и противоестественными институтами. Если Рикардо не мог понять исторически-преходящего характера капитализма, то ранние социалисты не могли понять его исторически-необходимого характера. Капиталистический строй в их глазах не более как «чудовищная экономическая система», «бесстыдный, хотя и легальный грабеж». В своем справедливом негодовании против неравенств капиталистического хозяйства ранние социалисты забывали о необходимости познания и изучения реальных явлений этого хозяйства. Этическое отвержение капитализма слишком легко превращалось у них в теоретическое игнорирование присущих ему законов. Слишком занятые построением планов того, что должно быть, социалисты-утописты недостаточно внимательно изучали то, что есть.

Digitized by Google

Хотя охарактеризованная методологическая позиция ранних социалистов ослабляла их интерес к теоретическому изучению явлений капиталистического хозяйства, тем не менее в понимании проблемы прибавочной стоимости они сделали шаг вперед — благодаря своей пролетарской точке зрения — по сравнению с классиками. Они лучше и яснее их понимали механизм капиталистической эксплоатации. Встречающаяся уже у Смита мысль, что капиталисты и землевладельцы получают свой доход из стоимости продукта, созданного рабочими, выдвигается ранними социалистами с большой силою на первый план. «Современное положение дел таково, что рабочие должны делить свой продукт с непроизводительными бездельниками», писал Годскин. Автору одного социалистического памфлета, изданного в 1821 году, принадлежит та большая заслуга, что он объединил все виды нетрудового дохода в одну категорию, которую, правда, он называл еще процентом, а не прибавочной стоимостью. «Уплачиваемый капиталистам процент, принимает ли он характер ренты, денежного процента или предпринимательской прибыли, выплачивается из труда других людей». Здесь все виды нетрудового дохода соединяются в прибавочную стоимость, а источником последней признается «прибавочный труд» рабочих. Приблизительно такое же понимание прибавочной стоимости мы встречаем и у Томпсона: «Не может быть другого источника прибыли, как стоимость, которая прибавлена к сырому материалу искусным трудом. Материалы, здания, машины, заработная плата не могут прибавить ничего сверх своей собственной стоимости. Прибавочная стоимость происходит только от труда». В понимании природы прибавочной стоимости и заключается важнейшая теоретическая заслуга ранних социалистов, которые в этой области подготовили путь Марксу.

Мы включили разбор экономических теорий ранних социалистов в отдел о разложении классической школы не только потому, что эти авторы, стоя на почве рикардовой теории стоимости, делали из нее практические выводы социалистического характера, резко расходящиеся с учением классической школы. Даже с чисто теоретической точки зрения, та постановка экономических проблем, которую мы встречаем у ранних социалистов, свидетельствовала о крахе классической теории. Рикардо не мог примирить закон трудовой стоимости с реальными явлениями капиталистического хозяйства (обмен капитала на рабочую силу, равная норма прибыли на капитал). Пока это основное противо-

Digitized by Google

речие оставалось до Маркса не устраненным, выйти из затруднения можно было только одним из следующих двух способов. Либо необходимо было отказаться от закона трудовой стоимости, чтобы сосредоточить все свое внимание на изучении поверхностных явлений капиталистического хозяйства; либо можно было сохранить принцип трудовой стоимости, но ценою отказа от теоретического исследования реальных явлений капитализма. По первому пути пошли Мальтус, Торренс и другие критики Рикардо, объявившие теорию трудовой стоимости обманчивой фикцией. По второму пути пошли социалисты-утописты, объявившие обманом и фикцией капиталистический строй, основанный на «неравном» обмене капитала на труд. Оба эти пути знаменовали собой крах классической теории.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЗАКАТ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

(Джон Стюарт Милль.)

Обычно считают, что история классической школы началась с выхода в свет «Богатства народов» Адама Смита в 1776 году и завершилась появлением в 1848 году труда Джона Стюарта Милля: «Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии».

Книга Смита открывала широкие и радужные перспективы хозяйственного прогресса. Система Рикардо, знаменовавшая собою высшую точку развития классической школы, стояла под знаком борьбы буржуазии с землевладельческим классом и уже обнаруживала, хотя и слабое, предчувствие грядущей борьбы с рабочим классом. После Рикардо мысль буржуазных экономистов все более направлялась на защиту буржуазной (и земельной) собственности от нападок социалистов: классическая школа переживала период вульгаризации и апологетики и, с другой стороны, встречала все более сильную оппозицию со стороны ранних социалистов. Наконец, в лице Джона Стюарта Милля классическая школа как бы собрала свои последние и лучшие силы, чтобы снова оказаться на одном уровне с веком и дать ответ на новые задачи, вставшие перед человечеством. Попытка эта была запоздалою: она только доказала, что творческие силы классической школы исчерпаны, что созданные ею идеи и теории уже устарели и не могут служить фундаментом для построения нового всеобъемлющего здания социальной философии.

Милль (1806—1873), как указывает заглавие его труда, намеревался построить именно такое всеобъемлющее здание. Он хотел «представить экономические явления общественной жизни в связи с лучшими социальными идеями настоящего времени, как это делал Адам Смит с таким удивительным успехом

Digitized by Google

относительно философии его века». К решению этой грандиозной задачи Милль, казалось, больше других экономистов был подготовлен и своим философским складом ума [1]), и разносторонним, можно сказать, сверхчеловеческим образованием, которое дал ему его отец Джемс Милль, и, наконец, своею чуткостью к наиболее прогрессивным социальным течениям своего времени. Тем не менее, написать «труд, по своей цели и по общей идее подобный труду Адама Смита», Миллю не удалось. Хотя книга его заслужила огромную известность и до конца XIX века считалась лучшим курсом политической экономии, но по существу и социально-философские и теоретико-экономические идеи ее преисполнены вопиющих и неразрешимых противоречий. Адам Смит выражал точку зрения наиболее прогрессивного класса своей эпохи, промышленной буржуазии, и мог с этой точки зрения связать воедино свою социальную философию и экономическую теорию. К середине XIX века идеи экономического и политического либерализма, на которых воспитался в детстве и Д. С. Милль, уже устарели. Вера, что капиталистический строй принесет с собою всеобщее благополучие и гармонию интересов всех членов общества, была уже подорвана противоречиями капиталистического хозяйства, бедствиями низших масс населения, классовою борьбою пролетариата и критикою социалистических мыслителей. Милль не остался глух к знамениям времени: он с горячим сочувствием относился к судьбе ирландских крестьян, с симпатией следил за успехами рабочего движения, с интересом изучал идеи сен-симонистов и фурьеристов. Он отказался от дорогих ему в детстве идей буржуазного либерализма и в старости все более склонялся к социалистическим идеям. Но перейти целиком на точку зрения рабочего класса Милль не сумел: он, в глубоком раздумье и сомнениях, остался на полдороге от либерализма к социализму,—и отсюда обилие противоречий в его социальной философии.

Основной тон социально-философских размышлений Милля—глубокое разочарование в капиталистическом строе с присущею ему конкуренцией и борьбою отдельных лиц и классов. Далеко позади осталось время, когда Смит писал, что, «преследуя свою собственную выгоду, человек часто работает на общую пользу более действительным образом, чем если бы задался

[1]) Милль написал знаменитую „Систему логики“ и ряд других философских трудов.

Digitized by Google

такою целью». Теперь Милль, противопоставляя себя «экономистам старой школы», писал: «Сознаюсь, меня вовсе не прельщает идеал жизни, который питают люди, считающие, что естественное состояние человека есть борьба за существование; что положение, при котором каждый топчет, теснит, расталкивает и преследует других по пятам,— представляющее современный тип социальной жизни,— есть самая желательная участь человечества, а не печальный симптом одного из фазисов экономического развития». Не только наивная вера Смита во всеобщую гармонию интересов, но и более скромная надежда Рикардо, что капиталистический строй, «увеличивая общее количество всех продуктов, распространяет всеобщее благосостояние», не разделяется уже Миллем. Указание на присущий капитализму мощный рост производительных сил его не утешает: «До сих пор еще подлежит сомнению, облегчили ли все уже сделанные механические изобретения ежедневный труд хоть одного человека. Они дали возможность большему населению жить тою же тяжелой и лишенной свободы жизнью, и большему числу фабрикантов и других людей наживаться».

Но где же искать выхода? Под влиянием социалистов-утопистов, Милль не боится поставить вопрос об «общем пересмотре коренных начал», на которых построено хозяйство, о возможности замены капиталистического строя социалистическим. Милль отвергает аргументы, претендующие доказать невозможность социалистического хозяйства. «Если бы пришлось выбирать между коммунизмом, со всем его риском, и между настоящим положением общества с его страданиями и несправедливостью», то, «как бы велики или малы ни были затруднения (коммунизма), они были бы песчинкой на весах сравнения». И тем не менее Милль не высказывается решительно за социализм. Конечно, говорит он, коммунизм лучше «частной собственности в настоящем ее виде», но еще неизвестно, лучше ли он частной собственности в том виде, в который «она может быть приведена» при помощи глубоких социальных реформ. Вопрос о «сравнительной выгодности» коммунизма или реформированного капитализма остается не решенным. «Мы совершенно не знаем, что может лучше выполнить индивидуальная самодеятельность или социализм в их лучших формах, для того чтобы решать, кто из них послужит конечной формой развития человеческого общества». При таких условиях не остается делать ничего другого, как подвергнуть социализм «доброй проверке на

Digitized by Google

опыте» при помощи устройства «в скромных размерах» социалистических общин. А пока вопрос о пригодности социализма не будет решен окончательно, «при современном положении общественного развития главною целью всех стремлений может служить не устранение частной собственности, а улучшения в ней и полнейшее участие каждого члена общества в приносимых ею выгодах».

Таким образом Милль, не отвергая в принципе социализма, все же главною своею целью ставит проведение ряда социальных реформ для улучшения положения низших классов населения. Он требует устройства производительных и иных ассоциаций рабочих, ограничения права наследования, высоких налогов на земельную ренту. Милль, по следам Сисмонди, красноречиво защищает мелкое крестьянское хозяйство и требует передачи трудящимся земель, захваченных ленд-лордами. Пером и словом, в качестве депутата парламента, Милль смело и честно выступает в защиту всех обездоленных, отстаивает права ирландских крестьян, протестует против жестокостей англичан в колониях, горячо ратует за равноправие женщин. С величайшим сочувствием Милль следит за успехами рабочего движения, за ростом самосознания рабочих, которые уже не чувствуют «почтительного страха или благоговейного послушания, удерживающего их в умственном подчинении высшему классу». Но вместе с тем Милль боится обоетрения классовой борьбы и советует рабочим «стать разумными существами».

Как видим, даже в своей социальной философии, в которой Милль наиболее далеко ушел от идей своего отца и других либералов начала XIX века, он остановился на полдороге от либерализма к социализму. Проблема социализма поставлена у Милля, как и у ранних социалистов, в утопической форме: мыслителю ставится задача обсудить «сравнительную выгодность» капитализма и социализма, придумать идеальную общественную систему, которая должна быть осуществлена в силу присущего ей внутреннего совершенства. Хотя Милль и воспринял от Огюста Конта идею исторического развития человеческого общества, но понять социализм, как необходимую фазу в развитии человечества и необходимый результат развития капиталистического хозяйства и классовой борьбы рабочего класса, ему не было дано. Для Милля стоял вопрос не о необходимости, а о желательности и возможности социализма. Но можно ли стремиться к установлению социалистического строя

Digitized by Google

или хотя бы к введению коренных социальных реформ, если сфера хозяйства, как учили классики, подчинена неизменным естественным законам? Чтобы открыть дорогу социальным реформам, Милль должен был отвергнуть идею классиков о вечных, неизменных законах хозяйства. Но и здесь он остановился на полдороге и пришел к своему странному делению экономических законов на два вида: законы производства и законы распределения. «Законы и условия производства близки по характеру к истинам естественных наук. В них нет ничего зависящего от нашего усмотрения, в них нет ничего произвольного». «Не то — с распределением богатств. Распределение—дело чисто человеческого учреждения. Когда вещи имеются налицо, то люди, как частные лица или как общество, могут поступать с ними, как хотят. Они могут отдать их в распоряжение любого лица и на любых условиях». В сфере производства господствуют вечные и неумолимые естественные законы, в сфере же распределения господствует свободная человеческая воля, которая может творить любые формы распределения продуктов и вводить в этой области любые социальные реформы.

Ошибочность деления Милля очевидна. При данном способе производства между людьми с необходимостью устанавливаются определенные распределительные отношения, которые в свою очередь воздействуют на способ производства. Разве введение социалистического строя означает только реформу распределительных отношений, а не самого способа производства? Разве могут люди, как участники производства, отдавать продукты «в распоряжение любого лица и на любых условиях», не изменяя тем самым и способа производства? Вместо того чтобы понять хозяйственный процесс, как единое целое, охватывающее производство и распределение продуктов, Милль искусственно разрывает их друг от друга. Вместо того чтобы и производство и распределение подчинить действию необходимых, но исторически изменяющихся законов, Милль подчиняет производство действию вечных законов, в распределении же видит сферу произвола, не обнаруживающую в своих явлениях необходимой закономерности.

Разобранное деление экономических законов, при всей его ошибочности, было нужно Миллю для того, чтобы, с одной стороны, открыть двери социальным реформам, а с другой стороны, сохранить в неприкосновенности систему естественных законов хозяйства, установленную классическою школою. Дуализм зако-

Digitized by Google

нов производства и распределения является отражением коренного дуализма всей системы Милля, непримиримого противоречия между его социальною философией и экономическою теорией. Если в своей социальной философии Милль далеко ушел от своего отца, то в области экономической теории он лишь повторял и систематизировал идеи экономистов рикардовской и послерикардовской эпох. Воспринятые в ранней юности экономические теории (когда Д. С. Миллю было 13 лет, отец излагал ему политическую экономию и давал читать сочинения Смита и Рикардо) он сохранил неизмененными до старости, несмотря на коренной пересмотр своих социально-философских воззрений. Отсюда получились вопиющие противоречия между социальною философией и экономическою теорией Милля. Этот горячий сторонник социальных реформ был вместе с тем рьяным защитником мальтусовского закона населения, доказывавшего тщетность всяких реформ общественного строя. Этот друг тред-юнионов был (до 1869 года) сторонником теории фонда заработной платы, доказывавшей бесплодность и вред экономической борьбы рабочих. Этот критик капитализма не замечал основных противоречий капиталистического хозяйства и поддерживал учение Сэя о невозможности общих кризисов.

В области экономической теории Милль не является оригинальным мыслителем, прокладывавшим новые пути. В своем раннем сочинении «Опыты о некоторых неразрешенных вопросах политической экономии», написанном в 1830 г. и напечатанном в 1844 г., Милль старался внести кой-какой вклад в разработку классической теории, особенно в теории международной торговли. Но в своем главном и знаменитом труде «Основания политической экономии» (оставляя в стороне социально-философские взгляды) он дает лишь полное, систематическое и ясное изложение теорий, разработанных прежними экономистами классической школы. В основу его труда положена система Рикардо, но вместе с тем трудно указать какого-нибудь другого крупного экономиста рикардовской и послерикардовской эпох, теории которого Милль не воспринял бы и не включил в свою систему. У Мальтуса он взял теорию народонаселения, а у Сэя—учение о кризисах. Подобно Торренсу, он превратил теорию трудовой стоимости в теорию издержек производства и, по примеру Бэйли, ограничил свое исследование понятием «относительной» стоимости. От Джемса Милля и Мак-Каллока он воспринял учение о фонде заработной платы (от кото-

Digitized by Google

рого в 1869 году отказался), а от Сениора—теорию воздержания. В эту систему идей, разработанных классическою школою, врывались критические идеи, воспринятые Миллем от противников этой школы. По примеру Сисмонди, Милль горячо отстаивал мелкое крестьянское хозяйство и вслед за социалистами-утопистами критиковал капиталистический строй.

Таким образом, в области чисто теоретического исследования Милль не открыл для науки новых перспектив, а лишь подвел итоги ее прошлому. Милль не только не сумел вырваться из круга идей классической школы, но большинство этих идей он воспринял и изложил в той формулировке, которую они получили в послерикардовский период, т.-е. в период упадка и разложения. Хотя Миллю абсолютно чужды были апологетические цели, преследовавшиеся эпигонами классической теории, тем не менее процесс вульгаризации, которому эта теория подвергалась в их руках, не остался без влияния и на изложение Милля. Для примера укажем на центральные проблемы экономической теории, проблемы стоимости и прибыли, в разработке которых Милль сделал шаг назад по сравнению с Рикардо.

Милль отличает три категории товаров: 1) товары, количество которых абсолютно ограничено, напр., старинные статуи; 2) товары, количество которых может увеличиваться до бесконечности без увеличения издержек производства на единицу продукта, напр., фабричные изделия, и 3) товары, количество которых может быть увеличено с повышением издержек производства на единицу продукта, напр., земледельческие продукты.

Стоимость (вернее, цена) товаров первой категории устанавливается на основе закона спроса и предложения, в формулировку которого Милль вносит ценные улучшения по сравнению с своими предшественниками. Ошибочно говорят о пропорции между спросом и предложением, следует говорить об уравнении между ними. «Спрос и предложение,— количество требуемое и количество предлагаемое,— должны быть уравнены». Цена товара всегда устанавливается на таком уровне, при котором количество требуемых по данной цене товаров равно количеству товаров, предлагаемых к продаже по той же цене. Милль впервые подчеркнул, что, если цена товара зависит от соотношения спроса и предложения, то и, обратно, размеры спроса и предложения изменяются в зависимости от изменения цены товара.

Что касается товаров второй категории, то спросом и предло-

Digitized by Google

жением определяются только временные отклонения их цен от стоимости. «Устойчивое равновесие» между спросом и предложением возможно только в том случае, если цена товара совпадает с его стоимостью. Величина же стоимости в этом случае регулируется законом издержек производства. «Издержки производства вещи для ее производителя, или целого ряда производителей, состоят в труде, израсходованном на ее производство». Отсюда следует, что «стоимость товаров зависит главным образом от количества труда, необходимого для их производства». На первый взгляд Милль как будто принимает закон трудовой стоимости, формулированный Рикардо. Но тут же дальше он продолжает: «Если мы будем считать производителем капиталиста, делающего затраты, то мы можем слово труд заменить словом заработная плата; в этом случае продукт стоит капиталисту столько, сколько последний должен был уплатить в виде заработной платы». Итак, «труд» незаметно подменяется «стоимостью труда» или «заработною платою»,— смешение, встречающееся у Смита и устраненное критикою Рикардо. Вместо формулы: стоимость определяется трудом получаем формулу: стоимость определяется размером израсходованной заработной платы, или издержек производства, или затраченного капитала (так как Милль, продолжая ошибку Смита, игнорирует затраты на постоянный капитал и принимает, что весь капитал в конечном счете затрачивается на заработную плату).

Однако стоимость товара не может равняться только сумме израсходованной заработной платы, потому что в таком случае капиталист не получал бы никакой прибыли. «Кроме труда есть еще другой необходимый элемент (производства), а именно капитал. Так как он составляет результат воздержания, то продукт или стоимость последнего должны быть достаточными для вознаграждения не только за весь необходимый для производства труд, но и за воздержание всех лиц, которые доставляли заработную плату различным классам рабочих. Вознаграждение за воздержание называется прибылью». Следовательно, стоимость товара определяется суммою израсходованной на его производство заработной платы плюс средняя прибыль на эту сумму. Товары «естественно и постоянно обмениваются друг на друга сообразно с отношением сумм заработной платы, уплачиваемых при их производстве, и сообразно с отношением сумм прибылей, получаемых капиталистами, которые платят эту заработную пла-

Digitized by Google

ту». Теория трудовой стоимости заменена вульгарною теорией издержек производства.

Эта замена понадобилась Миллю для того, чтобы объяснить те «исключения» из закона трудовой стоимости, которые указал Рикардо и над объяснением которых тщетно ломали себе голову Джемс Милль и Мак-Келлок. Раз стоимость товара определяется суммою заработной платы (или издержек производства) плюс прибыль, то нет ничего удивительного в том, что стоимость вина, пролежавшего десять лет в погребе, повышается: в течение этих десяти лет прибыль на капитал, вложенный в дело, начисляется и, в качестве самостоятельного элемента, входит в стоимость товара. Словом, если в одной отрасли производства капитал авансируется на более долгий срок, чем в другой (или в первой, вследствие сложности труда или других обстоятельств, существует более высокий уровень заработной платы или прибыли), то продукт, произведенный в первой отрасли, по своей стоимости выше продукта, произведенного в последней, хотя бы на производство их были затрачены совершенно равные количества труда. С точки зрения теории издержек производства, объяснение этих «исключений» не представляет никакой трудности.

Что же, в таком случае, остается от закона трудовой стоимости? Он проявляет свое действие только в одном, и очень редком, случае. Если в двух отраслях производства капиталы авансируются на одинаковый срок и уровень заработной платы и прибыли в обоих одинаковый, то их продукты, изготовленные при помощи одинаковых количеств труда, обмениваются друг на друга. Это и вполне понятно: при предположенных условиях равенство затраченного труда означает (ввиду одинакового уровня заработной платы) равенство израсходованных сумм заработной платы и, следовательно, равенство начисляемых сумм прибыли (ввиду одинакового уровня прибыли и одинаковой продолжительности обращения капитала). В сущности товары обмениваются друг на друга не потому, что равны количества затраченного на их производство труда, а потому, что равны издержки их производства (т.-е. сумма заработной платы) плюс прибыль.

Как видим, Милль купил объяснение «исключений» из закона трудовой стоимости дорогою ценою: полным, хотя и прикрытым, отказом от этого закона, составлявшего наиболее ценную часть наследства Смита и Рикардо. При внешнем сходстве

Digitized by Google

построений Рикардо и Милля, между ними существует коренное принципиальное отличие. Рикардо считает основным законом закон трудовой стоимости. Он ошибочно считает, что закон этот должен в капиталистическом хозяйстве непосредственно проявлять свое действие. Поэтому случаи продажи товаров по ценам производства, отклоняющимся от трудовой стоимости,—случаи, представляющие общее правило в капиталистическом хозяйстве,—он признает исключениями из закона стоимости. Он не может объяснить эти исключения с точки зрения своего общего закона,—и отсюда логический крах его построения. Но, при всей противоречивости своего изложения, Рикардо не отказывается от своего основного закона трудовой стоимости и тем оставляет открытым путь для дальнейшего прогресса науки. Впоследствии Маркс показал, что закон трудовой стоимости не непосредственно, а косвенным путем регулирует явления капиталистического хозяйства, определяя в конечном счете те цены производства, которые в системе Рикардо играли роль исключений. Маркс показал, что только на основе закона трудовой стоимости может быть понят закон издержек производства.

В противоположном направлении учение Рикардо было изменено Миллем. Как и Рикардо, он ставит себе неправильную цель, а именно хочет открыть, в каких случаях закон трудовой стоимости непосредственно регулирует обмен товаров. В отличие от Рикардо, он правильно видит, что в капиталистическом хозяйстве это может иметь место только в редких случаях. Напротив, продажу товаров по издержкам производства плюс средняя прибыль, фигурирующую у Рикардо в виде исключения из общего закона, Милль признает общим правилом. Он признает основным закон издержек производства, сходясь в этом отношении с противниками Рикардо (напр., Торренсом). Но чтобы сохранить преемственность своего построения с теорией Рикардо, Милль, во-первых, выделяет особо те случаи, когда обмен товаров (при полном равенстве условий в двух отраслях производства) подчиняется непосредственно закону трудовой стоимости, и, во-вторых, признает труд, необходимый для производства, «самым главным» из элементов, влияющих на стоимость продукта. Обе эти оговорки, однако, не меняют существа дела. На-ряду с трудом ставятся другие элементы, самостоятельно, хотя бы и с меньшею силою, определяющие стоимость товара (различия в продолжительности обращения капи-

Digitized by Google

тала, различия в уровне заработной платы и прибыли). Действие закона трудовой стоимости рассматривается только как особый случай (встречающийся при комбинации определенных условий) действия закона издержек производства.

Итак, Рикардо объявил закон трудовой стоимости основным, а закон издержек производства рассматривал как теоретически необъяснимое исключение. Это противоречивое построение не могло сохраниться. Противоречие между обоими теоретическими законами могло быть устранено лишь подчинением одного из них другому. Маркс признал основным закон трудовой стоимости, а производным закон издержек производства, который, при наличии капиталистического хозяйства, объясняется первым законом и им в последнем счете регулируется. Милль признал закон издержек производства основным, а действие закона трудовой стоимости производным, частным случаем действия первого закона. Устранения противоречий Рикардо Милль добился ценою отказа от закона трудовой стоимости, этого основного, скрыто действующего регулятора товарно-капиталистического хозяйства. Он отказался от исследования внутренних законов капиталистического хозяйства и ограничился обобщением его внешних явлений. В этом смысле он пошел назад от Рикардо, в сторону «вульгаризаторов» послерикардовской эпохи. Стройность своей схемы Милль купил за счет ее глубины. Стоимость товара определяется издержками производства плюс прибыль,—гласит формула Милля, совпадающая с расчетами фабриканта. Но чем определяется высота издержек производства? Не стоимостью ли рабочей силы, сырья, машин и т. п.? Но это значит вращаться в порочном кругу и объяснять стоимость одного продукта (товара) стоимостью других продуктов (средств производства).

Кроме того,—и это еще важнее,—формула Милля не дает ответа ни на вопрос о происхождении прибыли, ни на вопрос о ее высоте. В то время как Рикардо приближался к идее прибавочной стоимости и рассматривал прибыль, как часть стоимости, созданной трудом рабочего, у Милля она выступает в виде стоимости, прибавленной к «стоимости труда» (т.-е. к заработной плате). И здесь Милль не освободился от влияния вульгаризаторов послерикардовской эпохи. В одном месте он заявляет, в духе Рикардо, что «причина прибыли та, что труд производит больше, чем требуется на его содержание». Но чаще всего для объяснения прибыли

Digitized by Google

он ссылается на теорию воздержания Сениора: «Подобно тому как заработная плата рабочего есть вознаграждение за труд, так и прибыль капиталиста, по верному выражению Сениора, есть, собственно говоря, вознаграждение за воздержание».

Труд Милля, который, по мысли автора, должен был открыть новую эру в развитии экономической мысли, явился лишь знамением окончательного разложения классической школы. Он свидетельствовал об этом двойным образом. Социально-философская часть труда Милля делала очевидным, что идеи экономического либерализма, развитые классическою школою, безвозвратно отжили свое время и не пригодны для разрешения великой исторической задачи уничтожения общественного строя, основанного на эксплоатации человека человеком. Экономическая часть его труда являлась наглядным доказательством того, что классическая теория бессильна вскрыть внутреннюю закономерность капиталистического хозяйства, и даже в руках наиболее прогрессивного мыслителя переживает процесс вульгаризации и регресса. Зияющая пропасть между социальною философией и экономической теорией Милля свидетельствовала о том, что буржуазная экономическая теория не может уже служить, как это было раньше, фундаментом для прогрессивной общественной практики. Практическая деятельность Милля была лучше его экономических теорий и часто шла вразрез с ними.

Мучительность разрыва между теорией и практикою смягчалась для Милля утопическою постановкою социальной проблемы. Милль разбирал достоинства и недостатки социальных реформ, не интересуясь вопросом, в какой мере эти реформы являются необходимым результатом внутреннего развития капиталистического общества. Именно поэтому он при анализе капиталистического хозяйства мог удовлетвориться устарелыми теориями своих предшественников. Утопическая социальная философия уживалась с устарелою экономическою теорией. Для экономической теории могли открыться новые перспективы лишь после того, как вся социальная проблема получила новую постановку. Когда Карл Маркс перешел от утопического социализма к научному, он поставил себе целью показать, что социалистический строй есть необходимая фаза в истории человечества, вытекающая из внутренних сил развития капиталистического общества. Для научного обоснования социализма Марксу необходимо было вскрыть закономерность развития капиталистиче-

Digitized by Google

ского хозяйства, этой основы всего буржуазного общества. Маркс очистил экономическую теорию от вульгарных наростов периода разложения классической школы и принял за исходную точку исследования наиболее здоровые идеи Смита и Рикардо, которые подверг коренной переработке и включил в цельную и продуманную социологическую систему. Этим самым Маркс развил наиболее ценные идеи классической школы и вместе с тем открыл новую эру в развитии экономической мысли. Он выполнил трудную задачу, которую бессилен был разрешить Милль. Он представил «экономические явления общественной жизни в связи с лучшими социальными идеями настоящего времени». Он дал синтез научного социализма и экономической теории.

Digitized by Google

КРАТКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

I. К отделу о меркантилизме.

Сведения о меркантилистах можно найти в книгах:

Онкен. „История политической экономии до Адама Смита", 1908 г.

Янжул. „Английская свободная торговля", 1876 г.

О теориях стоимости экономистов XVII—XVIII веков см.:

Либкнехт. „История теории стоимости в Англии и учение Маркса", 1924 г.

Зибер. „Рикардо и Маркс в их общественно-экономических исследованиях". 1897 г.

Маркс. „Теории прибавочной стоимости", т. I.

Kaulla. „Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien", 1906 г.

О теориях денег см.:

А. Миклашевский. „Деньги", 1895 г.

Hoffmann. „Kritischte Geschichte der Geldwerttheorie", 1907 г.

О теориях заработной платы см.:

С. Фалькнер. „К вопросу о происхождении железного закона заработной платы".

Из иностранных курсов о меркантилистах более подробно в книге:

Gonnard, „Histoire des doctrines économiques" (том I, 1921 г.).

Отрывки из сочинений Мэна, Петти, Норса и Юма напечатаны в хрестоматии „Классики политической экономии", под ред. И. И. Рубина (1926 г.). „Опыты" Юма изданы в „Библиотеке Экономистов" (1896 г.).

II. К отделу о физиократах.

Множество глубоких и в высшей степени ценных замечаний о физиократах разбросано в сочинениях Маркса. Из них важнейшие следующие:

1) „Капитал", т. III, ч. 2, начало 47-й главы (сравнение физиократов с меркантилистами).

2) „Теории прибавочной стоимости", т. I, § 6 (общая характеристика), § 14 (Таблица Кенэ), § 7 (Тюрго), §§ 8, 10 и 11 (другие физиократы), § 9 (Смит и физиократы. О том же в п. е отдела о Смите). Знакомство с §§ 6 и 14 для читателя необходимо.

3) „Капитал", т. II, начало глав 10-й (деление капитала у Кенэ) и 19-й (воспроизводство у Кенэ).

Общий очерк физиократических учений см.:

И. И. Рубин. „Физиократы". (Изд. „Книга", 1925 г.)

Digitized by Google

Значительный фактический материал, но слабо разработанный с теоретической стороны, дает:

Онкен. „История политической экономии до Адама Смита", 1908 г.

Имеется также на русском языке книга:

Гиггса. „Физиократы".

Избранные сочинения Кенэ изданы по-русски в „Библиотеке Экономистов" Солдатенкова в 1896 г., с вступительною статьею А. Миклашевского.

Имеется также перевод:

Тюрго. „Размышления о создании и распределении богатств", 1905 г.

О Тюрго см.:

Миклашевский. „Деньги", гл. IV, 1895 г.

С. Франк. „Теория ценности Маркса и ее значение", глава 9-я, 1900 г.

С. Фалькнер. „К вопросу о происхождении железного закона заработной платы".

Бём-Баверк. „Капитал и прибыль", 1909 г. (теория прибыли).

III. К отделу об Адаме Смите.

Недурной очерк всех сторон системы Смита (хотя с теоретической стороны местами недостаточно ясный) см. в книжке:

В. Штейн. „Адам Смит", 1924 г.

О теории стоимости Смита см.:

Кунов. „Теории прибавочной стоимости до Смита" (в сборнике „Основные проблемы политической экономии").

В. Либкнехт. „История теории стоимости в Англии и учение Маркса", 1924 г.

Маркс. „Теории прибавочной стоимости", том I (теория стоимости и прибавочной стоимости и учение о производительном труде) и том II („Смит о ценах производства и рыночных ценах").

Критического отношения к себе требуют книги:

Мануилов. „Понятие ценности по учению экономистов классической школы", 1901 г. (изображает Смита в виде предшественника австрийской школы).

Ден. „К учению о ценности", 1895 г. (подробный анализ влияния физиократов на Смита).

Бём-Баверк. „Капитал и прибыль", 1909 г.

Учение Смита о капитале и воспроизводстве см.:

Маркс. „Капитал", т. II (главы 10-я и 19-я).

Р. Люксембург. „Накопление капитала".

Из других сочинений Маркса можно отметить подробный разбор теории ренты Смита в

„Theorien über den Mehrwert", в. 2-й, т. II (есть русский перевод).

О теории заработной платы Смита см.:

Железнов. „Главные направления в разработке теории заработной платы".

С. Фалькнер. „К вопросу о происхождении железного закона заработной платы".

Digitized by Google

IV. К отделу о Давиде Рикардо.

Общий очерк учения Рикардо см.:

Розенберг. „Теория стоимости у Рикардо и Маркса", 1924 г. Розенберг, как и Зибер („Рикардо и Маркс в их общественно-экономических исследованиях", 1897 г.), подчеркивает значение Рикардо как теоретика трудовой стоимости.

Более серьезную разработку той же темы см.:

В. Чернышев. „Рикардо и Маркс" (Изд. Прибой, 1925 г.).

Противоположную интерпретацию учения Рикардо в смысле т ории издержек производства см. в книгах:

Мануилов. „Понятие ценности по учению экономистов классической школы", 1901 г.

Диль. „Комментарий к Основным Началам Рикардо", 1912 г.

Из этих книг, требующих к себе критического отношения, книга Диля по богатству материала и его систематическому расположению является ценным пособием для более серьезного изучения Рикардо.

По-русски имеется только I том (теории стоимости и ренты); во II томе (Diehl. „Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo", 1905 г.) дан разбор учений Рикардо о заработной плате, прибыли, деньгах, внешней торговле, кризисах и налогах.

Из сочинений Маркса о Рикардо см.:

„Критика политической экономии" (теория денег).

„Капитал", т. II, глава 11-я (учение об основном и оборотном капитале).

„Теории прибавочной стоимости", т. II, часть 1-я (теория стоимости и прибавочной стоимости) и часть 2-я (теории ренты и кризисов).

Краткое изложение II тома „Теорий" Маркса см.:

Экштейн. „Рикардо в критическом освещении Маркса". (Сборник „Основные проблемы политической экономии".)

О теории заработной платы Рикардо см.:

Железнов и Фалькнер (указаны в отделе о Смите).

О его теории рынков см.:

Люксембург. „Накопление капитала".

Туган-Барановский. „Периодические промышленные кризисы".

Миллер. „Теория рынков Сэя-Рикардо". („Вопросы Обществоведения", 1911 г., вып. III.)

V. К отделу о разложении классической школы.

Общий очерк разложения классической школы см. в сборнике „Основные проблемы политической экономии", в статьях:

Бауэр. „Теории прибавочной стоимости".

Гильфердинг. „Теории прибавочной стоимости от Рикардо до Джонса".

Также

Либкнехт. „История теории стоимости в Англии и учение Маркса", 1924 г.

Этому же периоду посвящен:

Маркс. „Теории прибавочной стоимости", том III.

Сведения о спорах рикардианцев с их противниками также см.:

Digitized by Google

Мануилов. „Понятие ценности по учению экономистов классической школы", 1901 г.

О теории фонда заработной платы см. упомянутую книгу Железнова.

О Мальтусе см.:

Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе; „Новые идеи в экономике", выпуск № 2 (1914 г.).

Маркс. III том „Теорий".

О Сэе см.:

Бём-Баверк. „Капитал и прибыль", 1909 г. (о теории производительных услуг).

О теории рынков Сэя см.:

Люксембург. „Накопление капитала".

Туган-Барановский. „Периодические промышленные кризисы".

Маркс. „Накопление капитала и кризисы", 1923 г. (из II тома „Теорий").

Миллер. „Теория рынков Сэя-Рикардо" („Вопросы обществоведения", 1911 г., вып. III).

О Сисмонди см. указанные работы

Люксембург и Туган-Барановский, а также

В. И. Ленин. „К характеристике экономического романтизма" (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты).

О теориях прибыли Сениора, Кэри и Бастиа см.:

Бём-Баверк. „Капитал и прибыль", 1909 г.

О Д. С. Милле см. вводную статью А. Миклашевского к изданию сочинений Милля в „Библиотеке Экономистов".

Зибер, „Рикардо и Маркс в их общественно-экономических исследованиях", 1897 г.

См. также примечания Н. Чернышевского к Миллю (полное собрание сочинений Чернышевского, том VII, 1905 г.) и книгу:

Г. В. Плеханов. „Чернышевский".

О социалистах-утопистах, принадлежавших к рикардовской школе, см.:

Бер. „История социализма в Англии" (часть I, глава X).

Маркс. „Нищета философии" (и предисловие Энгельса).

Маркс. „Теории прибавочной стоимости", том III.

В. Либкнехт. „История теории стоимости в Англии и учение Маркса".

А. Менгер. „Право на полный продукт труда".

Digitized by Google

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Меркантилизм и его разложение.

Глава I. *Эпоха торгового капитала.*

Районное хозяйство позднего средневековья: поместное хозяйство и цеховое ремесло. Разложение районного хозяйства. Торговля с Востоком. Открытия конца XV века. Колониальная торговля. Прилив благородных металлов и революция цен. Обезземеление крестьян. Подчинение ремесла торговому капиталу и рост кустарной промышленности. Союз торговой буржуазии с государственною властью. Меркантилистическая политика и две фазы в ее развитии 7

Глава II. *Торговый капитал и меркантилистическая политика в Англии XVI—XVII столетий.*

Экономическая отсталость Англии до XVI века. Ранняя меркантилистическая политика, или система денежного баланса: законы об истрачении и складочные места. Перемены в хозяйственной жизни Англии и рост суконной промышленности. Поиски новых рынков и колониальная политика. Развитая меркантилистическая политика, или система торгового баланса: протекционизм и регламентация хозяйственной жизни 15

Глава III. *Общая характеристика меркантилистической литературы.*

Древние и средневековые экономисты. Связь меркантилистической литературы с практическими вопросами. Два типа меркантилистической литературы: бюрократический и купеческий. Меркантилисты, как идеологи торговой буржуазии. Отношение их к королевской власти, землевладельцам и рабочему классу 23

Глава IV. *Ранние английские меркантилисты.*

Интерес ранних меркантилистов к вопросам денежного обращения (порча монеты, ухудшение вексельного курса и вывоз денег из страны). Сочинение Гельса, как отражение отсталых условий английского хозяйства XVI века. Вера ранних меркантилистов в меры принудительно-государственного регулирования денежного обращения. Их протесты против вывоза денег из страны 30

Digitized by Google

Стр.

Глава V. *Меркантилистическое учение в пору его расцвета (Томас Мэн).*

Необходимость вывоза денег для Ост-Индской торговли. Мэн и идея торгового баланса. Необходимость расширенного вывоза промышленных изделий и польза дешевых цен. Выгодность транзитной торговли. Мэн против запрещения вывоза денег. Учение меркантилистов о деньгах и внешней торговле. Громадная роль денег в переходную эпоху от натурального к денежному хозяйству. Внешняя торговля как источник колоссальных прибылей и арена быстрого накопления капиталов 36

Глава VI. *Реакция против меркантилизма (Норс).*

Норс — один из первых фритредеров. Неосновательность жалоб на недостаток денег в стране. Саморегулирование денежного обращения. Протест против принудительной задержки денег в стране. Требование свободной торговли. Вопрос о высоте ссудного процента: борьба между землевладельцами и денежными капиталистами. Норс против законодательного ограничения процента . . . 46

Глава VII. *Эволюция теории стоимости (Вильям Петти).*

Церковные писатели о „справедливой цене". Новая постановка проблемы стоимости. Теория спроса и предложения (Локк). Теория субъективной полезности (Барбон). Теория издержек производства (Стюарт). Теория трудовой стоимости. Интерес Петти к теоретическим проблемам. Стоимость продуктов определяется трудом. Заработная плата и рента. Хлебная рента и денежная рента. Цена земли как умноженная рента. Цена земли и высота процента. Противоречия в учении Петти. Смешение меновой стоимости с потребительною у Локка, Кантильона и Стюарта 52

Глава VIII. *Эволюция теории денег (Давид Юм).*

Меркантилистические споры о проблеме денег. Юм как противник меркантилизма. Критика учения о торговом балансе. Учение о проценте: высота процента зависит не от изобилия денег, а от изобилия капиталов. Количественная теория денег. Деньги не имеют собственной стоимости. Каким образом количество денег определяет их стоимость. Ошибки Юма. Учение Стюарта о деньгах: количество денег, находящихся в обращении, определяется потребностями товарного обращения 66

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Физиократы.

Глава IX. *Экономическое состояние Франции в середине XVIII века.*

Меркантилизм и политика Кольбера. Регламентация промышленности. Крах кольбертизма. Слабость покупательных сил крестьянства. Крестьяне-чиншевики и половники. Сеньориальные платежи и налоги. Политика снижения хлебных цен и запрещения вывоза хлеба. Низкое состояние сельскохозяйственной техники. Упадок земледелия и бедность крестьян. Физиократическая программа насаждения фермерского хозяйства 77

Digitized by Google

Стр.

Глава X. *История физиократической школы.*

Предшественники физиократов. Обсуждение экономических вопросов в 50-х годах XVIII века. Гурнэ. Основатель физиократической теории Кенэ, его сочинения. Распространение физиократического учения: журналы и собрания у Мирабо. Противники физиократов. Реформы Тюрго и его падение. Крах физиократической школы 87

Глава XI. *Социальная философия физиократов.*

Физиократы за абсолютную монархию. „Естественные" и „положительные" законы. Революционная роль учения о естественном праве. Приложение естественного права к экономической сфере. Право собственности: личная, движимая и земельная собственность. Свобода хозяйственной жизни и невмешательство государства . . 92

Глава XII. *Крупное и мелкое земледелие.*

Физиократы за рациональную агрикультуру. Малая производительность крестьянского хозяйства. Превосходство фермерского хозяйства. Привлечение капиталов в земледелие. Необходимость вложения крупных капиталов. Капитал как средство производства. Вещественные элементы капитала 98

Глава XIII. *Общественные классы.*

Классовое деление общества у Кенэ и Тюрго. Землевладельцы как получатели ренты. Фермеры: их оборотный и основной капитал, возмещение капитала, отсутствие прибыли; игнорирование капиталистической прибыли. Земледельческие рабочие и железный закон заработной платы. Промышленники отождествляются с ремесленниками 104

Глава XIV. *Чистый продукт.*

Проблема ренты и превращение ее в проблему чистого дохода (прибавочной стоимости). Теория стоимости Кенэ. Переход от проблемы ценностной производительности земледелия к проблеме физической производительности земли: чистый доход и чистый продукт. Физически-натуралистическое решение проблемы прибавочной стоимости. Земледелие как источник новой материи, средств существования и заработных плат для промышленного населения. Ошибки учения об исключительной производительности земледелия. Заслуги физиократов в постановке проблемы прибавочной стоимости и перенесении ее из сферы обмена в сферу производства. Непроизводительность торговли, эквивалентность обмениваемых вещей. Деньги не являются настоящим богатством 111

Глава XV. *„Экономическая Таблица" Кенэ.*

История „Экономической Таблицы". Распределение продуктов между общественными классами. Схемы товарного и денежного обращения. Распределение продуктов как условие возможности возобновления производства. Теория воспроизводства: воспроизводство в прежнем, расширенном и сокращенном масштабе 121

Digitized by Google

Стр.

Глава XVI. *Экономическая политика.*

Аграрное фритредерство. Протест против меркантилистической политики. Польза высоких хлебных цен. Вывоз хлеба за границу и ввоз иностранных промышленных изделий. Проповедь свободной торговли. Налоговая программа: освобождение фермерского класса от налогов и проект налога на ренту. Связь между экономическою политикою физиократов и их теорией воспроизводства 129

Глава XVII. *Теоретическое наследие физиократов.*

Физиократия как первая попытка понять механизм капиталистического хозяйства в целом. Центральное место теории воспроизводства. Проблема капитала и прибавочной стоимости; физически-натуралистический подход. Перенесение центра исследования в сферу производства 136

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Адам Смит.

Глава XVIII. *Промышленный капитализм в Англии в середине XVIII века.*

Подчинение ремесла торговому капиталу. Проникновение торгового капитала в сферу промышленности: домашняя система. Мануфактуры как первая форма промышленного капитализма. Социальные особенности мануфактур: выделение класса промышленных капиталистов и наемных рабочих. Технические особенности мануфактур: ручная техника, разделение труда, специализация рабочих и орудий труда. Тормозящее действие цеховых и меркантилистических правил. Реакция против меркантилизма. Смит как экономист мануфактурного периода 143

Глава XIX. *Биография Смита.*

Смит как философ: его профессорская деятельность и сочинение „Теория нравственных чувств". Успехи промышленного капитализма в Шотландии. Интерес к экономическим вопросам. Влияние Юма и Кенэ. Пребывание во Франции. Годы уединения. Выход в свет „Богатства народов" и его успех. Последние годы жизни . . 153

Глава XX. *Социальная философия Смита.*

Естественное право у Кенэ и у Смита. Действие неизменных экономических сил независимо от изменчивых политических условий. Неизменная природа „экономического человека" и буржуазный строй. Соединение индивидов в общество: личный интерес, стремление к обмену, меновое общение. Метод Смита: индивидуализм, рационализм, анти-историзм. Двоякий смысл понятия „естественный": практический и теоретический. Взгляды Смита на экономическую политику: требование естественной свободы. Теоретический смысл понятия „естественный": стихийная закономерность экономических явлений. Отделение теоретической экономии от экономической политики 157

Digitized by Google

Стр.

Глава XXI. *Разделение труда.*

Труд как источник стоимости. Разделение труда и его влияние на производительность труда. Смешение общественного разделения труда с техническим. Материальная взаимозависимость членов общества и гармония интересов. Разделение труда и обмен. Общество как трудовой и меновой союз. Взаимный обмен продуктов; посредствующая роль денег; отличие Смита от меркантилистов. Взаимный обмен трудовых деятельностей членов общества; взаимозависимость земледелия и промышленности; отличие Смита от физиократов. Центральное место теории стоимости 168

Глава XXII. *Теория стоимости.*

Двойственность методологического подхода: мерило стоимости и причина изменений стоимости. Мерилом стоимости служит покупаемый труд. Игнорирование различия между обменом продуктов труда и обменом труда. Смешение покупаемого овеществленного труда с покупаемым живым трудом. Неизменность субъективной оценки трудовых усилий. Причина изменений стоимости и понятие затраченного труда. Равенство покупаемого труда и затраченного труда в простом товарном хозяйстве и неравенство их в капиталистическом хозяйстве. В последнем стоимость товаров определяется издержками производства (или доходами). Крушение смитовской теории стоимости 177

Глава XXIII. *Теория распределения.*

Классовое деление у физиократов и у Смита. Классификация доходов. Прибыль как самостоятельная форма дохода. Расширение понятия прибавочной стоимости: рента, процент и прибыль. Синтез теории прибавочной стоимости с теорией трудовой стоимости. Прибыль есть вычет из продукта труда рабочих. Высота прибыли и заработной платы зависит от темпа накопления капиталов: прогрессирующее, стационарное и регрессирующее хозяйство. Зачатки теории фонда заработной платы и теории минимума средств существования. Недооценка роли рабочих коалиций 189

Глава XXIV. *Учение о капитале и производительном труде.*

„Народно-хозяйственное“ и „частно-хозяйственное“ определения капитала. Зачатки обоих определений у Смита. Основной и оборотный капитал. Проблема воспроизводства. Ошибочное разложение всей стоимости продукта на доходы, игнорирование постоянного капитала. Ошибочное понимание накопления капитала. Первое определение производительного труда как обмениваемого на капитал или доставляющего прибавочную стоимость. Второе определение производительного труда как воплощающегося в материальных предметах 199

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Давид Рикардо.

Глава XXV. *Промышленный переворот в Англии.*

Изобретения конца XVIII века (хлопчатобумажная промышленность, металлургия, паровая машина). Быстрый рост фабричной

Digitized by Google

Стр.

промышленности. Понижение издержек производства и удешевление промышленных изделий. Вытеснение рабочих машиною, женский и детский труд, падение реальной заработной платы. Подъем цен на хлеб и возрастание земельной ренты. Борьба между буржуазией и землевладельцами за хлебные законы, победа идей свободной торговли. Рикардо как экономист эпохи промышленного переворота 211

Глава XXVI. *Биография Рикардо.*

Рикардо на бирже. Биржевой маклер становится ученым. Обсуждение экономических вопросов в начале XIX века. Первые сочинения Рикардо. Его труд „Начала политической экономии". Рикардианская школа и клуб политической экономии. Рикардо в парламенте. Рикардо как защитник промышленной буржуазии 221

Глава XXVII. *Философские и методологические основы теории Рикардо.*

Утилитарная философия: принцип пользы, индивид и общество, счастье наибольшего числа людей. Индивидуальная свобода и рост производительных сил. Рикардо как сторонник введения машин и индустриализации страны. „Чистый" капитализм (стремление к наибольшей прибыли и закон равной нормы прибыли). Абстрактный метод Рикардо, его сила и слабости: игнорирование исторического характера капитализма и условности абстрактных законов 225

Глава XXVIII. *Теория стоимости.*

I. Трудовая стоимость.

Противоречия Смита. Отказ Рикардо от поисков мерила стоимости. Стоимость регулируется трудом. Объективная точка зрения. Средства производства не создают стоимости. Относительная и абсолютная стоимость. Квалифицированный и общественно-необходимый труд. Критическое отношение Рикардо к теории полезности и теории спроса и предложения. Реформа количественной проблемы стоимости и игнорирование качественной проблемы стоимости 236

II. Капитал и прибавочная стоимость.

Закон трудовой стоимости действует и в капиталистическом хозяйстве. Материально-вещественное определение капитала и игнорирование его социальной стороны. Разложение стоимости товара на заработную плату и прибыль не нарушает закона трудовой стоимости. Изменение заработной платы влияет на величину прибыли, но не на величину стоимости продукта. Проблема прибавочной стоимости, преобладающий интерес Рикардо к ее количественной стороне 244

III. Цены производства.

Влияние изменений заработной платы и прибыли на относительные стоимости продуктов, произведенных при помощи капиталов неодинакового органического состава. „Исключения" из закона

Digitized by Google

Стр.

трудовой стоимости. Противоречие между законом трудовой стоимости и законом равной нормы прибыли на капитал, механическое соединение обоих законов у Рикардо. Крушение Рикардовой теории стоимости 250

Глава XXIX. *Земельная рента.*

Физиократы и Смит о ренте. Учение Рикардо о дифференциальной ренте как разнице между индивидуальною и общественно-необходимою стоимостью продукта. Отличие ренты от сверхприбыли. Худшая земля не доставляет ренты. Закон падающей производительности почвы и неизбежность прогрессивного повышения цен на хлеб; ошибочность этого закона. Теоретическая правильность рикардовой теории ренты и необходимость дополнения ее учением об абсолютной ренте 257

Глава XXX. *Заработная плата и прибыль.*

Теория средств существования. Физиологический и культурный минимум. Движение заработной платы и темп размножения населения. Тенденция к повышению денежной заработной платы и падению нормы прибыли. Замедленное накопление капиталов и падение спроса на труд. Достоинства рикардовой теории распределения: тесная связь ее с теорией стоимости, постановка проблемы относительного распределения, констатирование классовых противоречий 265

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Разложение классической школы.

Глава XXXI. *Мальтус и закон народонаселения.*

Мальтус и классики. Безграничное стремление к размножению. Недостаток средств существования. Причина бедности в абсолютном перенаселении. Реакционные тенденции Мальтуса. Теория стоимости и рынков. Польза непроизводительного потребления. Мальтус как защитник землевладельческого класса 277

Глава XXXII. *Начало вульгарной экономии (Сэй).*

„Трудовая“ и „вульгарная“ точки зрения у Смита. Сэй как родоначальник вульгарной экономии. Отказ от теории трудовой стоимости. Субъективная полезность. Три фактора производства. Производительные услуги природы и капитала. Фетишизация хозяйственных явлений 287

Глава XXXIII. *Споры вокруг рикардовой теории стоимости.*

„Исключения“ из закона стоимости Рикардо. Критика Мальтуса, Торренса и Бэйли. Попытка Джемса Милля и Мак-Келлока отстоять теорию Рикардо. Пример с вином; ошибочное отождествление сил природы и человеческого труда 293

Digitized by Google

Стр.

Глава XXXIV. *Фонд заработной платы*

Отказ учеников Рикардо от его теории заработной платы. Влияние Мальтуса. Джемс Милль и Мак-Келлок о фонде заработной платы. Шумный успех теории фонда и ее внезапный крах. Теоретическая несостоятельность теории фонда, ее апологетический характер 299

Глава XXXV. *Теория воздержания (Сениор).*

Эволюция теории прибыли у классиков. Сениор. Труд, природа и воздержание. Воздержание как жертва. Прибыль как вознаграждение за воздержание. Апологетический характер учения Сениора. Его несостоятельность и противоречия 306

Глава XXXVI. *Гармония интересов (Кэри и Бастиа).*

Торжество буржуазной апологетики. Кэри против Рикардо. Возрастание относительной доли заработной платы за счет прибыли. Гармония интересов между рабочими и капиталистами. Гармония интересов между капиталистами и землевладельцами. Критика теории ренты Рикардо. Учение Кэри и отсталые условия американского хозяйства. Бастиа как противник социалистов. Ценность—услуга. Гармонический закон распределения 312

Глава XXXVII. *Сисмонди как критик капитализма.*

Сисмонди о капиталистической Англии. Рост богатств и неравенство распределения. Теория рынков Сэя-Рикардо: производство создает рынок, невозможность общих кризисов. Теория рынков Сисмонди: зависимость размеров производства от суммы доходов населения, расширение производства и сокращение доходов, неизбежность кризисов. Заслуги и ошибки Сисмонди в теории кризисов. Мелкобуржуазная точка зрения Сисмонди, проповедь социальных реформ 320

Глава XXXVIII. *Социалисты-утописты.*

Английские социалисты после-рикардовской эпохи. Две группы. Вера в естественное право. Закон трудовой стоимости в понимании социалистов. Право рабочего на полный продукт труда. Трудовые деньги и обменные банки. Отрицательное отношение к капитализму. Прибавочная стоимость и прибавочный труд. Учение социалистов и крах классической школы 330

Глава XXXIX. *Закат классической школы (Джон Стюарт Милль).*

Социальная философия Милля. Разочарование в капитализме. Капитализм и социализм. Социальные реформы. Законы производства и законы распределения. Экономическая теория Милля. Теория спроса и предложения. Отказ от теории трудовой стоимости ради теории издержек производства. Учение о прибыли. Противоречия в системе Милля 336

Приложение. Краткие библиографические указания 349

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

HB 75
R7

HB 75 .R7 C.1
Istoriia ekonomicheskoi mysli
Stanford University Libraries
3 6105 035 657 647

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

Digitized by Google

. 75 к./у

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА

МОТЫЛЕВ, В. Е.
КРАТКИЙ КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
Стр. 100. Вып. I. Ц. 60 к.
Допущено в качестве учебн. пособия для вузов.

ЛЮБИМОВ, Лев.
КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
I. Вып. I. Теория трудовой стоимости. Маркса теория прибавочной стоимости. Теория цены производства. Экскурсы.
Стр. 388. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.

ДИЛЬБЕЛЬШТЕЙТ, Ф. и ХАРИН, С.
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
I. Учение Маркса о стоимости. Под ред. и с пред. проф. И. А. Трахтенберга
Стр. 454. Ч. I. Ц. 1 р. 80 к.
Стр. 244. Ч. II. Ц. 1 р.

БОГДАНОВ, А. и СТЕПАНОВ, И.
КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
Стр. 345. Т. I. Изд. 4-е, исправл. и доп. Ц. 2 р. 25 к.
Т. II. Вып. I. Эпоха торгового капитала. Изд. 2-е, пересмотр.
Стр. 188. Ц. 1 р. 10 к.
Т. II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй.
Стр. 306. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

БОГДАНОВ, А.
КРАТКИЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
Изд. 15-е, вторично перераб. и доп. Ш. Волайцким при участии автора.
Стр. 364. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР — Москва, Ильинка, Богословский пер., 4, тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56, Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18, и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, проезд Художественного театра, 6, и Ленинград, проспект Володарского, 51-а) высылает книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Digitized by Google